

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Малахова Елена Владимировна

**Кризис техногенной цивилизации и формирование
новых ценностных перспектив**

Специальность 5.7.6 – Философия науки и техники

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор психологических наук
Лепский Владимир Евгеньевич

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Приложения системного подхода как теоретико-методологическая основа диссертационного исследования	23
§ 1. Системный подход в моделировании социальных и культурных процессов.....	23
§ 2. Кибернетика в социокультурных исследованиях.....	33
§ 3. Культура как самовоспроизводящаяся динамическая система.....	50
§ 4. Выводы из Главы 1.....	55
Глава 2. Ценности как системообразующая основа культуры и цивилизации	58
§ 1. Формирование понятия ценности. Ценностное отношение.....	58
§ 2. Понятие и особенности субъекта ценностного отношения.....	81
§ 3. Субъектно-ориентированный подход к ценностному отношению через призму этических детерминант.....	108
§ 4. Выводы из Главы 2.....	127
Глава 3. Специфика техногенной цивилизации как развивающейся системы	131
§ 1. Соотношение понятий «цивилизация» и «культура». Особенности цивилизационных подходов.....	131
§ 2. Особенности ценностно-детерминированной динамики техногенного типа цивилизационного развития.....	146
§ 3. Информационное общество как продукт техногенной цивилизации.....	167
§ 4. Массовый дискурс в техногенной цивилизации – рождение новых социальных мифов как ценностно-мировоззренческая проблема.....	176
§ 5. Выводы из Главы 3.....	191
Глава 4. Кризис техногенной цивилизации	194
§ 1. Возникновение и эволюция понятия кризиса.....	194
§ 2. Системная природа культурных и цивилизационных кризисов.....	201

§ 3. Ценностное отношение к технике в диахронном измерении.....	213
§ 4. Проблема соотношения динамики развития технологий и нормативных изменений социумов.....	225
§ 5. Выводы из Главы 4.....	243
Глава 5. Новые ценностные перспективы как основание для выхода из мировоззренческого кризиса техногенной цивилизации.....	246
§ 1. Полицентричная конвергентная субъектность.....	246
§ 2. Основания для новых ценностных отношений и основополагающие свойства субъектности.....	257
§ 3. Иерархии благ и добродетелей: содержательные основания культурно-обусловленных ценностных отношений.....	272
§ 4. Изменение образовательных парадигм как адаптивный механизм техногенной цивилизации.....	295
§ 5. Выводы из Главы 5.....	310
Заключение.....	314
Список литературы.....	317

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Можно ли сказать, что техногенный путь развития, по которому движется большая часть современного человечества, в конце концов завел нас в тупик? Действительно ли та техногенная цивилизация, в которой мы живем, переживает сущностный кризис? Для того, чтобы аргументировать эти утверждения, необходимо понять, сталкиваемся ли мы с вызовами и проблемами такого масштаба, которые могли бы грозить благополучию или даже существованию всего человечества и потребовали бы для своего решения усилий планетарного масштаба, не ограниченного отдельными государствами и социокультурными общностями. И такие вызовы объективно есть. Во-первых, это антропогенная нагрузка на окружающую среду, продолжающая возрастать, несмотря на попытки решения экологических проблем на региональных и мировом уровнях. Во-вторых, это, безусловно, весь спектр социальных и интерсоциальных проблем, вызванных как разрывом устоявшихся социальных связей в отдельно взятых обществах на региональном уровне, так и конкуренцией за мировую экономическую и политическую гегемонию. Специфика всех этих вызовов в современную нам эпоху определяется ключевыми моментами, характерными именно для техногенной цивилизации: все большее число проблем как возникают, так и решаются в результате создания и применения технологических инноваций и связанных с ними инструментов социальной инженерии, а масштаб эндогенных кризисов начинает преобладать над экзогенными. Современная техногенная цивилизация, мощная и экспансивная, стремится распространиться на планетарном уровне, так что ее внешней средой, способной породить экзогенные кризисные воздействия, оказывается природа, а в перспективе и космос. Однако ее технический потенциал помогает справляться с такими кризисами все более успешно. Но при этом то же технологическое развитие, все ускоряясь, провоцирует социальные и интерсоциальные проблемы, имеющие эндогенный характер для техногенной цивилизации даже в случае межгосударственного взаимодействия стран, входящих

в этот цивилизационный тип. К примеру, галопирующее развитие технологий искусственного интеллекта при недостатке нормативного и этического контроля уже сейчас порождает во многих странах ряд социальных проблем, начиная от сфер образования и медицины и заканчивая вопросами общественной безопасности.

Нарастание неопределенности во множестве отдельных сфер жизни индивида и общества, регулируемых существующими социальными институтами, грозит современной техногенной цивилизации и включенным в нее сообществам хаосом. Все это показывает несомненную актуальность поиска путей выхода из кризиса, в котором оказалась эта цивилизация, несмотря на свои впечатляющие технические достижения, а возможно, отчасти и благодаря им. И если причины кризиса – явно не в слабом развитии материальной культуры, то очевидно, что стоит обратить внимание на духовную, ценностно-нормативную составляющую, детерминирующую принятие решений, в том числе таких, которые усугубляют этот кризис. Таким образом, можно предположить, что разрешен он может быть в результате формирования нового типа мировоззрения, в большей мере адаптивного по отношению к вызовам, с которыми сталкивается современное человечество.

Причины кризиса техногенной цивилизации следует искать внутри нее самой, в специфически присущих ей способах развития. Пути выхода из подобного кризиса также оказываются связаны именно с преодолением ее фундаментальных внутренних противоречий. Масштабные цивилизационные кризисы могут быть порождены только такими факторами, которые обладают способностью перестраивать всю социокультурную систему целиком, разрывая одни устоявшиеся связи и создавая новые на всех уровнях. Для техногенной цивилизации, как мы увидим далее, на эту роль может претендовать в первую очередь сам породивший ее научно-технический прогресс.

Осознание кризисных явлений в современной мировой социокультурной динамике происходит на всех возможных уровнях, и чем больше таких уровней набирается, тем сложнее становится задача критического осмысления и поиска причин происходящего. Во многом указанные затруднения вызваны самой природой кризисов как явлений, которые порождают защитную реакцию и

стремление использовать уже опробованные ранее, хорошо известные решения, которые на деле или явились причиной кризиса, или просто не способны помочь, так как создавались для совершенно иных ситуаций.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью найти причины указанного кризиса и обозначить решения, которые смогли бы помочь выйти из него и снять те внутренние мировоззренческие противоречия техногенной цивилизации, которые становятся со временем все заметнее.

Степень разработанности темы исследования

Данный раздел построен таким образом, чтобы последовательно остановиться на ключевых понятиях, применяемых в диссертации. Выбор источников и исследовательских подходов, приведенных ниже, обусловлен тематикой и задачами данной работы.

Одним из ключевых для исследования является понятие кризиса. С развитием системного подхода в XX веке кризисы стали изучаться как явления или даже процессы, связанные со структурой и динамикой систем. Термин «кризис» получил очень широкое распространение с развитием культурологических и социально-философских исследований на рубеже XIX-XX веков и в первой половине XX столетия, когда резкие культурные изменения и драматичные исторические события вынудили таких авторов, как О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев и многие другие¹ говорить о культурных, цивилизационных и экзистенциальных кризисах человечества. Среди современных авторов, рассматривавших исторический аспект кризисов, можно упомянуть Р. Козеллека²,

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 640 с.; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.; Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. 269 с.; Toynbee A. Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World. New York: Oxford University Press, 1976. 684 p.

² Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.

Т.Ю. Сидорину³. Методологические аспекты кризиса нашли отражение в работах В.Г. Буданова⁴, эволюционистские – в трудах Н.И. Лапина⁵, А.П. Назаретяна⁶.

Не менее обширна литература по системным исследованиям, из которых мы сделаем акцент именно на тех, что были посвящены проблематике социальных систем и кризисов. Одним из первых авторов, рассмотревших кризисы как неотъемлемую часть динамики систем, был А.А. Богданов, преимущественно в работе «Тектология»⁷. Затем системная природа социальных и культурных кризисов рассматривалась такими направлениями исследований, как кибернетика второго и третьего порядков и конфликтология. Работы Н. Винера⁸, У.Р. Эшби⁹, Р.И. Акоффа¹⁰, С. Бира¹¹, Л. фон Берталанфи¹², Л. Козера¹³, Р. Дарендорфа¹⁴ оказали огромное влияние, в том числе и на разработку социокультурной проблематики. Среди советских и российских авторов, помимо названных ранее, необходимо отметить вклад П.К. Анохина¹⁵, В.А. Лефевра¹⁶, Г.П. Щедровицкого¹⁷, А.П.

³ Сидорина Т.Ю. *Философия кризиса*. М.: Флинта, Наука, 2003. 456 с.

⁴ Буданов В.Г. К вопросу о генезисе Большого антропологического перехода // *Вопросы философии*. 2021. № 10. С. 40–43.

⁵ Лапин Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация / Официальный сайт Института философии РАН. 20 с. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

⁶ Назаретян А.П. Антропогенные кризисы: гипотеза техно–гуманитарного баланса // *Вестник российской академии наук*. 2004. Т. 74. № 4. С. 319–330.

⁷ Богданов А.А. *Тектология: (Всеобщая организационная наука)*: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Богданов А.А. *Тектология: (Всеобщая организационная наука)*: в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. 351 с.

⁸ Wiener N. *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*. New York: The M.I.T. Press and John Wiley & Sons, Inc., 1961. 212 p.

⁹ Ashby W.R. *An Introduction to Cybernetics*. London: Chapman & Hall Ltd., 1957. 295 p.

¹⁰ Акофф Р.И., Эмери Ф. *О целеустремленных системах*. М.: Сов. радио, 1974. 272 с.

¹¹ Бир С. *Кибернетика и управление производством*. М.: Наука, 1965. 392 с.

¹² Bertalanffy L. *General System Theory – A Critical Review* // *General Systems*. 1962. Vol. VII. P. 1–20; Bertalanffy L. *General System Theory. Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller, 1969. 289 p.

¹³ Козер Л.А. *Функции социального конфликта*. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.

¹⁴ Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы*. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.

¹⁵ Анохин П.К. *Очерки по физиологии функциональных систем*. М.: Медицина, 1975. 448 с.

¹⁶ Лефевр В.А. *Конфликтующие структуры*. М.: Советское радио, 1973. 158 с.

Лефевр В.А. *Лекции по теории рефлексивных игр*. М.: Когито–Центр, 2009. 218 с.

¹⁷ Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.; Щедровицкий Г.П. *Проблемы методологии системного исследования*. М.: Знание, 1964. 47 с.

Огурцова¹⁸, В.А. Лекторского и В.Н. Садовского¹⁹, В.М. Розина²⁰, Д.А. Новикова²¹, В.И. Аршинова²², Д.В. Ковтуновой²³. На стыке социологии, философии и кибернетики возникло такое междисциплинарное направление, как социокибернетика²⁴, также ставящее своей целью изучение системных аспектов именно социальной сферы.

Также системный подход оказал заметное влияние на такие сугубо гуманитарные направления, как структурализм и структурный функционализм, без обращения к которым едва ли возможно было бы представить рассмотрение социокультурной проблематики в данной работе. Мы опираемся как на классические работы В.Я. Проппа²⁵, К. Леви-Строса²⁶, Т. Парсонса²⁷, так и на те, которые уже тяготеют к постструктурализму (Р. Барт²⁸, У. Эко²⁹), а также создавались на стыке структурно-функционалистских и кибернетических подходов

---

¹⁸ Огурцов А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (Античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 154-186.

¹⁹ Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем. В связи с «общей теорией систем» Л. Бергаланфи // Вопросы философии. 1960. № 8. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=66 (дата обращения: 10.01.2023).

²⁰ Розин В.М. Системный подход и описание социальности современности как условие проектирования посткультуры // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 27–36.

²¹ Novikov D.A. Cybernetics: from Past to Future. Heidelberg: Springer, 2016. 107 p.

²² Аршинов В.И. Луман и Латур: возможности конвергенции системного и сетевого подходов // Философские науки. 2016. № 10. С. 130–139.

²³ Ковтунова Д.В. Особенности социального субъекта в контексте теории самоорганизации общественных систем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова, 2013. 31 с.

²⁴ Barrón Pastor J.C., Cardiel Herrera J. Critical Sociocybernetics: Developing the Concept of Dispositif for an Analysis of Steering Processes Between Social Systems // Journal of Sociocybernetics. 2018. Vol. 15. No. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://papiro.unizar.es/ojs/index.php/rc51-jos/article/view/2082> (дата обращения: 10.10.2020); Mancilla R.G. Introduction to Sociocybernetics (Part 1): Third Order Cybernetics and a Basic Framework for Society // Journal of Sociocybernetics. 2011. No. 9. P. 35–56; Paetau M. Niklas Luhmann and Cybernetics // Journal of Sociocybernetics. 2014. Vol. 11. No. 1/2. P. 75–103.

²⁵ Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.

²⁶ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО–Пресс, 2001. 512 с.

²⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

²⁸ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

²⁹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

– здесь в особенности стоит упомянуть труды Н. Лумана³⁰ и его концепцию аутопойезиса, которой мы также пользуемся в данной работе.

В том, что касается поиска фундаментальных системообразующих принципов для такой системы, как цивилизация вообще и техногенная в частности, их мы исследуем как специфические мировоззренческие и одновременно культурные комплексы – ценностно-нормативные структуры, что заставляет обратиться к аксиологической проблематике. Среди классиков аксиологии необходимо упомянуть М. Шелера³¹, М. Вебера³², Н. Гартмана³³, Н.О. Лосского³⁴ и др. Однако преобладавшие в классический период объективистские трактовки ценностей, несмотря на свою значимость, могли завести в методологический тупик, как показывают современные авторы, занимавшиеся сходной проблематикой, в частности, В.К. Шохин³⁵, А.А. Ивин³⁶. Поэтому из массива существующих уже на данный момент постклассических аксиологических подходов нами были выбраны именно субъективистские – и здесь отдельного упоминания стоят работы М.С. Кагана³⁷ как одного из исследователей, применявших трактовку ценности как определенного отношения субъекта к объекту – что, в свою очередь, указывает на фундаментальный антропо- и социоцентрический характер этого направления современной аксиологии.

---

³⁰ Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.; Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.; Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.; Луман Н. Самоописания. М.: Логос, 2009. 320 с.

³¹ Алхасов А.А. Макс Шелер об иерархии ценностей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2. С. 13–15; Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.; Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.

³² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

³³ Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.

³⁴ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA PRESS, 1931. 135 с.

³⁵ Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

³⁶ Ивин А.А. Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.; Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. 320 с.; Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М.: ИФ РАН, 2010. 122 с.

³⁷ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

Также в фокусе нашего исследования неизбежно оказывается сама по себе субъектность, если она представляется основой для рассмотрения ценностной проблематики в данной работе. Для концептуализации понятия субъекта: индивидуального и коллективного – мы опираемся на работы А.Л. Журавлева³⁸, В.А. Петровского³⁹. Также отдельно изучается возможность и правомерность приписывания субъектности современным инновационным технологиям, создаваемым на основе искусственного интеллекта – и здесь среди тех, кто вплотную занимается подобной проблематикой, можно упомянуть А.Н. Райкова⁴⁰, С.А. Амплеби⁴¹, И. Перко⁴², М.Д. Даббера⁴³, М. Райана⁴⁴.

Что касается цивилизационных подходов, то их расцвет пришелся примерно на тот же период, что и появление множества классических аксиологических концепций – и к середине XX века, если даже не ранее, цивилизационный подход как таковой чаще всего подразумевал рассмотрение уникальной специфики локальных цивилизаций и из-за этого нередко противопоставлялся так называемым стадийным подходам. Из первых мы обращаемся к трудам Н.Я. Данилевского⁴⁵,

---

³⁸ Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80; Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т.30. № 3. С. 5–15.

³⁹ Петровский В.А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 64–90.

⁴⁰ Лепский В.Е., Райков А.Н. и др. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта. М.: Когито-Центр, 2022. 308 с.

⁴¹ Umpleby S.A., Medvedeva T.A., Lepskiy V. Recent Developments in Cybernetics, from Cognition to Social Systems // Cybernetics and Systems. 2019. Vol. 50, Issue 4. P. 367–382.

⁴² Perko I. Hybrid reality development – can social responsibility concepts provide guidance? // Kybernetes. 2020. Vol. 50. No. 3. P. 676–693.

⁴³ Dubber M. D., Pasquale F., Das S. The Oxford Handbook of Ethics of AI. Oxford: Oxford University Press, 2020. 881 p.

⁴⁴ Ryan M. In AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability // Science and Engineering Ethics. 2020. No. 26. P. 2749–2767.

Ryan M., Stahl C.B. Artificial intelligence ethics guidelines for developers and users: clarifying their content and normative implications // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 61–86.

⁴⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

О. Шпенглера, А. Тойнби, Н.А. Бердяева, а среди вторых – к работам П.А. Сорокина, Д. Белла⁴⁶, М. Кастельса⁴⁷, В.С. Степина⁴⁸.

Работы В.С. Степина, а также Д. Белла, М. Кастельса, С. Бира позволяют нам оформить теоретико-методологический каркас для рассмотрения специфики техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития.

При исследовании того, каким образом ценностно-нормативные комплексы становятся ядром и системообразующим принципом для техногенного типа цивилизации и входящих в нее культур, мы обращаемся одновременно к двум группам источников. Первая связана с тем, каким образом субъекты с разным набором собственных характеристик способны воплощать ценности в жизнь, а вторая – с иерархиями благ и добродетелей, служащих критериями ценностных отношений в различных культурах.

Первая группа источников рассматривает этические системы, доступные акторам с различными типами субъектности (индивидуальной, коллективной или псевдосубъектности). В нашем случае это будут преимущественно следующие направления в этике: консеквенциализм⁴⁹, деонтология, этика добродетели, с опорой на классиков, начиная с Аристотеля⁵⁰ и И. Канта⁵¹, а также на современных авторов, в частности, А. Макинтайра⁵².

Что касается второй группы источников, то она представлена по преимуществу социологическими и культурологическими исследованиями, направленными на выявление конкретных благ или добродетелей (часто

---

⁴⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.

⁴⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁴⁸ Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8–17; Степин В.С., Лисеев И.К. (отв. ред.) Высокие технологии и современная цивилизация. Материалы научной конференции. М.: ИФ РАН, 1999. 131 с.; Степин В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5–18.

⁴⁹ Pormore W.D. Commonsense Consequentialism. Wherein Morality Meets Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2011. 266 p.

⁵⁰ Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 832 с.

⁵¹ Кант И. Сочинения: в 6-и т. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. 544 с.

⁵² Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.

именуемых ценностями в нефилософских исследованиях), которые могут быть наиболее значимы для той или иной культуры, социальной общности или группы. В этой связи стоит упомянуть работы М. Рокича⁵³, Э.Т. Холла⁵⁴, Р. Инглхарта⁵⁵, Ш. Шварца⁵⁶, Г. Хофстеде⁵⁷, Ф. Тромпенаарса⁵⁸, Р.Д. Льюиса⁵⁹.

Тем не менее, связь системного аспекта цивилизационного развития с ценностной проблематикой до сих пор остается недостаточно проясненной, что затрудняет понимание влияния ценностей на цивилизационные кризисы. Этот вопрос подробно рассматривается в данной работе, как будет показано далее.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования выступает современная техногенная цивилизация как тип цивилизационного развития, присущий подавляющему большинству современных обществ, несмотря на их уникальную культурную специфику.

Предметом исследования являются кризис техногенной цивилизации и пути выхода из него посредством формирования новых ценностных перспектив, общих для всего цивилизационного типа.

Цель и задачи исследования

Основная цель работы – сформулировать ценностно-мировоззренческие основания для выхода из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

---

⁵³ Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values: A theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 239 p.; Rokeach M. Understanding Human Values. New York: The Free Press, 1979. 322 p.

⁵⁴ Hall E.T. Beyond culture. New York: Anchor Books Doubleday, 1989. 298 p.

⁵⁵ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

⁵⁶ Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 10–20.

⁵⁷ Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills: SAGE Publications Inc., 1980. 328 p.

⁵⁸ Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. Riding the Waves of Culture. Understanding Cultural Diversity in Business. London: Nicholas Brealey Publishing, 2000. 275 p.; Smith P.B., Dugan S., Trompenaars F. National culture and the values of organizational employees // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1996. Vol. 27. Issue 2. P. 231–264.

⁵⁹ Lewis R.D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. 591 p.

- рассмотреть цивилизацию как систему со специфическими характеристиками, детерминирующими, в том числе особенности возникновения, протекания и разрешения ее возможных кризисов;

- исследовать роль ценностей и ценностно-нормативных комплексов как системообразующих факторов цивилизационного развития;

- раскрыть специфику техногенной цивилизации как особого типа цивилизационного развития и ее ценностных оснований, определяющих основные особенности ее динамики как системы;

- выяснить причины кризиса техногенной цивилизации, его связь одновременно с технологическим развитием и ценностно-мировоззренческим состоянием социумов;

- выявить ценностные перспективы, которые могли бы разрешить противоречия, возникшие в рамках техногенной цивилизации и вызвавшие ее кризис.

Методология и методы диссертационного исследования

Выбор методов исследования обусловлен необходимостью проблематизации его основных составляющих: техногенной цивилизации, ее кризиса, ее ценностных перспектив, а также необходимостью поиска связи и структурной сопряженности всего перечисленного. Все эти аспекты – сами по себе сложные теоретические конструкты, не данные напрямую в опыте, а зависящие в своем содержании от выбранной методологии и даже мировоззренческой позиции исследователя.

Для решения указанных задач в данной работе используются системные методы, в том числе кибернетические, также генетический метод для рассмотрения ключевых понятий, междисциплинарные культурологические и социологические подходы, позволяющие связать ценностные суждения социальных субъектов с культурно-детерминированными представлениями о предпочитаемых благах и добродетелях. Для рассмотрения социальной динамики обществ, находящихся на техногенной этапе развития, применяется структурно-функциональный подход и его современные приложения. Этические суждения в их связи с ценностными рассматриваются с позиций консеквенциализма, деонтологии, этики добродетели.

Под техногенной цивилизацией понимается тип социокультурного развития, обладающий специфическими ценностными инвариантами, определяющими доминирующий способ существования большей части современных социумов. Общества с присущими им локальными культурами с разной скоростью вступают на путь научно-технического развития, но техногенная цивилизация неуклонно расширяет свое пространство, связывая планетарное сообщество. В данном случае используется предложенное В.С. Степиным стадийное деление цивилизаций на традиционную и техногенную именно как типов, что существенно отличается от понятия локальных цивилизаций, которые могут выделяться по признакам территории или культуры.

В части соотношения культуры и цивилизации для данной работы техногенная цивилизация, таким образом, рассматривается в первую очередь в диахронном разрезе как тип развития, в который могут входить различные культуры, понятые как символические системы, определяющие воспроизводство материальной и духовной составляющих жизни любого социума.

Кризис (в том числе и кризис цивилизации) представляет собой такое изменение системообразующих характеристик вследствие внешних или внутренних воздействий, под влиянием которого система входит в состояние нестабильности – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью. Кризис рассматривается как системное явление (по А.А. Богданову и др.), соответственно цивилизация, в которой он возможен, сама должна представлять собой сложную систему, описание которой сделано в работе с применением методов аутопойезиса (по Н. Луману) и рекурсии (по С. Биру).

Ценности предстают для такой системы ее организующим, регулирующим и системообразующим принципом. Во-первых, именно в силу указанных выше свойств системы они являются принципами, благодаря которым эта система способна постоянно аутопойетически воспроизводить себя и рекурсивно повторять свои основополагающие структуры на всех уровнях; во-вторых, ценности как отношения, возникающие в результате деятельности субъектов, могут быть

использованы при построении коммуникативных систем различной сложности, что исследуется через призму кибернетики первого, второго и третьего порядков.

Рассмотрение социально значимой, нормативно регулируемой деятельности субъектов диктует также исследование связи ценностных отношений, с одной стороны, с этическими вопросами, для чего мы обращаемся к таким концепциям, как консеквенциализм, деонтология, этика добродетели; с другой стороны, к уровням и критериям субъектности действующих акторов (по В.А. Петровскому, А.Л. Журавлеву), в зависимости от своих характеристик способных к построению коммуникации на тех или иных этических основаниях. Также отдельно изучаются понятия, перечни и иерархии благ и добродетелей, предпочитаемых в различных культурах (по Г. Хофстеде, Р. Инглхарту и др.), для того чтобы показать существующие на данный момент различия в ценностных отношениях коллективных субъектов и затем попытаться выявить такой перечень максимум, который помог бы преодолеть противоречия между подобными представлениями, во многом сложившимися еще в традиционном типе цивилизации, и теми, которые были привнесены техногенным типом цивилизационного развития.

Научная новизна

Научная новизна диссертационной работы обусловлена, во-первых, найденной в ходе исследования связью между системными и ценностными основаниями существующей техногенной цивилизации, во-вторых, зависимостью формирования ценностного и этического отношения к действительности от уровня субъектности акторов социального взаимодействия.

1. В ходе исследования было показано, что для техногенной цивилизации, как и любой другой, именно ценности являются системообразующим фактором, задающим специфику функционирования ее как системы. Связующим звеном между ценностным и системным аспектами техногенной цивилизации выступает субъект, через ценностное отношение формирующий и воспроизводящий системное взаимодействие.

2. Выявлено, что ценности также оказываются зависящими от уровня субъектности как возможности формировать отношение к сегментам реальности,

которые конкретный субъект способен воспринимать и осознавать. Впервые формирование новых ценностных перспектив, способных разрешить кризис техногенной цивилизации, основывается на понятии субъекта и выводится из необходимости поддержания высокого уровня субъектности одновременно локальных социокультурных общностей (как коллективных субъектов) и отдельных личностей (как индивидуальных субъектов).

3. В диссертации на основе свойств субъектности сформулирована метасистема ценностей как содержательных максим, способная объединить и включить как подсистемы ценности техногенного и традиционного типов цивилизационного развития. Для обозначения основной ценностно-мировоззренческой максимы в рамках такой метасистемы в работе впервые вводится понятие полицентричной конвергентной субъектности.

4. Также впервые прослеживается связь различных типов субъектности (индивидуальный субъект, коллективный субъект, псевдосубъект) со способностью выносить ценностные суждения в соответствии с теми или иными этическими системами.

Положения, выносимые на защиту

1. Исходя из поставленной в диссертации цели: выяснения причин и возможностей разрешения кризиса техногенной цивилизации – в первую очередь было прояснено, что представляет собой указанное кризисное состояние. Любой кризис – это изменение системообразующих характеристик вследствие внешних или внутренних воздействий, благодаря которому система входит в состояние нестабильности – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью. Таким образом, если мы говорим о кризисе техногенной цивилизации, то для того, чтобы располагать критериями его наличия или отсутствия, было выявлено, что для нее является системообразующими принципами, вследствие чего они могут подвергаться изменениям, каким именно и с какими последствиями.

2. Техногенная цивилизация представляет собой тип цивилизационного развития, которому, в отличие от традиционного, присуща опора на научно-

технический прогресс как основную детерминанту своего развития, и в который с разной скоростью вступают существующие локальные социокультурные комплексы. Последние становятся элементами ее как системы, а системообразующим принципом на метауровне являются ценностные детерминанты научно-технического развития.

3. В ходе исследования было выявлено, что кризис техногенной цивилизации является по преимуществу ценностно-мировоззренческим. Его причины – системные несоответствия между ценностными основаниями различных социальных институтов в обществах, находящихся на техногенном этапе цивилизационного развития. Системообразующими ценностными детерминантами, присущими техногенной цивилизации, стали идеи прогресса, идеалы научной истины и новизны, достижимых путем рационального исследования и преобразования реальности. Эти детерминанты способны регулировать развитие научно-технических и отчасти экономических институтов (в связи последних с доминирующими технологиями производства). В то же время остальные сферы жизни современных социумов, во-первых, не свободны от рудиментов мифологического мировоззрения, во-вторых, гораздо более инерционны в целом, так как их ценностная регуляция осуществляется с помощью представлений, восходящих по преимуществу к традиционной цивилизации. Несоответствие одновременно применяющихся ценностей техногенного и традиционного типов заставляет говорить о кризисе техногенной цивилизации в целом.

4. Для разрешения такого кризиса необходимо найти основания для снятия указанных ценностных противоречий, что подразумевает, в первую очередь, рассмотрение самого понятия ценности. Ценность в диссертации представлена как фундаментальная философская категория, делающая возможным отдельный класс операций – отнесение к ценности, в свою очередь, представляющее собой отношение между субъектом и объектом оценки. Таким образом, используется субъективистская, отчасти персоналистическая трактовка ценности, когда последняя понимается не как свойство, а как отношение. Для определения

различий в получающемся результате этой операции необходимо сосредоточиться не на объекте, который мыслится как ценностно-нейтральный, а на субъекте, являющемся действующей силой и источником порождения ценностей, как и их единственным вместилищем. В отрыве от любых субъектов ценности вообще не смогли бы существовать как таковые, а запечатлеваясь в культуре коллективных субъектов, неминуемо превращаются в понятия о благах, добродетелях, нормах и т.д.

5. Субъект ценностного отношения представляет собой действующее начало по определению. В качестве основных характеристик субъекта выделены: целеустремленность, способность к рефлексии, свобода как возможность самостоятельного контроля своей активности, способность к развитию и совершенствованию, а также социальность. Степень развития этих характеристик определяет уровень развития субъектности в целом. Субъекты могут быть индивидуальными (отдельно взятая человеческая личность, способная развить у себя высший уровень субъектности), коллективными (большая или малая группа людей, вплоть до всего социума в целом – и такие субъекты могут приблизиться по уровню развития к индивидуальным, только если существуют ради самих себя, а не выполняют служебные функции), псевдосубъектами (созданными человеком, в том числе на основе технологий искусственного интеллекта, сущностями, способными ограниченно демонстрировать только часть свойств субъектности).

Для определения роли указанных субъектов в формировании ценностей техногенной цивилизации используется представление о типах научной рациональности в их связи с развитием кибернетики. В зависимости от способности субъекта рассматривать тот или иной объект оценки: цели действия, средства достижения цели или себя, изменившегося в результате достижения цели определенными средствами – могут использоваться те или иные этические системы: консеквенциализм, деонтология, этика добродетели.

6. Конфликтующие или не связанные между собой ценности, порожденные традиционной и техногенной цивилизациями, не дают социальным субъектам (как индивидуальным, так и коллективным) ставить непротиворечивые цели.

Ценностные противоречия приводят к тому, что субъект как бы распадается, свойства его субъектности исчезают, в особенности это касается целеполагания и целенаправленного осознанного развития. Также в техногенной цивилизации продолжается и даже усиливается имевшее место и ранее противопоставление индивидуальной и коллективной субъектности. При этом среда, в которой действуют данные субъекты, представляет собой изменчивое, постоянно усложняющееся и все менее предсказуемое множество других субъектов (как метасубъект).

7. При все более затрудненном контроле своей внешней среды субъекты оказываются перед необходимостью для повышения своего адаптивного потенциала совершенствовать себя, развивая свойства собственной субъектности, позволяющей им строить ценностные системы и ставить цели, снимающие указанные ранее противоречия. При этом также очевидно, что развитие только индивидуальной или коллективной субъектности в ущерб другой невозможно в сколько-нибудь длительной перспективе. Следовательно, для разрешения этого кризиса необходимо одновременное и взаимозависимое повышение субъектности индивидов и социумов, что в работе обозначено термином «полицентричная конвергентная субъектность». Свойства субъектности должны стать содержательной основой для тех ценностных отношений, которые сформируют метасистему ценностей, способную включить в себя ценностные системы традиционного и техногенного цивилизационных типов.

8. Цивилизационный кризис – явление неизбежное, связанное с фундаментальными внутренними вызовами, коренящимися в специфике техногенной цивилизации. Различия между цивилизационными типами, такими как традиционный и техногенный, заключаются не только в способе производства и типе технологического развития, но и в ценностно-нормативной регуляции общественных отношений. Однако ни техногенная, ни традиционная цивилизации не предполагают полного развития субъектности, необходимой для того, чтобы максимально эффективно оперировать ценностями. Каждый тип цивилизации развивает только часть свойств субъектности: техногенный тип – свободу,

рефлексивность и стремление к развитию, традиционный тип – целеустремленность и социальность. Следовательно, для решения ценностного кризиса необходимо развить все эти свойства и у всех социальных субъектов, и уже на этих свойствах основывать новые ценностные системы. В результате должно возникнуть состояние полицентричной конвергентной субъектности, при котором возможно будет разрешение ценностного кризиса. Соответственно, при условии масштабного изменения основополагающих ценностных ориентиров техногенной цивилизации, можно будет говорить о появлении нового цивилизационного типа. По отношению к предыдущему он может быть назван посттехногенным, но в случае его фокуса на развитии субъектности человека и человечества в целом его также можно будет назвать гуманитарным типом цивилизации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования

Теоретическая значимость исследования определяется через обоснование необходимости и правомерности субъектного подхода в формировании новых ценностных перспектив, которые могли бы способствовать выходу из ценностного кризиса техногенной цивилизации; связь конкретного качественного наполнения представлений о благах и добродетелях как о критериях отнесения к ценности с уровнями субъектности; оформление оснований для методологии рассмотрения вопросов о разрешении ценностно-мировоззренческих кризисов техногенной цивилизации на уровне отдельных локальных социокультурных комплексов с их уникальными исторически обусловленными особенностями.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методов обоснования ценностных подходов для искусственно созданных технологических псевдосубъектов, в частности, искусственного интеллекта, что становится все более актуальным в свете ускоряющегося прогресса в данной сфере и отражается в разработке существующих на данный момент кодексов этики в сфере искусственного интеллекта. Также результаты исследования могут быть использованы для разработки новой постнеклассической парадигмы образования, которая могла бы способствовать внедрению выявленных ценностных перспектив

в социальную практику для повышения уровня субъектности всех задействованных акторов (кроме искусственно созданных) и выхода из ценностно-мировоззренческого кризиса.

Наконец, результаты диссертационного исследования могут использоваться также в подготовке учебных курсов для вузов и написания учебных пособий, посвященных исследованной проблематике.

Степень достоверности и апробация результатов работы

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается положительными экспертными заключениями, полученными в результате использования материалов исследования в работах по научному проекту РНФ (гранту) № 21-18-00184 «Социогуманитарные основания критериев оценки инноваций, использующих цифровые технологии и искусственный интеллект», где диссертант выступил исполнителем.

Работа была обсуждена 13 июня 2023 г. на заседании сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

Основные положения диссертации нашли отражение в 1 монографии, 1 разделе в коллективной монографии, 36 научных публикациях, из которых 15 статей опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, из них 1 статья К1 и 11 статей К2.

Материалы исследования использовались в разработке учебных курсов «Философия», «Этика деловых отношений», «Деловые и научные коммуникации» для студентов РЭУ им. Г.В. Плеханова, «Цивилизационные проблемы социологии», «Ethics of international relations» для студентов НИЯУ МИФИ.

Основные положения диссертации были представлены на следующих научных конференциях и научно-практических мероприятиях: Международной научной конференции «Социальная антропология: интеграция наук» (Москва, 2017), Международном круглом столе «Актуальные проблемы контекстуального анализа ситуационно-регионального многообразия социального развития России в

XXI веке» (Москва, 2017), International Conference «Communicative Strategies of Information Society» (Санкт-Петербург, 2019), Международной научной конференции «Российская идентичность: социокультурный контекст» (Москва, 2019), Восьмом Российском Философском Конгрессе «Философия в полицентричном мире» (Москва, 2020), Международной междисциплинарной научной конференции «Двадцать четвертые Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 2020), Международной научной конференции «Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества» (Москва, 2020), XVIII мировом конгрессе World Organisation of Systems and Cybernetics «Системный подход и кибернетика, устремленные в будущее человечества» (Москва, 2021), Международной междисциплинарной научной конференции «Двадцать пятые Вавиловские чтения» (Йошкар-Ола, 2021).

Структура диссертационного исследования.

Работа состоит из Введения, 5-ти глав, включающих 23 параграфа, Заключение и списка литературы, содержащего 466 наименований на русском и иностранном языках. Объем работы составляет 354 страницы.

Глава 1. Приложения системного подхода как теоретико-методологическая основа диссертационного исследования

§ 1. Системный подход в моделировании социальных и культурных процессов⁶⁰

Наша работа носит название «Кризис техногенной цивилизации и формирование новых ценностных перспектив», и само это наименование уже во многом задает будущую структуру исследования и соотношение его основных частей. Во-первых, необходимо понять, что мы подразумеваем под техногенной цивилизацией – и под цивилизацией вообще. Во-вторых, нужно ответить на не такой уж простой и однозначный вопрос: действительно ли означенная техногенная цивилизация находится в кризисе? И если да, то по каким причинам? И наконец, следует определить, что подразумевается под ценностями данной цивилизации, какую роль они способны в ней играть, каковы возможные будущие (или уже становящиеся) ценностные перспективы этой цивилизации, и почему вообще ценностный аспект имеет для цивилизационной динамики фундаментальное значение.

Вообще, о том, что современная цивилизация находится в состоянии кризиса, сказано и написано уже достаточно много, чтобы это утверждение стало почти что «общим местом» современного гуманитарного дискурса⁶¹. Однако, когда мы говорим о подобном кризисе, не достаточна лишь констатация некоего нежелательного, с нашей точки зрения, состояния современного общества или каких-то его подсистем. Для целей как научного, так и философского анализа

---

⁶⁰ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // Философская мысль. 2023. № 1. С. 26-41; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

⁶¹ Лексин В.Н. Цивилизационный кризис: мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2. Вып. 6. С. 24–42; Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход) // Власть. 2009. № 10. С. 79–82; Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта, Наука, 2003. 456 с.

необходимо выделение критериев, отличающих кризисный этап от всех иных, а также выяснение причин наступления такого этапа, которые позволили бы как объяснить данный феномен, так и предложить возможные прогнозы дальнейшего развития ситуации.

Исходя из всего сказанного, мы, в первую очередь, поставим вопрос о том, на каком основании вообще можно говорить о кризисе техногенной цивилизации. Ответ на этот вопрос также будет заключать в себе и неизбежное обращение к ценностно-мировоззренческой проблематике технологического прогресса, благодаря которому данный цивилизационный тип возник и существует именно в том качестве, которое способствовало как его развитию, так и наступлению кризисного состояния.

Понятия цивилизации вообще и техногенной, в частности, сами по себе тоже требуют некоторого пояснения, так как содержание их конструируется в зависимости от выбранной теоретико-методологической платформы. Мы не имеем возможности здесь детально рассматривать особенности множества определений цивилизации, которым будет посвящена отдельная часть данного диссертационного исследования (§ 1 Главы 3), поэтому ограничимся тем, что дадим такую формулировку определения этого термина, которая даст нам возможность далее работать с ним в рамках этого раздела. Итак, под цивилизацией мы здесь понимаем как определенный тип и этап социального развития (используя предложенное В.С. Степиным разделение цивилизаций на традиционную и техногенную⁶²), так и внутренне присущие этому этапу сходства в состояниях отдельно взятых обществ несмотря на все их объективные культурные, экономические и политические различия.

Первая глава диссертации посвящена преимущественно вопросам методологии – то есть основного подхода к рассмотрению темы кризиса техногенной цивилизации и связи последнего с ценностно-нормативными комплексами культуры. Если ориентироваться на одно из определений

---

⁶² Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

методологии, которое можно встретить у А.П. Огурцова, то она как таковая представляет собой определенный «тип рационально-рефлексивного сознания, направленный на изучение, совершенствование и конструирование методов»⁶³. Очевидно, что для рассмотрения всего комплекса задач диссертационного исследования необходимо использовать ряд различных методов, при этом объединенных одним общим подходом, который будет отвечать за выстраивание целостной объяснительной концепции. Эту основополагающую роль для данной работы будет выполнять системный подход, в рамках которого будут при необходимости использоваться отдельно взятые методы кибернетики, структурного функционализма, субъектно-ориентированный подход и многое другое из того, что необходимо для рассмотрения всех отдельно взятых аспектов данного исследования.

Под системным подходом мы в данной работе будем понимать примерно то же, что российские и советские авторы, активно его развивавшие и использовавшие. В частности, у Блауберга и Юдина⁶⁴ среди методологических направлений, ориентированных на изучение системно-структурных объектов, фигурируют примерно наравне структурализм, структурный функционализм и системный подход. Мы, со своей стороны, склонны понимать последний даже несколько шире, так как и структуралистские, и довольно тесно связанные с ними структурно-функциональные подходы могут быть также в общем смысле причислены к системным.

При этом указанные авторы совершенно справедливо отмечают недостаточно четкую оформленность системного подхода, что делает его не столько устоявшимся набором методов, сколько одной из наиболее общих метатеоретических методологических позиций⁶⁵.

---

⁶³ Огурцов А.П. Методология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01e202fe7b591efbcaae3e1> (дата обращения: 01.02.2021).

⁶⁴ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 49.

⁶⁵ Блауберг И.В. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1972. 277 с.

С точки зрения свойств, которые должны быть зафиксированы в ходе исследований, применяющих системный подход, данные авторы выделяют следующий основной, с их точки зрения, перечень⁶⁶. Во-первых, рассматриваемая система должна быть целостной сама по себе и как таковая могла бы быть противопоставлена тому, чем она не является – то есть, своей среде. Особенности диалектического взаимодействия системы и среды много внимания уделял также А.А. Богданов⁶⁷, к работам которого мы в диссертации не раз будем обращаться.

Затем, очевидно, что система может существовать лишь при наличии связей и отношений между ее элементами, причем могут присутствовать различные типы таких связей, наиболее важными из которых, конечно, выступают системообразующие управленческие связи. Кроме того, особенности системных связей диктуют определенное «строение» и формы функционирования системы – ее структуру и организацию. Такая система может выстраиваться горизонтально или вертикально, насчитывать как один, так и множество иерархических уровней. В следующих главах данной работы мы остановимся подробнее на этом аспекте применительно к социокультурным системам, так как попытаемся показать, что социальные системы в зависимости от большего или меньшего уровня иерархичности по-разному могут реагировать на внешние или внутренние для них вызовы и также по-разному способны проходить неизбежные для любой такой системы кризисные состояния.

Кроме того, с формальными, структурными, а также с содержательными особенностями управления как регулирования деятельности системы связаны вопросы целеполагания. Этому аспекту будет уделяться преимущественное внимание в Главе 2, где способность и особенности целеполагания будут рассмотрены в их связи с понятием субъектности как свойства следующих систем: индивидов, социальных групп, организаций и даже отдельно взятых социумов в целом.

---

⁶⁶ Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 61–64.

⁶⁷ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн.: Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

Наконец, для сложных саморазвивающихся систем, к которым, очевидно, относятся и социальные, особенно непростым оказывается вопрос соотношения их функционирования и развития как синхронных и диахронных срезов соответственно. Взаимно обусловленное и при этом также взаимно противоречивое взаимодействие аспектов функционирования и развития культурных систем также будет достаточно подробно рассматриваться в данной работе, так как периодические дисбалансы здесь неизбежны, и при этом именно с ними напрямую связаны интересующие нас кризисы.

Что касается определения системы, то одно из наиболее удачных также можно встретить у Садовского среди многих других вариантов подобных определений: «1) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) обычно любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более низкого порядка»⁶⁸.

Итак, все упомянутые особенности систем будут фигурировать в диссертационном исследовании таким образом, что определяют методологическую стратегию поиска и спецификации этих свойств и аспектов в интересующей нас техногенной цивилизации, ее кризисных состояниях и связи последних с видоизменением ценностных перспектив через модификацию ценностно-нормативных комплексов.

Известно, что термин «цивилизация», близкий по значению к одной (достаточно узкой поначалу) трактовке понятия «культура», стал употребляться примерно начиная с XVIII века⁶⁹. Значительный всплеск интереса к цивилизационной проблематике пришелся на вторую половину XIX в. – первую половину XX в., когда были написаны классические труды Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П.А. Сорокина. Стоит отметить, что их концепции,

---

⁶⁸ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. С. 98.

⁶⁹ Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 356–374.

акцентировавшие внимание на множественности и уникальности цивилизаций, в дальнейшем нередко противопоставлялись линейно-стадиальным подходам, в частности, формационному, хотя последнее и не всегда правомерно.

Одна из знаковых попыток преодолеть это зачастую мнимое противопоставление была предпринята В.С. Степиным в его концепции техногенной цивилизации. С одной стороны, Степин противопоставляет техногенную цивилизацию традиционной как определенный этап – вполне в рамках стадиального подхода. С другой стороны, культуры, развивающиеся в рамках традиционного цивилизационного типа, могут рассматриваться во всей их множественности и неповторимости каждой из них, при том, что все они, по мысли Степина, качественно отличны от техногенного типа цивилизации, экспансивного по своей сути и стремящегося к унификации. Тем не менее, локальные культуры, которые с разной скоростью входят в техногенный этап своего развития и тем самым приобщаются к техногенному цивилизационному типу, очевидно, вовсе не теряют своей специфики, которая, в конечном счете, и будет определять их собственные ценностные перспективы. И все же у техногенной цивилизации есть уникальные особенности, благодаря которым она способна сильно видоизменять традиционные жизненные уклады не только на уровне их материальной, но и духовной культуры.

Если традиционная цивилизация видела идеальные образцы в прошлом и стремилась поэтому сохранить базовые мировоззренческие структуры в неизменности, насколько это возможно, то техногенная цивилизация, наоборот, устремлена в будущее – от несовершенного настоящего вперед, к прогрессу, обусловленному, в основном, развитием науки и техники. И здесь этот цивилизационный тип попадает в ловушку, способную вызвать, а возможно, и уже вызывающую его кризисное состояние. Любая локальная культура в рамках цивилизационного типа должна развиваться равномерно, в то время как говорить о прогрессе однозначно можно только в очень немногих областях, одни из которых, конечно, наука и технологии. Таким образом, предваряя наши последующие рассуждения, можно сказать, что стремящаяся к прогрессу техногенная

цивилизация как тип неизбежно сталкивается с внутренними противоречиями, заметными на уровне локальных культур из-за различной способности их «частей» (коммуникативных систем и социальных институтов) к изменениям.

Попытки не просто констатации, но также объяснения и предсказания в таких системах кризисов можно связать только с началом применения системных подходов и методов уже в XX столетии. В этой связи особое значение приобретают работы отечественного мыслителя А.А. Богданова⁷⁰, который одним из первых констатировал системную природу кризисов. Согласно Богданову, кризисы представляют собой состояния, возможные и периодически имеющие место в любых системах, включая социальные, и подлежат рассмотрению и объяснению исходя из характеристик этих систем и особенностей их взаимодействия с внешней для них средой. Данный подход положил начало рассмотрению кризисов как системного феномена, который связан со способностью систем к изменчивости.

Кризис, таким образом, представляет собой такое изменение системообразующих характеристик (вследствие внешних или внутренних воздействий), благодаря которому система входит в состояние нестабильности – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью.

Таким образом, если мы говорим о кризисе техногенной цивилизации, то для того, чтобы располагать критериями наличия или отсутствия подобного кризисного состояния в принципе, необходимо прояснить, что для нее является системообразующими принципами, вследствие чего они могут подвергаться изменениям, каким именно и, если возможно это спрогнозировать, с какими последствиями.

Цивилизация вообще и техногенная в частности для целей подобного исследования сама по себе также должна быть представлена как социокультурная система (или суперсистема). Ее системообразующими принципами станут те, что

---

⁷⁰ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.; Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. 351 с.

могли бы применяться во всех ее сферах (в том числе, социальных институтах) независимо от их частных особенностей. То есть подобные принципы – это своего рода нормативный каркас такой системы. Для цивилизации – это ее ценностная и мировоззренческая основа.

Далее мы обозначим несколько положений, которые в следующих главах работы будут последовательно раскрыты и обоснованы. Так, мы можем предположить, какие именно воздействия способны ввести техногенную цивилизацию в состояние нестабильности и кризиса. Данный тип цивилизационного развития сам по себе возник из-за ускорившегося научно-технического прогресса, вызванного, в свою очередь, распространением научного мировоззрения и связанных с ним ценностей – что вовсе не отменяло и не заменяло целиком предшествующих ценностных и мировоззренческих систем.

Наука, на достижениях которой базируется техногенная цивилизация, основана, в первую очередь, на ценности (в основном, для ученых и инженеров) истины, научной новизны и неразрывно связанного со всем этим технологического прогресса. Однако все остальные ценности, необходимые для функционирования социумов в данном цивилизационном типе, должны были формироваться параллельно развитию научного мировоззрения, а во многом возникли еще задолго до него. Это все те ценностные системы, на которых основываются нормативные комплексы социальных институтов, отличных от научно-технической сферы, пусть с ней и связанных.

Традиционная цивилизация как тип развивалась достаточно медленно во всех своих сферах, а потому это развитие было относительно равномерным. Однако тот резкий (в масштабах истории, конечно) рывок вперед, который сделала и продолжает делать наука, нарушил эту внутреннюю согласованность цивилизационных изменений, с одной стороны, подарив нам все блага технического прогресса, с другой стороны, создав предпосылки для будущего кризиса, который с неизбежностью должен возникнуть в такой системе с ростом ее внутренних противоречий из-за вышеупомянутой рассогласованности развития ее частей.

По мысли А.П. Назаретяна⁷¹, каждая новая технология, критически важная для того или иного общества, способна породить более или менее заметные кризисы до тех пор, пока это общество не «адаптируется» к ней как продукту собственного развития через видоизменение нормативных систем на всех уровнях социальной жизни, которые данная технология способна хоть как-то затронуть. Если учесть, что каждая такая технология помимо возрастающей по сравнению с прежними эффективности еще и, как правило, способна нести более значительную опасность при безответственном использовании, которое не редкость при отсутствии необходимых нормативных комплексов, то все это способно еще более усугубить социальные последствия таких кризисов, добавив к социальным проблемам ряд дополнительных, к примеру, экологических.

Техногенная цивилизация, хотя и начала складываться, по мнению Степина, еще в начале Нового времени, в фазу своего активного развития вступила в эпоху индустриализации. Поэтому помимо научно-технической сферы особенности этого цивилизационного типа хорошо иллюстрируются на примере индустриального производства и работы обеспечивших его предприятий. Системные особенности их функционирования достаточно подробно описаны в работах С. Бира⁷², где показано, что данные организации являются по своей сути рекурсивными системами, так как основополагающие структурные особенности их как целого повторяются в каждой их отдельной части и обуславливают согласованность функционирования этих частей.

Техногенная цивилизация, нацеленная на постоянное развитие и прогресс, сама по себе существует в том же модусе, что и порожденные ею организации, которые, однако, претендуют на охват лишь принадлежащей им сферы производства, оставляя, разумеется, остальные области общественной жизни другим социальным институтам.

---

⁷¹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.

⁷² Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 416 с.; Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Наука, 1965. 392 с.

Однако эта цивилизация (как и любая другая) в принципе не может оставлять без внимания какие бы то ни было сферы общественной жизни без того, чтобы не привести самое себя к кризису, так как эти сферы, в подобном случае, будут регулироваться нормативными системами, основанными на ценностях иных цивилизационных типов и исторических эпох. В цивилизационной системе возникнут, используя терминологию Богданова, несколько эгрессивных (структурообразующих) центров⁷³, образованных различными фундаментальными ценностными представлениями и формирующих собственные нормативные комплексы, в лучшем случае независимые друг от друга, в худшем – вообще взаимно противостоящие.

Любая система, войдя в фазу кризиса, может или остановиться в своем развитии (но такое застывшее состояние цивилизации вряд ли грозит на сколько-нибудь долгий срок), либо совершить качественный рывок и приспособиться к изменившейся ситуации для собственного более эффективного функционирования, либо, если последнее не удастся, разрушиться. Чтобы избежать негативных вариантов возможного будущего, техногенная цивилизация с необходимостью должна будет найти для себя те ценностные системы, которые способствовали бы выработке нормативных механизмов, единых для всех подсистем социальной жизни – в том смысле, чтобы эти подсистемы могли развиваться равномерно, поддерживая, а не ослабляя друг друга и, тем более, не вступая в противоречия, способные разрушить цивилизацию изнутри.

Суммируя сказанное выше: если попытаться выяснить соотношение всех частей комплексного предмета нашего исследования, то можно пока что сделать ряд предположений, обоснованию которых будут посвящены следующие части работы: 1) ценностную составляющую можно рассматривать как ядро, основополагающую часть мировоззрения любой культуры и цивилизации, определяющую через представления о возможном и желаемом, в том числе, и векторы развития материальной культуры; 2) цивилизация представляет собой

---

⁷³ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. С. 118–120.

понятие, которое используется для очерчивания определенного круга исторически изменяющихся феноменов как принадлежащих по содержательным и формальным (структурным) характеристикам к общему для них типу, включающему в себя потенциально большое количество локальных культур; 3) и наконец, цивилизационный кризис представляет собой процесс, который может иметь место только внутри некой системы как одно из ее возможных состояний, возникающих в ответ на внутренние проблемы или внешние вызовы.

§ 2. Кибернетика в социокультурных исследованиях⁷⁴

Мы не планируем рассматривать в данной работе все без исключения труды, написанные в рамках системного подхода или даже общей теории систем, так как тема эта настолько обширна, что могла бы стать предметом отдельной работы или даже серии таковых. Кроме того, значительная часть работ в рамках как теории систем, так и системного подхода написана в рамках биологии, математики и других областей, далеких от нашей проблематики. Наш анализ системных исследований и вообще интерес к ним определяется, в первую очередь, их значимостью для выстраивания методологической структуры данной работы. Особенно важным для нас будет такое направление, как кибернетика в ее связи с прямой связью с системным подходом. Однако для начала необходимо сказать несколько слов о том, как вообще этот подход возник, и каким образом он связан с так называемой системной теорией, не являясь при этом ей тождественным.

И в этой связи одним из авторов, идеи которого мы полагаем целесообразным здесь рассмотреть, является, конечно, Людвиг фон Берталанфи и его «Общая теория систем». С одной стороны, Берталанфи развивает ряд идей,

---

⁷⁴ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. №6 (86). С. 17-23; Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // Философская мысль. 2023. № 1. С. 26-41; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

сформулированных еще раньше, в частности, у Богданова⁷⁵. С другой стороны, в работах самого Берталанфи ставятся некоторые фундаментальные вопросы, которые позднее послужили стимулами как к развитию теории систем, так и к ее критике.

Системы, по мнению Берталанфи, можно найти практически везде – в живой и неживой природе на всех уровнях ее существования, а также, конечно, в человеческих социумах, истории и даже, что для нас особенно интересно, в таких масштабных пространственно-временных конгломератах, как цивилизации. В этом подход Берталанфи также имеет много схожего с работами Богданова. И точно также, как Богданов, Берталанфи использует скорее «эмпирический» (или даже «индуктивный») способ обоснования своих взглядов – через приведение обширнейшего ряда примеров из различных научных дисциплин – чтобы показать, что между ними есть искомый им изоморфизм, который, по нашему мнению, является подлинным центром и камнем преткновения его теории, отражая как ее сильные, так одновременно и слабые стороны.

Однако, прежде чем переходить к рассмотрению непосредственно изоморфизма систем у Берталанфи, стоит указать хотя бы кратко на то, что именно он вообще понимает под системой и какие характеристики ей приписывает. Итак, система для Берталанфи в первом приближении – это, конечно, конструкция, состоящая из частей, находящихся во взаимодействии, результат которого несводим к простой сумме этих частей⁷⁶. И во многом следующие части работы автора посвящены объяснению того, почему системное целое не тождественно своим частям и какими свойствами, в отличие от их суммы, обладает.

В том, что касается всеобщности системных принципов, Берталанфи исходит из того, что существует некий «параллелизм общих когнитивных принципов в различных областях»⁷⁷, достигнутый этими сферами независимо друг от друга. Из

---

⁷⁵ Jackson M.C. Bogdanov, Pragmatism, and the Future of Systems Thinking and Cybernetics // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 204–207.

⁷⁶ Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York: George Braziller, 1969. P. 19.

⁷⁷ Там же. С. 31.

этого ученый делает вывод о том, что должны существовать некие общие для различных научных областей принципы построения систем (не разделяя пока строго системы как теории и саму реальность, хотя позднее об этом и будет сказано). Пока же Берталанти лишь указывает на то, что можно было бы попытаться создать некую общую теорию систем, которая сформулировала бы принципы, сходные для всех систем независимо от сферы знания. Здесь мы уже видим одну фундаментальную с точки зрения философии проблему, которую Берталанти в дальнейшем наметит, но до конца так и не решит – а именно, проблему возможности отождествления бытия и знания в отдельно взятой концепции. Ведь даже предполагать создание некой общей теории систем (верной для любых их них) можно, только искренне поверив в то, что все «частные» системные теории со своей стороны адекватно и достаточно полно и точно описывают наличную реальность. Ведь любая система – это, прежде всего, модель, рожденная в сознании исследователя. Проще говоря, чтобы согласиться с точкой зрения Берталанти, нужно быть убежденными, что реальность действительно такова, какой мы ее представляем и показываем в своих научных теориях, а то и в чисто философских концепциях, которые также, вообще-то, могут демонстрировать все указанные далее Берталанти черты «системности».

Ряд трудностей, с которыми неизбежно должна будет столкнуться данная теория, видел и сам ее автор. Например, он показывает, что могут возникнуть вопросы по поводу того, какие принципы могут работать на всех организационных уровнях, а какие специфичны для отдельных уровней, так, что перенос последних принципов на иные уровни приведет к ошибкам. Также он задается особенно интересным для нас вопросом, могут ли общества и цивилизации считаться системами – хотя далее в своей работе отвечает на него скорее положительно.

Берталанти нередко прибегает к использованию математических формул для описания ряда выявленных им системных эффектов, однако неоднократно возражает против того, чтобы его системную теорию считали просто переводом проблем на язык математики. Более того, он стремится показать, что если для относительно простых детерминированных систем математика может дать

желаемый результат, то чем сложнее система, тем больше риск того, что при составлении математической модели произойдет непреднамеренное упрощение и отсекаание каких-то частей изучаемой реальности, которые на деле будут важны для понимания изучаемого целого.

Особое внимание уделяет Берталанфи принципу изоморфизма. Исследователь полагает, что в самых различных системах и на разных уровнях (в разных подсистемах) одной системы должны работать сходные закономерности⁷⁸. Берталанфи преследует крайне заманчивую цель – объединение частных научных дисциплин в некое единое целое под эгидой его общей теории систем, принципы которой будут пронизывать все знание, как естественно-научное, так и гуманитарное, преодолев разрыв между ними и вновь воссоздав целостную картину мира уже не на философских, а на научных основаниях.

Однако эта, безусловно, благая цель, как мы видим, к сожалению, достигнута не была. Точно также, например, не могло бы быть достигнуто искомое единство наук под эгидой, например, формальной логики (которую так или иначе используют они все) или математики (которой пользуется большинство из них).

Принципы использования логических и математических операций сами по себе едины, однако, как всем известно, логика и математика имеют дело с формальной стороной явлений. Связи же между объектами материального мира (к которым в широком смысле можно причислить и объекты человеческой культуры) возникают, исходя, в первую очередь, из их содержательных характеристик. Особенно это важно там, где эти связи носят вероятностный характер и не имеют вида строгих законов.

По сути дела, те проблемы, которые описал сам Берталанфи в связи с математизацией систем, можно увидеть и в попытке приложить его теорию систем (как построения моделей, пусть и не всегда математических) к различным сегментам реальности без учета их специфических качественных характеристик.

И тем не менее, в отличие от логики и математики, теория систем когда-то всерьез претендовала на некую качественную значимость. Проблема в том, что

---

⁷⁸ Там же. С. 34–36.

любая система связей⁷⁹ строится исходя из качественных характеристик воздействия среды, самих элементов, ядра, дающего ей системообразующий принцип – поэтому каждая такая система будет иметь как сходные, так и уникальные черты, более того, можно будет выделить отдельные типы систем. Но этими отдельными типами уже и так занимаются частные научные дисциплины, что возвращает нас к исходной (по крайней мере, для Берталанфи) позиции.

Работы Берталанфи и активно «пропагандируемая» им общая теория систем породили масштабную дискуссию как о самой этой теории, системном подходе, их сходстве, различиях и возможностях применения⁸⁰, так и о том, что и в каких случаях необходимо понимать под термином «система». Данным вопросам посвящен ряд чрезвычайно важных для данного исследования работ как зарубежных, так и отечественных авторов.

В начале данного раздела мы предположили, что рассматриваемый нами кризис техногенной цивилизации, как любой другой кризис вообще, представляет прежде всего системное понятие сам по себе. Данный путь рассуждения неминуемо привел нас к необходимости рассмотрения того, что представляет собой цивилизация как система – что, в свою очередь, невозможно без рассмотрения системы вообще и ее возможных характеристик.

Однако прежде, чем перейти к трактовкам понятия системы в новейшей философской и научной мысли, мы полагаем целесообразным обратиться хотя бы вкратце к истокам данного термина. Для нас этот экскурс будет иметь не только историческую ценность, но и позволит еще раз, ненадолго отвлекаясь от дискуссий недавней современности, проследить те фундаментальные, прежде всего философские характеристики, которые в течение столетий были свойственны систематическому рациональному познанию.

---

⁷⁹ Агошкова Е.Б. Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–178.

⁸⁰ Бобков А.Н. Общая теория систем и диалектика // Философия и общество. 2005. № 4. С. 56–72.

Особенный интерес представляет исследование А.П. Огурцова⁸¹. Этот автор ставит очень важную для нас проблему, на которую обращали внимание и другие авторы – проблему различия реальности и знания о ней. Именно через призму толкования различными мыслителями тождества или различения знания и реальности рассматривает исследователь этапы становления самой по себе системности как неотъемлемой части не только научного, но и философского и вообще, возможно, любого рационального познания реальности.

Это разделение самих мыслителей по данному критерию – пониманию знания как тождественного реальности или как чего-то от нее принципиально отличного – будет, по мысли автора, отличать уже в системном движении XX века представителей, с одной стороны, системной теории, в духе Берталанфи, с другой стороны, системного подхода, как мыслил его Акоф⁸².

Тем не менее, далее нам необходимо будет упомянуть и о попытках преодолеть эти противоречия, в основном, с точки зрения методологии и метатеоретического подхода, как делал это, например, Садовский⁸³.

Начать, однако, все же стоит с того, что понималось под системой изначально, когда этот термин только входил в философский дискурс, и каковы были его видоизменения до XX в., когда системное движение вдохнуло в него новую жизнь⁸⁴.

Как отмечает Огурцов, понятие «systema», появившись еще в Древней Греции, имело много значений: “сочетание, организм, устройство, организация, союз, строй, руководящий орган”⁸⁵, – то есть имело социально-практическое и даже бытовое значение, а уже потом стало использоваться философами.

---

⁸¹ Огурцов А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (Античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 154–186.

⁸² Общая теория систем. Сборник статей. М.: Мир, 1966. 188 с.

⁸³ Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

⁸⁴ Schwaninger M. System dynamics and the evolution of the systems movement // Systems Research and Behavioral Science. 2006. Vol. 23. Issue 5. P. 583–594.

⁸⁵ Огурцов А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (Античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 155.

Огурцов указывает, что термин «система» в философии мог вначале употребляться как метафора, и возводит подобное словоупотребление к Демокриту.

Далее начинается обобщение и универсализация понятия, что автор с полным основанием связывает с работами Платона и Аристотеля, хотя систематичность их, конечно, очень разного рода, что подробно рассматривает в своем многотомном труде А.Ф. Лосев. Платон видит, как систему, в первую очередь, весь Универсум, в то время как его изложение само по себе при всей художественности зачастую внесистемно⁸⁶.

Аристотель же, в свою очередь, строит одну из масштабнейших систем древности – и это система уже не только бытия в понимании философа, но также и стройная система знания об этом бытии⁸⁷.

В то же время античные мыслители подходят к проблеме, как пишет Огурцов, онтологически – не разделяя знания и бытия. Этот подход, который кому-то мог бы показаться давно исчезнувшим, тем не менее, продолжает в разных вариантах вновь и вновь воспроизводиться не только в философии, но и в науке вплоть до наших дней, и на данном этапе основной сложностью становится его обычная неэксплицированность, скрытость зачастую, даже (и в первую очередь) от самих его авторов.

Почему же он вновь и вновь возникает, а вплоть до Нового времени (включительно) и вовсе доминировал? Почему от него так сложно не только отказаться, но даже сознательно его отследить? Конечно, в первую очередь, можно сказать, что дело в культуре мышления, которая вновь и вновь воспроизводит его как наиболее естественный даже в научном дискурсе. Но все же, даже будучи знакомыми с философскими подходами к мышлению и познанию, в частности, хотя бы с кантианским, мы с большим трудом можем провести демаркацию между

---

⁸⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000. С. 169.

⁸⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000. С. 6–7.

«феноменами» и «вещами-в-себе», между содержанием своего сознания и действительностью.

С другой стороны, подобный подход стремится избавить нас от неминуемого скептицизма и релятивизма и соблазняет возможностью построения истинной в смысле соотношения с действительностью, целостной, непротиворечивой (возможно, даже научной, но это не обязательно) картины мира, что, вероятно, всегда останется заманчивым даже для самых добросовестных исследователей.

В то же время Огурцов отмечает ведущую начало от Аристотеля линию различения знания о бытии и самого бытия, которое исследователь связывает с критикой Аристотелем теории идей Платона. Тем не менее, Античности, а в особенности таким мыслителям, как Платон и Аристотель, замечает данный автор, присуще глубоко телеологичное понимание реальности, которая, если и не всегда мыслится как прямо тождественная знанию о ней, то, все же, неким образом системно организованная. В конце концов, целевую причину, как имманентно присущую любой вещи, Аристотель в «Метафизике» выделяет и подчеркивает специально, несмотря на все связанные с этим трудности.

В Средние века, как отмечает Огурцов, термин «система» употребляется наряду с понятиями «сумма», «дисциплина», «доктрина», а также с более ранним античным термином «синтагма»⁸⁸. Ясно, что телеологическая направленность в эту эпоху сохраняется и даже усиливается, но принимает трансцендентную природу. С одной стороны, в данный период развитие заложенных Античностью систематических начал изучения природы приостанавливается или замедляется. С другой стороны, эпоха Патристики, возможно, впервые ставит вопрос телеологичности и связности самой человеческой истории – начиная с сочинения Августина «О граде Божиим». Этот труд рассматривает человеческую историю как имеющую смысл и цель, а не просто как неизбежную деградацию от золотого века к железному или как часть общемирового циклического бесконечного движения и повторения.

---

⁸⁸ Огурцов А.П. Этапы интерпретации системности научного знания (Античность и Новое время) // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 164.

Конечно, не только и не столько количественный, но, прежде всего, качественный скачок в системном представлении как Универсума, так и человеческого знания произошел уже во время перехода к Новому времени и появлению того, что Огурцов называет «выдвижением на первый план каузального, а не телеологического способа объяснения»⁸⁹. В эту эпоху господствует то, что этот автор называет «онтолого-натуралистическим» способом построения системного знания о реальности, которое мыслилось как приближающееся к истине в классическом ее понимании – как соответствия мысли и действительности.

Переход от так понятой системности намечается уже у Беркли и Юма, а в полной мере проявляется, конечно, прежде всего в «Критике чистого разума» Канта. Именно Кант наиболее последовательно разделяет бытие и мышление, рассматривая отдельно «феномены» и «вещи-в-себе», а также подробно анализирует сами основы и возможность построения научного знания.

Теперь становится яснее позиция Огурцова, согласно которой «стремление натуралистически укоренить системность знания в самой природе ... влечет за собой отказ от поиска специфических, присущих только научному знанию форм системной организации»⁹⁰. Более того, можно было бы продолжить, что такой подход, даже предпринятый с самыми благими целями создания новых теорий или метатеорий, может заключать в себе возможные следствия, вредящие развитию науки.

Если рассматривать теорию как некую модель изучаемого сегмента реальности, то мы прекрасно понимаем, что такая модель в любом случае будет не тождественна самой реальности. Модель может, и скорее, всего, будет постоянно видоизменяться, дорабатываться или даже полностью заменяться именно из-за этой фундаментальной нетождественности и относительности научной истины.

Кроме того, мы также различаем объект и предмет научного исследования, и последний формируется именно методом, который выбирается и используется

---

⁸⁹ Там же. С. 166.

⁹⁰ Там же. С. 169.

исследователем. Особенно актуально это в гуманитарных дисциплинах, где тщательный и взвешенный подход к выбору методологии и методического аппарата нередко может также включать в себя обоснование существования предмета изучения и возможности его исследования выбранными средствами.

XIX век дает множество примеров системности уже не столько в смысле общепhilosophического подхода и всеобъемлющих (как у Гегеля) концепций, сколько применения систематизации к конкретным дисциплинам, как естественно-научным, так и формирующимся гуманитарным. В пример здесь можно привести первый позитивизм и труды О. Конта. Упомянуть стоит и первые попытки поиска различий во внутренних закономерностях построения научного знания, которые привели неокантианцев к различению наук о природе и о культуре – различию, которое не удалось до конца преодолеть и по сей день.

Наконец, уже в XX веке появляются работы Богданова, Бехтерева, и несколько позднее – Бергаланфи, Винера, Акофа и других мыслителей и исследователей, развивавших системные подходы или стремившихся обосновать возможность создания общей теории систем.

Огурцов называет этот этап методологическим, хотя, как мы видим из рассмотрения возникшей вокруг него полемики, он также распадается на два основных направления, одно из которых тяготеет к онтологическому, а другое – к гносеологическому подходам. Попытки создания общей теории систем в том виде, как представлял ее Бергаланфи, как раз могут быть примером онтологического подхода, как и более ранние теоретические построения Богданова.

Строго методологический подход, как нам представляется, можно встретить преимущественно в трудах отечественных ученых: Садовского, Лекторского, Юдина, Блауберга, Щедровицкого и многих других авторов.

В частности, можно привести в пример анализ именно с методологических позиций, проведенный Лекторским и Садовским относительно уже упомянутых идей Бергаланфи⁹¹. Эти авторы, вдумчиво разбирая предложенную Бергаланфи

---

⁹¹ Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем. В связи с «общей теорией систем» Л. Бергаланфи // Вопросы философии. 1960. № 8. [Электронный ресурс] URL:

«общую теорию систем», достаточно быстро находят ее недостатки, которые в дальнейшем не позволили ей занять то место общей научной теории или методологии, на которое рассчитывал ее создатель. Так, Лекторский и Садовский констатируют, что концепция Берталанфи, несмотря на наличие в ней ряда интересных идей и подходов, имеет все же скорее описательный характер и не объясняет большей части тех закономерностей, которые фиксирует.

При этом сам Садовский в работе «Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ»⁹² указывает на сложность и многозначность понятия «система» и проблемы, возникающие при попытках использования системного подхода как естественнонаучной или какой-либо еще теории. Поэтому, как он полагает, если системный подход и имеет эвристическую ценность, то прежде всего как метатеория. В схожем значении используем этот подход и мы в данном диссертационном исследовании.

О преимуществах именно методологического направления в рамках системного подхода пишет также Г.П. Щедровицкий, указывая, что связи, наличествующие в самом объекте, и система знаний об этом объекте, превращающая его в предмет исследования – это вещи, конечно, взаимосвязанные, но ни в коем случае не тождественные⁹³.

Несмотря на активное развитие и системного подхода⁹⁴ (в широком смысле), и общей теории систем вместе с ее многочисленными производными – все же, в целом системное движение к концу XX и началу XXI вв. стало отходить на периферию научного дискурса, так как, по мнению многих исследователей, оказалось не в силах решить заявленные задачи (или, скорее, сверхзадачи) и создать общую теоретико-методологическую платформу, актуальную практически для всех областей научного знания.

---

http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=66 (дата обращения: 10.01.2023).

⁹² Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

⁹³ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.

⁹⁴ Акофф Р.И., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Сов. радио, 1974. 272 с.

Новую жизнь в системные исследования вдохнуло развитие кибернетики, появление вариантов кибернетики второго⁹⁵ и третьего порядков⁹⁶. Именно кибернетические прочтения выявленных ранее (в том числе, Богдановым) системных закономерностей, а также смычка их с субъектным подходом позволит нам, в свою очередь, связать несколько формальный системный подход к цивилизационным кризисам с ценностно-нормативной проблематикой.

Мы рассматриваем приложения кибернетики к нашему предмету исходя из ее связи с типами научной рациональности, выявленными В.С. Степиным. Им были выделены три типа научной рациональности: классическая, неклассическая и постнеклассическая⁹⁷, что позволило систематизировать на макроуровне эволюцию проблем наук об управлении и кибернетики как областей научного знания.

Классическая научная рациональность определила развитие кибернетики первого порядка, неклассическая – кибернетики второго порядка, постнеклассическая – кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных сред⁹⁸.

Каждый последующий тип научной рациональности рассматривается как рамочная конструкция по отношению к предыдущему, что позволяет включить его в общую систему онтологий. Постнеклассическая научная рациональность включает в себя неклассическую и классическую рациональность, соответственно, кибернетика третьего порядка включает в себя кибернетику первого и второго порядка.

---

⁹⁵ Foerster H. von. Understanding understanding: Essays on Cybernetics and Cognition. New York: Springer: Verlag Inc., 2003. 362 p.

⁹⁶ Александров В.А., Балута В.И., Варыханов С.С., Карандеев А.А., Роднин Я.В. Моделирование антагонистических конфликтов в парадигме кибернетики третьего порядка // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2018. № 86. [Электронный ресурс] URL: https://keldysh.ru/papers/2018/prep2018_86.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

⁹⁷ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 744 с.

⁹⁸ Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка. Новый технологический уклад: социокультурные основания // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.

Классическая кибернетика первого порядка соответствует основным положениям классической научной рациональности. Здесь доминируют идеи философского позитивизма, парадигмы «субъект-объект» и деятельностного подхода. Применение идей и моделей кибернетики первого порядка к управлению социальными системами позволило выявить фундаментальные ограничения, которые было невозможно преодолеть в рамках классической кибернетики⁹⁹. Это послужило основой для дальнейшего развития кибернетики на других философских и методологических основаниях.

Кибернетика второго порядка соответствует основным положениям неклассической научной рациональности. Доминируют идеи философского конструктивизма, парадигмы «субъект-субъект», субъектно-деятельностного и сетевого подходов. Кибернетика второго порядка¹⁰⁰ помогла преодолеть ряд ограничений кибернетики первого порядка в управлении социальными системами, однако ее приложения также выявили ряд новых фундаментальных ограничений¹⁰¹.

Кибернетика третьего порядка соответствует основным положениям постнеклассической научной рациональности. Доминируют идеи гуманистической интерпретации философского конструктивизма и конструктивного реализма¹⁰², парадигма «субъект-метапредметная (саморазвивающаяся полисубъектная среда)», субъектно-ориентированный и экологический подходы.

В центре внимания постнеклассической научной рациональности находятся субъекты познания и практической деятельности, когда они рассматриваются вместе с их ценностно-целевыми структурами. В данном случае основное внимание уделяется саморазвивающейся полисубъектной среде, в которой каждый субъект взаимодействует со многими другими субъектами, количество и намерения которых изменчивы и часто не поддаются точному прогнозированию.

---

⁹⁹ Novikov D.A. *Cybernetics: from Past to Future*. Heidelberg: Springer, 2016. 107 p.

¹⁰⁰ Бондаревский А.С., Лебедев А.В. О «кибернетике второго порядка»: научные основания и критерий применимости координатно-параметрического управления // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2010. № 5. С. 30–34.

¹⁰¹ Umpleby S.A., Medvedeva T.A., Lepskiy V. Recent Developments in Cybernetics, from Cognition to Social Systems // *Cybernetics and Systems*. 2019. Vol. 50, Issue 4. P. 367–382.

¹⁰² Лекторский В.А. Ответ на дискуссию // *Эпистемология и философия науки*. 2015. № 1 (43). С. 47–53.

В кибернетике третьего порядка предлагается субъектно-ориентированный подход для замены деятельностного (кибернетика первого порядка) и субъектно-деятельностного (кибернетика второго порядка) подходов. Важными аргументами в пользу формирования субъектно-ориентированного подхода является концентрация внимания в постнеклассической научной рациональности на субъектах и их отношениях с обществом и культурой как большими системами, а не просто инструментальный подход субъекта к объекту или даже коммуникация нескольких субъектов.

Развитие кибернетики во многом знаменовало возвращение к использованию системных подходов на фоне упадка общей теории систем. Что же касается критики общей теории систем, то она во многом была направлена на то, что эти теоретические построения не обладали достаточной объяснительной силой, так как не работали с системообразующими принципами, различными для предметов каждой отдельной частнонаучной области. В пример здесь можно привести соображения, высказанные по этому поводу П.К. Анохиным¹⁰³. Он указал, что именно понимание содержательных системообразующих принципов, отсутствовавшее в общей теории систем, было особенно важно как для биологии, медицины и других естественных наук, так и для общественных наук, где также необходимо было рассмотрение самоорганизующихся и самодетерминируемых открытых систем. Частично эти проблемы попытались решить в кибернетике второго и, особенно, третьего порядков. Вместо общей теории систем стоит говорить скорее о методологии, которую можно применять для построения теорий на основе гипостазирования системообразующих факторов. Систематизация (согласно ее гносеологическому пониманию) – это формализация и моделирование в определенном смысле, а поиск системообразующего фактора – это содержательная часть теории. То есть Анохин, по сути, критикует притязания методологии на то, чтобы быть полноценной общей теорией, что, конечно, обоснованно.

---

¹⁰³ Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. С. 20–26.

Из-за отсутствия понятия о системообразующем принципе зачастую неясно, почему и каким образом возникает именно эта конкретная система, а не какая-то иная в каждом отдельно взятом случае. Здесь можно выйти и на более фундаментальный вопрос: на каком общем основании, кроме несколько спорного ряда индуктивных обобщений эмпирических данных, возможен вывод о том, что у различных (социальных, биологических, физических) систем есть фундаментальные общие черты? Найти на него ответ можно, вероятно, лишь при исчерпывающем (а поэтому, едва ли возможном) знании каждой отдельно взятой частной системы, сведения о которых затем могли бы объединиться в некую общую метатеорию, которая функционировала бы уже, скорее всего, как своеобразный субститут философских онтологий в духе Пифагора, Аристотеля или Гегеля.

Никто не будет отрицать, что системы существуют, но принципы их построения, обнаруживая на самом высоком уровне абстракции некие схожие черты (часть из которых обозначил Богданов), могут заметно варьироваться исходя из того, что Анохин назвал системообразующим принципом.

Системная теория, по сути, осталась своего рода «системной гипотезой», чрезвычайно интересной и многообещающей, но так до конца и не обоснованной. Однако, последнее вовсе не помешало использовать ряд частных наработок системного движения для развития целого ряда направлений и дисциплин – от теории информации до психологии. То есть там, где искомый системообразующий фактор наличествует, и эссенциальные (а не только формальные) особенности отдельно взятых систем хорошо изучены, системный подход может применяться вполне успешно.

Характерно, что с похожими проблемами и примерно в тот же период столкнулись классический структурализм и структурный функционализм. О последнем мы далее поговорим более подробно, а по вопросам, связанным с первым, целесообразно обратиться, например, к довольно известной и в каком-то смысле даже программной работе в рамках постструктурализма – «Отсутствующей

структуре»¹⁰⁴ У. Эко. Этот автор, не в меньшей степени ученый, чем писатель, достаточно ясно обрисовывает причины отказа от фундаментальных классических структуралистских построений К. Леви-Строса. Несмотря на то, что найти общие фундаментальные «праструктуры» в культуре, языке, мифологии различных народов очень заманчиво, но чем выше здесь уровень абстракции, тем сложнее оказывается верифицировать полученные выводы с помощью эмпирических данных, и тем выше шанс, что факты будут «подгоняться» под теорию.

Чтобы всего перечисленного избежать, Эко предлагает не онтологизировать структуры, а сознательно остановиться на том уровне, где они еще могут носить прикладной, пусть и в большей мере частный характер.

Но здесь остается нерешенным еще один чрезвычайно важный и непростой, особенно для гуманитарных дисциплин, вопрос. А именно: на каком основании мы вообще можем быть уверены, что построенная нами система обладает объяснительной силой, да и вообще хоть как-то соотносится с «реальным» миром? Ведь в случае изучения вопросов социальных, культурных и психологических каждое явление способно нести в себе индивидуальные черты, которыми не всегда можно пренебречь, так как они могут оказаться критичными для дальнейшего поведения этого феномена. И рассмотрев даже достаточно большую совокупность фактов, мы практически никогда не сможем быть уверены, что среди рассмотренной нами (и часто, неизмеримо большей) совокупности не найдется контрпримеров. Или что выведенные нами закономерности действительно учитывают все значимые параметры даже одного отдельно взятого явления, а не упрощают его принудительно.

Системный подход сам по себе в широком смысле можно отнести к генерализирующим методам, и спор, насколько подобные методы вообще правомерны в гуманитарных дисциплинах, восходит еще к неокантианцам. Может показаться, что данная проблема в принципе неразрешима, но это так лишь в определенной, если угодно, «системе координат» познавательной деятельности. Идея, переносящая системность из познаваемого в познающего, не является чем-то

---

¹⁰⁴ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

новым, и в наиболее явной и обоснованной форме представлена в «Критике чистого разума» Канта. Рассматривая фундаментальный вопрос о том, как вообще возможны априорные синтетические суждения, без которых науку было бы нельзя представить как факт, Кант, как известно, настаивает на том, что именно познающий субъект формирует познаваемое, а не наоборот, поэтому неверна была бы сама постановка вопроса, при которой существуют отдельно познаваемая реальность, некая системная теория и познающий субъект, пытающийся привести второе в соответствие с первым. «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...»¹⁰⁵.

Таким образом, если применить все сказанное к системному подходу (даже не системной теории), то можно надеяться снять вышеуказанное методологическое противоречие. В данном случае мы вовсе не беремся утверждать в духе субъективного идеализма, что попадаем в замкнутый круг, изучая те системы, которые сами же и создаем, безотносительно внешней реальности. Напротив, системность в таком случае будет, скорее, структурированной формой, посредством которой мы в принципе можем сначала заметить, а потом попытаться объяснить имеющиеся в реальности взаимосвязи явлений. Здесь можно было бы провести аналогию с любым естественным языком (тоже представляющим собой систему), вне которого едва ли возможно представить себе человеческое мышление.

Однако для целей нашего исследования следует учесть специфику систем особого рода – таких, как цивилизации. С одной стороны, их чрезвычайная масштабность делает зачастую весьма затруднительной эмпирическую проверку выявляемых гипотетических закономерностей. С другой стороны, сами по себе цивилизации являются, в некотором смысле, «рукотворными» образованиями в том смысле, что созданы людьми, пусть и не целенаправленно. Наконец,

---

¹⁰⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 17.

«рукотворными» они являются и как определенный предмет исследования, когда какой-то культуре или комплексу культур на определенной стадии их развития приписывается наименование цивилизации. В последнем смысле цивилизация предстает, конечно, определенным теоретическим конструктом. О том, как он вообще возник, мы будем более детально говорить в Главе 3. Наблюдатель и исследователь, таким образом, одновременно создает теорию как объяснительную систему, и сам при этом оказывается вписан в собственную цивилизацию, которую тоже вполне можно понимать как сложную систему взаимосвязей. Возникает довольно сложная и запутанная на первый взгляд конструкция. Однако в ней необходимо будет разобраться для дальнейшего исследования феномена цивилизационных кризисов и самих цивилизаций как систем с некими центральными системообразующими факторами.

§ 3. Культура как самовоспроизводящаяся динамическая система¹⁰⁶

Одной из наиболее последовательных и при этом относительно недавних по времени попыток применения системного подхода для изучения динамически развивающегося социума и его культуры стали исследования Никласа Лумана¹⁰⁷. Он же детально проанализировал методологические основания возможности подобного подхода, поэтому обращение к его работам здесь будет более чем уместно.

Луман защищает, в том числе, и подходы структурных функционалистов. Несмотря на то, что господство структурного функционализма в социальных исследованиях продлилось ненамного дольше, чем структурализма – в

---

¹⁰⁶ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // *Философская мысль*. 2023. № 1. С. 26-41; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

¹⁰⁷ Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.; Аршинов В.И. Луман и Латур: возможности конвергенции системного и сетевого подходов // *Философские науки*. 2016. № 10. С. 130–139; Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.

исследованиях в сферах культурологии, антропологии и этнографии, все же эвристический потенциал первого не стоит приуменьшать. Структурно-функциональный подход позволял, в первую очередь, понять, из каких частей состоит тот или иной социум, как эти части взаимосвязаны между собой и зачем в принципе необходимы. Без всего этого построить сколько-нибудь внятную целостную теорию, объясняющую социальные явления, едва ли возможно. И Луман совершенно справедливо обращает внимание на то, что едва ли оправдана критика структурного функционализма с тех позиций, что он, якобы, не способен объяснить социальную динамику и возникновение социальных кризисов и конфликтов. Сам феномен кризисов и даже конфликтов может возникнуть лишь в некой системе, которая должна для этого уже существовать, изменяться во времени и взаимодействовать с внешней для себя средой, причем последняя может быть и ресурсом, и катализатором возможных изменений.

Здесь стоит также хотя бы вкратце упомянуть о том, что изначально на формирование структурно-функциональных подходов повлияли не только такие классики социологии, как Эмиль Дюркгейм, но также этнографы и антропологи – к примеру, Бронислав Малиновский и Альфред Радклифф-Браун. Для того, чтобы понять особенности неизвестных европейским исследователям культур и обществ, нужен был теоретико-методологический аппарат, который позволил бы проводить параллели и «переводить» понятия одной культуры на язык другой. Хотя бы только для этого в культурах и социумах нужно было выделять некие структуры. Несколько позднее подобные подходы стали своего рода «общим местом» также в прикладных исследованиях различных субкультур в рамках пусть даже некоего единого общества, так как XX век предоставил здесь чрезвычайно богатый материал для изучения.

Луман, основываясь на работах своих предшественников, тем не менее, создает собственную целостную теорию, в которой достаточно часто опирается на кибернетику второго порядка, где находится место для наблюдателя – чрезвычайно важной составляющей для системных исследований Лумана.

Рассматривая социум как систему, Луман чрезвычайно значительное, хотя и заслуженное, внимание уделяет самому понятию системы, ее возможным характеристикам и особенностям. Именно это и делает его подход особенно интересным для нас.

Начинает Луман с определения системы, если можно так сказать, «извне» - с точки зрения ее отличия от всего, что ею не является. Если речь идет о любой открытой системе (а именно такие интересуют Лумана), то она может существовать только во взаимоотношениях обмена с внешней для себя средой, которая тоже будет определяться как таковая именно по отношению к данной системе. Система, таким образом, в первую очередь постулирует себя как различие между собой и окружающим миром. И в этой же связи система как таковая способна порождать информацию (или даже быть ею). Луман здесь опирается на определение информации, принадлежащее Грегори Бейтсону: информация есть «различие, создающее различие».

Этот момент особенно важен как раз именно для интересующих нас социальных и культурных систем. Необходимо напомнить, что это системы, в первую очередь, символические и нормативные. Если представить их как своего рода язык, то он будет не только сообщать и открывать некие смыслы, но также одновременно и скрывать их – от всех тех, кто им не владеет. Одна из функций культурных символов, заметная в первую очередь – это функция отделения, отграничения культурного пространства или какой-то его части. Это может быть граница между сакральным и профанным, или между двумя культурами, или же между культурой и субкультурой. Во всех случаях именно граница будет определять как само пространство системы, так и то, что станет по отношению к последней внешней средой, а также возможности и типы отношений между ними.

Луман полагает, что система «выстраивает себя как сцепление операций. Различие системы и среды возникает исключительно из того факта, что одна операция порождает следующую операцию того же типа»¹⁰⁸. Таким образом, первое различие провоцирует второе, третье и так далее, по цепочке создавая

---

¹⁰⁸ Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. С. 79.

систему в некоем «первичном» варианте, что вовсе не значит, что ее внутренняя структура при этом будет оставаться однородной.

Постулирование некой единой операции, создающей систему, дает Луману возможность перейти к одному из основополагающих понятий его теории – понятию коммуникации. Именно коммуникация, по Луману, формирует социум как систему, существование которой в дальнейшем и поддерживает.

При этом сама коммуникация включает в себя как информацию о чем-то происходящем («внешняя референция»), так и о себе («самореференция»). Коммуникация обращается к себе и постоянно воспроизводит себя же. Таким образом, она, по Луману, в принципе не выходит за рамки той системы, которую сама же формирует и ограничивает. Система при этом существует и воспроизводится постоянным самокопированием, которое Луман называет «повторным вхождением».

Коммуникацию, однако, осуществляет субъект, наблюдатель, который тоже может осуществлять своего рода «внешнее» наблюдение (хотя об этом можно говорить с натяжкой), фиксируя отличия системы от внешней для нее среды, и самонаблюдение внутри системы, где он находится. Переключаясь между этими двумя действиями, ученый может одновременно видеть изнутри самописание общества, при этом стремясь объяснить его как бы «снаружи».

Сама по себе система, полагает Луман, всегда обладает свойством оперативной закрытости, то есть ее операции всегда существуют лишь внутри нее, не распространяясь на окружающее ее пространство. Однако это вовсе не значит, что она никак не соотносится с окружающим миром. Система, чтобы что-то внешнее по отношению к себе «освоить», должна это, в некотором роде, «присвоить» – сделать сначала частью себя, перевести на понятный язык, переформулировать и, таким образом, распространиться на все те явления, которые хочет «понять».

Здесь Луман обращается также к понятию «структурной сопряженности», по его же словам, позаимствованному у Матураны. Система не обменивается с внешним миром тем, что конституирует ее собственное отдельное существование.

Но она может быть структурно соотнесена с отдельными сегментами окружающей реальности, которые находятся хоть в каком-то отношении подобия с ней, поэтому данная сопряженность возможна лишь выборочно. Так, для общества Луман постулирует сознание как принцип, через который возможна сопряженность первого с остальным миром.

Интересно, что Луман, в отличие от многих других авторов, достаточно четко различает систему и структуру, которые в литературе иногда едва ли не отождествляются. Для Лумана структура представляет собой то, что создается системой посредством своих собственных операций, причем в системе может быть множество потенциально изменчивых структур, которые, тем не менее, могут не особенно влиять на всю систему целиком и возможности ее жизнедеятельности.

Для сравнения, можно привести определения системы и структуры из Новой философской энциклопедии. «Система... – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство»¹⁰⁹. «Структура... – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект»¹¹⁰.

Структурная самоорганизация системы, по Луману, может происходить лишь потому, что система через свои операции способна создавать и определять собственные состояния, которые делают возможными все дальнейшие подобные операции. Эту особенность систем автор данной концепции называет «аутопойезисом»¹¹¹.

Связывая, таким образом, возникновение структур в системе с ее операциями, Луман вводит еще одно важное замечание: для того, чтобы система

---

¹⁰⁹ Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7> (дата обращения: 01.02.2021).

¹¹⁰ Структура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd078391e9cc1c83074c0d0> (дата обращения: 01.02.2021).

¹¹¹ Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. С. 79.

могла использовать (и, видимо, воспроизводить) свои структуры, она должна «находиться в процессе оперирования»¹¹².

Отдельно стоит сказать о рекурсивном потенциале цивилизации как системы. Известно, что, хотя техногенная цивилизация достаточно молода, традиционная цивилизация прошлого существовала тысячелетиями. Если попытаться обозначить причину такого постоянства и жизнеспособности, то стоит обратиться к самому понятию одновременно социального и системного самовоспроизводства. Среди множества концепций наш выбор здесь пал на, возможно, не самую известную и очевидную – а именно, на концепцию рекурсивных систем Стаффорда Бира¹¹³. Выбор этот продиктован, как мы покажем далее, не только интересом к воспроизводству систем вообще, но и позволяет, как нам думается, наиболее точно отразить особенности этого воспроизводства именно в техногенной цивилизации.

Сама по себе концепция рекурсии применительно к социокультурным явлениям обладает довольно большим эвристическим потенциалом, который, однако, требует особой проблематизации. В обществах любого рода существуют процессы, которые Бир называл рекурсивными. Эти процессы обеспечивают жизнеспособность системы на всех уровнях за счет саморепликации базовых структур, которые предотвращают разрушение всей системы. Рекурсивность социальных систем позволяет им существовать за счет постоянного самовоспроизводства на всех уровнях, каждый из которых воспроизводит общие для всех них структуры.

§ 4. Выводы из Главы 1¹¹⁴

1. Данная глава выделяет основные понятия и методологические концепции, которые сущностно важны для построения целостной исследовательской стратегии

---

¹¹² Там же. С. 105.

¹¹³ Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 416 с.; Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Наука, 1965. 392 с.

¹¹⁴ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

работы. Основополагающую роль методологической основы выполняет системный подход, особенности использования которого заставляют рассматривать его, в первую очередь, как метатеорию, в рамках которой используются отдельно взятые методы кибернетики, структурного функционализма, субъектно-ориентированный подход.

2. Что касается определения системы, то одно из наиболее удачных также можно встретить у Садовского: «1) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) обычно любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь обычно выступают как системы более низкого порядка».

3. В этой связи, цивилизация вообще и техногенная в частности для целей подобного исследования сама по себе представлена как социокультурная система (или суперсистема). Ее системообразующими принципами являются те, что могли бы применяться во всех ее сферах (в том числе, социальных институтах) независимо от их частных особенностей.

4. Далее указано, что такими принципами способны выступать ее ценностно-мировоззренческие основания, детерминирующие способы принятия решений как создания и поддержания связей как внутри системы, так и внешних, возникающих при взаимодействии со средой. Для техногенной цивилизации ценностные отношения, определяющие вектор научно-технического прогресса, способны вступать в противоречие с теми, которые лежат в основе деятельности остальных социальных институтов, связанных с первичной и вторичной социализацией (семейной и образовательной, в частности), с функционированием рынка труда, обеспечением общественной безопасности и многим другим.

5. Рассмотрены ключевые особенности используемых в диссертации системных методов, в особенности кибернетики второго и третьего порядков. Мы используем приложения кибернетики к нашему предмету исходя из ее связи с типами научной рациональности, выявленными Степиным: классической,

неклассической и постнеклассической, что позволило систематизировать на макроуровне эволюцию кибернетики как области научного знания.

6. Классическая научная рациональность определила развитие кибернетики первого порядка, неклассическая – кибернетики второго порядка, постнеклассическая – кибернетики третьего порядка саморазвивающихся полисубъектных сред.

7. В кибернетике третьего порядка предлагается субъектно-ориентированный подход для замены деятельностного (кибернетика первого порядка) и субъектно-деятельностного (кибернетика второго порядка) подходов. Именно субъектный подход в данной работе является ключевым в аспекте связи происходящих в техногенной цивилизации системных процессов (таких, как ее кризис) и ее же ценностных оснований и перспектив.

8. Также в главе сделан акцент на системных подходах в сфере изучения социумов, в частности, у Н. Лумана, так как его концепция аутопойезиса также используется в диссертации. Исследования Лумана стали одной из наиболее последовательных попыток применения системного подхода для изучения динамически развивающегося социума. Использование данного подхода в дальнейшем позволит нам сделать акцент на отдельном классе подобных системообразующих операций – а именно, на отнесении к ценности.

Глава 2. Ценности как системообразующая основа культуры и цивилизации

§ 1. Формирование понятия ценности. Ценностное отношение¹¹⁵

Как мы упомянули в первой главе данной работы, цивилизационные кризисы как явления имеют системную природу. Особенности и специфику техногенной цивилизации мы рассмотрим в следующей главе, а в этой попробуем показать, что вообще представляет собой ценностная составляющая цивилизационного развития, и какое место занимают ценности в развивающейся системе техногенной цивилизации.

Однако, прежде чем рассматривать место и роль ценностей в цивилизационной системе, необходимо, безусловно, прояснить, что в данном случае под ними следует понимать. И здесь возникает ряд вполне ожидаемых сложностей, связанных, как мы полагаем, в первую очередь с теми путями, которые проходило философское осмысление ценностной проблематики.

Начнем с того, что аксиология как философское учение о ценностях, по мнению ряда авторов¹¹⁶, существует достаточно непродолжительное время в сравнении с другими философскими дисциплинами – а именно, с конца XIX в. или даже с начала XX в. Формальной точкой отсчета здесь могут быть труды Г. Лотце, который проблематизировал само философское понятие ценности, или же П. Лапи, которому мы обязаны введением термина «аксиология».

Однако, существует и иная точка зрения¹¹⁷, согласно которой аксиология существовала еще как минимум во времена Античности и возникла одновременно

---

¹¹⁵ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

¹¹⁶ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.; Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.; Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

¹¹⁷ Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.; Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. 320 с.

с онтологией и гносеологией, которые тоже далеко не сразу удостоились своих сегодняшних наименований.

Не имея цели детально рассматривать историю аксиологии, мы, тем не менее, остановимся на этих точках зрения подробнее, так как они, по нашему представлению, отражают различные подходы к формированию понятия ценности и, соответственно, спектру его возможных содержаний.

Итак, начнем с рассмотрения первой из указанных точек зрения. Согласно ей ценностная проблематика до указанного периода, с которого начинают отсчет существования аксиологии, конечно, существовала, однако была в большей или меньшей степени растворена в онтологии, этике и других философских дисциплинах. Примечательно, что похожий, также очень длительный путь своеобразной философской «непроявленности» прошла также такая дисциплина, как эстетика¹¹⁸. При этом изящным способом обойтись без рассуждений о том, принадлежат ли к эстетическим работам, в таком случае, например, «Канон» Поликлета или, тем более, «Поэтика» Аристотеля, стало разделение на имплицитную (до Баумгартена) и эксплицитную эстетику¹¹⁹. Возможно, такой подход был бы применим и в случае аксиологии.

И все же, сами аргументы по поводу того, почему именно философская рефлексия ценностей так «задержалась» во времени, могут очень многое сказать не только о чьих-то конкретных взглядах, но и, как нам представляется, об интересующих нас культурных и цивилизационных особенностях.

Как справедливо отмечает Каган¹²⁰, древние общества дофилософского периода человеческой истории существовали в той реальности, где не только рефлексия по поводу ценностей, но даже само их понятие еще не существовало и не могло возникнуть, поскольку реальность эта была мифологической. Одна из

---

¹¹⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 44–61.

¹¹⁹ Бычков В.В. Имплицитная эстетика. Патристика // Вестник культурологии. 2018. № 2 (85). С. 138–148.

¹²⁰ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

фундаментальных особенностей мифа¹²¹ в том, что он не только синкретичен, но и не подразумевает деления на действительность «саму по себе» и представление о ней. Миф не делает различия между миром и картиной мира. Он, если можно так сказать, фундаментально анимистичен и символичен в том смысле, что каждое событие и явление имеет смысл, и только таким образом, через придание смысла, наделяется и бытием. Перефразируя известное гегелевское изречение, субъект мифологического сознания мог бы сказать, что все действительное осмысленно, и все осмысленное действительно. И здесь мы вовсе не приписываем современные подходы древности, так как мифологическое сознание в ряде форм вполне можно встретить и в наши дни.

Понятие ценности, отмечает Шохин¹²², от частого и не всегда вдумчивого употребления было уже достаточно давно девальвировано, что делает все более сложным его использование в специализированном философском дискурсе. Упомянутый автор в своей работе приводит детальную и в перспективе чрезвычайно полезную информацию об истории формирования понятия «ценность», настаивая на том, что именно в античной, а позднее в западноевропейской философии оно развивалось по преимуществу, в отличие, например, от индо-буддистской традиции. Согласно такой точке зрения, именно европейская классическая аксиология положила начало и отечественным, и современным мировым исследованиям в данной области.

Попытаемся рассмотреть причины того, что аксиология как философское учение о ценностях была лишь «пунктиром» намечена в Античности, практически не рассматривалась в Средневековье и получила новый импульс к развитию только в Новое время, с тем чтобы уже на рубеже XIX–XX веков и в начале XX столетия пережить достаточно недолгий период расцвета.

---

¹²¹ Лосев А.Ф. Миф-Число-Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.; Онианс Р. На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

¹²² Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

Итак, можно в первую очередь задаться вопросом, какого рода мировоззрение могло породить специальное учение о ценностях. Для того, чтобы иметь возможность рассуждать о ценности чего бы то ни было, уже заранее необходимо предположить, что обсуждаемый предмет может или обладать, или не обладать этой ценностью. То есть парадоксальным образом получается, что для рассмотрения ценности каких-либо явлений мира внешнего или внутреннего, необходимо для начала иметь убеждение (часто имплицитное), что они могут быть ценностно-нейтральными. Изначально подобного рода идеи возникают в Античности, уже в эллинистический и позднеантичный периоды, когда влияние сугубо мифологического восприятия реальности, хотя и все еще существенное, все же в случае интеллектуальной элиты было несколько слабее, чем в периоды Архаики и ранней классики¹²³. И тем не менее, даже в указанный период распространения и существенного развития аксиологический дискурс не получил.

Как таковой, он был чужд и мифологическому сознанию, и даже философии как минимум вплоть до Нового времени. Здесь нет противоречия с тем, что было указано ранее по поводу ориентировочных, существенно более поздних дат появления аксиологии, так как именно Новое время с его постепенной секуляризацией мировоззрения и разделением на субъективное и объективное дало этой философской дисциплине принципиальные основания для появления, как, кстати, до аксиологии произошло и с эстетикой¹²⁴. Все же, как мы будем подробнее разбирать немного ниже, понятие ценности напрямую связано с операцией отнесения к таковой, то есть с оценкой, осуществляемой по более или менее явным критериям. Для осуществления этой операции субъект оценки должен осознавать свое неотъемлемое и исключительное право на нее – и вот этого сознание доиндустриальной эпохи, во многом еще мифологическое или (в случае философии) идеалистическое, никак ни породить, ни принять бы не смогло, учитывая, что таким субъектом, индивидуальным и коллективным, может быть, соответственно, человеческий индивид или же социум. Аксиологический дискурс

---

¹²³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.

¹²⁴ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.

по определению оказывается, таким образом, чрезвычайно антропо- и социоцентричен.

Такого рода антропоцентризм, неизбежно перерождавшийся в социоцентризм, зародился в эпоху позднего Средневековья (или же Ренессанса) и около трех столетий пробивал себе дорогу, с тем чтобы в Новое время стать частью секулярного мировоззрения, фундаментом эмпирического естествознания и, несколько позднее, основанием для развития философской аксиологии.

В отличие от него, ни мифологическое, ни религиозное, ни какое-либо объективно-идеалистическое мировоззрение не давало человеку и социуму преимущественной роли субъекта ценностного отношения (которое, поэтому, и не могло там в полной мере сформироваться). Такого рода способностью могли обладать лишь высшие силы или некий античный космос, что автоматически ставило вопрос не о ценностях, а об объективных благах, оставляя на долю человека и общества лишь определение собственных субъективных и изменчивых потребностей, интересов и целей.

Здесь можно сделать промежуточное предположение о том, что, таким образом, все идеалистические, и в особенности, объективно-идеалистические концепции или вообще не могут способствовать развитию аксиологии, или же, будучи применены к ней, неизбежно заводят ее в тупик и приводят к противоречиям – так как, приписывая некую «объективную» ценность благам или явлениям, не дают человеку выступить преимущественным субъектом такого отнесения к ценности. С одной стороны, это подвергает сомнению право человека и социума выступать субъектом отнесения к ценности в принципе, с другой стороны, запрещает им даже усомниться в приписываемой «объективной ценности» блага, явления или предмета.

Именно поэтому изначально были обречены на неудачу все те иногда изящные, иногда громоздкие попытки «объективных классификаций ценностей»,

которые предпринимались в рамках классической аксиологии¹²⁵. И именно с этой позиции только и выглядит оправданной критика аксиологии, высказанная в свое время Хайдеггером, который очень прозорливо указал, что отнесение к ценности как оценка реальности делает последнюю ничтожной в том смысле, что отрицает ее объективную значимость.

Вообще само понятие ценности (как и любое другое) может существовать только в определенной парадигме, где оно в принципе может быть сформулировано. Если вспомнить особенности самого акта определения, то это одновременно соотнесение и отделение¹²⁶. Соотнесение с чем-то известным, дающим возможность включить определяемое как элемент в систему уже имеющихся представлений. И отделение от всего, чем определяемое не является, но с чем сопряжено, как со своим Иным, и без чего не могло бы существовать как самотождественная и самодовлеющая данность. Хотя очевидно, конечно, что с точки зрения логики сказанное относится не ко всем существующим видам определений.

Исходя из этого, когда мы ставим вопрос о возможности даже самого разговора о ценностях в философском контексте той или иной эпохи, мы одновременно с этим спрашиваем и о том, в каком виде существовавшие тогда философские (и вообще, мировоззренческие) системы могли бы конституировать это или сколько-нибудь сходное понятие.

Перейдем ко второй точке зрения, согласно которой аксиологическая проблематика в каком-то качестве все же могла существовать до своего специального, эксплицированного рассмотрения. Мы не можем согласиться с тем, что до появления самого термина «ценность» нельзя было говорить о ценностных системах как таковых. Если уж мы не хотим создавать путаницы, приписывая учение о ценностях тем, кто даже не употреблял соответствующего термина, то

---

¹²⁵ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.; Алхасов А.А. Макс Шелер об иерархии ценностей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2. С. 13–15.

¹²⁶ Джаббехдари М. Определение в логических учениях Аристотеля и Ибн-Сины // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 2. С. 74–79.

нам, возможно, стоит в таких случаях говорить хотя бы о системах оценок. Такие системы возникают неминуемо при необходимости любого различения и существуют, вероятно, во всех сообществах, начиная с первобытных. Кроме того, также можно вспомнить о том, как при формировании мифологического сознания данные оценки начинают формировать все более стройные системы, которые, если уж не использовать термин «ценности», по всей видимости стоит назвать символически организованными мировоззренческими системами, где, по сути, все будет иметь значимость как символ¹²⁷, и все будет оцениваться – как полезное или вредное, опасное или благоприятное, важное или неважное и т.д. В подобных мировоззренческих системах нет даже необходимости отдельно говорить о каких-то системах ценностей – они все, по факту, состоят из того, что как-либо оценивается и иначе даже не может быть воспринято и встроено в подобное мировоззрение¹²⁸.

Точно также в таком мировоззрении нельзя говорить и о том, что субъект производит некую операцию оценки по отношению к объекту – и дело здесь не только в том, что сами субъект-объектные отношения могут быть не определены как таковые, но и в том, что нет операции оценивания, как принадлежащей свободной воле субъекта и от нее напрямую зависящей (равно как и нет ценностно нейтрального объекта). Все они (субъекты и объекты) одинаково мыслятся как встроенные в целостный универсум, где оценка явления либо совпадает с его возникновением (оно уже создается с определенными заданными характеристиками), либо эта оценка появляется вследствие мифологических действий богов и героев, чтобы затем остаться с явлением как его объективное свойство.

В мифологическом мировоззрении, безусловно, может быть выстроена иерархия более или менее важного, значимого, что нередко будет совпадать с уровнями сакрального и вообще с разделением на сакральное и профанное¹²⁹.

---

¹²⁷ Лосев А.Ф. Миф–Число–Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.

¹²⁸ Онианс Р. На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.

¹²⁹ Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М.: Присцельс, 1999. 368 с.

О ценном в данном случае можно будет говорить только очень условно, как о стоящем выше по уровню иерархии значимостей. Однако как формируется эта иерархия, и что она в себя включает? Во-первых, и это наиболее здесь важно – это иерархия бытия, космическая иерархия, в которой можно говорить об уровне влияния, о власти, о силе, способностях, но не о ценности в привычном нам смысле слова. Потому что привычная нам ценность, независимо даже от того, считаем ли мы ее субъективной или объективной, все равно так или иначе будет подразумевать разделение по принципу субъект-объект – то есть тот, кто видит в чем-то ценность, и то, чему ценность приписывается.

Мифологическое мировоззрение еще не знало этого разделения. Здесь, конечно, можно сделать отсылки и к еще первобытному мировоззрению, в котором любая нормативная система, бытовавшая в конкретном племени или общности, по умолчанию признавалась единственно возможной и единственно существующей.

Но мифологическое мировоззрение, несмотря на анимизм, по своей сути претендовало на тот же уровень всеобщности, что и современное нам научное, которое, тоже, кстати, возможно поэтому и не имеет внутри себя никакой теории ценностей, привносимых туда, в сущности, внешним порядком, что до сих пор приводит к спорам об этических и ценностных ориентирах научного знания, которые частью ученых могут мыслиться как ненужные и сковывающие развитие науки¹³⁰.

Что касается философии, то в философском дискурсе Античности, как мы знаем, достаточно рано произошло разделение на знание и мнение, реальность и кажимость, а потом и на доступное обычным чувствам и видимое лишь духовным зрением¹³¹. Уже у Парменида мы находим начала этой фундаментальной дихотомии, хоть и выраженной в форме, близкой к мифопоэтической¹³², но при этом закладывающей основы немифологического, философского познания.

---

¹³⁰ Надточий И.О. Этика и наука: современный контекст взаимодействия // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 128–136.

¹³¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. С. 226.

¹³² Фрагменты ранних греческих философов: Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 286–298.

В дальнейшем, в античной философии мы видим углубление дихотомии реального и кажущегося, вечного и изменчивого – с по большей части вполне четко прописанными оценочными предпочтениями. Однако, как замечает Аверинцев¹³³, все это еще не дает возможности говорить о возникновении аксиологии как философской теории ценностей. Последняя, по мысли ряда упомянутых ранее авторов (Аверинцев, Каган, Шохин) предполагает не только способность к оценке вообще, но, в первую очередь, соотнесенность этой оценки с ее субъектом.

Если философская теория ценностей мировоззрению древних была еще чужда, то оценки существовали всегда, пусть даже в чисто бытовых поначалу ситуациях, связанных, прежде всего, с торговлей и обменом.

В Античности¹³⁴ начинает использоваться то понятие ценного (ἀξία), которое напрямую восходит к стоимости, хотя постепенно и начинает отделяться от последней. Причем это понятие ни в коем случае не тождественно тому, что мы бы назвали ценностью сейчас, а греки именовали благом. Блага были таковыми именно потому, что имели некую надличностную онтологическую природу, которую человек мог оценивать по степени важности для себя.

В дальнейшем (у Аристотеля в «Никомаховой этике») происходит развитие этого воззрения на ценность (= важность) благ, где они ранжируются в зависимости от того, помогают ли человеку достигать своих целей. Блага оказываются напрямую связаны с этическими максимами, с теми добродетелями, к которым может и должен в этой системе взглядов стремиться человек.

Средние века практически не интересовались теорией ценностей и оценок, так как в той парадигме мышления все, что могло быть к последним отнесено, было онтологизировано и, соответственно, выведено из структуры человеческой деятельности. Более того, здесь человек не только не мог и не имел права выступать как субъект оценки – его собственные действия и вся его жизни становились объектом оценок.

---

¹³³ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 45.

¹³⁴ Шохин В.К. Ценность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01018есе6b4d1aefc3392301> (дата обращения: 01.02.2021).

Только постепенное изменение перспективы с онтологической на гносеологическую в Новое время и «девальвация» мира как совершенного космоса древних с повышением значимости человека как мыслящего, познающего и, в конце концов, оценивающего субъекта дало возможность хотя бы поставить вопрос о ценности чего-либо – при условии, что эта ценность может быть рассмотрена вновь переоткрытым оценивающим субъектом.

О системах ценностей, как мы уже упоминали, можно говорить как о существующих и подлежащих рассмотрению только тогда, когда становится очевидным, что они, эти ценности, могут существовать, а могут и не существовать. Когда все вообще и состоит только из «ценностей», то о них даже мыслить отдельно чрезвычайно сложно. Точно также в досократическую эпоху Парменид тогда лишь смог поставить вопрос о Бытии, когда проблематизировал и Небытие.

Само понятие ценности, вероятно, могло появиться лишь тогда, когда произошло и стало восприниматься как данность разделение реальности на «объективную» (внеценностную) и «субъективную» (в которой только ценности и могут существовать). Это способствовало активизации ценностной рефлексии, но одновременно автоматически сделало все ценностные (а также этические) вопросы практически неразрешимыми.

Именно эта фундаментальная неразрешимость и была в свое время атакована Хайдеггером, который показал, что в аксиологии «ценности», «блага» и «интересы» нередко определяются друг через друга, образуя логический круг¹³⁵. Аксиология, будучи вообще сформирована как дисциплина, оказалась сосредоточена на индивидуальном и социальном измерениях, рассматривая субъективные и культурно-исторические аспекты ценностей, но при этом отделив их от онтологического аспекта, вне которого место ценностей в картине мира (всегда так или иначе претендующей на «объективность») оказывается крайне зыбким и неопределенным.

Критика Хайдеггером аксиологии как учения о ценностях (и самих ценностях) направлена, как нам представляется, в первую очередь на попытки,

---

¹³⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.

сначала отделив оценки от явлений реальности, затем первые, часто достаточно волюнтаристски, или же подчиняясь постоянно меняющимся социальным запросам, вновь механически на эту реальность наложить. И реальность, будучи оценена именно так, парадоксальным образом теряет ценность сама по себе, без подобных оценок, и предстает своего рода декорацией, пустой формой, произвольно наполняемой разного рода смыслами и не значащей сама по себе почти ничего. Против такого, по сути, обесценивающего подхода к реальности как бытию самому по себе и восстает Хайдеггер. Он, выступая против аксиологии и защиту онтологии, тем не менее, призывает вновь вспомнить о вневременной, и тем более, внесоциальной ценности бытия как реальности самой по себе, вне зависимости от субъективных и ситуативных ее оценок. То, что на первый взгляд выглядит как противопоставление аксиологии и онтологии, на деле оборачивается противопоставлением ситуативных и вневременных ценностей.

В объективистских и субстанциалистских трактовках ценности¹³⁶, долгое время доминировавших в аксиологии, понимание ценностей носило содержательный характер – то есть, эти ценности можно было действительно назвать и перечислить в некоем порядке. И это, пожалуй, одно из немногих действительных достоинств подобных концепций. К недостаткам же справедливо причисляют¹³⁷ то, что во всех случаях происходила неизбежная путаница, когда ценностями могли называться блага, добродетели, потребности, интересы, цели и вообще едва ли не любые предпочтения. Все это чрезвычайно девальвировало понятие ценности для специализированного философского дискурса.

Возникает неизбежный вопрос: а стоит ли в таком случае вообще использовать понятие ценности, и что именно оно может дать нашему исследованию? Если ценность, будучи обозначена содержательно, всегда оказывается тождественна каким-то другим категориям, не представляет ли она

---

¹³⁶ Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA PRESS, 1931. 135 с.

¹³⁷ Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

собой пустого понятия, от которого философии можно было бы просто отказаться, оставив его для массового неспециализированного употребления?

Действительно, ценность сама по себе – чистая абстракция, лишенная конкретного содержания, также как красота сама по себе, добродетель сама по себе и др. Тем не менее, ценность как одно из подобных наиболее общих понятий – фундаментальная философская категория, сама по себе представляющая своего рода «пустое» атомарное понятие, делающее возможным (как любая категория) целый отдельный класс операций – отнесение к ценности (как оценке), в свою очередь, представляющее собой отношение между субъектом и объектом оценки.

Можно возразить, что не каждая оценка обязана быть отнесением к ценности. На первый взгляд, оценки вроде «это нож лучше другого» или «красная ручка лучше зеленой» не выглядят отнесением к ценности из-за своей явной поверхностности и ситуативности. Однако если внимательно разобраться, что здесь понимается под «лучше/хуже», то можно увидеть замену этими терминами понятия функциональной целесообразности¹³⁸. То есть это указание на то, что некий предмет лучше или хуже иных выполняет назначенную ему функцию вообще или в конкретной ситуации. Это, если угодно, самый первый уровень отнесения к ценности – промежуточный, когда используемое в качестве критерия благо (функциональная целесообразность) - «служебное», то есть нужное не само по себе, а как ступень для достижения благ более высокого порядка. Может ли оно рассматриваться как самоцель? Возможно, если станет ценностью индивидуального субъекта как сущностная часть его мировоззрения.

Итак, если ценность как атомарная сущность делает возможной трехчастную операцию отнесения к ценности, включающую в себя саму оценку, ее субъекта и объект, то для определения различий в получающемся результате этой операции необходимо сосредоточиться не на объекте, который в данном случае все же изначально ценностно-нейтрален, а на субъекте, являющемся действующей силой и источником порождения ценностей, как и их единственным вместилищем. В

---

¹³⁸ Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. 320 с.

отрыве от любых субъектов ценности вообще не смогли бы существовать как таковые, а запечатлеваясь в культуре коллективных субъектов, неминуемо превращаются в понятия о благах, добродетелях и др.

В нашем исследовании одна из основных задач – поиск тех новых ценностных перспектив, которые могли бы сформироваться в результате выхода техногенной цивилизации из мировоззренческого кризиса. Для этого необходимо установить связь между развитием техносферы и трансформацией ценностных отношений – причем связь эта должна быть такого рода, чтобы ценности и напрямую связанные с ними этические максимы не привносились внешним образом, а составляли ядро указанной области деятельности. Здесь мы имеем в виду не только аксиологию техники, хотя и будем к ней обращаться. Мы понимаем эту аксиологическую сферу существенно шире, так как здесь речь идет не только о технике как таковой, но обо всей техногенной цивилизации в целом.

Когда мы ставим вопрос о возможности и необходимости включения аксиологической и этической проблематики в единое смысловое поле наряду с вопросами развития технологий, это порождает непростую методологическую и даже, возможно, гносеологическую проблему. Ставить вопрос в подобном ключе – означает попытку включить аксиологические и этические проблемы, с одной стороны, и вопросы, касающиеся технологий, с другой стороны, в некую единую систему более высокого порядка, которая позволит найти необходимые взаимосвязи между самими технологиями и социально-ценностным измерением.

Если говорить о самом понятии ценности, то нам неминуемо придется выйти за рамки как классической, так и современной аксиологии¹³⁹, так как если первая возникает лишь во второй половине XIX в., то сведение к ней всех ценностных исследований автоматически отсечет большую часть истории мировой философской мысли, включая все то, что и привело, в конце концов, к сложению самой аксиологии в современном значении этого термина. В то же время современная аксиология нередко отказывается, как мы увидим далее, от

---

¹³⁹ Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2004. 279 с.

содержательных трактовок ценностей, так как это ведет к уже упомянутым противоречиям. Однако мы не можем себе позволить ограничиться чисто формальными подходами к ценности, так как иначе наша работа рискует утратить практическую значимость, поэтому в последней главе будем обращаться также к культурологическим и социологическим исследованиям ценностной сферы современных локальных культур.

Тем не менее, если вернуться к изначально интересовавшему нас вопросу о том, как же все-таки включить в единое поле рассуждения аксиологическую проблематику и вопросы развития современных технологий – то необходимо уяснить, что здесь вовсе и не должно быть встречи двух миров: материального (технологии) и идеального (ценности). Формирование и передача ценностных систем, использование операций оценки – все это символические действия, которые могут осуществляться только в пространстве социальной коммуникации. В это же пространство должны быть включены технологии для возможности проведения с ними этих упомянутых символических операций. Мы, таким образом, работаем здесь не с технологиями самими по себе, а с определенными представлениями о них. Технология, как любой другой инструмент, может быть использована только в пространстве того дискурса, который уже содержит некие представления о возможностях, границах, причинах и последствиях ее применения – то есть все, на основе чего могут быть в дальнейшем построены оценки высшего порядка, относящиеся к аксиологии и этике. Таким образом, мы полагаем, что при анализе интересующего нас вопроса следует рассматривать не два, а одно изначально единое смысловое поле современной техногенной цивилизации, где приводятся в соответствие не технологии с ценностями, а ценности различных социальных групп, культур и исторических периодов.

Здесь же необходимо, наконец, проблематизировать само понятие ценности. Если определять его через значимость, то мы попадем в ловушку логического круга, так как значимость, в свою очередь, будет определяться через ценность. Пытаясь обойти эту проблему, можно обратиться к телеологической

составляющей¹⁴⁰ и определять ценности через цели, однако есть опасность уже на этом этапе также получить круг в определении. Указывая на объективную сложность задачи непротиворечивого определения ценностей, В.К. Шохин даже констатирует их «невербализуемость» при чрезвычайно высокой значимости для любого личностного мировоззрения¹⁴¹.

Ценности не сводимы к оценкам, однако исторически первые, вероятнее всего, должны были вырасти из вторых и, несмотря на приобретенные качественные различия, сохранить тесную взаимосвязь. Если ценности представляют собой мощную системообразующую составляющую мировоззрения и конституируют картину мира при условии понимания ее нетождественности миру как таковому – то оценки определяют особенности постоянно происходящего взаимодействия индивидов и групп с миром благодаря уже сформированным представлениям о должном, с которым сравнивают наличное сущее для придания последнему специфической «оценочной» характеристики. Последняя, опять же фундаментально отлична от описательной и напрямую связана с приданием любому действию или предмету того, что в них отсутствовало бы без оценивающего взгляда – а именно, личностного или социального смысла, вплоть до разрешения или запрета на существование и проявление чего-то вовне.

Мы сейчас не будем останавливаться на различиях и необходимой связи личностных и социальных смыслов – хотя бы потому, что для анализа все этого нам как раз необходимо будет пройти весь тот путь, который мы наметили, в надежде, что в конце концов он позволит нам сформулировать, что могут представлять собой как существующие ценностные особенности техногенной цивилизации, так и формирующиеся ценностные перспективы.

Если попытаться проследить «генетически», каким образом ценности возникают в мировоззрении как его основополагающая часть, то мы увидим

---

¹⁴⁰ Трубников Н.Н. О категориях «Цель», «Средство», «Результат». М.: Высшая школа, 1968. 146 с.

¹⁴¹ Шохин В.К. Ценность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01018есе6b4d1aefc3392301> (дата обращения: 01.02.2021).

специфическую трехчастную структуру. Если ценности не сводимы ни к благам, ни к нормам, способным существовать независимо от отдельного субъекта (в культуре), до и вне его, то это заставляет предположить, что ценности не только необходимы для формирования мировоззрения субъекта и вообще тех качеств, которые определяют его субъектность, но верно и обратное – сами ценности также не могут, видимо, существовать отдельно от субъекта. Если же, в свою очередь, ценность как сущность обусловлена субъектом, а точнее, его деятельностью, то рождаться она может тоже только во время специфической операции. Этой операцией может быть, конечно, только операция оценивания.

Таким образом, даже если ценность не тождественна оценке, однако и невозможна без последней. И здесь перед нами встает важный вопрос: чем фундаментальные человеческие (пусть даже полностью интрасубъективные) ценности отличаются от постоянных повседневных оценок элементов окружающей действительности? Забегая немного вперед, мы можем предположить, что отличия здесь могут носить не «качественный», а скорее «количественный» характер, то есть результаты бытовых оценок и фундаментальные ценности могут находиться на разных концах одной и той же шкалы (континуума). Различия же в их «местоположении» могут быть обусловлены их системообразующей ролью и значением для мировоззрения субъекта. Когда мы говорим о «значении» или о «важности» ценностей или продуктов оценки, это может показаться избыточным, так как здесь имеет место оценка уже самих ценностей как более или менее значимых. Однако противоречия здесь нет, так как, если воспользоваться подходом Аристотеля¹⁴², есть вещи значимые и желаемые ради внешней по отношению к ним цели – и отдельно взятые ценности здесь не исключение; и есть вещи, желаемые исключительно ради них самих, «бесполезные» в том смысле, что не несут дополнительной, внешней по отношению к себе пользы. Однако именно они становятся наиболее фундаментальными ценностями, именно по отношению к ним определяется значимость всего остального. Телеологический потенциал фундаментальных ценностей и ценностных систем субъекта в целом будет

---

¹⁴² Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 62.

рассмотрен далее в заключении данного параграфа работы, здесь же коротко обозначим нашу точку зрения, согласно которой ценности все же отличаются от целей и с системной точки зрения, т.к. результат оценки не может быть целью, хотя может ее определять; и с аксиологической точки зрения, т.к. нельзя стремиться как целям к добру или красоте самим по себе – это атомарные понятия, знаки, не имеющие реального денотата, платоновские эйдосы (если даже в мистическом порыве кто-то к ним стремится, как Плотин, то не сможет вербально указать на полученный результат)¹⁴³. Телеологический потенциал ценностей может быть определен через системный подход к мировоззрению, где ценности выступают системообразующим принципом и выстраивают все дальнейшие взаимосвязи¹⁴⁴.

Итак, если ценность формируется через операцию оценивания, то мы видим трехчастную структуру: субъект – оценка – объект оценки. Вопрос о том, кто и в каких ситуациях может выступать в роли субъекта, будет рассмотрен подробно в следующем параграфе. Здесь же мы обратим внимание по преимуществу на то, что представляет собой сама операция оценки, и как она может производиться субъектом таким образом, чтобы формировать интрасубъективные ценности. Также будет рассмотрен вопрос: возможны ли интерсубъективные ценности, и если да, то каким образом.

Начать следует с того, что представляет собой операция оценивания. Итак, субъект (то есть некто или нечто, обладающие всеми необходимыми признаками субъектности) производит операцию оценки какого-либо объекта. В результате рождается интрасубъективная ценность. При этом в ней в неразрывной взаимосвязи способны в некоторых случаях присутствовать оценка, объект оценки и сам оценивающий субъект. Как пример можно привести произведения искусства. Если некто оценит «Рождение Венеры» Боттичелли или «Давида» Микеланджело как прекрасные произведения искусства, и в личном мировоззрении этого субъекта они станут ценностью, то в данной ценности будут присутствовать как сам субъект

---

¹⁴³ Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал. М.: ИФ РАН, 2018. 193 с.

¹⁴⁴ Стремоухов А.В. Цель как философская и правовая категория // XX Юбилейные Царскосельские чтения, материалы международной научной конференции: в 3-х т. Т. 3. СПб., 2016. С. 106–111.

и данная им оценка, так и произведение. Это возможно тогда, когда этот субъект уже в принципе не может помыслить данное произведение лишенным ценности, оторванным от нее. При этом даже если субъект заявит, что именно данное произведение для него стало личностной ценностью, то именно потому, что он счел это произведение прекрасным, причем не просто так, а в соответствии с какими-то уже ранее усвоенными критериями. Субъект, таким образом, через данное произведение смог приобщиться к прекрасному как своей же, возможно, наиболее глубокой и фундаментальной ценности, которая только и могла сообщить значимость произведениям искусства и вообще всему, что может быть субъектом отнесено к прекрасному, причастно к нему почти в платоновском смысле.

Опять же, здесь мы не будем углубляться в дискуссию о том, может ли некое понимание или хотя бы чувство того, что есть красота, добро или справедливость, быть сколько-нибудь врожденным¹⁴⁵, или же является продуктом социализации по преимуществу. Однако если говорить о подавляющем большинстве остальных ценностей, то их природа носит, безусловно, именно социальный характер. Если вернуться к примерам с произведениями искусства, то для того, чтобы эти произведения для кого-то смогли стать ценностью, необходимо соответствующее воспитание, обучение, развитие художественного вкуса и т.д. То есть усвоение всех тех контекстуальных социокультурных критериев, согласно которым нечто может рассматриваться и как прекрасное, и как произведение искусства. В пользу такой точки зрения говорят многочисленные примеры неприятия неподготовленными реципиентами ряда произведений современного искусства, так как в этом случае необходимо использовать иные критерии, нежели те, которые могли быть усвоены при изучении классических произведений.

Отдельно стоит сказать о соотношении ценностей, оценок и нормативных комплексов, так как все эти взаимно соотнесенные понятия нередко смешиваются. Что касается ценности, то, как мы уже упоминали, она невозможна без оценки, хотя различные субъекты способны на разные типы оценок, а также различаются в

---

¹⁴⁵ Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. 639 с.

зависимости от того, насколько субъект, объект и операция оценки могут быть отделены друг от друга. Обо всем этом более подробно будет сказано в следующем параграфе. Если же говорить о нормах, то ими в самом широком смысле можно считать некие установленные эталоны или образцы¹⁴⁶. Некоторые авторы считают нормы частным случаем оценок¹⁴⁷, но мы не можем полностью с этим согласиться, т.к. если оценка и ценность невозможны без того, кто оценивает, и существуют только в воспроизведении, то нормы – это некие устойчивые представления, которые могут бытовать в культуре столетиями, и как правило внушаются субъектам извне. То есть норма – это результат закрепления, своеобразной «кристаллизации» оценки, что может произойти, во-первых, только в границах существующих коллективных социальных субъектов, во-вторых, требует длительного времени, многих лет, а чаще десятилетий.

Итак, при рассмотрении связи ценностей и нормативных систем необходимо выделить несколько пунктов.

1) Возникновение и бытование ценностей неразрывно связано с оценочной деятельностью субъекта и без него в принципе невозможно. В то же время нормативные системы, хотя и должны были возникнуть сходным образом, в результате исторической деятельности множества субъектов, но, закрепившись в культуре, могут существовать и существуют уже отдельно и во многом независимо от отдельных субъектов, в частности индивидов, которыми усваиваются в процессе социализации.

2) Нормативные комплексы соотносятся с ценностями таким образом, что первые служат для вторых своего рода исходным критерием, в соответствии с которым субъект способен сформировать собственную оценку объекта и, соответственно, отталкиваясь от усвоенных норм и их переосмысляя, постепенно создать собственную ценностную систему как ядро своего мировоззрения.

---

¹⁴⁶ Левин Г.Д. Норма // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743ace07bb138e4cfee67> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁴⁷ Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. С. 198.

3) Наконец, при рассмотрении использования нормативных систем для формирования ценностей необходимо различать само содержание норм и способы их применения, в которых преимущественными объектами оценки могут выступать различные сущностные феномены, составляющие более или менее сложные системы, созданные деятельностью субъекта.

Социокультурные процессы формирования нормативных комплексов – чрезвычайно сложный феномен как из-за необходимости анализа огромного массива фактических данных для существующих культур в историческом разрезе каждой из них, так и потому, что необходимо учитывать возрастающее влияние специфики глобальной смены цивилизационных типов. Мы в данной работе сосредоточили внимание, в основном, на втором пункте, чему во многом были посвящены вторая и третья главы исследования. В этой главе мы также акцентируем внимание на этических подходах и концепциях, позволяющих по-разному выстраивать ценностные системы социальных субъектов.

Если ценности выражаются только лишь в деятельностном отношении субъекта к реальности и не могут существовать вне субъекта, то трехчастная система: субъект – операция оценки – объект (реальный или воображаемый) может видоизменяться в своей содержательной части, в то время как формальная часть будет оставаться неизменной.

В этом параграфе мы коротко рассмотрели различные существующие и исторически сложившиеся подходы к ценностной проблематике. Это позволило сделать уже прозвучавший ранее вывод о фундаментальной субъективности (и даже интрасубъективности) ценностей. Роль их в становлении мировоззрения субъекта будет рассматриваться в следующем параграфе.

Здесь мы попытались для целей нашего дальнейшего исследования сформулировать, что можно понимать под ценностями вообще, и каким образом возможно рассуждать о ценностных перспективах культур, цивилизаций и больших социальных групп – в особенности, при условии признания упомянутой субъективности ценностей. Ценность в применяемой нами трактовке представляет собой не что-то объективное и ли субстанциальное, а специфическое отношение,

которое может сформировать только субъект, индивидуальный или коллективный, и преимущественно в рамках такого мировоззрения, где реальность сама по себе мыслится ценностно-нейтральной.

В.К. Шохин совершенно справедливо указывает, что обозначенные классической аксиологией трактовки ценностей, тяготевшие к противопоставлениям субъективизма и объективизма, с одной стороны, и натурализма и антинатурализма, с другой, породили ряд противоречий, которые нельзя разрешить в рамках этих дихотомий, а можно только обойти¹⁴⁸. И хотя сам это автор высказывает позицию, тяготеющую к персонализму и, соответственно, субъективизму, нам представляется продуктивным пройти в рассуждении чуть дальше, не останавливаясь на том, что ценности с точки зрения самого субъекта представляют некие атомарные сингулярности в наиболее глубоком и фундаментальном слое его мировоззрения.

Если нечто становится для субъекта ценностью, данный изначально нейтральный факт реальности смог стать таковым только после некой операции, примененной субъектом и придавшей этому факту некую особую важность, значимость. Эта операция «придания ценности» субъективно может не всегда рассматриваться как оценивание. Тем не менее для стороннего наблюдателя она будет выглядеть именно таковой. Более того, если нечто оказывается даже отчасти случайным образом связано с неким мировоззренчески фундаментальным для субъекта экзистенциальным переживанием, то такой объект (например, пейзаж) становится своего рода субъективной ценностью – хотя бы как проводник, неразрывно связанный с полученным опытом и дающий к последнему путь при необходимости – как трагедия способна давать путь к катарсису.

Тем не менее, если мы говорим о ценности как таковой, она с необходимостью окажется как наиболее фундаментальным понятием, так и пустым – ровно также, как, например, красота как таковая. Точно также, как красота сама по себе (в качестве абстрактного понятия) может быть мыслима как понятие, но уж

---

¹⁴⁸ Шохин В.К. *Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль*. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

точно непредставима (не имеет денотата) без отсылок к конкретным более или менее красивым объектам, так и ценность сама по себе необходимо отсылает к каким-то конкретным объектам, которые могут быть ею наделены. Попытки же определения ценности через добро или красоту, к примеру, также лишены смысла, как и определения добра или красоты через их ценность – с чисто логической точки зрения, так как это будет попытка определить одно максимально абстрактное понятие через другое такое же (сработало бы определение через род и видовое отличие, но здесь этого разделения просто нет)¹⁴⁹.

Таким образом, ценность в том смысле, который будет использоваться в данной работе – это, прежде всего, связь субъекта и объекта через деятельность субъекта по приданию объекту ценности. И ценность существует ровно столько, сколько субъект способен поддерживать эту связь – ведь он по ряду причин может прекратить это делать, и тогда данная конкретная ценность из его мировоззрения просто исчезнет.

Однако здесь мы неизбежно встречаемся как минимум с двумя важными вопросами, прояснение которых необходимо для данной работы и будет сделано в следующем параграфе. А именно, это, во-первых, вопрос о том, кого мы здесь именуем субъектом – только ли индивида (и всякого ли) или же возможен некий коллективный субъект. И может ли субъект вообще не принадлежать к человеческому роду? Во-вторых, это, конечно, вопрос о том, на каком основании субъект вообще способен производить эту операцию оценивания как отнесения к ценности, и в каких вариантах он может ее производить.

Ценность в общем смысле, таким образом, представляет собой не столько нечто содержательное (с точки зрения субъекта она, как раз, может казаться чем-то атомарным и невербализуемым), сколько возможность (почти в кантианском трансцендентальном смысле) или некую идею (по типу платоновской), когда все объекты реальности могут определяться через причастность к ней. Но опять же, по

---

¹⁴⁹ Hartman R.S. The definition of good: Moore's axiomatic of the science of ethics // Proceedings of the Aristotelian Society New Series. 1964-1965. Vol. 65. P. 235–256; Hartman R.S. Formal axiology and the measurement of values // The Journal of Value Inquiry. 1967. Vol. 1. P. 38–46.

аналогии с красотой, отнесение объекта к красивым или ценным возможно только при наличии каких-то предварительно усвоенных представлений, используемых как критерии. И представления эти субъект не может изначально получить иначе, чем в процессе социализации, чтобы потом уже иметь возможность их самостоятельно дополнять и видоизменять.

Наконец, завершая данный раздел, необходимо сказать также о соотношении ценностей и целей, так как ранее мы упоминали, что эти понятия, напрямую связанные, все же не тождественны друг другу. Даже если говорить о благах как о возможных целях, это все равно потребовало бы множества специальных уточнений, так как стремление к благу как таковому возможно только в платоновском смысле, в то время как в подавляющем большинстве случаев, когда декларируют желание достичь какого-то блага, то имеют в виду некое вполне конкретное, предметное его наполнение, обусловленное культурными установками или индивидуальным опытом. То же можно сказать и о добродетелях как возможных целях. Мы говорим здесь о благах и добродетелях потому, что в массовом сознании и часто даже в научном дискурсе именно они часто отождествляются и с целями, и с ценностями. Что же касается ценностей в той указанной выше трактовке, которой мы здесь придерживаемся, то вопрос, насколько они отстоят от целей, должен, как нам кажется, решаться через соотнесенность с субъектом оценки, что и будет проделано в следующем параграфе. Как мы уже упоминали, для индивидуального субъекта те его ценности, что образуют ядро его собственного мировоззрения, могут восприниматься как цели, но не для всех возможных субъектов это верно. Например, если для индивида мудрость (как стремление к постижению смыслов бытия) может быть и целью, и одновременно ценностью, то для коллективного социального субъекта мудрость – ценность только при условии, что она способствует тем видам деятельности, которые для этого второго типа субъектов предпочтительны как сохраняющие его стабильное существование. Если же не способствует, то для такого коллективного субъекта гораздо выше будут цениться такие добродетели, как послушание, скромность или что-то еще – как происходит в тех группах и социумах, где

сохранение стабильности полагается важнее развития, что часто встречалось при господстве мифологического сознания.

Тем не менее, ценности и сами по себе, и через порожденные ими нормативные комплексы способны оказывать определяющее влияние на целеполагание, что достаточно подробно разбирается, например, у неокантианцев¹⁵⁰. Мы же еще раз обратим внимание, что с системной точки зрения ценностно-нормативные комплексы (здесь мы говорим о ценностях и нормах вместе, т.к. речь идет обо всех возможных субъектах) являются своего рода управляющей и регулирующей системой для всей осмысленной социальной деятельности, именно поэтому эти комплексы находятся в ядре любой социальной системы, представляя ее системообразующий, эгрессивный (в терминологии Богданова) центр.

§ 2. Понятие и особенности субъекта ценностного отношения¹⁵¹

В предыдущем параграфе мы подошли к тому, что ценность невозможна без субъекта ценностного отношения. Для рассмотрения структуры и особенностей формирования ценностного отношения необходимо обратить отдельное внимание на все его части: субъект; объект; деятельность субъекта, формирующая это отношение; критерии, которыми субъект может руководствоваться. Особого внимания заслуживает, конечно, понятие субъекта ценностного отношения.

Соответственно, здесь нас будет интересовать вопрос специфики, в том числе и отличий, результатов этого отношения исходя из особенностей субъектов оценки, а не ее объектов, так как последние, мы полагаем, ценностно нейтральны сами по себе, и только отношение субъекта может придать объекту ту или иную степень

---

¹⁵⁰ Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. 2017. № 11. С. 54–68.

¹⁵¹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

ценности. В этом смысле аксиологическая перспектива отлична даже от чисто этической, не говоря об обыденном представлении о ценностях и оценках.

С точки зрения обыденного знания оценка различается, потому что объект не всегда отвечает представлениям о желаемом его состоянии. Эти представления культурно-обусловлены и часто неотрефлексированы как таковые, поэтому свойства быть положительно или отрицательно оцененным ошибочно приписываются самому объекту. Этическое знание рассматривает различия в оценках поступков и явлений в зависимости не только от того, как именно, но и от того, что именно оценивают – интенции (как цели), результаты, средства, состояние самого деятеля и др. В рамках аксиологического знания оценка может различаться не только по вышеуказанным причинам, но и потому, что разные субъекты оценки в силу своих характеристик способны на различные ее виды.

Можно предположить, что если речь идет об оценках, то этические нормы могут выступать своего рода мерилем, критерием оценки, с которым будет сверяться то или иное конкретное действие. Однако объяснение того, почему норма должна признаваться общезначимым критерием, откуда она берется и как объясняется ее содержание и необходимость ее выполнения – все это может быть вариативно в рамках различных существующих этических концепций. Кроме того, остается сама операция оценки как приведения в соответствие норме – в зависимости от того, кто именно эту оценку производит и какими характеристиками он обладает, такая оценка тоже может различаться по своему уровню – от сугубо утилитарного и ситуативного, до мировоззренческого уровня, максимально углубленного и всеобъемлющего. Это оценивающее начало – субъект оценки, и будет нас в данном параграфе интересовать по преимуществу.

Итак, мы начнем с постановки вопроса о том, каким образом вообще можно рассматривать ценностные перспективы с точки зрения субъектов – это, по нашему мнению, необходимый этап, который должен предварять любой разговор о содержательной части, представленной, по сути, благами и добродетелями – они могут быть критериями, которые в зависимости от специфики субъекта оценки могут с ней сливаться или отдаляться от нее, а также в зависимости от того, идет

речь о ценностях индивидуального субъекта, коллективного субъекта или возможного псевдосубъекта, в качестве которого, как мы увидим далее, может предстать созданный людьми актер, функционирующий на основе технологий искусственного интеллекта.

Итак, для того, чтобы попытаться понять, кто (или даже что) может быть субъектом в интересующем нас аспекте, необходимо обратиться к возникновению данного понятия и сказать немного об истории и эволюции последнего. Когда мы говорим о роли субъекта в формировании ценностных перспектив цифрового общества, первое, с чего стоит начать – это, конечно, само определение субъекта и его основных характеристик. Как мы увидим далее, субъекты могут быть индивидуальными и коллективными, а дальнейшее развитие технологий заставляет задаться непростыми вопросами о том, обязаны ли субъекты всегда быть (оставаться) непременно только человеческими индивидами и группами¹⁵².

Термин «субъект» имеет множество значений, варьирующихся как в зависимости от контекста употребления, так и от конкретного языка. К примеру, в русском языке под термином «субъект» чаще всего подразумевают начало действующее, в отличие от «объекта» как претерпевающего. Исключение составляют логическое и грамматическое значения «субъекта» как подлежащего по отношению к предикату-сказуемому.

В то же время в некоторых европейских языках (например, английском) под «субъектом» может пониматься «предмет» или «тема» рассуждения, «объект» исследования и др.¹⁵³.

Начало использования данного термина относят к Средним векам, когда под «субъектом» понимался вассал или подчиненный¹⁵⁴. Подобное словоупотребление восходит к упомянутому в ряде источников латинскому «subjectus», означавшему

---

¹⁵² Kingwell M. Are Sentient AIs Persons? // Dubber M.D., Pasquale F., Das S. The Oxford Handbook of Ethics of AI. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 325–342.

¹⁵³ Карицкий И.Н. История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // Электронный научный журнал «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2015. № 3–4. С. 89–116.

¹⁵⁴ Subject // Merriam-Webster.com Dictionary. Merriam-Webster. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/subject> (дата обращения: 01.12.2021).

«лежащий под», «находящийся в основе»¹⁵⁵. В указанном смысле ряд источников возводят изначальное значение данного термина к латинскому переводу греческого (аристотелевского) понятия «материал», «материя».

Средневековое понимание субъекта близко к понятию «субстанции», «основы», а также к тому, что позднее стало пониматься под «субъектом» в сугубо логическом и грамматическом значениях термина. В значениях, близких к современному, данный термин стал употребляться не ранее Нового времени, вероятно, начиная с работ Декарта, и в особенности, Канта. Последний использовал понятия субъекта и объекта познания, во-первых, приписав субъекту более привычную ему сейчас познавательную функцию, во-вторых, поставив эти категории в прямую взаимосвязь и даже взаимозависимость¹⁵⁶. В дальнейшем понятие субъекта развивалось в философии, а затем также и в психологии, став одним из наиболее привычных и получив ряд новых значений, в том числе, и в обыденном словоупотреблении.

Мы не будем подробно останавливаться на различиях в значении данного термина в разных языках, только констатируем, что, к примеру, в английском у понятия «субъект» чрезвычайно много значений, в обобщенном виде отражающих как более привычное нам понимание субъекта как действующего начала, так и производные от средневековых значений, где субъект предстает чем-то близким, скорее, к предмету или объекту. Подобные различия в трактовках заставляют при переводах философских и психологических текстов с русского на английский и обратно учитывать различные значения и иногда делать ремарки на тему того, что в оригинальных русскоязычных источниках под субъектом понимается «агент», «актор» – то есть действующее, а не претерпевающее начало.

Достаточно долгое время как в философской и психологической литературе, так и в обыденном словоупотреблении субъект отождествлялся с человеком

---

¹⁵⁵ Лекторский В.А. Субъект / Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018ddb6e872549db6296a3b8d> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁵⁶ Карицкий И.Н. История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // Электронный научный журнал «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2015. № 3–4. С. 89–116.

вообще, нередко выступая как синоним или заменитель понятий «Я»¹⁵⁷, «индивид»¹⁵⁸, «личность»¹⁵⁹. Тем не менее, при том, что значения этих понятий пересекаются, они все же, очевидно, не совпадают.

В.А. Лекторский, давая философское определение субъекта, указывает на него как на «носителя деятельности, сознания и познания»¹⁶⁰, что задает конкретные направления дальнейшего рассмотрения проблемы субъектности.

Если субъект – это по определению некое действующее начало, то именно деятельность должна стать отправной точкой для остальных его характеристик. Деятельность можно, в свою очередь, определить как «специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование»¹⁶¹. То есть любой субъект, чтобы считаться таковым, должен действовать сознательно (то есть как минимум, не инстинктивно и не автоматически) и целесообразно.

Субъект, понимаемый как действующее начало, способен, как мы еще не раз упомянем, конституировать себя лишь во взаимодействии с миром, как с окружающим его, так и с его собственной внутренней реальностью. При этом возникает закономерный вопрос: какого рода взаимодействие с действительностью определяет именно субъекта. То есть последнему можно попытаться дать сколько-нибудь внятное определение, исходя из тех форм деятельности, на которые он способен, учитывая при этом, что сама по себе деятельность в любом случае должна быть его первичной, базовой характеристикой.

---

¹⁵⁷ Лекторский В.А. Я // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac362bd6e2b7b04ddf56a> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁵⁸ Гайденок П.П. Индивид // Большая российская энциклопедия. Научно-образовательный портал. [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2008631>. (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁵⁹ Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А. Личность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc2733a9b6524f7ca3ca4c2> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁶⁰ Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d> (дата обращения: 01.02.2021).

¹⁶¹ Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e4b209660a1b926ebfcb6e> (дата обращения: 01.02.2021).

В работах В.А. Петровского¹⁶² можно увидеть следующие характеристики субъекта:

- 1) целеустремленность;
- 2) способность к рефлексии;
- 3) свобода;
- 4) способность к самостоятельному развитию и совершенствованию.

Также к этому перечню, очевидно, стоит добавить:

- 5) социальность.

Далее мы подробно рассмотрим все указанные свойства, так как, во-первых, они не в равной степени развиты у всех существующих типов субъектов, во-вторых, напрямую влияют и на выбор тех содержательных представлений о благах и добродетелях, которые, поддерживая субъектность на максимально высоком уровне, могли бы помочь снять те ценностные противоречия техногенного типа цивилизации, которые привели последний к кризису.

Итак, первое из указанных свойств, целеустремленность – это способность к сознательному и самостоятельному целеполаганию. Для нас этот пункт очень важен, так как позволяет четко выделить тех, кто способен быть субъектами в техногенно-ориентированных обществах как настоящего, так и обозримого будущего¹⁶³. Более того, можно предположить, что эта особенность субъекта является в некотором раде манифестарной и «собирающей», так как может быть полноценно реализована только при наличии трех последующих характеристик.

Второе свойство, рефлексия, может трактоваться как способность субъекта формировать образ себя. Эта особенность является также фундаментальной для возможности постоянной оценки сформированного образа путем использования социально обусловленных нормативных (в том числе этических) систем.

---

¹⁶² Петровский В.А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 64–90.

¹⁶³ Федотова В.Г. (отв. ред.) Меняющаяся социальность: контуры будущего. М.: ИФ РАН, 2012. 267 с.

Свобода воли субъекта – также его важнейшая характеристика, без которой не может быть ни самостоятельного осознанного целеполагания, ни оценки субъектом как самого себя, так и достигнутых в ходе деятельности результатов.

Способность субъекта к развитию как совершенствованию своей адаптации к постоянно меняющимся условиям, внешним и внутренним, предполагает осознание необходимости такого развития, а также и его критериев, возможные только в такой мировоззренческой парадигме, которая полагает прогресс не только возможным, но и необходимым – то есть, это свойство субъектности становится все более распространенным именно в рамках техногенной цивилизации.

Стоит отдельно сказать и о необходимом свойстве социальности субъектов. Последнее кажется очевидным, так как если мы говорим о способности субъекта к целенаправленной, свободной деятельности, к рефлексии и саморазвитию – все это с необходимостью предполагает предварительное формирование у субъекта способностей к реализации перечисленного – и только в социуме подобное становится возможным. Деятельность уже по определению представляет собой специфически человеческую форму активности, является социально детерминированной.

Если говорить о первом пункте, то мы безусловно признаем, что способностью к целеполаганию обладают индивиды и консолидированные человеческие коллективы. Целеполагание напрямую связано со способностью субъекта к формированию целостного мировоззрения, где наличествует как образ самого субъекта, так и образ остального универсума – причем все эти образы не просто известны, но, что часто даже важнее, определенным способом оцениваются и в соответствии с этим ранжируются и выстраиваются в некие ряды, в том числе, как возможные/желательные/достижимые цели.

Способность субъекта к свободному целеполаганию и напрямую связанному с этим саморазвитию оказывается реализована, если субъект обладает мировоззрением как системой взглядов на себя и всю остальную действительность, определенным образом ранжированных исходя из такого фундаментального фактора, как ценностная система, внутренне присущая данному субъекту.

Помимо этого, мы предполагаем, что из упомянутой выше характеристики свободы субъекта вытекает еще одна – его способность быть самостоятельной, «последней», «атомарной» целью и ценностью – причем как для себя, так и для других субъектов. Тем не менее, мы полагаем и постараемся далее показать, что наше последнее соображение верно преимущественно для отдельно взятой человеческой личности как субъекта, а также, возможно, для некоторой части коллективных субъектов, являющихся первичными группами. Помимо этого, еще одним нашим предположением стало следующее: степень свободы субъекта, понятой как способность самостоятельно ставить цели и принимать решения, должна также определять уровень его способности к формированию ценностного измерения социальных, культурных и научно-технических явлений, в том числе, конечно, и новых технологий.

Понятие свободы субъекта, как индивидуального, так и коллективного, заслуживает отдельного рассмотрения. Конечно, философия свободы – это отдельная и очень обширная сфера, да и сама свобода – чрезвычайно широко трактуемый термин. Проблему свободы так или иначе затрагивали столько мыслителей – от Аристотеля до философов Возрождения, от Фромма до Бердяева в более близкий нам период – что даже беглое рассмотрение работ этих авторов потребовало бы отдельного исследования. Всем этим мы здесь заниматься не имеем возможности. Поэтому говорить о понятии свободы действующего индивидуального и коллективного субъекта будем с привычной нам системной и во многом весьма прагматической позиции, чаще всего, глубоко чуждой писавшим о свободе авторам (достаточно вспомнить возвышенные размышления в «Философии свободы» или «Смысле творчества» Бердяева¹⁶⁴).

Итак, во-первых, мы собираемся связать свободу субъекта с его способностью к рефлексии и развитостью этой способности. Мы полагаем, что свобода – это именно способность субъекта быть определяющей причиной собственных поступков. Таким образом, субъект должен как минимум осознавать

---

¹⁶⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.

самого себя как действующую и целеполагающую сущность, а также собственную позицию в той реальности (среде), где он существует и проявляет активность.

Кроме того, нам представляется перспективным разделить в понимании свободы субъекта его способность к 1) осознанию собственных возможностей выбора и существующих альтернатив; 2) осуществлению задуманного.

Свобода субъекта – это его возможность выбора и достижения выбранного. Если, например, субъект не способен увидеть существующие альтернативы, то даже при их реальном наличии они для него, понятно, не существуют и недостижимы. Подобное может произойти по целому ряду причин: неосведомленности субъекта, неспособности к анализу ситуации, неспособности принять имеющиеся альтернативы в силу тех или иных убеждений.

Кроме того, даже при условии понимания субъектом существующих альтернатив часть из них может быть недостижима как из-за объективных причин, так и, опять же, из-за установок самого субъекта. Здесь мы имеем в виду то, что можно назвать ее «ценой».

Если обратиться к известной концепции позитивной и негативной свободы, то первая обычно подразумевается, как свобода действовать неким желаемым образом (свобода для чего-то), в то время как вторая – как свобода от неких внешних ограничений (свобода от чего-то). То есть первая мыслится как возможность делать выбор, в то время как вторая – как отсутствие давления.

Однако при нашем подходе подобное противопоставление снимается. Если, например, гипотетически сравнить двух персонажей – как нередко поступали мыслители Античности – свободного и находящегося в рабстве, то чем один будет отличаться от другого? В каком смысле первый будет более свободен, чем второй? Лишь в том, что для первого «цена» личного выбора будет намного ниже, чем для второго. Это не значит, что второй полностью несвободен – просто свобода выбора для него обойдется неизмеримо дороже, возможно, этой ценой станет его благополучие, здоровье или даже жизнь. Именно из-за подобной практически «неподъемной цены» мы и говорим часто и несвободе как о чем-то объективном –

в то время как способность индивида делать выбор и даже стремиться к получению выбранного вполне может сохраняться.

В то же время можно рассмотреть другую ситуацию возможной несвободы – когда субъект просто не знает и не видит возможного пространства выборов. И эта несвобода гораздо более фундаментальна, чем в первом варианте, так как если там субъект при каких-то обстоятельствах может решить все же осуществить свободный выбор, пусть и заплатив за это высокую цену, то во втором случае он в принципе может быть на это не способен.

Итак, почему снимается при таком подходе противопоставление позитивной и негативной свободы? В первую очередь, потому что позитивная свобода в данном случае – это возможность при видимых субъектом альтернативах осуществить выбранное и задуманное с не очень высокой «ценой», в то время как негативная «свобода от» – это как раз и есть отсутствие этой чересчур высокой «цены». Таким образом, получается, что как «свобода от», «так и свобода для» – в данном случае это возможность для субъекта действовать при наличии совершенного выбора, и различие здесь только количественное, если можно так выразиться – скольким именно субъекту ради этого придется «заплатить».

Свобода же в общем смысле представляется тогда свободой внутренней – способностью субъекта делать выбор и оценивать, чего будет «стоять» ему осуществление этого выбора. Внешняя свобода как не слишком завышенная цена выбора в принципе возможна только в условиях свободы внутренней как самой способности этот выбор делать. Чем меньше у субъекта видимых возможностей выбора и чем дороже встанет одна из альтернатив, тем меньше свободы, и наоборот.

Без свободы субъекта, как индивидуального, так и коллективного, невозможно не только целеполагание. Ценностное отношение к действительности также не может быть полностью ему принадлежащим, если сам субъект в нем не свободен.

Также стоит специально обратить внимание еще на одно важное и, если угодно, диалектическое свойство субъектов. А именно, необходимость при

разговоре о них всегда отталкиваться от их противоположности, их «Другого» – то есть, объекта.

Объект изначально представляет собой все то, на что может быть направлена активность субъекта¹⁶⁵. В этом наиболее общем смысле объектом действительно может быть все, что угодно – в том числе, и другие субъекты. Субъект и объект взаимно обуславливают друг друга. Субъект реализует себя исключительно через деятельность, которая не только всегда направлена на некий объект, но и определяется через последний. Если вспомнить особенности системного подхода, то любой объект представляет собой систему, способную отвечать только на те виды деятельности, которые комплементарны характеристикам этой системы. То же можно сказать и о субъекте – он как система способен генерировать определенные виды деятельности исходя из своих характеристик, и эта деятельность будет комплементарна только определенным классам сущностей, которые и станут ее объектами. В этом смысле можно действительно сказать, что субъект создает, конструирует свои объекты, которые в таком случае не тождественны «объективной» реальности, существующей как раз независимо от субъекта.

Тем не менее, под объектом даже в научном и философском дискурсе достаточно часто понимается или предмет (в значении как «вещь», так и «предмет исследования»), или нечто неодушевленное в принципе, или нечто, не способное в конкретной ситуации к проявлению собственной активности и по отношению к субъекту как действующему началу представляющее собой некую претерпевающую действия сущность.

Любопытно, что хотя зависимость выделяемых характеристик объекта от познавательной активности субъекта давно известна и стала своего рода общим местом, обратная зависимость упоминается, а тем более серьезно исследуется, значительно реже.

---

¹⁶⁵ Лекторский В.А. Объект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe582cc684b992ce2c8eae5> (дата обращения: 01.02.2021).

Одним из авторов, рассматривавших субъекта как сложный конструкт, зависящий от объекта, был Г.П. Щедровицкий¹⁶⁶. Он предложил пять вариантов конструирования субъекта как системы, взаимодействующей каким-то определенным образом с объектом как с другой системой, и поставил характеристики этих систем в прямую зависимость друг от друга. Причем можно констатировать, что характеристики выделенных им типов взаимодействия вполне возможно увязать с несколько более поздней концепцией типов научной рациональности, к которой мы в этой работе не раз обращаемся.

Итак, в качестве первого возможного типа взаимодействия Щедровицкий выделяет самый простой – в нем субъект взаимодействует с объектами таким образом, что свойства всех участников этого взаимодействия мыслятся как предзаданные. При этом, как проницательно замечает этот автор, не только объект рассматривается как нечто неизменное и зачастую не обладающее собственной активностью, но, что, возможно, гораздо важнее, сам субъект наделяется ровно такими же характеристиками, пусть и не так явно – и в результате мыслится, как еще один объект в ряду других таких же. Более того, если развить эту мысль, то можно предположить, что именно неявное отношение к себе как к подобному объекту внешнего воздействия и регулирования и порождает у субъекта подобный способ взаимоотношения с фактами окружающей действительности.

Если соотнести этот тип взаимодействия с типами научной рациональности, то очевидно, что более всего он соответствует классической научной рациональности и связанным с ней формам управления и организации деятельности (кибернетика первого порядка).

В качестве второго типа субъект-объектного отношения Щедровицкий выделяет взаимодействие субъекта (системы, организма) со средой. Здесь ученый практически повторяет мысль Богданова (хотя и без упоминания последнего) о том, что субъект, по сути, конституирует собственную окружающую среду теми своими особенностями, которые способны определенным образом с этой средой

---

¹⁶⁶ Щедровицкий Г.П. Человек как предмет исследований // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. С. 375–379.

взаимодействовать. Но при этом непременно присутствует и обратное воздействие среды на него, так что структуры среды и организма оказываются связаны неразрывно, образуя как бы новую систему – «организм-в-среде».

Отдельно от вышеуказанной Щедровицкий выделяет схему взаимодействия субъекта-деятеля по отношению к объектам. Хотя сам автор указывает, что отдельно такой подход редко используется и чаще входит как элемент в другие схемы. Можно было бы предположить, что именно как элемент (или, скорее, частный случай) он как раз мог бы войти в предыдущую схему, которая по отношению к нему является более общей. Первая схема подошла бы ко всем возможным субъектам, в то время как вторая подразумевает некие специальные формы целенаправленной деятельности.

Четвертой схемой, актуальной уже для социального взаимодействия по преимуществу, Щедровицкий называет партнерское взаимодействие субъекта с другими субъектами, где все участники являются личностями со всеми соответствующими качествами. С точки зрения Щедровицкого, в таком взаимодействии в качестве объектов просто выступают живые мыслящие люди или группы, сами способные быть субъектами, которые до этого взаимодействия обладают уже некими предзаданными свойствами. С последним утверждением как раз можно было бы отчасти поспорить, особенно исходя из упоминания самого автора о том, что такой подход используется в социологических теориях. В последних как раз в подобных случаях упоминается, а чаще специально акцентируется то взаимное влияние, которое при таком взаимодействии способны оказывать и испытывать все задействованные в нем субъекты. Чуть дальше в этом разделе мы как раз более подробно к этому обратимся, когда будем рассматривать взаимное влияние друг на друга индивидуальных и коллективных субъектов в групповом взаимодействии – вплоть до возможности приобретения или потери самих характеристик субъектности.

Если опять же, провести параллели между вторым, третьим и четвертым подходом у Щедровицкого и типами научной рациональности, то все они вполне соответствуют неклассическому типу, где учитывается как взаимное влияние и в

каком-то смысле даже взаимное конструирование субъектом и средой друг друга как систем с неизбежно комплементарными характеристиками. Хотя можно отметить, конечно, что такой фундаментально диалектический подход отнюдь не нов в философском дискурсе (он существовал еще в древности, задолго до Гегеля) – но для научного мировоззрения он все же прочно ассоциируется именно с неклассикой, как и для наук об управлении, в частности (кибернетика второго порядка). В этом смысле сам системный подход, начиная с Богданова и еще до появления кибернетики второго порядка, уже во многом был неклассическим.

Наконец, пятый подход, выделяемый Щедровицким, рассматривает субъекта как неотъемлемую часть среды, «орган» целостной системы. Это, что характерно, вовсе не умаляет характеристик его субъектности, но показывает его включенность в целостную среду, где каждая из частей и определяется целым, и сама определяет его свойства. Щедровицкий называет всю такую среду целиком целостным объектом, с которым взаимодействует и в который включен субъект. С точки зрения построения схемы отношений такая терминология оправдана, однако может создать некую путаницу из-за свойственных термину «объект» коннотаций и его противопоставления субъекту по принципу действующего-претерпевающего. Сейчас для характеристик подобных явлений употребляется, возможно, несколько более удачный в методологическом отношении термин «метасубъект», соотносимый с постнеклассической научной рациональностью и кибернетикой третьего порядка.

С учетом сказанного выше становится ясно, почему в философской и психологической литературе¹⁶⁷, несмотря на некоторую критику¹⁶⁸, часто можно встретить разделение взаимодействий на субъект-объектные и субъект-субъектные. В действительности очевидно, что второй случай является своего рода сокращением, указывающим на два одновременных взаимно-направленных

---

¹⁶⁷ Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.

¹⁶⁸ Лекторский В.А. Объект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHe582cc684b992ce2c8eae5> (дата обращения: 01.02.2021).

субъект-объектных взаимодействия, в то время как в первом случае это взаимодействие преимущественно однонаправленно.

Субъект-объектные взаимодействия могут подразумевать человека, группу людей (а возможно, и искусственные сущности, такие, как искусственный интеллект), производящих действие с чем-либо или кем-либо еще – при условии, что вторая сторона взаимодействия не проявляет качеств субъектности, даже если и способна ими обладать. Более того, взаимодействие подобного рода может происходить и в собственном внутреннем мире субъекта, например, в акте рефлексии.

Субъект-субъектные отношения по своей сути диалогичны – в том смысле, что осуществляются, во-первых, между равными по сложности системами¹⁶⁹, во-вторых, подразумевают обязательную обратную связь именно в форме сознательной взаимно-направленной активности, в-третьих, рефлексивны в том смысле, что строятся на осознании каждым из участников своей позиции и позиции другого в коммуникации.

Что касается конституирования такого фундаментального свойства субъекта, как рефлексия, то оно, по нашему мнению, вообще невозможно без наличия субъект-субъектного отношения¹⁷⁰. Как мы установили ранее, опираясь на работы Щедровицкого, субъект, рассматривающий все вокруг лишь как объекты, неминуемо объективирует и себя, ставя с ними в один ряд. Таким образом, если рассматривать рефлексия как осмысление субъектом своих действий¹⁷¹, то это неизбежно должно быть и самоосознание, самоосмысление его именно как субъекта. И подобное, исходя из изложенного выше, возможно только при признании возможности существования рядом Другого именно как такого же субъекта. Признание своей и чужой субъектности – вероятно, напрямую взаимосвязанные и, возможно, даже одновременные процессы.

---

¹⁶⁹ Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.

¹⁷⁰ Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. С. 408–414.

¹⁷¹ Огурцов А.П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc974bd5cb7cf4bf458b2c9> (дата обращения: 01.02.2021).

Очень хорошо и наглядно это взаимное формирование рефлексивности у субъектов показано в работах Лефевра. Этот автор – один из немногих, кто последовательно разбирает системы, сравнимые по сложности с исследователем и даже потенциально способные превосходить его.

Так, он рассматривает, опираясь на более ранние работы Эшби, известный пример взаимодействия гипотетических субъектов: «крысы» и «отравителя», когда усложнение одного из них неминуемо влечет за собой и усложнение другого. Вначале мы видим наиболее простую картину, когда «крыса» действует полностью бессубъектно, не осознавая себя и не отдавая себе отчета в последствиях собственных действий, что и приводит к победе «отравителя», желающего от нее избавиться. Однако насколько развита в данной ситуации субъектность «отравителя»? Он, конечно, имеет в своем сознании как собственную картину реальности, так и гипотетическую картину реальности «крысы», что и дает ему возможность эффективно действовать против нее. Так что первичная рефлексия ему доступна, также как и возможность действовать свободно и целенаправленно. Однако последней и не менее важной чертой субъектности – способностью к развитию, он может при этом и не обладать. Она просто ему не нужна, так как при восприятии окружения как статичных неразвивающихся объектов у него также нет ни стимула, ни необходимости развиваться и совершенствоваться самому. Можно было бы назвать такой подход по-бихевиористски ограниченным, однако он вовсе не сводится к примитивной схеме стимул-реакция. С точки зрения системного подхода система и среда взаимно определяют друг друга, поэтому более сложная и совершенная система по определению взаимодействует с более сложной средой, а сложная среда, в свою очередь, заставляет систему совершенствоваться, чтобы избежать кризисов. Причем средой, как мы видели, могут быть и другие субъекты.

С этой точки зрения как раз и рассматривает Лефевр неперенное взаимное совершенствование взаимодействующих субъектов. Так для того, чтобы выжить, гипотетическая «крыса» должна осознать, в какой ситуации оказалась, и достроить собственное представление о реальности, включив туда как себя, так и «отравителя» с его представлениями.

Однако если отойти от модели противостояния субъектов, которую, вслед за Эшби, использует Лефевр, то усложнение рефлексивных «внутренних миров» субъектов в любом случае приводит к все лучшему пониманию как ситуации в целом, так и себя-в-ситуации и другого-в-ситуации – причем в постоянном взаимодействии. Подобное понимание не только совершенствует их субъектные характеристики, но и неминуемо способно привести к лучшему пониманию ими последствий решений, принятых в этом взаимодействии, что в перспективе, с нашей точки зрения, способно привести к переходу от противостояния к кооперации.

Для развития систем толчком нередко может служить некий конфликт (или внутрисистемный, или со средой), в свою очередь вызывающий кризис, разрешение которого способно привести либо к совершенствованию и лучшей адаптации системы, либо наоборот, к ее деградации, вплоть до разрушения. Таким образом, подобные состояния для субъектов как систем весьма ресурсозатратны, так как часть системных связей в кризисной ситуации разрушается, возможно, безвозвратно, для построения новых также нужны ресурсы. Поэтому такое состояние систем не может длиться долго, и если системы устояли и сохранили самотождественность, то потом они, уже имея в результате некие комплементарные взаимно обусловленные структуры, могут перейти к иным формам взаимодействия, которыми могут стать кооперация или менее напряженные формы конкуренции.

Индивидуальный субъект. Итак, начнем с индивидуального субъекта, как носителя и создателя ценностей по преимуществу. Несмотря на то, что индивидуальный субъект для того, чтобы иметь возможность отнести что-либо к ценности, должен пройти социализацию при содействии коллективного субъекта, однако последний все же не обладает собственным сознанием и может выступать как актер лишь в качестве суммы индивидуальных субъектов, пусть деятельность коллектива как сложной системы и не тождественна деятельности каждого индивида в ней.

Индивидуальный субъект-человек способен обладать таким типом мировоззрения, которое действительно представляет собой его взгляд на весь мир в целом и место индивида в этом мире и по отношению к миру. То есть индивид оказывается одновременно наедине с миром и наравне с ним как сущность того же уровня и порядка. Никакой другой субъект, как мы далее увидим, на подобное не способен¹⁷².

Те ценности индивидуального субъекта, которые образуют ядро его личностного мировоззрения, с необходимостью должны восприниматься им как некая константа его внутренней реальности, от которой получает смысл и реальность внешняя. То есть такие его ценности не могут уже делиться в его сознании на субъект, объект и операцию оценки, иначе само их существование оказывается под вопросом, как и происходит в ситуациях индивидуальной «переоценки ценностей».

Для таких ценностей как раз очень верны высказанные Шохиним соображения о «порядках сердца»¹⁷³ как о чем-то чрезвычайно личностном и при этом существующем максимально несомненно для индивида. На этом, самом глубинном уровне существования ценностей, субъект и объект оценки, а также она сама и ее критерий сливаются в неразложимое единство. А результат всего этого, помимо прочего, сам в дальнейшем будет служить критерием для любых других подобных операций у этого индивида.

Индивид, кроме этого, конечно же, способен на более конкретные, ситуативные оценки явлений при помощи критериев, выработанных им лично или социумом для него, с четким пониманием того, что оцениваемый объект изначально был нейтрален, а сама оценка может быть вариативной. Все это верно для тех случаев, когда используются «служебные» критерии, применяемые для внешней по отношению к ним цели индивида. На подобного рода операции

---

¹⁷² Глинчикова А.Г. Индивидуализация личности в преддверии современности. М.: ИФ РАН, 2012. 163 с.

¹⁷³ Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

способен также и коллективный субъект, в то время как формирование ценностей, где субъект и объект оценки неразделимы, ему не доступно.

Можно было бы указать, что и критерии оценивания, и шкала оценки используются индивидуальным субъектом, что совершенно верно, как и то, что индивид получает все это от коллективного субъекта, в состав которого входит. Все это функционирует для той категории оценок, что носят для индивида тот самый «служебный» характер – то есть, когда что-то оценивается по неким критериям как лучшее или худшее – для достижения какой-то внешней по отношению к оцениваемому предмету цели, а не ради него самого. То, что является «последними целями», необходимыми ради них самих – именно эта весьма немногочисленная категория объектов и формирует сугубо индивидуальные ценности – и если все-таки попытаться приписать им какую-то пользу, то она будет состоять в формировании такого мировоззрения индивида, что позволит стремиться к личному счастью и совершенствованию. Используя терминологию, А. Маслоу, это самая верхушка пирамиды потребностей. Коллективный субъект способен дать индивиду возможность сформировать эти личностные ценности, но не может в этом индивида заменить.

Коллективный субъект. До этого мы говорили про субъекта вообще, подразумевая индивидуального субъекта как некий эталон субъектности. Однако если отталкиваться от рассмотренных нами черт субъектности, то ими способны обладать не только индивиды, но и некоторые группы людей – поэтому далее мы рассмотрим, каковы основные особенности тех сущностей, которые в современной научной литературе (философской, психологической, социологической) могут быть названы коллективными субъектами.

Когда мы говорим о ценностях того или иного цивилизационного типа, то от индивидуального субъекта ценностного отношения неизбежно вынуждены перейти к субъекту коллективному.

И здесь перед нами сначала встает дополнительная задача по самой проблематизации понятия коллективного субъекта. Необходимо, как это ни странно, обосновать, что коллективный субъект: 1) в принципе, существует,

2) обладает теми свойствами, при наличии которых можно говорить о формировании его ценностного отношения. Именно этим вопросам мы, в основном, и посвятим данный подраздел, с тем чтобы иметь возможность уже более детально рассмотреть, каким образом формируются и поддерживаются ценностные отношения к реальности у коллективного субъекта, где с системной точки зрения в этом ряду будут располагаться нормы и критерии оценок, и наконец, каким образом те или иные мировоззренческие системы способны менять акценты в ценностных отношениях, формируя определенные этические системы.

Итак, во-первых, мы вслед за А.Л. Журавлевым, на работы которого здесь будем опираться, используем принцип изоморфизма в рассмотрении индивидуального и коллективного субъектов¹⁷⁴. Также мы будем отчасти опираться на его концепцию уровней субъектности. Однако в отличие от этого автора, мы полагаем, что при наиболее развитой и проявленной субъектности в случае коллективных субъектов им присущи все те же свойства, что и индивидуальным, а не часть этих свойств – и именно отсутствие какого-то из свойств индивидуального субъекта у коллективного говорит о недостаточно развитой субъектности последнего.

При этом мы также полагаем, что коллективный субъект, будучи в некоторых своих аспектах устроен более сложно, чем индивидуальный, при этом должен также иметь специфические свойства, отсутствующие у индивидуального субъекта, и позволяющие определить первый именно как субъект в принципе – там, где в случае индивидуального субъекта это более очевидно и в специальных уточнениях может даже не нуждаться.

Рассматривая понятие коллективного субъекта, А.Л. Журавлев¹⁷⁵, в свою очередь, ссылается на работы С.Л. Рубинштейна. Для начала упомянем приводимые им характеристики коллективного субъекта, а затем рассмотрим,

---

¹⁷⁴ Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5-15.

¹⁷⁵ Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

насколько этот коллективный субъект отвечает тем особенностям, которые до того были выделены для индивидуальных субъектов.

Признаки коллективного субъекта выводятся из социальности и деятельностной природы индивидуальных субъектов, а также способности последних к согласованным коллективным действиям.

А.Л. Журавлев указывает на три основных, по его мнению, признака коллективных субъектов. Два из таких признаков, на наш взгляд, призваны прояснить, что мы вообще имеем дело с каким-то действующим организованным актором, и лишь третий способен сообщить что-то более конкретное именно об уровне развития субъектности (первые два – лишь о возможности ее наличия вообще). Причем, в отличие от Журавлева, использование системного подхода и соответствующей методологии позволяет нам говорить о практической невозможности разделения в коллективном субъекте двух первых названных им признаков, т.к. с нашей точки зрения они не могут существовать один без другого. Рассмотрим это подробнее.

Первый из указанных признаков – это взаимосвязанность индивидов в группе, как малой, так и большой, и соответственно, их взаимная зависимость друг от друга и от группы в целом. Должны наличествовать устойчивые, воспроизводящиеся внутригрупповые связи, что уже подразумевает относительно длительное существование группы и наличие в ней определенного (формального или неформального) распределения ролей.

Хотя в работе это отдельно не рассматривается, но логично сделать ремарку, что индивиды в подобных группах могут быть зависимы как непосредственно друг от друга (в пределах близкого окружения), так и от поведения всей группы в целом именно как отдельного субъекта, несводимого к простой сумме индивидов, который, в случае больших групп, могут даже напрямую между собой не взаимодействовать.

С системной точки зрения на подобные группы очевидно, что взаимосвязь индивидов – это не только неперенное условие существования этой общности именно как группы. Эта взаимосвязь должна постоянно поддерживаться и

воспроизводиться в коммуникативной (в первую очередь) деятельности индивидов – без этого никакие групповые процессы, включая групповую сплоченность, были бы невозможны.

Во-вторых, такого рода группа должна быть способна проявлять различные формы совместной активности, то есть действовать как единое целое по отношению к другим субъектам и объектам, подчиняясь при этом одной для всех членов группы общей цели и используя те способы ее достижения, которые подразумевают кооперацию.

Таким образом, это свойство коллективного субъекта, по нашему мнению, следует рассматривать в неразрывной связке с первым свойством. Однако с некоторыми важными оговорками. Так, если группа в принципе не может существовать как таковая без постоянной активности (хотя бы коммуникативной), направленной на себя же саму, то при этом вполне можно представить ситуацию, когда она способна долгое время существовать без активности, направленной на внешние социальные субъекты – например, за отсутствием таковых в ближайшем доступе, если группа существует где-то достаточно обособленно.

По нашему мнению, если и можно говорить об активности группы как отдельном параметре развития ее субъектности, то только во втором случае – когда она проявляет активность, причем не хаотичную, а целенаправленную, в сторону внешних субъектов. Поясним эту точку зрения.

Исходя из ранее рассмотренных качеств индивидуального субъекта, именно способность к целеполаганию и целенаправленной активности является для него критически важной, в то время как поддержание себя в виде целостной системы – это простое условие его выживания, свойственное индивиду, даже не наделенному развитой субъектностью. Ровно эту же аналогию мы проводим и с группой. Процессы поддержания целостности группы в результате ее внутренней коммуникативной активности часто возникают и происходят стихийно, в то время как адаптивно успешное действие вовне предполагает развитое осознание группой себя как отдельной сущности, своих целей и возможных целей других социальных субъектов. То есть это уже переход на следующий уровень – рефлексивной

активности, который А.Л. Журавлев соотносит с высшим уровнем развития субъектности группы.

Наконец, последним свойством наиболее развитых коллективных субъектов названо наличие в группе рефлексии – то есть самосознания группы, понимания ею своего положения, роли для членов группы и для других, внешних акторов. Добавим, что на этом этапе группа способна сформировать собственные коммуникативные коды и ценностные ориентиры, то есть создать собственную культуру или субкультуру, которая в перспективе позволит неограниченно долго поддерживать и воспроизводить сформировавшиеся роли и коммуникативные каналы группы, даже с появлением в ней новых или уходом прежних ее членов.

Конечно, далеко не все группы достигают последнего из указанных уровней. Большая часть групп обладает меньшей степенью субъектности, так как может находиться лишь на стадии определения ролей и формирования внутригрупповых взаимосвязей, или перейти к стадии совместной активности, каковая может быть ситуативной и эпизодической.

При этом А.Л. Журавлев высказывает сомнения¹⁷⁶ в том, что саморазвитие является необходимым свойством коллективного субъекта. Нам эти сомнения кажутся совершенно неуместными, так как если любая группа (в отличие, например, от толпы) – это своего рода система, то она не может сколько-нибудь длительное время существовать, не развиваясь. Просто потому хотя бы, что, как любая система, вынуждена испытывать влияние внешних и внутренних процессов и приспосабливаться к ним. В таком случае если нет развития, то неминуемо наступает регресс и разрушение системы, в нашем случае, группы как социальной общности.

И наконец, в этой схеме не рассматривается понятие свободы коллективного субъекта и ее соотносимости со свободой существующих в его рамках индивидуальных субъектов. А последнее, на наш взгляд, чрезвычайно важно, так как могло бы не только предоставить возможность как-то решить или снять

---

¹⁷⁶ Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5-15.

проблему противоречия индивидуализма и коллективизма, но и более глубоко рассмотреть непосредственно нас интересующий вопрос ценностного отношения субъектов к реальности и формирования его возможных критериев.

Свобода коллективных субъектов напрямую зависит от свободы индивидуальных, так как если индивидуальные субъекты подавляются коллективным в групповом давлении, то и сама такая группа теряет основу своей свободы как способности видеть максимальное количество возможных выборов (ограничивая выборы индивидов, ограничивает и количество выборов вообще). Это способно на небольшом временном промежутке консолидировать группу, но в более отдаленной перспективе ведет к замедлению развития, возможной стагнации и упадку. Последнее происходит в результате снижения адаптивных способностей такой группы (в результате снижения разнообразия выборов как возможных реакций – инструментов взаимодействия с реальностью).

Коллективный социальный субъект не может сформировать мировоззрение, ставящее его вровень с миром, но создает культуру, сравнивающую и противопоставляющую его как природе, так и другим коллективным субъектам. Все это диктует и уровень доступных для него ценностных отношений.

Коллективный субъект, как и индивидуальный, формирует свое отношение к реальности исходя из отношений вида «система-среда». Но если для индивидуального субъекта средой является весь универсум, который одновременно представляет собой и содержание индивидуального сознания, то для коллективного субъекта, во-первых, среда внешняя и внутренняя достаточно четко различаются, во-вторых, в качестве внешней среды для него могут выступать только явления одного с ним порядка.

Итак, что же представляет собой эта среда для коллективного субъекта, и как она способна влиять на формирование его ценностей?

Сам по себе коллективный субъект – это группа или более крупное сообщество, вплоть до всего социума целиком – со своей культурой, которая составляет своего рода внутреннюю среду для него, через понятийный аппарат которой он способен воспринимать комплементарные ей явления внешней среды,

которыми могут быть как другие коллективные субъекты с их культурами, так и воспринятая через призму культуры и поэтому неизбежно окрашенная антропо- и социоморфизмом природа.

Ценности коллективного субъекта, как и индивидуального, направлены на придание смысла и цели любой деятельности, и, в конечном счете, на поддержание его существования и целостности. Коллективный субъект также постоянно совершает операции оценки фактов реальности, однако уже не достигает при этом уровня настолько глубокого, как индивидуальный субъект. Если для последнего, как мы указывали, возможна ситуация, при которой субъект и объект оценки, а также сама ее операция, сливаются воедино, образуя сугубо индивидуальную ценность, то для коллективного субъекта подобное невозможно именно потому, что потребовало бы от него обладания сознанием не в метафорическом, а в самом прямом смысле. Если у коллективного субъекта формируется ценность, она неизбежно должна включать в себя ряд «промежуточных» звеньев, которые подразумевают, во-первых, изначальное согласие индивидов с принадлежностью к такому субъекту, во-вторых, их согласие также признать некий объект коллективной ценностью, причем уровень осознания и принятия всего этого у каждого индивида будет неизбежно отличаться. Кроме того, при появлении новых членов коллектива необходимо знакомство их с этой коллективной ценностью, что неминуемо предполагает некое объяснение и обоснование – оно присутствует в редуцированном виде даже в мифологическом сознании древности.

То есть у коллективного субъекта неизбежно происходит разделение вышеупомянутых «частей» ценности – субъекта, объекта и отнесения к ценности, что также влечет за собой несколько важных следствий: необходимость формулирования критериев оценки и введения шкалы оценивания от наилучшего к наихудшему, а также, конечно, вариативность оценок.

Понятие псевдосубъекта. Искусственный интеллект как псевдосубъект. Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) заставляет ряд

специалистов¹⁷⁷ задумываться над вопросами о том, можно ли на каком-то этапе развития данной технологии передать в ее ведение какую-то часть решений, принимаемых на основании оценочных суждений – причем так, что эти суждения тоже мог бы выносить ИИ более или менее самостоятельно. Другие авторы, в особенности специалисты гуманитарного профиля, занимающиеся вопросами ценностей и оценок профессионально, гораздо более скептически относятся к подобным перспективам¹⁷⁸.

Мы, со своей стороны, также не можем обойти стороной эти вопросы, когда рассуждаем о том, кто именно может быть субъектом вынесения ценностных суждений, и способен ли на подобное ИИ. И именно с философской позиции мы попытаемся обосновать тезис о том, что ИИ не может и, в ближайшем будущем (а может, и вообще) не сможет быть полноценным субъектом ценностного отношения (и этическим субъектом)¹⁷⁹, а, в лучшем случае, представляет собой так называемый псевдосубъект, демонстрирующий очень небольшое число свойств субъектности. Все те свойства субъекта, которые мы рассматривали ранее, даже у самого развитого ИИ представлены в очень малой степени: он способен ставить цели, отслеживать свое состояние, развиваться и действовать не всегда строго детерминировано – но только в самой ближайшей перспективе, ограниченной теми функциями, ради которых он был создан. Он сам представляет собой своего рода функцию, инструмент, который существует только ради внешней цели, заложенной его разработчиками, и ровно в тех временных и пространственных рамках, которые с этой целью соотносятся. Он в принципе не может быть ценен

---

¹⁷⁷ Leben D. Ethics for robots: how to design a moral algorithm. Abingdon: Routledge, 2018. 158 p.; Dubber M.D., Pasquale F., Das S. The Oxford Handbook of Ethics of AI. Oxford: Oxford University Press, 2020. 881 p.

¹⁷⁸ Булычёв И.И. Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 98–108.

¹⁷⁹ Brendel A.B., Mirbabaie M., Lembcke T.B., Hofeditz L. Ethical Management of Artificial Intelligence // Sustainability. 2021. Vol. 13. Issue 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/4/1974> (дата обращения: 10.10.2022); Jackson B.R. et al. The Ethics of Artificial Intelligence in Pathology and Laboratory Medicine: Principles and Practice // Academic Pathology. 2021. Vol. 8. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2374289521000518?via%3Dihub> (дата обращения: 10.01.2022).

сам по себе, в отличие от индивидуальных и коллективных субъектов, которые, именно исходя из собственной самостоятельной и независимой ценности и значимости, могут свободно развиваться и ставить какие-либо цели. Те же сущности, которые сами являются инструментами для достижения целей своих создателей, могут (и имеют право) действовать относительно самостоятельно только в ограниченном пространстве выборов, необходимых для осуществления этих целей¹⁸⁰.

Таким образом, ИИ как своеобразный псевдосубъект может производить оценки на уровне утилитарном и ситуативном, в то время как ценностное отношение, проистекающее из осознания субъектом себя как «последней», окончательной цели любых действий, для ИИ не могут и не должны быть доступны.

Ценности субъектов являются ядром представлений о мире, так как позволяют придавать смысл и формировать цели для любых возможных осмысленных действий. Любой субъект, как мы видели ранее, может существовать постольку, поскольку активно действует и развивается. Без представлений о том, как и зачем нужно все это делать, самостоятельное существование субъекта в принципе невозможно. Таким образом, ни индивидуальный, ни коллективный социальный субъекты, ни возможные техногенные псевдосубъекты не могут самостоятельно существовать, действовать и развиваться без возможности и способности осуществлять операции оценивания по критериям, заданным самостоятельно или извне.

Однако если способность псевдосубъекта самостоятельно формировать такие критерии находится под большим вопросом, а коллективный субъект способен это делать в пределах, необходимых для существования и процветания группы, то индивидуальный субъект обладает максимальной способностью к отнесению к ценности на всех возможных уровнях благ и добродетелей, так как, с одной стороны, пользуется всей полнотой характеристик субъектности, с другой

---

¹⁸⁰ Kegley J. The “Ethical Subject/Agent” as “Rational Individual” but also as So Much More! // The Journal of Speculative Philosophy. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 116–129.

стороны, только он способен сформировать максимально целостное и всеобъемлющее мировоззрение.

§ 3. Субъектно-ориентированный подход к ценностному отношению через призму этических детерминант¹⁸¹

Данный параграф рассматривает понятие субъекта и его роль применительно к формированию ценностей техногенного типа цивилизации. В качестве объекта рассмотрения здесь выступают, преимущественно, те современные общества, которые в качестве ведущих технологических драйверов своего развития используют цифровые технологии, в том числе искусственный интеллект (далее – ИИ)¹⁸².

Ценностное отношение к любым объектам действительности представляет собой основание мировоззрения субъекта и необходимо для эффективного целеполагания и формирования оценки полученных результатов деятельности. Но при этом вопрос о том, каким образом должны восприниматься человеком и обществом как субъектами научно-технологические инновации, в особенности цифровые, вовсе не сводится к тому, должны ли эти инновации оцениваться положительно или отрицательно. Здесь мы рассматриваем, на каком основании субъект вообще способен выносить оценку, и каким он может видеть самого себя и свои взаимоотношения с объектами оценки в зависимости от выбранной системы, в которой данное взаимодействие происходит. Эти системы, как мы полагаем, могут и даже должны рассматриваться одновременно с двух позиций: 1) как с точки зрения субъекта и его интенций, определяющих возможность того или иного ценностного отношения; 2) так и с точки зрения, внешней по отношению к

---

¹⁸¹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Субъектность как основание формирующихся ценностей цифрового общества // Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 25-36; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

¹⁸² Ведяхин А. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму. М.: Интеллектуальная Литература, 2021. 232 с.; Дзялошинский И.М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации: монография. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 583 с.

субъекту, но позволяющей определить его положение в возникающей системе отношений и характеристики самой системы. Первая позиция позволяет привлечь в качестве методологического основания философские концепции из областей аксиологии и этики¹⁸³, в то время как вторая дает возможность обратиться к представлениям о существующих типах рациональности и парадигмах кибернетики как науки об управлении сложными системами.

Говоря о необходимости прояснения ценностных перспектив современного общества, мы принимаем во внимание скорость и всеохватность проникновения инновационных, в том числе цифровых технологий во все области социальных практик, что трансформирует последние не только на технологическом и экономическом, но и на мировоззренческом уровне. Стремительное развитие цифровых технологий и ИИ и внедрение их в целый ряд сфер: промышленное производство, транспорт, образование, здравоохранение и др. – заставляет обратить внимание на разработку норм, регулирующих процессы создания и использования данных технологий. Эти нормы с необходимостью должны быть как юридическими, так и этическими, и как таковые, оказываясь напрямую связаны с ценностными отношениями, поскольку далеко не все возможные формы активности вообще могут становиться предметом правовой регуляции, в то время как этическая регуляция потенциально способна охватить все множество возможных случаев, при этом, однако, нередко жертвуя четкостью и однозначностью оценок¹⁸⁴.

Как уже было сказано ранее, в этой работе мы рассматриваем ценности как напрямую связанные именно с деятельностью и мировоззрением субъекта, в свою очередь представляющие собой одно из условий сохранения субъектности и потому не сводимые ни к благам, ни к нормам¹⁸⁵. Ценность, как мы полагаем, представляет собой результат деятельности субъекта, направленной на

---

¹⁸³ Аршинов В.И., Свирский Я.И. Этнос становящегося наблюдателя // Философия науки. 2005. Т. 11. № 1. С. 182–195.

¹⁸⁴ Бегтин И.В. и др. Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 503 с.

¹⁸⁵ Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

формирование специфического оценочного отношения к любому возможному объекту. Таким образом, мы рассматриваем ценность как трехчастную структуру, где присутствуют субъект и объект оценки, а также сама производимая субъектом операция оценивания¹⁸⁶. Данная операция предполагает, конечно, наличие той или иной шкалы, в соответствии с которой некий объект может быть оценен выше или ниже. Таковую шкалу чаще всего задают нормативные системы. Однако такие системы могут существовать до, после и вне сознания отдельного субъекта (например, индивида). Поэтому мы сосредоточимся именно на тех особенностях формирования ценностного отношения, которые, с одной стороны, показывают определяющую роль субъекта, с другой стороны, обладают характерологическими признаками, свойственными именно для современного, порожденного техногенной цивилизацией общества. Этот тип общества, нередко отождествляемый также с постиндустриальным и информационным обществом¹⁸⁷, по нашему мнению, имеет ряд качественных отличий от доиндустриальных обществ, в том числе в интересующем нас аспекте формирования субъектно-обусловленных ценностных отношений к реальности.

Ценностное отношение может быть сформировано через деятельность субъекта, направленную или на некий объект с точки зрения его полезности, или с точки зрения учета его интересов как равного актора, или с точки зрения интересов саморазвития самого оценивающего субъекта. Само подобное отношение, по нашему мнению, формирующее ценности субъекта как основу его мировоззрения, рассматривается в трехчастной структуре, о которой было упомянуто выше. Далее в работе мы проследим, как именно может быть сформировано это ценностное отношение.

Соотношение ценностей как продукта деятельности субъекта с нормами, внешними по отношению к субъекту и существующими до операций оценки,

---

¹⁸⁶ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

¹⁸⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

рассматривается через призму существующих подходов в нормативной этике¹⁸⁸, каждый из которых по-своему определяет роль субъекта и ведущий объект его оценки. В свою очередь, выделение того или иного объекта (или множества) как ведущего позволяет сформировать различные системы отношений, в которых по-разному проявляет себя, в первую очередь, сам субъект. Динамика отношений между всеми составляющими таких систем может быть описана с позиций кибернетики как науки об управлении сложными системами. Однако для разноуровневых систем могут и должны применяться кибернетики разных порядков, связанные с различными типами рациональности. Мы используем здесь концепцию трех типов рациональности, предложенную В.С. Степиным¹⁸⁹. Также через типы научной рациональности мы соотносим концепции нормативной этики с формами ценностного отношения субъекта как деятельности – через призму кибернетических подходов, которые как раз позволяют не только описать, но и систематизировать деятельность составляющую.

Мы также используем идеи Лефевра¹⁹⁰ о различии этических подходов, которые можно обозначить как этику целей и этики средств¹⁹¹, но с сугубо методологической точки зрения и вне того социокультурного аспекта, который пытался придать им этот автор. Этика целей в данном случае предстает как отражение классической рациональности, отношений типа «субъект-объект» и простых систем. Далее мы проследим ее соотношение с этическим направлением утилитаризма (или шире, консеквенциализма¹⁹²). Этика средств выступает как отражение неклассической рациональности и более сложных систем. Мы настаиваем на том, что предыдущая этическая парадигма включается в указанную

---

¹⁸⁸ Голик Н.В. Этическое в культуре. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 256 с.

¹⁸⁹ Степин В.С., Киященко Л.П. (отв. ред.) Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

¹⁹⁰ Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.

¹⁹¹ Лепский В.Е. Доминирующие этические установки в различных типах научной рациональности и их отражение в моделях В.А. Лефевра // Горохов В.Г., Розин В.М. (отв. ред.) Научно-техническое развитие и прикладная этика. М.: ИФ РАН, 2014. С. 181–200.

¹⁹² Pormore W.D. Commonsense Consequentialism. Wherein Morality Meets Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2011. 266 p.

и предполагаем проследить соотношение с ее деонтологией как этической концепцией. Это даст нам возможность снять таким образом противоречия между указанными подходами и показать, что этики целей и средств не обязаны противопоставляться, как полагал Лефевр.

Этика субъектов рассматривается нами как отражение постнеклассической рациональности и суперсложных саморазвивающихся систем. В нее оказываются включены обе предыдущие парадигмы. Мы предполагаем, что так называемая этика добродетели выступает как этика развивающегося субъекта. Снятие противоречий между ней и другими подходами возможно через их системное включение один в другой.

Вот, по нашему мнению, основные вопросы, на которые дает возможность ответить такой подход, включающий последовательно три упомянутые этические концепции: 1) что субъект должен делать? 2) как он должен это делать? 3) каким он должен в результате стать? Все это должно приблизить как к пониманию не только ситуативных, но и возможных конечных целей деятельности субъекта, среди которых очевидно и неминуемо окажется и он сам. В конце концов, каждая эпоха, сталкиваясь с необходимостью решать ценностные и этические задачи, всего лишь по-новому переосмысляет суть известного кантовского вопроса, к которому все сводится: что же такое человек.

Далее в работе мы будем подробно разбирать связь стратегических и тактических целей с различными этическими концепциями, по-разному рассматриваемыми, кто или что может быть объектом этической оценки. Мы рассмотрим, в том числе, с опорой на работы Лефевра, утилитаристскую этику как этику целей, позволяющую решать тактические задачи в ближайшей перспективе, деонтологическую этику как этику средств, подходящую для тактических целей в среднесрочной перспективе, и этику добродетели как этику развивающихся субъектов, позволяющую ставить и решать стратегические цели.

Как уже было сказано, в связке с классическим типом научной рациональности мы предполагаем рассмотреть утилитаристский подход в этике, с неклассическим типом – деонтологический подход, а с постнеклассическим – этику

добродетели. Однако прежде, чем это сделать, необходимо уделить внимание ключевым особенностям указанных этических концепций.

Так, утилитаристские концепции оценивают поступок как этический или неэтический в зависимости от того, насколько он соответствует заявленной цели (чаще всего благу большинства из тех, чьи интересы задействованы в конкретном случае), к каким последствиям приводит. Утилитаризм как одно из, возможно, наиболее влиятельных этических учений, нередко называют одним из направлений консеквенциализма¹⁹³, рассматривающего любые действия вообще, в первую очередь, именно с точки зрения последствий. Подобный подход, в принципе, интуитивно понятен любому, вне зависимости от факта знакомства с теми или иными философскими концепциями. В конце концов, в дофилософской и вообще доконцептуальной форме подобный подход к оценке действий можно встретить в значительной части мифологических сюжетов, где действия значимых персонажей служат примером (или антипримером) для того, как нужно или стоило бы поступить в той или иной ситуации, закладывая таким образом как основу для этических норм, так и их весьма наглядное объяснение.

Как философско-этическая концепция и консеквенциализм, и утилитаризм оформляются много позже, уже в эпоху Просвещения с ее стремлением к рационализации всего, что касалось оснований социальности. Основоположниками утилитаризма считаются Дж. Ст. Милль и Дж. Бентам, сформулировавшие основания этого этического учения, от которых в дальнейшем, по сути, и отталкивались все, кто его развивал. Классический утилитаризм опирался на концепцию максимизации блага (или же счастья, или удовольствия) для максимального количества людей. И, в принципе, с небольшими вариациями этот подход в утилитаризме сохранился, равно как и возникшие вместе с этим неизбежные и трудно разрешимые вопросы.

---

¹⁹³ Sinnott-Armstrong W. Consequentialism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2021 Edition). [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/consequentialism> (дата обращения: 10.10.2022).

Во-первых, конечно, возникает вопрос о том, что именно следует понимать под благом, которое нередко отождествляется с практической пользой, что несколько не облегчает решение проблемы. В отсутствии ясных критериев блага, счастья, полезности и даже удовольствия утилитаризм нередко подвергался вполне обоснованной критике, так как давал простор для произвольно-волюнтаристского толкования всего перечисленного.

При всех положительных чертах такого подхода также возникают закономерные вопросы как о том, насколько мы в состоянии оценить последствия, особенно долгосрочные, так и о том, в какой мере цели могут оправдывать средства. Кроме того, при изменении целей в таком случае неминуемо должны будут меняться и оценки тех или иных поступков, что способно привести к этическому релятивизму, где потенциально любой поступок может быть оправдан.

Таким образом, как мы видим, утилитаризм испытывает вполне объяснимые проблемы именно с выработкой критериев оценки действий как некой «системы координат», в рамках которой то или иное решение только и может быть оценено с точки зрения его пользы или вреда. Тем не менее, утилитаристский подход может быть вполне правомерен, если речь идет об оценке не всех действий вообще исходя из некоего представления о пользе, претендующего на всеобщность, а о неких конкретных действиях, которые рассматриваются через призму уже до того установленных норм и критериев. При этом, вероятно, даже была бы возможна алгоритмизация подобных оценок, что может быть важным именно для рассмотрения вопросов этики цифровых технологий и ИИ, что в последние годы становится все более актуальным.

Другая, во многом противоположная концепция – деонтологическая или этика долга¹⁹⁴, где акцент делается на наличии некоего свода неизменных нравственных норм, которым надлежит следовать: как общих для всего человечества, так и специфических для отдельных групп и профессий. Это полная

---

¹⁹⁴ Barrow J.M., Khandhar P.B. Deontology. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK459296/#article-34690.s4> (дата обращения: 01.02.2023).

противоположность этическому релятивизму (золотое правило морали, категорический императив, специализированные своды норм, как например, медицинская деонтология и др.) Оять же, при всей необходимости подобных общезначимых норм возникают проблемы, как в тех случаях, когда нормы слишком обобщены, так и тогда, когда они сформулированы слишком конкретно и поэтому узко и негибко.

Хотя сам термин «деонтология» приписывается Бентаму, основоположником и одной из ключевых фигур здесь выступил И. Кант с его учением о категорическом императиве как о фундаментальной моральной норме, следовать которой стоит ради нее самой, безотносительно удовольствия или даже осознаваемой пользы «здесь и сейчас».

Размытость критериев таких максимально общих норм в рамках деонтологии, как категорический императив или золотое правило морали, оять же, не раз вызывала критику за свою оторванность от, зачастую, самой возможности практического применения. Кроме того, деонтологические построения, как правило, не учитывали ни интенций, ни тех «ближайших» последствий, которые могут наступить при непосредственном применении тех или иных норм. Однако, как и в случае с утилитаризмом, эти проблемы снимаются, если речь идет не о долге вообще, диктующем поступать «согласно максиме, которая сама может стать всеобщим законом», а о частных областях, нуждающихся в выработке четко определенных норм, призванных максимально ограничить возможность любых релятивистских трактовок. Один из лучших примеров, возможно, дает здесь медицинская деонтология. Она очень показательна еще и потому, что рассматривает все, что касается понятия долга исходя именно из способности врача принимать решение и нести за него ответственность согласно тому, как этот врач понимает все то, что соответствует профессиональному долгу – то есть существующая медицинская деонтология подразумевает, что действующий субъект-врач – это человек, а не робот, оснащенный ИИ. И хотя так называемый слабый ИИ, по большей части, оставляет принятие ключевых решений

человеку, дальнейшее развитие данной технологии вполне может привести к появлению новых проблем в сфере медицинской деонтологии.

Таким образом, деонтологический подход, как мы полагаем, вполне может применяться для разработки конкретных норм в тех областях, где релятивизм нежелателен, при условии, что данный подход не претендует на всеобщность и развертывается в рамках уже существующей устойчивой структуры отношений с предзаданными ценностно-нормативными системами.

Было много попыток обойти указанные проблемы, в частности, в таком направлении, как так называемая этика добродетели¹⁹⁵: к примеру, у А. Макинтайра¹⁹⁶. По мнению Макинтайра, если мы хотим понять, какие качества (в его терминологии, «добродетели») необходимы для оценки конкретных действий в любой области, включая научную и технологическую, мы должны понимать их связь с практикой, в рамках которой они осуществляются. С этой точки зрения, если нет четко установленных способов оценки действий, то мы частично движемся методом проб и ошибок, выстраивая деятельность как нарратив, постоянно оцениваемый в ходе его построения. С одной стороны, это попытка уйти от утилитаристских представлений о целях, которые оправдывают средства до тех пор, пока сами не будут изменены или отброшены. С другой стороны, это также и попытка обойти иногда негибкие деонтологические построения. Отличие от упомянутого выше утилитаризма здесь также и в том, что имеет место попытка рассматривать нарративы (цепочки действий) всех акторов как самоценные данности, уходя от сравнения и трудностей обоснования выбора «наименьшего зла».

Макинтайр полагает, что любые попытки обоснования моральных норм в современном обществе обречены на провал хотя бы потому, что предпринимаются в отрыве и от социального, и тем более, от онтологического контекста. Насчет последнего соображения, которое современному сознанию кажется почти

---

¹⁹⁵ Stewart-Sicking A.J. Virtues, Values, and the Good Life: Alasdair MacIntyre's Virtue Ethics and Its Implications for Counseling // *Counseling and Values*. 2008. Vol. 52. P. 156–171.

¹⁹⁶ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.

невозможным – достаточно вспомнить Декарта с его метафорой древа, где ветвями, происходящими от единого ствола и корней, служат такие области, как медицина, механика и этика. Таким образом, еще в XVII в. мы видим попытки построения целостной картины мира и одновременно знания о мире, что сейчас уже полностью ушло в прошлое, оставив нам как разрыв между естественнонаучным и гуманитарным знанием, так и оторванность этики, по сути, от того и другого. Ведь, как мы видели, попытки обоснования этики через социальную полезность и результативность действий ведет, в лучшем случае, к утилитаризму, в худшем – к релятивизму, который рано или поздно обычно вырождается в этический нигилизм.

Как полагает Макинтайр, для Античности такой проблемы еще не существовало, отчасти, потому что мораль была тесно связана с социальными ролями и, по существу, сама имела социальный характер – то есть представление о «хорошем человеке» должно было складываться из представлений о хорошем гражданине, воине, друге и др. Человек воспринимался без существенного отрыва от группы, страты, полиса, где он только и мог реализовать свои моральные качества.

Особое внимание Макинтайр уделяет античному понятию добродетели, которая, по его мнению, мыслилась как способность к совершению определенных действий и одновременно понимание сути, смысла и цели этих действий.

В трудах Макинтайра, в особенности, в его работе «После добродетели» вырисовывается своеобразная трехчастная структура: практики, жизненного нарратива и моральной традиции. Согласно Макинтайру, мы можем обратиться к наследию Аристотеля, где рассматриваются не нормы (которые столь сложно обосновать), а добродетели как условие морального поведения одновременно как с личностной, так и с социальной точек зрения. Добродетели же могут осуществляться и манифестироваться только через практики, формируя тем самым жизненный нарратив человека как движение к максимальному осуществлению доступных возможностей личностного развития. Однако для того, чтобы индивид мог воспринять некие первичные представления об этих добродетелях в ходе

воспитания и обучения, необходимо наличие моральной традиции, в которой эти представления могут фиксироваться и передаваться¹⁹⁷.

С этой точки зрения «хорошие» поступки могут считаться таковыми, если оцениваются с позиции не только конкретной (часто ситуативной) пользы или соответствия жестко прописанным нормам, а, в первую очередь, с позиции того, насколько они способны помочь осуществлению личностного и социального развития субъекта. Конечно, все это не снимает проблемы обоснования моральных норм, а скорее переносит ее в область социокультурных особенностей, присущих тем или иным существующим на данный момент обществам и государствам¹⁹⁸.

Как уже было упомянуто, ценностные и этические вопросы вновь оказались в фокусе современных исследований во многом в связи с бурным развитием цифровых технологий и ИИ, который, как мы уже видели, вполне способен стать неким псевдосубъектом. И в этой связи далее мы рассмотрим специфику ценностных и этических отношений через призму субъектно-ориентированного подхода с учетом ранее рассмотренных особенностей всех типов субъектов, включая псевдосубъекты.

Стоит отметить, что этическая проблематика, связанная с разработкой и использованием ИИ¹⁹⁹, уже нашла признание в ряде государств, активно развивающих данные технологии. В России был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта²⁰⁰, созданный с учетом требований Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года²⁰¹. Собственные рекомендации касательно этических принципов для ИИ

¹⁹⁷ Асханова Л.Р. Модернизация классического образа морального долженствования в этике добродетели А. Макинтайра // Дискурс. 2017. № 4. С. 3–13.

¹⁹⁸ Степанянц М.Т. Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М.: Восточная литература, 2004. 319 с.

¹⁹⁹ Farisco M., Evers K., Salles A. Towards Establishing Criteria for the Ethical Analysis of Artificial Intelligence // Science and Engineering Ethics. 2020. No. 26. P. 2413–2425.

²⁰⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М.: Альянс в сфере искусственного интеллекта, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁰¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения: 10.10.2022).

относительно недавно выпустили в Китае²⁰². Рекомендации по этическим аспектам ИИ были подготовлены также экспертами ЮНЕСКО²⁰³.

Все это показывает, что этические вопросы и проблемы в сфере цифровых технологий и ИИ становятся все более актуальными, и эта тенденция в ближайшие годы, скорее всего, сохранится. Однако как при разработке, так и, особенно, при внедрении тех или иных этических норм в данной области мы встречаемся с рядом вопросов, иногда достаточно неоднозначных. Если мы «обучаем» ИИ, то какие данные должны использовать? Не окажется ли, что будут использованы данные, содержащие те нежелательные убеждения, предрассудки и др., от которых мы сами хотели бы избавиться? Такие случаи известны, и от подобного, в частности, предостерегают эксперты ЮНЕСКО.

Таким образом, одной из важнейших целей в данном случае является внесение ясности в вопрос, что именно может пониматься под этическими нормами, которые обсуждаются как возможные или даже необходимые в сфере ИИ. Для этой цели необходимо решить целый ряд задач. Конечно, стоило бы выяснить, какие нормы вообще упоминаются и в какой связи для сферы ИИ; а затем рассмотреть, как именно указанные нормы и связанные с ними ценности можно трактовать. Однако эти задачи весьма объемны, поэтому мы сосредоточимся на одной: а именно, если мы хотим ответить на вопрос, как можно трактовать этические нормы, для начала необходимо выяснить, существуют ли в этой сфере вообще какие-то устоявшиеся критерии, и из чего они исходят.

То есть, например, если идет речь о благе человека, о непричинении ему вреда, уважении автономии его воли и т.д. – возникают вопросы, а как конкретно на практике стоит действовать в сфере использования ИИ ради того, чтобы соблюдать эти нормы и требования. Можно ли и нужно ли составить какой-то свод правил как инструкцию, или же стоит проанализировать как можно больший объем

---

²⁰² The Ethical Norms for the New Generation Artificial Intelligence, China. Beijing: International Research Center for AI Ethics and Governance. [Электронный ресурс] URL: <https://ai-ethics-and-governance.institute/2021/09/27/the-ethical-norms-for-the-new-generation-artificial-intelligence-china/> (дата обращения: 10.10.2022).

²⁰³ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 01.02.2023).

информации об уже сделанных выборах и принятых решениях²⁰⁴? Если да, то не приведет ли это опять же к закреплению существующих ошибок, особенно, если речь идет об «обучении» не человека, а например, нейросети?

При спецификации этических норм мы должны иметь некие критерии, согласно которым оцениваем тот или иной поступок как более или менее соответствующий заявленной этической максиме. Эти критерии предлагаются рядом существующих этических концепций, позволяющих связать норму с контекстом ее практического применения.

К примеру, могут быть сформулированы следующие возможные критерии оценки инноваций, использующих цифровые технологии и искусственный интеллект: продуктивность, безопасность, удовлетворенность и развитие²⁰⁵. Продуктивность может подразумевать эффективность в том, что касается создания, внедрения и использования инноваций. Безопасность предполагает устранение потенциально возможных угроз от внедряемых инноваций для личности, социума, государства и международного сообщества в целом. Критерий удовлетворенности должен будет показывать отношение населения к новым технологиям по совокупности выгод от их использования в различных сегментах социальной практики. С данным критерием связан также последний из перечисленных – критерий развития, который может определять, с одной стороны, саму способность инноваций к дальнейшему усовершенствованию, с другой стороны, их влияние на развитие социальных субъектов, на способность при помощи новых технологий формировать картину возможного будущего.

Все эти критерии носят достаточно комплексный характер. Более того, при их использовании (как и любых других подобных критериев в принципе) также неизбежно встает вопрос о практическом применении – каким образом все это должно будет воплощаться в реальности? Мы можем предположить, что для ответа на этот вопрос нужно для начала, как минимум, определить сферы применения

---

²⁰⁴ Артемьева О.В. Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени) // Этическая мысль. 2010. Вып. 10. С. 90–113.

²⁰⁵ Лепский В.Е. Организации стратегического целеполагания в саморазвивающихся полисубъектных средах // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1. С. 140–144.

данных критериев. Можно, конечно, выделять их, исходя из особенностей, целей и запросов тех или иных социальных групп. Но, как нам кажется, этот этап приложения критериев должен стать последним. Перед ним обязан быть еще один – а именно, разделение на уровне целей на стратегические и тактические во всем, что касается продуктивности, безопасности, удовлетворенности и развития – причем по отношению и к личности, и к обществу.

Все это подводит нас к поиску обоснования тех социально- и культурно- обусловленных ценностей и этических норм, согласно которым может происходить претворение в жизнь вышеназванных критериев как фундаментальных принципов внедрения инновационных технологий. Сами понятия продуктивности, безопасности, удовлетворенности и развития могли быть сформулированы только в рамках современной техногенной цивилизации, опирающейся на научную картину мира. В последней эти понятия могут быть представлены как социальные критерии оценки²⁰⁶. Что же касается вопроса о том, как возможно действовать исходя из указанных критериев, то здесь вопрос уже полностью переходит в плоскость этического.

Рассматривая взаимосвязь этики и аксиологии, мы надеемся показать, что этические системы представляют собой не только производное, но и основу для различных форм ценностного отношения, которое само по себе может быть реализовано только в деятельности и без нее не существует. Ценности, складывающиеся в ценностные системы субъектов, как мы полагаем и постараемся обосновать, создаются самими субъектами в ходе операций оценивания, производимых в соответствии с социально обусловленными нормативными системами при использовании различных подходов, формирующих с помощью смещения акцентов на те или иные части ценностного отношения различные более или менее сложные системы.

Теперь попытаемся, опираясь на все изложенное выше, суммировать наши представления о роли субъекта в формировании ценностных перспектив

---

²⁰⁶ Вапнэ Г. «Критерий оценки» в системном анализе // Системный анализ в проектировании и управлении. 2019. Т. XXIII. № 1. С. 154–165.

цифрового общества, исходя из теоретической схемы, рассматривающей ценностное отношение как процесс специфической деятельности субъекта, основанный как на существующих нормативных системах, так и на том, что или кто именно воспринимается как объект оценки в соответствии со способностью субъекта к воздействию на окружающее пространство в тактической или стратегической перспективе. Последнее может быть выявлено через этическую систему, используемую субъектом в каждом конкретном случае. Именно она будет определять предпочитаемый тип объектов оценки. При этом также, исходя из выбираемых объектов оценки, которые могут быть гораздо более очевидны, чем часто не артикулируемая этическая система субъекта, о существовании последней можно сделать предположение. В свою очередь, тип выбираемых для оценки явлений окружающего (и внутреннего) мира субъекта может быть привязан к той или иной форме рациональности и, соответственно, типу кибернетики, о которых говорилось выше в работе.

При взаимодействии вида «субъект-объект» субъект использует технологию для достижения простой, четко поставленной цели. Здесь может применяться кибернетика первого порядка – субъект инструментально работает с технологией, оценивает ее с точки зрения прикладной эффективности. Такому подходу с точки зрения этики соответствует утилитаризм (или консеквенциализм). Оценка формируется исходя из соответствия результата заявленной цели. Это и есть этика целей. С точки зрения кибернетики формируется одна простая связь между субъектом и объектом (простая система), остальные связи могут не учитываться, что в перспективе может приводить к отсутствию или разрушению сопутствующих частей системы, представленных дополнительными, как правило, социальными последствиями.

Подобная стратегия рассчитана на краткосрочную перспективу и в ней может быть эффективна. В среднесрочной и долгосрочной перспективе она обнаруживает недостатки, связанные, в основном, как раз с тем, что не были построены и/или учтены дополнительные взаимосвязи, что вызывает трудности со встраиванием полученного результата в более общий социальный контекст.

При взаимодействии вида «субъект-субъект» субъект использует технологию для коммуникации (взаимодействия) с другими равнозначными субъектами, учитывает участие их в общем процессе взаимодействия с технологией, может оценивать влияние, оказываемое на них как технологией, так и формами взаимодействия. Технология оценивается субъектом не только с точки зрения достижения поставленной краткосрочной инструментальной цели, но и с точки зрения ее влияния на построение дополнительных системных (как правило, социальных) взаимосвязей и/или сохранение существующих. С точки зрения этики это в большей степени соответствует деонтологическим подходам, оценивающим не столько цели, сколько средства их достижения. При этом предполагается, что оценка целей как положительных была уже произведена и только после того мы оцениваем средства.

Поэтому консеквенциалистский и деонтологический подходы в данной схеме не противоречат друг другу, а второй с точки зрения построения ценностного отношения включает в себя и дополняет первый. С точки зрения кибернетики второго порядка здесь формируется более сложная система взаимосвязей. К связке субъект-технология добавляются другие субъекты, для взаимодействия с которыми сама технология выступает как средство, поэтому призвана создавать новые и не разрушать существующие связи между субъектами. Технология начинает оцениваться не только инструментально, но и с точки зрения влияния на субъектов. Подобное смещение акцента вызвано, в том числе, массовым распространением технологии и выстраиванием с ее помощью более сложных цепочек взаимоотношений между субъектами. Такой подход достаточно хорошо работает в среднесрочной перспективе.

При взаимодействии вида «субъект-метасубъект» субъект использует технологию для взаимодействия с потенциально неограниченным количеством других разнопорядковых субъектов (индивидов, групп, организаций и др.), возможно, даже в планетарном масштабе. Технология может на данном этапе не только использоваться как средство, но и выступать от имени реального, но не всегда известного субъекта, имитируя определенные аспекты его активности.

Технология оценивается субъектом как влияющая на него самого, а также на всех задействованных (в том числе потенциально, в будущем) известных и неизвестных субъектов, число которых также может быть неизвестно. Технология оценивается как один из ключевых факторов, влияющих на построение и поддержание разноплановых социальных взаимосвязей. Субъект при этом часто не может заранее знать и предугадывать, с кем именно эти связи будут строиться и когда. С точки зрения этики здесь может быть использован такой подход, как этика добродетели, делающая акцент, в первую очередь, на желаемые свойства и качества самого субъекта, которые позволят ему наилучшим образом выбирать цели и средства и ситуациях повышенной сложности и неопределенности. С точки зрения кибернетики третьего порядка формируется максимально всеобъемлющая, сложная и постоянно меняющаяся система взаимосвязей. В ней как подсистемы низшего порядка представлены две ранее рассмотренные, которые она включает в себя. Поскольку технология способна формировать у субъекта неограниченное и непредсказуемое количество связей, она начинает оцениваться как воздействующая на него и даже отчасти его формирующая, поэтому рассматривается ее роль для возникновения у субъекта тех ключевых качеств, которые в дальнейшем будут содействовать его благополучию, в том числе успешному взаимодействию в данной среде с другими субъектами и с самой технологией. Определенной константой в этом случае становится сам субъект. Этот подход направлен на долгосрочную перспективу.

В соответствии со сказанным можно также предварительно констатировать, что указанные ранее критерии: продуктивность, безопасность, удовлетворенность и развитие – могут по-разному применяться в зависимости от того, оценивается ли таким образом соответствие технологии ближайшей цели ее использования, или целям выстраивания устойчивых взаимоотношений между индивидуальными и социальными субъектами ради их блага, или же целям развития и совершенствования каждого отдельно взятого субъекта, применяющего технологию. Более подробная разработка этих вопросов может стать темой дальнейшего исследования.

Возникает вопрос, как такие довольно абстрактные философские теории могут помочь развитию конкретных прикладных вопросов оценки технологий в современном обществе, например, такого широко обсуждаемого вопроса, как этические измерения ИИ²⁰⁷.

Дело в том, что в отсутствие четко определенных отдаленных целей и при очень быстрых темпах развития ИИ эта концепция позволяет сформулировать понятие «добродетели» не как оценки действий, основанных на неизвестном абстрактном благе, а на основе постоянного анализа реакций на конкретные ситуации. Построенные таким образом нарративы, в том числе в области ИИ, могут в дальнейшем распространяться и становиться общезначимыми не декларативно, а благодаря тому, что выбирается и постоянно корректируется наиболее оптимальный метод действий. Хотя, конечно, надо признать, что такая концепция, как и любая другая, все равно будет далека от совершенства и ее также придется подвергать постоянной валидации.

Таким образом, на наш взгляд, можно разработать «этическое измерение ИИ», если мы сможем представить его как постоянно развивающуюся систему, своего рода нарратив по Макинтайру, где наши культурные традиции и социальные представления служат отправной точкой, но сама система не застывает в догматике, а модифицируется, в том числе постоянно адаптируется к новым научно-техническим достижениям в этой области, а также к эволюции самих социальных систем.

В то же время, разработки современных цифровых технологий и ИИ, по нашему мнению, могут вдохнуть новую жизнь в сферу этических и аксиологических исследований, которые до недавнего времени были достаточно узко специализированы и редко выходили за рамки дискуссий в весьма ограниченном кругу экспертов.

---

²⁰⁷ Meyer S. et al. Responsibility in Hybrid Societies: concepts and terms // *AI and Ethics*. 2023. No. 3. P. 25–48; Cervantes J.–A. et al. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status // *Science and Engineering Ethics*. 2020. No. 26. P. 501–532; Vythilingam R. et al. The Ethical Acceptability of Artificial Social Agents, Extended Abstract // *Proceedings of the 20th International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems*. 2022. P. 1753–1755.

Нет более действенного способа понять что-либо, чем попытаться это воссоздать. И сейчас перед нами встала поистине нетривиальная задача – попытаться воссоздать собственную этику. И заодно предложить современные варианты ответов на вопросы, что она из себя представляет, зачем нужна и как функционирует. Хорошо известно, что массовое внедрение новых технологий всегда провоцирует переосмысление и видоизменение нормативных комплексов на всех уровнях и, в конечном итоге, новый виток социального и культурного развития. Именно это мы сейчас и наблюдаем.

Итак, из предыдущих рассуждений мы увидели, что уровни субъектности, принципиально доступные для тех или иных социальных агентов, напрямую определяют способность последних формировать ценностные отношения.

Индивидуальные субъекты формируют наиболее фундаментальный уровень ценностного отношения, выступая наравне с универсумом в целом. Коллективные субъекты создают ценностные отношения на уровне сравнения, взаимодействия или противопоставления себя и других коллективных субъектов или же природы, которая в данном случае также осознается как своего рода коллективный, но не социальный субъект. Псевдосубъекты (в том числе ИИ) способны формировать ценностные отношения на самом поверхностном утилитарном уровне и не могут самостоятельно выносить оценки более высокого порядка²⁰⁸.

Особенности ценностного отношения, как мы видим, изменяются в зависимости от характеристик субъектов оценки. В случае индивидуального субъекта – субъект оценки, ее операция, объект оценки и качественный критерий сливаются, возникает понятие индивидуальной ценности, практически слитое с понятиями индивидуальной добродетели и основы мировоззрения, индивидуальный субъект способен к наиболее полно выраженному ценностному отношению, так как ему в мировоззренческом плане противостоит весь универсум, и субъект, и мир в этом смысле одинаково ценны. В случае коллективного субъекта

---

²⁰⁸ Аршинов В.И., Гримов О.А., Чеклецов В.В. Киберанимизм: искусство быть живым в гибридном обществе // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2 (20). С. 39–60.

– субъект и объект оценки разделяются, такой субъект способен взаимодействовать только с такими же социальными субъектами и с объектами; коллективный субъект, как и индивидуальный, ценен изначально, но мир в этом случае уже ценностно нейтрален.

В ситуации с псевдосубъектом – он не способен формировать целостного мировоззрения, основанного на самооценности своего развития, и не может быть конечной целью для себя и других. Он способен только оценивать свои действия по последствиям в заданных ситуациях и всегда выполняет служебную функцию.

§ 4. Выводы из Главы 2²⁰⁹

1. В работе указывается, что любое отождествление ценности с содержательными представлениями о неких благах или добродетелях неминуемо ведет к кругу в определении, поэтому мы настаиваем на субъективистской трактовке ценностей как специфического отношения субъекта оценки к ее объекту, так как без операции оценивания ценность не могла бы возникнуть. Для осуществления этой операции субъект оценки должен осознавать свое неотъемлемое и исключительное право на нее. Аксиологический дискурс по определению оказывается, таким образом, чрезвычайно антропо- и социоцентричен.

2. В традиционном типе цивилизации формирование ценностного отношения осуществлялось и поддерживалось исходя из доминировавшего мифологического мировоззрения, в то время как техногенная цивилизация, основанная на максимах научного мировоззрения, вовсе не добилась полной элиминации мифологического, что создало серьезные предпосылки для ценностных противоречий.

3. Основные характеристики субъекта: целеустремленность, способность к рефлексии, свобода, самостоятельное развитие и совершенствование,

---

²⁰⁹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

социальность. Далее рассматриваются такие типы субъектности, как индивидуальная, коллективная, а также псевдосубъектность, при этом связывая их напрямую с возможностью формировать ценностные отношения. Ценности - ядро коммуникативной системы, они определяют и формы, и диапазон возможных целей субъектов коммуникации, действующих в определенном контексте/среде, следовательно, чем больше возможностей создавать ценностные отношения, тем в более широком и разнообразном контексте может действовать субъект.

4. Индивидуальный субъект-человек по определению способен быть для себя и другого основной и последней целью, поэтому может обладать максимальной степенью таких качеств, как свобода, способность к самостоятельному целеполаганию и развитию - следовательно, наиболее развитой субъектностью и, соответственно, способностью формировать ценностные отношения.

5. Что касается коллективного субъекта, то он может быть представлен группами, социальными общностями, в том числе, даже всем социумом как носителем определенной территориальной культуры, вступившим в тот или иной тип цивилизационного развития. Тем не менее, не все коллективные субъекты имеют в себе, а не вовне цель своего существования, поэтому некоторые из них не наделены максимально развитой субъектностью (например, все так называемые вторичные группы: организации и т.д.) и, соответственно, их способность к построению ценностных отношений может быть ограничена.

6. Отдельно рассматривается феномен так называемых псевдосубъектов как искусственно созданных акторов, в частности, на основе искусственного интеллекта, которые способны действовать автономно и демонстрировать некоторую (пока небольшую) часть характеристик субъектности. Очевидно, что такие псевдосубъекты не могут и, вероятно, никогда не смогут иметь в себе цель своего существования, поэтому их субъектность и способность к построению ценностных отношений принципиально ограничены.

7. Соотношение ценностей как продукта деятельности субъекта с нормами, внешними по отношению к субъекту и существующими до операций оценки,

рассматривается через призму существующих этических подходов, каждый из которых по-своему определяет роль субъекта и ведущий объект его оценки.

8. Мы акцентируем внимание преимущественно на формировании ценностных отношений в техногенную эпоху, поэтому исследуем различия в этих отношениях на примерах взаимодействия человека как субъекта с созданными им техническими средствами. При взаимодействии вида «субъект-объект» субъект использует технологию для достижения простой, четко поставленной цели. Здесь может применяться кибернетика первого порядка – субъект инструментально работает с технологией, оценивает ее с точки зрения прикладной эффективности. Такому подходу с точки зрения этики в наибольшей степени соответствует консеквенциализм.

9. При взаимодействии вида «субъект-субъект» (кибернетика второго порядка) субъект использует технологию для коммуникации с другими равнозначными субъектами, учитывает участие их в общем процессе взаимодействия с технологией, может оценивать влияние, оказываемое на них как технологией, так и формами взаимодействия. Технология оценивается субъектом не только с точки зрения достижения поставленной краткосрочной инструментальной цели, но и с точки зрения ее влияния на построение дополнительных системных (как правило, социальных) взаимосвязей и/или сохранение существующих. С точки зрения этики это в большей степени соответствует деонтологическим подходам, оценивающим не столько цели, сколько средства их достижения. При этом предполагается, что оценка целей как положительных была уже произведена, и только после того мы оцениваем средства.

10. При взаимодействии вида «субъект-метасубъект» субъект использует технологию для коммуникации с потенциально неограниченным количеством других разнопорядковых субъектов (индивидов, групп, организаций и др.), возможно, даже в планетарном масштабе. Технология может на данном этапе не только использоваться как средство, но и выступать от имени реального, но не всегда известного субъекта, имитируя определенные аспекты его активности. С точки зрения этики здесь может быть использован такой подход, как этика

добродетели, делающая акцент, в первую очередь, на желаемых свойствах и качествах самого субъекта, которые позволят ему наилучшим образом выбирать цели и средства и ситуациях повышенной сложности и неопределенности. С точки зрения кибернетики третьего порядка здесь формируется максимально всеобъемлющая, сложная и постоянно меняющаяся система взаимосвязей. В ней как подсистемы низшего порядка представлены две ранее рассмотренные, которые она включает в себя.

Глава 3. Специфика техногенной цивилизации как развивающейся системы

§ 1. Соотношение понятий «цивилизация» и «культура».

Особенности цивилизационных подходов²¹⁰

В этой части работы мы рассмотрим, как могут быть сформированы оценки цивилизационной динамики и роли развития технологий в этом процессе, исходя из подходов, которые могут быть условно обозначены как синхронные и диахронные. Под синхронными подходами мы понимаем те, что рассматривают некоторое количество параллельно существующих цивилизаций, нередко не делая четкого различия между цивилизацией или культурой, или же рассматривая цивилизацию как возможную стадию развития каждой отдельно взятой локальной культуры. Под диахронными понимаются те, что выделяют закономерности, позволяющие говорить о стадиях, через которые с разной скоростью проходят различные локальные культуры, видоизменяясь в связи с изменением экономических отношений, которое, в свою очередь, вызвано научно-техническим (или, хотя бы, просто техническим) прогрессом.

Наиболее известные примеры цивилизационных подходов демонстрируют, если можно так сказать, «синхронную» трактовку цивилизаций как, своего рода, наиболее масштабных локальных социокультурных образований – в противовес применявшейся ранее «диахронной» стадийной трактовке. Объединить оба эти прочтения для объяснения современных цивилизационных процессов и тенденций попытался российский ученый и философ В.С. Степин²¹¹, выдвинувший собственную концепцию техногенной цивилизации, ее отличительных особенностей и возможного будущего. Остановимся на этой концепции подробнее,

---

²¹⁰ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109). С. 70-77; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

²¹¹ Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

так как именно ее мы используем в дальнейшем для того, чтобы сформулировать отличия техногенной цивилизации от остальных типов.

Итак, Степин противопоставляет техногенную цивилизацию традиционной – рассматривая то и другое как определенные типы цивилизационного развития, а не как локальные социокультурные образования. Если традиционная цивилизация основана на ценностях обычая, освященных временем и зачастую, легендарных событий и деяний прошлого, сформировавших паттерны, которые должны циклически воспроизводиться, в том числе и в настоящем, то техногенная цивилизация рассматривает время линейно и устремлена не в прошлое, а в будущее.

Если локальные культуры, которые можно назвать принадлежащими к типу традиционной цивилизации, многолики и разнообразны, то техногенная цивилизация стремится к постепенной унификации включающихся в нее культур – что является еще одной потенциальной причиной для ее кризиса. Дело в том (и об этом неоднократно пишет Степин), что ценностное ядро техногенной цивилизации сформировано под влиянием развития науки – в особенности, естествознания, и прикладных, инженерных и технических направлений. Ценности науки вообще (по Степину) – это, в первую очередь, ценности истины (в классическом смысле, по преимуществу) и научной новизны. В этой связи неудивительно, что с одной стороны, техногенная цивилизация ценит прогресс и утверждает примат будущего над прошлым; с другой стороны, стремится применить ко всем явлениям критерии объективной, всеобщей, единообразной естественнонаучной истины²¹².

Осмысление места и роли технологических инноваций в развитии цивилизации напрямую связано с ростом темпов индустриального развития, когда социум неизбежно стал вынужден сталкиваться с влиянием этих инноваций на устоявшиеся паттерны социального поведения и регулирующие последнее нормативные комплексы.

Интересующая нас в диссертационном исследовании техногенная цивилизация возникает и развивается на относительно небольшом промежутке

---

²¹² Богатов В.В. Этика в научной деятельности // Вестник ДВО РАН. 2008. № 1. С. 144–157.

времени с точки зрения всей человеческой истории. Научно-мировоззренческое начало этого цивилизационного типа было положено в Новое время, когда зарождается эмпирическое естествознание, а массовое внедрение технологий, поменявших как экономические отношения, так и массовые культурные паттерны, началось еще позже – с развитием индустриализации. В связи со всем этим для рассмотрения динамики техногенной цивилизации мы обратимся к тем стадиям взаимоотношения человека и технологии, которые были осмыслены в рамках кибернетики и в ходе ее собственного развития – от технологии как объекта воздействия к ней же как субъекту или метасубъекту, который сам способен оказывать воздействие на человека.

Что касается тех подходов, которые мы назвали синхронными, то их особенность – деление цивилизаций (часто отождествляемых с культурами) по принципу различия языков, традиций, религиозных верований, по территориальному признаку. Язык и территория чаще всего выступают здесь как консолидирующие и сохраняющие самобытность локальных цивилизаций признаки; религия (а также обычаи и традиции) и иногда, философия, как легитимизирующее основание ценностно-нормативных комплексов.

Для исследования влияния нормативных комплексов (включая ценностно-мировоззренческие) на цивилизационную динамику необходимо, как мы полагаем, комбинирование обоих подходов – цивилизационного, который нацелен на рассмотрение специфики отдельно взятых локальных цивилизаций (как локальных культур), и обозначенного выше варианта стадийного подхода, способного выявить глобальные изменения в восприятии техники.

В данной работе мы рассматриваем ряд значимых примеров цивилизационного подхода, который, в основном, интересовался каждой отдельно взятой цивилизацией как культурным явлением (из выделяемых конкретным автором) и не всегда стремился к выявлению каких-либо законов развития, присущих всей человеческой истории в целом. Примерами последнего как раз могли бы служить работы К. Маркса, О. Конта, П. Сорокина. Однако для формирования диахронного измерения линейно-стадийные подходы к

цивилизационному развитию должны как-то совмещаться с содержательно наполненными цивилизационными.

Те культуры, которые могли быть отнесены к традиционному цивилизационному типу, не имели необходимости специально создавать некие ценностные измерения для технологических инноваций, потому что очень медленно порождали последние, и те успевали встроиться в уже существовавшие социокультурные системы ценностей.

Однако с развитием эмпирического естествознания в Новое время и нарастанием скорости технологического прогресса такая необходимость в специальном ценностном измерении для техники возникла. Именно с этого периода, вероятно, можно говорить как о зарождении самой техногенной цивилизации, так и присущего ей (в ее рамках) диахронного измерения ценностных подходов к технике.

Как же эта эволюция может рассматриваться? Здесь мы предполагаем опереться на кибернетику. Различные ее уровни (или порядки – первый, второй, третий) показывают эволюцию форм отношения субъекта-человека к иным системам, где сначала отношение к технологии возможно лишь как к объекту, затем – как к своего рода «посреднику» между субъектами, и наконец, как к одному из возможных субъектов, который может быть неотличим от множества других в ситуациях коммуникации.

Цивилизационный подход в его классическом виде нередко, хотя и не всегда оправданно, противопоставлялся формационному, или шире, стадийному подходу к развитию культурных и цивилизационных комплексов. Тем не менее, в данной работе мы рассмотрим как раз те различия, которые позволяют не только разделять указанные подходы, но и обозначают те их особенности, которые, будучи затем скомбинированы, могли бы представить относительно целостную картину культурной и цивилизационной динамики.

В широком смысле под культурой может пониматься «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности ..., обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее

основных проявлениях»²¹³. Под цивилизацией, в свою очередь, у различных авторов могут подразумеваться как определенные стадии развития культуры, так и обширные культурные комплексы, объединенные общими ценностными системами, традициями, языком. Можно сказать, что и в первом, и во втором случаях мы имеем дело с представлением о цивилизации как о культуре с определенными дополнительными признаками – обширной территорией распространения или уровнем развития неких выделяемых конкретным автором параметров – причем иногда речь может идти не только о развитии, но и о стагнации, упадке как о возможных ключевых критериях. Помимо сказанного, можно также вспомнить и об изначальных значениях термина «цивилизация» в смысле «цивилизованности» как противоположности «варварству» (изначально у Мирабо, Вольтера и др.), что было также по-новому осмыслено уже в начале текущего столетия²¹⁴.

Понятие цивилизации само по себе является многозначным и в некоторых случаях даже отчасти противоречивым. Сам термин «цивилизация»²¹⁵ имеет достаточно длительную историю, в течение которой его значение не раз менялось. Он восходит к латинскому «civilis» – гражданский, государственный (от «civis» (лат.) – гражданин). Однако в более привычном нам смысле, отчасти родственном понятию культура, этот термин стал употребляться начиная с XVIII века. Некоторые исследователи²¹⁶ приписывают первенство в этом словоупотреблении маркизу Мирабо, понимавшему под цивилизацией то, что сейчас нередко называют цивилизованностью – в значении следования нормам и правилам поведения.

Продолжение этой тенденции в понимании цивилизации можно встретить в трудах Вольтера, Гердера, Фергюсона и других. Так, шотландский философ Адам Фергюсон в полном соответствии с идеями эпохи Просвещения противопоставляет

---

²¹³ Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения: 01.02.2021).

²¹⁴ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.

²¹⁵ Толстых В.И. Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: Горбачев-Фонд, 2005. 145 с.

²¹⁶ Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374.

цивилизацию варварству и дикости, считая их своего рода этапами человеческой истории и жизни отдельно взятых обществ, постепенно переходящих от одной ступени к другой. В своей работе 1767 г. «Опыт истории гражданского общества»²¹⁷ Фергюсон, отчасти предвосхищая многие исследования XIX века, связывает эти этапы с развитием производства и становлением права собственности.

Затем последовали уже гораздо более многочисленные работы, использующие понятие цивилизации, в частности, труды Бокля и Моргана, на чьи идеи, в свою очередь, опирался Ф. Энгельс.

Таким образом, можно сказать, что изначально использование понятия цивилизации основывалось на целостном стадийном понимании исторического процесса, что имело место и у Фергюсона, и у Моргана, и позднее, у Энгельса. Все это показывает ряд изначально стоявших за данными подходами культурных тенденций, влиявших на мышление и восприятие самих исследователей. Во-первых, стоит признать, что даже самым выдающимся работам XVIII в. и XIX в. был присущ определенный европоцентризм, который исследователи преодолели в первой половине XX века. Во-вторых, стадийный подход подразумевает определенные унифицированные критерии, применяемые ко всем изучаемым социумам, что ставит неизбежные вопросы подбора и самой применимости этих критериев. Во многом, именно поэтому различные вариации стадийного подхода не раз становились объектом критики. Но, с другой стороны, даже такое краткое рассмотрение истории вопроса, как предпринятое нами, уже показывает, что довольно распространенное противопоставление цивилизационного и стадийного, в частности, формационного подходов не всегда верно.

Вместе с тем, уже позднее, во второй половине XIX в. – начале XX в. появляется множество вариаций цивилизационного подхода, практически полностью порывающих со стадийностью. Среди них можно упомянуть принадлежащие Данилевскому, Тойнби, Шпенглеру. Для этих мыслителей понятие цивилизации во многом сближается с культурой. Последнее понятие (*cultura* –

---

²¹⁷ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. 392 с.

возделывание, воспитание, образование), восходит еще к Цицерону, который одним из первых стал употреблять его не в сельскохозяйственном, а в метафорическом, социальном значении (воспитание человека). В европейской философской и исторической литературе этот термин, как и «цивилизация», начинает активно использоваться в XVIII веке²¹⁸. Термин «культура» встречается у представителей немецкой классической философии, у немецких романтиков, позднее – у неокантианцев (Риккерт, Кассирер, Вебер). Именно последние авторы рассматривали культуры как своего рода автономные системы идей, ценностей, представлений, связанные отношениями взаимной детерминации с определенными типами социальной и экономической организации.

Когда у ряда авторов первой половины XX в. трактовка понятия цивилизации приблизилась к вышеупомянутому пониманию термина «культура», это неминуемо привело к возникновению концепции нескольких (даже многих) цивилизаций, которые могли развиваться не только последовательно, но и одновременно, параллельно друг другу на различных территориях.

В пример можно привести теорию локальных цивилизаций А. Тойнби²¹⁹. Этот автор выделял более двадцати цивилизаций (включая древние), часть из которых существовала и существует параллельно, различаясь своими ценностными системами и территориальной локализацией. Конечно, широко известные идеи Тойнби по поводу вызова и ответа как формирующих и видоизменяющих цивилизации сил, а также творческого меньшинства, дающего необходимые ответы на вызовы, не раз критиковались, и вполне обоснованно, так как больше похожи на поэтические метафоры, чем на научные теории или хотя бы гипотезы.

Несколько раньше Тойнби российский мыслитель Н.Я. Данилевский²²⁰ выдвинул концепцию локальных цивилизаций как культурно-исторических типов,

---

²¹⁸ Антология исследований культуры: в 3-х т. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.

²¹⁹ Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.

²²⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

также вынужденных реагировать на воздействия внешней среды и имеющих собственный жизненный цикл²²¹.

Наиболее выдающиеся философские памятники так называемого цивилизационного подхода и близких к нему штудий в рамках философии культуры были созданы, в основном, в переходные периоды человеческой истории (преимущественно, новейшей), которые осмыслились авторами, в основном, в кризисном и, едва ли, не апокалиптическом ключе. Не первым, но одним из наиболее известных представителей плеяды авторов «классического» цивилизационного подхода был Освальд Шпенглер, чья давно уже хрестоматийная работа «Закат Европы»²²² до сих пор служит отправной точкой для поиска ответов на противоречивые события XX и даже XXI веков.

Шпенглер, противопоставляя «культуру» и «цивилизацию», достаточно решительно порывает с более ранними воззрениями, где указанные понятия мыслились как синонимы и противопоставлялись «варварству», «дикости», а также иногда некой идеализированной природной естественности – что было более характерно для XVIII века и отчасти начала XIX.

Шпенглер, писавший свой труд между двумя мировыми войнами, вполне справедливо оценивал эту эпоху как кризисную во многих отношениях. Однако его противопоставление «культуры» и «цивилизации», для многих других авторов не характерное, интересует нас в разрезе, преимущественно, ценностно-мировоззренческом. Культура для Шпенглера перестает быть чем-то однородным – наоборот, он максимально четко очерчивает границы нескольких культур, полагая их развитие самобытным и самоценным, а также проводя аналогию этих культур с организмами, которые способны переживать рост, расцвет, упадок.

Культура для Шпенглера напрямую связана с развитием основных духовных ценностей эпохи – через творчество во всех сферах деятельности. «Весну» культур он связывает с рождением мифа, и в дальнейшем вообще противопоставляет мифопоэтическую духовность культур и материалистическую деловитость

---

²²¹ Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М.: ИФ РАН, 1997. 215 с.

²²² Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 640 с.

цивилизаций. Для Шпенглера религия и философия – это те формы мировоззрения, которые возникают и развиваются именно в культурах, а в цивилизациях, наоборот, угасают. Культура по Шпенглеру, можно сказать, постоянно трансцендирует и потому имеет импульс для собственного развития.

В то же время цивилизация здесь – не только нечто стагнирующее и клонящееся к закату – Шпенглер указывает одновременно на своеобразную экспансивность цивилизаций. Но эти системы для него нежизнеспособны во многом именно потому, что лишаются импульса для развития, коренящегося в духовной составляющей. Они строятся на преобладании материализма, что для Шпенглера равносильно чистому рационализму «экономического человека».

В цивилизации по Шпенглеру материальное начинает господствовать над духовным и в каком-то смысле даже последнему противопоставляется. Как мы далее увидим, это противопоставление рассматривалось как источник всех «бед» и кризисов не только одним этим автором – при том, что было характерно, во-первых, далеко не для всех философских традиций, во-вторых, в принципе, по нашему мнению, является одной из тех «мнимых» проблем, которые порождены позицией наблюдателя в той же мере, что и представления об «апокалиптичности» очередного социокультурного кризиса.

Технику Шпенглер оценивает амбивалентно. С одной стороны, техника в широком смысле, как способ осуществления какой-либо деятельности, сопровождает человечество в течение всей его истории. С другой стороны, именно современное ему машинное производство вызывает у Шпенглера серьезные опасения – не станет ли человек «рабом» машины, не восстанет ли творение против своего создателя?²²³.

Еще одним классиком цивилизационного подхода, который, однако, не противопоставляет культуру и цивилизацию, был Арнольд Тойнби. В своем фундаментальном труде «Исследование истории» (в иных переводах: «Постижение

---

²²³ Смотрицкий Е.Ю., Шубин В.И. Философия техники Освальда Шпенглера: прогнозы и реальность // RELGA. 2013. № 7 (263). [Электронный ресурс] URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3544&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.10.2022).

истории»)²²⁴ он выделяет достаточное большое количество цивилизаций, которые, по сути, практически отождествляет с локальными культурами и идентифицирует по ряду признаков, основными из которых в его концепции становятся религиозный (то есть, во многом, мировоззренческий) и территориальный. Цивилизации по Тойнби (как культуры у Шпенглера) проходят своеобразные жизненные циклы от рождения до расцвета и затем упадка, хотя не все, как он полагает, способны пройти весь свой «жизненный путь» до конца.

Особую известность получила концепция «вызова и ответа», согласно которой цивилизации, по Тойнби, более или менее активно и адекватно реагируют на изменения внешних и внутренних условий. Каждая цивилизация и историческая эпоха встречается со своим набором вызовов, ответы на которые могут определить дальнейшую судьбу конкретных культур.

Рождение и распространение техники Тойнби признает одним из таких вызовов. Для него техника – один из «внутренних» вызовов современной цивилизации в ситуации, когда «внешних» вызовов становится все меньше.

В русской философской традиции проблематика взаимодействия культур и цивилизаций начала рассматриваться очень давно, еще с дискуссий славянофилов и западников – и всегда так или иначе была связана с осмыслением исторического и цивилизационного пути России²²⁵.

Под значительным влиянием идей славянофилов находился и один из родоначальников цивилизационного подхода в отечественной философии Н.Я. Данилевский. Его труд «Россия и Европа»²²⁶ вызвал оживленное обсуждение сразу после выхода и на протяжении десятилетий оказывал значительное влияние на развитие историософии и философии культуры.

Понятия «культура» и «цивилизация» нередко употребляются Данилевским как синонимы, без какого бы то ни было противопоставления. Так, он говорит

---

²²⁴ Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. 670 с.

²²⁵ Никольский С.А. Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ). М.: ИФ РАН, 2009. 159 с.; Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995. 262 с.

²²⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

одновременно о европейской цивилизации и о европейском (романо-германском) культурно-историческом типе, рассматривая один и тот же феномен, когда выступает с достаточно резкой, особенно для своего времени, критикой европоцентризма, превалировавшего тогда при рассмотрении мировой истории.

Концепция культурно-исторических типов нередко рассматривается как одна из центральных у Данилевского, ставшего предшественником изучения так называемых локальных цивилизаций, развивавшегося уже позднее в упомянутых работах Шпенглера и Тойнби.

Данилевский выделил специфические закономерности, которые считал присущими культурно-историческим типам как законы их исторического развития. Это, во-первых, язык или группа родственных языков, которые должны быть присущие народам, относимым к одному подобному типу. Во-вторых, Данилевский настаивал на том, что для обретения культурной и цивилизационной самобытности необходима политическая независимость. Обосновывает он этот тезис во многом, как ни странно, не с экономической, а с ценностной точки зрения, и конкретнее, даже в какой-то мере с этической точки зрения. Он пишет, что так же, как развитие личности требует свободы и независимости, когда она предстает целью такого развития, а не средством – развитие отдельно взятой культуры и цивилизации невозможно без подобного рода самостоятельности²²⁷.

Еще один тезис Данилевского вызывал, возможно, наибольшее количество споров, так как утверждал, что начала одной цивилизации не передаются другим цивилизациям, каждая из которых должна пройти свой путь полностью самостоятельно и независимо. При этом сам автор, предвидя возражения, говорит о возможности «прививки» достижений одной цивилизации другой (по аналогии с прививанием черенка одного растения другому), а также о воздействии цивилизаций друг на друга по принципу «удобрения» или «питания» – именно последний способ Данилевский считал предпочтительным и едва ли не единственно возможным. Он вскользь указывает, что принятие одной

---

²²⁷ Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997. 234 с.

цивилизацией достижений другой значило бы и принятие всего, что к этим достижениям привело, с ними связано и им соответствует.

Поэтому, как нам представляется, причиной критики этого тезиса Данилевского служит не столько его прямое содержание, сколько некая незавершенность и недоговоренность. Данилевский, видимо, указывает не на то, что достижения одной цивилизации не могут восприниматься другими, что противоречило бы даже тем историческим примерам, которые он сам приводит – нет, он настаивает на том, что эти достижения не могут быть восприняты в готовом и неизменном виде, так как они напрямую связаны со всей системой породивших их общественных отношений и особенностями исторического развития конкретного общества. До этого, казалось бы, вполне очевидного пояснения остается всего один шаг, которого автор не делает достаточно явно, возможно, только за отсутствием соответствующего методологического аппарата, который был позднее развит в рамках системных исследований, в частности, в работах Богданова.

При этом сама указанная идея Данилевского чрезвычайно глубока и во многом опередила свое время. XX век очень наглядно показал, что механическое перенесение даже самых передовых достижений как части структур одной культуры в другие культурные системы, не имевшие для этого необходимых комплементарных структур, приводило к неожиданным, а зачастую и совершенно нежелательным последствиям. Собственно, с точки зрения системного подхода, заложенного еще Богдановым, здесь заранее можно было бы увидеть три магистральных сценария для подобных заимствований.

В первом случае (наиболее предпочтительном) заимствование, чтобы быть воспринятым, должно пройти достаточно длительный путь адаптации к возможностям и запросам принимающей его культуры – иногда до очень заметного видоизменения, на что, как правило, необходимо время и специальные усилия²²⁸.

---

²²⁸ Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М.: ИФ РАН, 2007. 167 с.

Во втором случае заимствования, не встретив понимания и поддержки в принимающей культуре по тем или иным причинам, просто ею отторгаются. Этот вариант можно было бы считать условно нейтральным, хотя на деле это не всегда так, если, к примеру, для внедрения были потрачены ресурсы, что впоследствии не окупилось, или упущено время для более успешных в конкретном случае действий.

Наконец, при наихудшем сценарии, новое заимствование, будучи внедрено в культуру, которой оно чуждо, может начать разрушать ее устоявшиеся структуры. Это может быть практически что угодно: новая технология, форма организации и управления и даже способы проведения досуга – если все это одновременно не комплементарно принимающей культуре и не может быть ею отторгнуто. Если данная культура все же в конце концов приспособится к заимствованию или адаптирует его для себя, возникший кризис будет разрешен, но, в любом случае, ценой значительных усилий, ресурсов и разрушенных социальных взаимосвязей.

Что касается «жизненного цикла» культурно-исторических типов, то в одной из частей своего труда²²⁹ Данилевский все же разделяет культуру и цивилизацию, отводя второй роль краткого периода расцвета локальных культур. Оценку же достижений каждой отдельно взятой культуры и цивилизации, с его точки зрения, можно осуществлять только изнутри нее самой, с точки зрения национального характера и самобытности породившего эти достижения народа – поэтому чаще всего Данилевский воздерживается от универсальных оценок, причем даже в областях, касающихся естественно-научного знания.

Еще одним русским философом, внесшим значительный вклад как в развитие цивилизационного подхода, так и в формирование ценностного измерения техники, был Н.А. Бердяев. Бердяев, отчасти в унисон со Шпенглером, которого упоминает, разделяет культуру и цивилизацию как своего рода стадии развития, диалектически взаимосвязанные таким образом, что за одной всегда рано или поздно последует другая.

---

²²⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 111.

В своей работе «Смысл истории»²³⁰ Бердяев стоит на позициях признания множества локальных культур, проходящих свои жизненные циклы от рождения и упадка, иногда независимо друг от друга и будучи разделены самыми разными эпохами и расстояниями²³¹. Именно на этой основе он также отрицает идею прогресса, общего для всего человечества – как с точки зрения исторической преемственности, так и с сугубо ценностных позиций. Прогресс для Бердяева – это, прежде всего, обесценивание жизни и достижений предыдущих поколений, эпох и культур, которые, как он полагает, в таком случае мыслятся всего лишь как ступени для достижения лучшего будущего.

Для Бердяева, как религиозного мыслителя, идея прогресса может иметь смысл лишь в трансцендировании как обращении человечества к духовному началу. С точки же зрения прогресса материального он полагает ситуацию абсурдной, так как человечество, в стремлении к прогрессу воплощая в жизнь все новые идеи, неминуемо сталкивается как с неосуществимостью идеалов всеобщего счастья и благоденствия, так и с новыми, неожиданными трудностями.

Точка зрения Бердяева на различия культуры и цивилизации и их диалектическое взаимодействие интересна не только сама по себе, но и в разрезе ценностного измерения техники. Идею Шпенглера о культуре как творческой эпохе и о цивилизации как конце этого творчества Бердяев по-своему переосмысливает. Для него и та и другая эпохи ценны, так как обе заняты творчеством, но совершенно разного рода.

В «Воле к жизни и воле к культуре» Бердяев разворачивает свою идею о культуре как стремлении к духовному в широком смысле в противовес цивилизации как стремлению к материальному.

Культура для Бердяева связана с творением ценностей и смыслов. Это понятие не только этимологически связано с культом, но, с точки зрения философа, органически вытекает из религии и имеет с ней неразрывную связь. Культура, по

---

²³⁰ Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. 269 с.

²³¹ Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. С. 249–269.

Бердяеву, всегда символична и ставит духовное выше материального. Именно на стадии культуры возникают новые идеи во всех областях – философии, искусстве, науке и даже технике.

При всем этом Бердяев полагает, что недостаточное внимание к материальному на стадии культуры приводит к парадоксальной ситуации соседства самых высоких идей с бытовой неустроенностью и тем, что сейчас назвали бы низким уровнем жизни и, в частности, комфорта. Именно отсюда начинается перерождение культуры в цивилизацию – как стремление, наконец, использовать духовные достижения для улучшения материального благосостояния. Бердяев называет это волей к жизни, вполне понятной и объяснимой. И тем не менее, обращение к материальному постепенно начинает довлеть в цивилизации, ослабляя духовное начало, что и заставляет видеть в ней нечто, опасное своей бездушностью и потерей ценностей и смыслов. Цивилизации, с точки зрения Бердяева, свойственны рационализм, экономический материализм, массовость и техницизм.

Для Бердяева смена культуры и цивилизации глубоко трагична, так как в каждом из этих состояний есть внутренние противоречия, которые, нарастая, и вызывают неизбежные изменения. Вполне понятная воля к благополучию, счастью здесь и сейчас, а не в отдаленном будущем или в загробной жизни, согласно Бердяеву, приводит к торжеству материалистичной цивилизации, которая, убивая духовность, лишает жизнь цели и смысла и парадоксальным образом так же далека от осуществления этого желаемого счастья, как и предшествующая ей культура с ее неустроенностью и экономическими проблемами. Трагедия здесь, конечно, в том, что, как полагает Бердяев, решение проблем в одной сфере (материальной или духовной) всегда происходит за счет другой.

Что касается непосредственно техники, то здесь Бердяев пишет, что само изобретение техники – все еще порождение культуры, а вот внедрение и массовое распространение – уже особенность цивилизации. Можно было бы, конечно, поспорить с этим, так как внедрение и использование техники не отменяет, а наоборот неизбежно подстегивает творческую активность в этой области – и уже вскоре после выхода труда Бердяева это было более чем очевидно.

Еще одна трагедия диалектики культуры и цивилизации в трактовке их Бердяевым, возможно, в том, что ценности, создаваемые культурой, на деле вовсе не могут воплотиться в цивилизации именно из-за того, что все эти идеалы были нацелены, скорее, на трансцендентное, а не то материальное «здесь и сейчас», что воплощается в цивилизации – для последнего как раз таких ценностей и не хватило, а сама цивилизация именно в силу своей природы оказывается неспособна их создать. Утилитаристские подходы действительно работают лишь на ближайшую перспективу, а то, что осознается людьми как некие «подлинные» ценности, всегда так или иначе претендует на вневременность и всеобщность (что заметил еще Кант).

То же можно сказать о науке и технике – ценности, которые пытаются к ним применить, созданы в дотехногенную эпоху и изначально чужды этим сферам, потому и действуют чаще всего как внешние искусственные ограничители, в то время как подлинное ценностное измерение чего бы то ни было – это всегда ядро данного явления, без которого последнее не представимо и не существует, как одна из четырех аристотелевских первопричин, имеющих, конечно, не «объективное», а сугубо человеческое, антропологическое измерение в эпоху, когда «мир для нас» и «мир вообще» еще не были драматически разделены.

§ 2. Особенности ценностно-детерминированной динамики техногенного типа цивилизационного развития ²³²

Не секрет, что исследования цивилизационной проблематики нередко выходят на первый план в моменты кризисов и вообще масштабных социальных процессов, ведущих к заметным социокультурным сдвигам. В такие периоды возникают закономерные вопросы о причинах и возможных результатах происходящего не только на микро- и макроуровне социологических моделей, но

---

²³² Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

и на гораздо более общем и всеобъемлющем уровне, который охватывается уже по преимуществу философскими и культурологическими концепциями.

Именно на этих высших уровнях рассмотрения социального можно говорить о понятии цивилизации и в принципе ставить вопрос о том, каковы черты наличествующего цивилизационного типа²³³, происходят ли текущие процессы строго в его рамках или же стремятся выйти за них с тем, чтобы положить начало некоему новому типу цивилизационного развития.

Проблема, которую мы хотим поставить – это, в сущности, вопрос о том, каким образом может существовать, постоянно воспроизводясь, техногенная цивилизация, и как при этом возможно появление в ней новых структур, в будущем способных привести к ее видоизменению или даже возникновению нового цивилизационного типа. Более конкретно эту проблему можно сформулировать как вопрос о том, каковы могут быть модели самовоспроизводства и инновационных изменений цивилизационных типов в контексте существующей научной рациональности.

Вопрос о воспроизводстве цивилизационной системы встает, в основном, тогда, когда в этом процессе видятся некие заметные проблемы. Однако трудно найти такой период в письменной истории человечества, когда кто-либо не заявлял бы, что современное ему общество находится в кризисе или упадке. Сравнивая сущее с должным или желаемым, несоответствия найти легко, от просто досадных до трагичных – однако не все они автоматически могут называться кризисными состояниями. Для последних нужны критерии, выводящие утверждения за рамки простых оценочных суждений.

Сама концепция техногенной цивилизации, как сформулировал ее В.С. Степин²³⁴, представляет собой своего рода возврат к линейно-стадиальной модели, которая долгое время не отождествлялась с цивилизационным подходом, а скорее, даже противопоставлялась ему. Нередко, особенно в отечественной

---

²³³ Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. 408 с.

²³⁴ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.; Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

литературе, можно было встретить достаточно четкое различие этих двух подходов, когда стадийным мыслился именно формационный подход, а цивилизационный понимался, в основном, как концепция локальных цивилизаций, различные варианты которой развивались в конце XIX в. и первой половине XX в.

Было сформулировано множество вариаций цивилизационного подхода²³⁵, почти полностью порывающего со стадийностью. В этих случаях понятие цивилизации во многом приближается к культуре. Термин «культура» встречается уже у представителей немецкой классической философии, у немецких романтиков, позднее у неокантианцев. Последние авторы рассматривали культуры как своего рода автономные системы идей, ценностей, представлений, связанных отношениями взаимной детерминации с определенными типами социальной и экономической организации. Когда трактовка понятия «цивилизация» приблизилась к приведенному выше пониманию термина «культура», это неизбежно привело к появлению концепции нескольких (даже многих) цивилизаций, которые могли развиваться не только последовательно, но и одновременно параллельно друг другу на разных территориях.

Многие более или менее известные примеры подходов к цивилизации (как у А. Тойнби) демонстрируют, если можно так выразиться, «синхронную» интерпретацию цивилизаций как своеобразных крупнейших локальных социокультурных образований – в отличие от ранее использовавшейся «диахронной» стадийной интерпретации.

В противовес всему вышесказанному, концепция техногенной цивилизации как типа противопоставляет последнюю всем без исключения предшествующим ей локальным культурам, относимым к традиционному цивилизационному типу, независимо от их территориального положения и присущих им уникальных достижений. Отличия техногенной цивилизации носят фундаментальный характер, так как ее научно-технические и экономические достижения отражаются на ее

---

²³⁵ Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374.

ценностях и доминирующем в ней типе мировоззрения, который, в свою очередь, поддерживает и воспроизводит данный цивилизационный уклад.

Коль скоро нам здесь в первую очередь интересны цивилизационные кризисы, и мы рассматриваем цивилизацию как систему, то в том, что касается динамики этой системы, нас в наибольшей степени занимают процессы системного самовоспроизводства и его возможных сбоев, способных привести к кризисам. И насколько отличаются характеристики техногенной цивилизации и иного, в частности, традиционного типа цивилизаций, настолько же, вероятно, должны различаться между собой и способы их воспроизводства и виды сбоев последнего.

Целью данного раздела, таким образом, станет рассмотрение способности существующей техногенной цивилизации к самовоспроизведению через повторение ею своих собственных структур и одновременно возможность привнесения нового в эти структуры, что может в результате заложить основы для смены цивилизационных типов.

В качестве теоретико-методологического базиса для проблематики данного раздела мы используем концепцию аутопойезиса, разработанную Н. Луманом²³⁶. Луман не только создает одну из наиболее влиятельных одновременно для социологии и социальной философии концепций. Что для нас гораздо более важно, он рассматривает общество с точки зрения системного подхода, получившего в XX веке чрезвычайную популярность из-за своего высочайшего эвристического потенциала, каковым мы здесь также собираемся воспользоваться. Более того, Луман одновременно рефлексировал по поводу применимости, возможностей и границ этого подхода. Также он, в частности, стремится преодолеть критически оцениваемые особенности системного и структурного анализа общества, доставшиеся «в наследство» от структурного функционализма – а именно, отношение к структурам как к чему-то статичному и определенному, когда такой подход противопоставлялся рассмотрению динамических аспектов социального развития.

---

²³⁶ Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.

Основным понятием, которое будет нас здесь интересовать как относящееся к способности социокультурных структур к самоповторению и самовоспроизводству – аутопойезис, который Луман напрямую связывает не только со структурами социального, но также и с основополагающим для всех его концептуальных построений понятием коммуникации.

Изначально понятие аутопойезиса было введено Матураной и Варелой²³⁷ для объяснения феноменов биологического самовоспроизводства и эволюции живых организмов. В этом значении данная теория, несмотря на объяснительный потенциал, нередко подвергалась критике именно из-за философских, с точки зрения ряда ученых, коннотаций. Однако в том, в чем биологи видели недостаток, ученые-гуманитарии смогли открыть достоинство – а именно, использовать концепцию аутопойетического воспроизведения в отношении социальных и коммуникативных структур, как сделал это Луман.

Он же показал, что критика данного понятия как содержательного в принципе некорректна, так как оно может и должно применяться именно с чисто методологической позиции. Так, Луман пишет²³⁸, что понятие аутопойезиса используется не для того, чтобы объяснить, какие именно структуры существуют и почему, но для того, чтобы установить сам объяснительный принцип, который может, в свою очередь, применяться уже к практически любым структурам, по крайней мере, в социальной сфере, хотя сам ученый и не делает подобного различия.

Вообще, использование понятия аутопойезиса – это, на первый взгляд, очень изящное методологическое решение для описания самореферентных структур, не имеющих опоры на что-то извне, однако связанных с окружающей для них средой множеством связей и способных приспособливаться к этой среде, при необходимости меняясь так, чтобы при этом достаточно долго сохранять самоидентичность.

---

²³⁷ Maturana H., Varela F. *Autopoiesis: the organization of the living* (1973) // Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht: Springer, 1980. P. 63–134.

²³⁸ Луман Н. *Общество общества: в 3-х кн. Кн. 1: Общество как социальная система*. М.: Логос, 2011. С. 68.

Это понятие также позволяет решить ту проблему, на которую в свое время обратил внимание еще Вебер – вопрос свободы исследователя от ценностей, вернее, даже от оценок в том, что касается социальных исследований²³⁹. Принцип этот может показаться, при всей необходимости, звучащим несколько утопически, так как даже стремясь его воплотить, ученый все равно остается в рамках собственной ценностной системы, которая встроена в его исследовательскую парадигму, определяет принципы этики, в том числе, научной, конституирует целеполагание.

В рамках же аутопойетической концепции, как настаивает сам Луман, единый инвариантный принцип должен применяться как для объясняемой, так и для объясняющей систем, так как они существуют и воспроизводятся одинаково. Сам исследователь, в конце концов, тоже не более (и не менее), чем система, социальные параметры которой возникают и воспроизводятся ровно по тем же законам, что и весь остальной изучаемый им социум.

Очень любопытно, что с аутопойезисом оказывается также связано понятие неопределенности²⁴⁰, которая нарастает, когда система (в данном случае, опять же, именно социальная) отделяется от породившей ее среды и начинает самовоспроизводиться, приобретая, по терминологии Лумана, операционную закрытость – как невозможность использовать какие бы то ни было операции, кроме собственных. Таким образом система утрачивает связи с операциями внешней среды и для того, чтобы ничем более извне не детерминированные операции могли воспроизводиться, им приходится приписывать (иногда весьма произвольным или случайным образом) категорию смысла, порождая, таким образом, такую форму операциональной деятельности, как коммуникация²⁴¹.

Кроме того, Луман настаивает на том, что аутопойетические социальные системы способны эволюционировать, двигаясь в сторону усложнения или

---

²³⁹ Вебер М. Избранные произведения — М.: Прогресс, 1990 — 808 с.

²⁴⁰ Луман Н. Общество общества: в 3-х кн. Кн. 1: Общество как социальная система. М.: Логос, 2011. С. 69.

²⁴¹ Головин Н.А. Социология Лумана в эмпирическом и теоретическом аспекте: итоги верификации сложной социологической теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 3. С. 174–182.

редукции. Конечно, можно предположить, что подобного рода эволюционизмом концепция Лумана отчасти может быть обязана воспринятым им идеям Матураны и Варелы. Тем не менее, это все же одна из возможностей объяснить видоизменение социальных структур в рамках единой методологии, основанной на системном подходе и стремящейся охватить равно социальную статику и динамику.

Говоря о техногенной цивилизации, в первую очередь, стоит опереться на работы Степина, который изначально и проблематизировал данное понятие. Техногенная цивилизация – это достаточно молодой (вероятно, самый молодой из существующих) цивилизационный тип. Ее появление потребовало существенного подготовительного периода, пришедшегося, в основном, на Ренессанс и начало Нового времени, когда зарождается то, что можно назвать научным мировоззрением²⁴².

Связь техногенной цивилизации и научного мировоззрения более чем очевидна. Ясно, конечно, что существенное количество теоретических и эмпирических сведений о реальности задолго до этого было накоплено в рамках философского, а иногда и мифологического мировоззрения, но для развития технологий и массового внедрения их в практику потребовался именно мировоззренческий сдвиг.

Техногенная цивилизация качественно отлична от традиционного цивилизационного типа. И отличия здесь носят самый фундаментальный характер, так как основаны на различных системах ценностей.

Когда мы говорим, что техногенная цивилизация основана на научном мировоззрении, то в первую очередь обращаем внимание на то, что в ней должны превалировать исходные для этого мировоззрения ценностные максимы, которые и будут определять векторы дальнейшего развития, а также основания для целеполагания и оценки полученных результатов.

---

²⁴² Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 372.

В этом диссертационном исследовании мы различаем понятие ценности, которое предполагает наличие деятельности субъекта как его определенного отношения к объекту, и основания отнесения к ценности. В качестве таких оснований может выступать ряд понятий, как правило, оказывающихся благами или добродетелями, которые в зависимости от конкретной культурной традиции наполняются качественным содержанием.

Если говорить об основаниях отнесения к ценности, специфичных для научного мировоззрения, то, если принять точку зрения Степина²⁴³, таковыми окажутся объективная истина и научная новизна. Но может возникнуть неожиданный на первый взгляд вопрос: можно ли в таком случае отнести их к благам? Единой точки зрения на этот вопрос нет, и вряд ли она может существовать при наличествующем плюрализме подходов к трактовке благ и ценностей²⁴⁴. В частности, у Ивина²⁴⁵ можно встретить утверждение о четком противопоставлении истины и ценности на основании того, что первая мыслится как характеристика описательного суждения, а вторая – оценочного²⁴⁶. То есть, в конечном счете, все это сводится к противопоставлению объективного и субъективного в той мировоззренческой схеме, где подобное вообще может быть противопоставлено²⁴⁷. Мы не будем сейчас рассуждать о правомерности такой оппозиции в целом. Однако применительно к научному познанию она едва ли возможна, как все, что касается научных фактов, не столько констатируется, сколько формируется при помощи определенного методологического аппарата и вне его может вообще не рассматриваться, и даже, в некоторых случаях, не признаваться «объективно» истинным. Стремление к именно к научной истине²⁴⁸ (часто отличной от «истины»

---

²⁴³ Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

²⁴⁴ Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстет. аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.

²⁴⁵ Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. С. 29–31.

²⁴⁶ Горелов А.А. Истина и смысл. М.: ИФ РАН, 2010. 147 с.

²⁴⁷ Огурцов А.П. Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М.: ИФ РАН, 1998. 265 с.

²⁴⁸ Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.

обыденного знания и «здорового смысла») само по себе является и целью, и одновременно критерием качества научного исследования и работы ученого. То же самое можно сказать и о научной новизне. Поэтому в указанных смыслах, как мы полагаем, все это с полным правом можно признать своего рода благами, на основании которых выстраиваются ценностные суждения.

Из важности именно этих благ для техногенной цивилизации, как можно предположить, проистекает ее стремление к унификации и экспансивности. Научная истина объективна (несмотря на привязку к теоретико-методологическому аппарату), поэтому рассматривается как всеобщая, унифицированная и не зависящая от индивидуальных и даже социокультурных факторов. Конечно, можно сказать, что все это могло бы относиться в большей мере к классической и отчасти к неклассической науке, в то время как в постнеклассической научной парадигме декларируется включение в науку той социально-ценностной составляющей, которая даже теперь имеет пока что внешнюю по отношению к научному знанию природу. При этом до сих пор не ясно до конца, каким образом этого можно достичь, чтобы не размывались границы самой науки, что, по мнению самого же Степина и его соавторов было бы концом научного знания²⁴⁹.

Тем не менее, техногенная цивилизация складывалась в большей степени под влиянием еще классической парадигмы и, вероятно, до сих пор испытывает на себе значительное влияние последней, так как внедрение и распространение ценностей науки в рамках массово распространенного мировоззрения, как правило, существенно запаздывает по отношению к их появлению в самой науке.

Культура в целом, как известно, развивается достаточно неравномерно. Если наука и техника сейчас находятся в ее авангарде, то другие сферы и социальные институты, действующие на основе вненаучных ценностей, видоизменяются намного медленнее. Более того, попытки внедрить туда ценности науки наталкиваются на противодействие, иногда неосознанное, иногда вполне

---

²⁴⁹ Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 372.

целенаправленное, именно из-за несоответствия ценностных систем научных и вненаучных, когда последние являются, по большей части, донаучными.

Все сказанное выше подводит нас к необходимости провести хотя бы краткий сравнительный анализ цивилизационных типов и их преобладающих ценностных систем.

Итак, если основные максимы техногенной цивилизации связаны с научным мировоззрением и основаниями ценностей науки: истиной и новизной, то это само по себе уже заставляет задаться вопросом о том, откуда, в таком случае, должны происходить основания для всех остальных ценностей, необходимых для социального и личностного бытия. И возможные ответы здесь неминуемо приведут нас к более ранним ценностным системам, развивавшимся до науки, а позднее – параллельно с ней. Эти ценностные системы будут принадлежать, по большей части, традиционной цивилизации.

Символическим ядром культур, развивавшихся в рамках традиционного типа цивилизации изначально, при их зарождении, было мифологическое мировоззрение, и, несмотря на то, что оно постепенно уходит в прошлое, его влияние на структуры языка и культуры, а также на понимание благ, добродетелей и ценностных отношений как чего-то онтологически устойчивого, существующего как бы вне времени и человеческого сознания, до сих пор отчасти сохраняется, заставляя периодически выдвигать ценности той или иной эпохи или социальной группы на роль «всеобщих», «вечных» и «неизменных».

Мифологическое мировоззрение не подразумевает прогресса и вообще относится к изменениям по меньшей мере настороженно. Идеалом и образцом, которому нужно стремиться, здесь будет являться прошлое – тоже, естественно, мифологизированное. Идея прогресса подобному типу мировоззрения глубоко чужда.

Тем не менее, есть ряд аспектов, свойственных мифологическому мировоззрению, благодаря которым оно до сих пор сохраняет привлекательность, и отдельные его составляющие продолжают жить и воспроизводиться в культуре,

кочуя по фольклорным и литературным сюжетам, идеологическим построениям и ценностным системам.

В первую очередь, это все, что связано со смысло- и целеполаганием. Особенность любых мифов заключается не столько в том, чтобы дать возможность что-то объяснить на уровне причинно-следственных связей – с этим-то как раз намного лучше справляется наука. Но мифы способны дать объяснение с точки зрения придания происходящим в реальности событиям смысла, пояснить не столько как или почему они происходят, сколько дать ответ на вопрос – зачем. С точки зрения науки сама постановка вопроса о целях просто некорректна. Однако мы все равно продолжаем в большинстве областей своей личной и социальной активности мыслить именно так, потому что иное грозит нам экзистенциальным тупиком.

Таким образом, оказывается, что, когда мы говорим о техногенной цивилизации и о ее противопоставлении традиционной цивилизации, не стоит забывать о том, что элементы этих цивилизационных типов в реально существующих обществах оказываются сосуществующими на едином временном отрезке.

Если рассматривать цивилизацию как социальную суперсистему, то она должна обладать как минимум двумя взаимно обусловленными свойствами – а именно, быть аутопойетической и рекурсивной. То есть должны постоянно самовоспроизводиться ее структуры, с одной стороны, и каждая часть системы должна воспроизводить те же основные структуры, что и вся система в целом.

Однако если техногенная цивилизация на самом деле неоднородна и даже если доминирует, то неизбежно включает в себя элементы других цивилизационных типов, то на деле мы можем получить более одного варианта воспроизводства и самовоспроизводства структур.

Для техногенной цивилизации возможны как минимум два варианта взаимодействия с традиционной цивилизацией. В первом случае можно наблюдать ситуацию, когда экспансивная техногенная цивилизация, распространяясь, вступает во взаимодействие с традиционной цивилизацией, где до этого науки как

социального института могло и не сложиться, а технологии будут находиться на доиндустриальном уровне. В таком случае техногенная цивилизация, как полагал В.С. Степин и его соавторы, часто ведет себя достаточно агрессивно, стремясь поглотить иные культуры, которые, в свою очередь, чтобы избежать подобного, вынуждены приспосабливаться к этой «экспансии» как к воздействию внешней среды.

При этом воздействии, если, конечно, традиционные культуры не отторгают техногенное влияние целиком, замыкаясь при этом в себе, шанс сохраниться есть, в первую очередь, у тех их частей, которые, с одной стороны, не связаны с техногенной цивилизацией никакими связями по принципу структурной сопряженности (то есть не соприкасаются с ней, не «помогают» ей и не «препятствуют»), с другой стороны, выполняют достаточно важные социальные функции, которые нельзя ни упразднить, ни заменить тем, что способна предложить техногенная цивилизация.

Во втором варианте возможного взаимодействия техногенной и традиционной цивилизаций развитие событий происходит тем хорошо известным нам образом, когда техногенная цивилизация появляется постепенно, можно сказать, «изнутри» традиционной, как это и произошло изначально в Европе в Новое время. При этом процесс взаимодействия двух цивилизационных типов на первый взгляд выглядит несколько менее драматичным, чем в предыдущем описанном варианте, так как занимает гораздо больше времени. Здесь при длительном поступательном внедрении научного мировоззрения и технического прогресса они, казалось бы, вполне органично входят в ткань культуры. Однако, поскольку научное мировоззрение, как мы уже видели, не способно продуцировать все необходимые ценности, а только их часть, причем небольшую, остальные ценности неизбежно должны были стать наследием традиционного этапа цивилизационного развития, в рамках которого постоянный прогресс (свойственный техногенному этапу), по большей части, не подразумевался.

Все это отчасти объясняет описанный Огборном²⁵⁰ эффект культурного лага²⁵¹. Ведь если задаться вопросом, почему одни социальные институты и сферы культуры меняются быстрее, а другие медленнее, то ответ вполне может лежать как раз в сфере основополагающих ценностей – там, где прогресс или изменения вообще являются ценностью, они будут наличествовать, а там, где не являются – соответственно, будут отсутствовать или происходить очень медленно.

В этом случае аутопойезис, также как и в первом варианте взаимодействия, будет происходить не в одной, а в двух или нескольких системах, связанных через структурную сопряженность и влияющих друг на друга, при том, что наука и техника будут выступать своего рода «локомотивом», тянущим за собой остальные системы.

Рекурсия также будет проявляться в рамках этих взаимосвязанных друг с другом систем, поэтому периодически мы будем иметь столкновение различных рекурсивных систем там, где предполагается внедрение особенностей одной системы в другую. Примерно это происходит сейчас, например, при попытках цифровизации образования.

Если же суммировать то, что говорилось об аутопойезисе техногенной цивилизации, то он осуществляется, как мы полагаем, до сих пор параллельно в нескольких основных общественных подсистемах, при том, что наука и технологии являются ведущими, так как отвечают за экономические преимущества и военную безопасность.

Когда же разрыв между быстрым научно-техническим прогрессом и медленным развитием остальных подсистем становится критическим, то в обществе из-за возросших несоответствий возникают кризисные состояния, в ходе которых все подсистемы экстренно «подтягиваются» к научно-технической, вырабатывая или видоизменяя ценностные комплексы для того, чтобы «приспособиться» к изменившимся условиям.

---

²⁵⁰ Ogburn W.F. Social change. With respect to culture and original nature. New York: B.W. Huebsch, 1923. 365 p.

²⁵¹ Glade W.P. The Theory of Cultural Lag and the Veblenian Contribution // The American Journal of Economics and Sociology. 1952. Vol. 11. No. 4. P. 427–437.

В порядке предположения можно также сказать, что, вероятно, о грядущей посттехногенной цивилизации можно будет говорить тогда, когда все эти до сих пор отдельно существующие подсистемы перестанут скачкообразно приспособляться одна к другой и сольются воедино, образовав наконец единую, целостную систему с единым же ценностно-мировоззренческим базисом.

Когда цивилизация воспроизводится, она, очевидно, не только потребляет те или иные материальные ресурсы. Она также воспроизводит определенные коммуникативные и деятельностные паттерны поведения, которые и образуют ткань ее культуры и социальности. И мы можем предположить, что техногенная цивилизация имеет механизмы рекурсии, существенно отличные от традиционных цивилизационных типов. Далее мы рассмотрим эту основополагающую для нас тему более подробно, так как предполагаем, что различия в механизмах самовоспроизводства напрямую могут показать, в чем причина и специфика сбоев в этих процессах, и соответственно, кризисов в различных типах цивилизаций.

Если мы говорим о кризисе техногенной цивилизации и вообще о цивилизационных кризисах, то, исходя из всего вышеизложенного, их можно определить как неустойчивое состояние системы, в которой она теряет возможности для нормального стабильного функционирования. Происходит все это из-за невозможности для системы при помощи имеющихся средств адекватно отвечать внешним или внутренним вызовам. Для разрешения кризиса таким образом, который не привел бы к гибели системы, она должна перейти в новое состояние, где возможно будет найти механизмы ответа на изначальные вызовы и этим вернуть ей стабильность.

Здесь возникает множество вопросов. Мы остановимся на следующих: во-первых, за счет чего подобная система способна сохранять стабильность; во-вторых, исходя из ответов на предыдущий вопрос, что именно для нее будет считаться нарушением этой стабильности и, соответственно, кризисом.

Начнем с того, что техногенная цивилизация (по В.С. Степину) всегда определяется как таковая, только исходя из ее отличия от цивилизаций традиционных. Поэтому для того, чтобы понять, чем отличаются стабильность и

кризисы в современном техногенном типе цивилизационного развития, мы также используем этот метод соотнесения с традиционными типами.

Итак, попробуем ответить на часть поставленных нами вопросов: за счет чего способна сохранять стабильность традиционная цивилизация, и что может считаться ее кризисным состоянием?

Если условно разделить все воздействия на цивилизацию как систему на внешние и внутренние и отнести все это к традиционным цивилизациям, то внешние воздействия, такие как природные катаклизмы, изменения климата и военная экспансия, часто оказывались для таких цивилизаций губительны. В то же время внутренние неурядицы – противоборство кланов, смены династий и даже феодальная раздробленность сами по себе, хотя и оказывали часто негативное воздействие на экономику целых областей и государств, все же, как правило, не приводили к полному разрушению цивилизаций, если, опять же, не вмешивались упомянутые внешние факторы.

Традиционные цивилизации были крайне жизнеспособными системами, которые могли существовать много столетий (или даже тысячелетий), успешно воспроизводя свои основные структуры – социальные институты, формы стратификации, ценностно-нормативные комплексы и т.д.

Стаффорд Бир пишет, что если система жизнеспособна сама и содержит в себе такие же жизнеспособные системы (или подсистемы), то организационные структуры таких систем должны быть рекурсивны, то есть повторять и воспроизводить друг друга. То есть, можно предположить, что в традиционных цивилизациях все подсистемы, несмотря на различия, подчинялись одним и тем же фундаментальным принципам, которым соответствовала и вся система целиком, что если и не избавляло ее полностью от внутренних противоречий, то делало их ситуативными, не затрагивающими ее оснований.

Указанные фундаментальные принципы, общие для всей традиционной цивилизации и всех ее подсистем, с необходимостью должны были быть даже не законодательными или моральными нормативными комплексами, а основой для

таковых – то есть находиться на онтологическом, мировоззренческом уровне²⁵². Также они должны были разделяться всеми, быть или казаться для подавляющего большинства чем-то само собой разумеющимся и требующим не рационального обоснования, но постоянного «прочувствования» и «проживания» в каждом действии. Всем этим критериям удовлетворяют лишь одни порожденные культурой комплексы представлений – мифологические.

Действительно, мы прекрасно знаем, что мифологическое мировоззрение в традиционных типах цивилизаций, особенно древних, безусловно доминировало. Что интересует нас сейчас – это его роль в процессах самовоспроизводства данных цивилизаций.

Миф вообще – это, конечно, и нарратив, и символ²⁵³, но также это и постоянно переживаемая и проживаемая живая структура, для которой события реальности служат воплощением и вечным продолжением и уж никак не опровержением. Миф, как мы знаем, реальность не столько объясняет, сколько оправдывает, причем, что особенно важно, всю целиком: от бытовых привычек, особенностей социального строя и иерархии и до природных явлений. Миф поясняет, не только почему реальность такова, какова она есть, но и зачем она существует, и почему может перестать. По своей природе миф телеологичен, и в этом его основная функция – он способен примирить человека с миром, дать совершенно бесспорные обоснования основных целей и благ. И тем самым их максимально законсервировать. Мифологическое мировоззрение подразумевает постоянное воспроизведение сакрализованных образцов и сохранение их в неизменности как можно дольше²⁵⁴.

Таким образом, мифологическое сознание культур, находившихся на традиционном цивилизационном этапе, пронизывавшее всю социокультурную ткань общества, давало его структурам столь важную для них стабильность,

---

²⁵² Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИФ РАН, 1995. 297 с.; Брызгалина Е.В. Ценностная проблематика в современной философии, науке и социальной практике (предисловие к публикации статьи профессора Ян Сяохуэй (КНР)) // Вестник Московского университета. 2019. Сер. 7. № 2. С. 70–75.

²⁵³ Лосев А.Ф. Миф-Число-Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.

²⁵⁴ Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

ощущение цели и ценности существования на всех уровнях от индивида до социума. Вместе с тем оно практически не подразумевало идеи прогресса.

Если взять для рассмотрения традиционные культуры древности, то их экономика, основанная на доступных им технологиях, была аграрной. И технологии эти могли не меняться веками. То, что делало эти цивилизации такими стабильными, одновременно препятствовало техническому прогрессу и развитию науки. А если определенные варианты преднаучного знания развивались в рамках философии, то все равно практически не сказывались на массово применяемых технологиях²⁵⁵. Одна из причин подобного – доминировавшее в этих древних цивилизациях мифологическое мировоззрение и неизбежно сопутствовавшая ему ритуализация основополагающих действий и процессов. Миф – то, что должно воспроизводиться неизменно и постоянно, иначе «солнце может не взойти». Мифологическому мировоззрению идея целенаправленного прогресса как попытки изменить эти устоявшиеся цепочки действий глубоко чужда.

Если сравнивать с традиционной цивилизацией техногенную, то она, конечно, будет отличаться не только своей технико-экономической составляющей. Развитие последней и соответственно, становление техногенной цивилизации было бы невозможно без масштабного мировоззренческого сдвига. Постепенно едва ли не доминирующую роль начинает играть в ней научное мировоззрение, что связано не в последнюю очередь с распространением массового образования, без которого индустриальное развитие было бы невозможно. Само возникновение техногенной цивилизации можно рассматривать как своего рода результат кризисных явлений, однако в эту чрезвычайно интересную и обширную тему мы не будем сейчас углубляться. Вместо этого рассмотрим, наконец, чем же стабильность и кризисы в этом цивилизационном типе отличают его от всех предшествующих.

Итак, если традиционные цивилизации с их мифологическим мировоззрением были внутренне чрезвычайно стабильны, и причины масштабных кризисов в них носили, как правило, внешний характер, то техногенная цивилизация должна серьезно в этом отношении отличаться.

---

²⁵⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

Во-первых, сама идея подчинения природы человеку, глубоко чуждая традиционным обществам, но присущая техногенной цивилизации, способствовала стремлению максимально обезопасить себя от разрушительных для социума влияний природной среды – и во многом успешно. Кроме того, техногенная цивилизация экспансивна, она стремится распространиться на все регионы, стать по-настоящему планетарной – из-за чего для нее вообще постепенно исчезает понятие внешнего воздействия. Все конфликты техногенной цивилизации становятся внутренними, равно как и большая часть причин ее кризисов. И вот здесь мы видим еще одно разительное ее отличие – при всех своих достижениях она гораздо менее стабильна, чем цивилизации прошлого, и, к сожалению, имеет гораздо больше возможностей разрушить самое себя изнутри.

Техногенная цивилизация, при помощи научно-технического прогресса решившая множество «внешних» проблем, приводивших прошлые цивилизации к кризисам, ровно из-за тех же своих инструментов столкнулась с рядом проблем уже «внутренних».

Дело в том, что техногенная цивилизация во многом закономерно похожа на корпорацию индустриальной или постиндустриальной эпохи. Это как раз вполне объяснимо исходя из указанной концепции рекурсивных систем – если техногенная цивилизация как относительно жизнеспособная система содержит в себе такие же жизнеспособные системы, то они должны взаимно повторять друг друга в своих основных чертах – как в сильных сторонах, так и в слабых, способных порождать кризисы.

Например, очевидно, что предприятия техногенной эпохи производят продукцию намного эффективнее, чем делали это кустарные, по большей части, производства в традиционных обществах. Эти предприятия, рационально и часто формализовано организующие свою работу, использующие разделение труда, активно внедряющие научно-технические разработки, заинтересованные в повышении квалификации своих работников, строятся, в принципе, на тех же основаниях, что и техногенная цивилизация в целом. В первую очередь, это идея

прогресса – постоянного совершенствования и поступательного развития, количественного и качественного.

Однако фундаментальное различие между организацией и обществом в целом состоит в том, что организацию можно рассматривать не только саму по себе, но и как некую целенаправленную систему. И цель такой системы, в том числе, ее прогресса, как ни странно, не в том, чтобы поддерживать ее жизнеспособность как можно дольше. Цели организации, которые с большой долей условности можно разделить на «внутренние» и «внешние», представлены в самом общем виде, с одной стороны, как получение прибыли самой этой организацией, с другой стороны, как производство товаров или услуг уже не для нее, а для внешних по отношению к ней структур социума. Поддержание жизнеспособности организации будет не целью, а лишь средством достижения целей, которые, по сути, также находятся вне ее самой. Только в таком случае ее прогресс (будь то оптимизация структуры, внедрение новых технологий или что-то еще) в принципе необходим и оправдан.

Однако если распространить такой подход на весь социум в целом, мы сталкиваемся с неминуемым противоречием, так как социум как раз существует не для внешней цели, а ради себя самого.

Также есть еще один фактор, исходя из которого Степин противопоставляет техногенную цивилизацию традиционной. Если традиционные цивилизации основаны на ценностях обычая, традиции и деяний прошлого, на образцах, которые необходимо циклически воспроизводить, то техногенная цивилизация считает время линейным и стремится не к прошлому, а к будущему.

Ценность новизны и, соответственно, прогресса – это отличительная черта именно научного мировоззрения, равно как и стремление к поиску рационально обоснованной истины. И именно научное мировоззрение стало отличительной особенностью техногенной цивилизации, ее движущей силой и одновременно, возможной причиной кризиса, о котором мы говорим. Прогресс и научная истина могут быть конечными целями в рамках науки как института, но не всей культуры или цивилизации в целом. Для последней они – лишь средство. Однако если

попытаться сформулировать какие-то другие, действительно конечные цели, например, счастье и благоденствие человека – то даже они могут быть наполнены конкретным содержанием только в рамках тех мировоззренческих систем, которые оказались утеряны или отошли на периферию культуры – в том числе потому, что научному мировоззрению не соответствуют.

Представление о прогрессе (в том числе, социальном), в общем-то, было рождено на чисто рациональных основаниях (в частности, у О. Конта и французских просветителей) и напрямую связано с научным мировоззрением, о чем мы уже говорили ранее. Однако если эта идея и имеет какое-то завершение, связанное с представлением о цели, то тоже лишь в науке. Если вспомнить о ценностях, основанных на идеях истины и научной новизны, то научный прогресс будет иметь своей конечной (вероятно, принципиально недостижимой) целью максимально полное и точное познание всех доступных человеческому разуму сегментов реальности, вплоть до возможности их точного воссоздания.

Однако если столь свойственная современной техногенной цивилизации идея прогресса распространяется на остальные сферы и подсистемы общественной жизни – а это неминуемо происходит – то она также неизбежно приводит к внутренним противоречиям, грозящим перерасти в кризис. Идея прогресса без четкого представления о его цели и критериях очевидно абсурдна. Молодая техногенная цивилизация, как полагает ряд авторов²⁵⁶, или уже находится в кризисе, или вот-вот к нему приблизится – причем как раз-таки из-за указанных внутренних противоречий. Этот кризис имеет, видимо, мировоззренческую природу и порожден теми же факторами, которые эту цивилизацию создали. Научное мировоззрение в том виде, в котором оно существует сейчас, по самой своей сути не может заниматься онтологическими, аксиологическими и этическими вопросами. Указанные вопросы могут находиться только в ведении

---

²⁵⁶ Лапин Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация // Официальный сайт Института философии РАН. [Электронный ресурс] URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf (дата обращения: 01.02.2022); Буданов В.Г., Лекторский В.А. (отв. ред.) Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Материалы конференции с международным участием. Москва, 5–6 ноября 2019 г. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. 327 с.

философии, однако то же самое научное мировоззрение, по сути, лишило результаты философских изысканий значительной части их легитимности из-за невозможности их подтверждения научными (точнее, естественнонаучными) методами. Заметные трудности это создает, конечно, для формирования целостного мировоззрения, где, в идеале, все части должны быть непротиворечиво взаимосвязаны и все одинаково легитимны. Невозможность обоснования признанными наукой методами мировоззренческих, и в первую очередь, этических и аксиологических максим ведет к скептицизму по поводу возможности их обоснования вообще и, как следствие, к релятивизму и эмотивизму²⁵⁷. Эти внутренние противоречия не только говорят о том, что современная цивилизация и ее культура не адаптировались полностью к собственным техническим достижениям, но и более того – о том, что эта адаптация в существующих условиях и не может быть завершена.

Сказанное выше дает нам возможность вернуться к сформулированному ранее предположению о том, что должны быть некие основополагающие внутренние структуры культуры, которые обязаны воспроизводиться, чтобы можно было говорить о сохранении определенного цивилизационного типа. И эти структуры должны быть наиболее фундаментальными из возможных, чтобы наличествовать во всех социальных институтах независимо от их специализации. Все это позволяет предположить, что природу данных структур составляют ценностные системы, согласно которым формируются представления о «должном», по отношению к чему оценивается «сущее» и задаются основные ориентиры для целеполагания. На приводимых Степиным примерах отличий техногенной цивилизации от традиционной становится понятно, что эти представления, критерии оценки и векторы приложения усилий и формируют фундаментальные различия данных цивилизационных типов, создавая работающие на определенный результат структуры управления, обосновывая выбор форм экономической активности, досуга, одобряемых и отвергаемых типов социального взаимодействия и др. При этом очевидно, конечно, что видоизменение ценностных

---

²⁵⁷ Барышков В.П. Аксиология личностного бытия. М.: Логос, 2005. 192 с.

систем и техническое развитие – это в любом случае диалектически взаимосвязанные процессы. Системы ценностей можно рассматривать как системообразующий принцип для общества и цивилизации в целом. В то же время техногенная цивилизация воспроизводит и поддерживает в основном основы научной рациональности, пренебрегая обоснованием других ценностей, формирующих этические и телеологические аспекты мировоззрения. Таким образом, последние не воспроизводятся должным образом. Именно поэтому возникают сомнения в способности техногенной цивилизации к долгосрочному воспроизводству, а также высказываются предположения о ее замене новым типом цивилизационного развития.

§ 3. Информационное общество как продукт техногенной цивилизации²⁵⁸

Современная техногенная цивилизация породила специфический тип технологического развития, который Кастельс в свое время назвал информациональным. Как и в случае с любыми массово внедряемыми технологиями, это, в свою очередь, привело к появлению новых социальных практик. На данном этапе развития техногенной цивилизации мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда новые технологии, на этот раз цифровые²⁵⁹, в результате массового внедрения меняют не только структуру производства, но и социальных отношений, то есть те габитусы²⁶⁰, в которых живут и действуют социальные субъекты. Вероятно, некий похожий кризис можно было наблюдать, когда аграрные общества входили в индустриальный этап своего развития. Однако, поскольку смена аграрных обществ индустриальными оказалась сильно растянута по времени в зависимости от региона, то кризисные явления можно было

---

²⁵⁸ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Информационное общество – мираж футурологов или наступившее будущее? // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 9-18; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

²⁵⁹ Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.

²⁶⁰ Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

наблюдать в их заметном проявлении в масштабе отдельной страны, иногда даже области. Сейчас же массовое внедрение новых, преимущественно цифровых технологий происходит гораздо быстрее не только на региональном, но и на мировом уровне, что делает неизбежные в этой связи кризисные явления одновременно и более масштабными, и лучше наблюдаемыми. В этом и следующем параграфах данной главы мы подробнее рассмотрим те способы массовой и часто стихийной адаптации современных социумов к цифровизации как текущему внутреннему вызову нынешнего этапа развития техногенной цивилизации.

В данном параграфе мы сделаем попытку понять, что представляет собой информационное общество, чем оно отличается от иных типов социума, и действительно ли можно утверждать, что информационная эпоха уже наступила. Для этого мы рассматриваем феномен информационного общества в его различных трактовках, проводя сравнительный анализ посвященных ему концепций, анализируя существующие экономические показатели, подвижки в сфере менеджмента и наметившиеся социокультурные тенденции. Сравнивая идеи футурологов второй половины XX в. с современным развитием информационных технологий, мы также стремимся выяснить, в какой мере оправдались эти прогнозы, и насколько сильно вследствие этого успел измениться современный нам социум. Информационное общество, или общество знаний, рассматривается в тесной взаимосвязи с концепцией постиндустриального общества, где уровень технологического развития одновременно открывает перед человечеством новые горизонты и ставит непростые философские вопросы об отличии искусственного интеллекта от человеческого мышления и о самой сути нашего личностного бытия и сознания²⁶¹.

Первые концепции информационного общества появились еще в 60-е годы XX века, и с тех пор на данную тему было написано довольно много работ, к рассмотрению части из которых мы обратимся ниже. Однако, с одной стороны,

---

²⁶¹ Аргамачева А.А. и др. Социальные и цифровые исследования науки. Изд-е 2-е, испр. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. 282 с.

далеко не все исследователи согласны, что общество, в котором мы живем, можно называть именно информационным; с другой стороны, даже те, кто признает правомерность этого термина, часто полагают его чересчур расплывчатым и нуждающимся в массе оговорок и уточнений.

Необходимость более четкой проблематизации содержания понятия информационного общества признается многими исследователями, так как именно это – первый и обязательный шаг к рассмотрению вопросов и задач, возникающих в данном типе социума. Среди последних: спецификация социальных, экономических, правовых, философских (в частности, этических) и иных проблем в соответствии с особенностями именно этого типа общества.

Мы попытаемся понять, действительно ли можно говорить, что живем в информационном обществе, и если да, то что оно все-таки собой представляет. Для этого обратимся к нескольким основным его концепциям, часть из которых уже успели стать хрестоматийными, не потеряв, однако, своей эвристической ценности. Эти концепции помогут нам выделить те сферы и социальные институты, которые, как предполагалось, окажутся наиболее затронутыми информатизацией; затем, с опорой уже на современные данные, мы постараемся проследить, действительно ли заявленные изменения произошли, какова оказалась их динамика, и в какой мере они сумели оказать влияние на современное нам состояние социума. Дело в том, что объем информации, которую человечество сейчас способно производить и хранить, несопоставим с тем, что наличествовал даже в недавнем прошлом, и постоянно увеличивается. И эта тенденция заставляет также обращаться к вопросу не только о количественных, но и о качественных изменениях, которые способна породить в обществе эта информационная лавина.

В то время как одни теоретики считают информационное общество качественно новым этапом социального развития, другие полагают, что оно, в лучшем случае, – лишь продолжение уже существовавших тенденций.

На наш взгляд, одна из проблем (но далеко не единственная), с которыми сталкиваются любые попытки прогнозирования дальнейшего будущего информационного общества – это необходимость учитывать колоссальную

скорость и далеко не всегда предсказуемое направление технологического развития. Здесь можно было бы возразить, что основные векторы этого развития уже давно намечены и перечислены многими специалистами²⁶². Однако скорость изменений и, особенно, появление новых технологических решений далеко не всегда совпадает с высказанными прогнозами.

Если мы говорим об информационном обществе как об обществе высоких технологий, то некоторые исследователи справедливо отмечают²⁶³, что здесь встает неизбежная проблема измерения: какие именно технологии и в каких пределах должны быть развиты в том или ином обществе, чтобы его можно было считать информационным.

С другой стороны, известно, что для того, чтобы любая, даже самая передовая технология получила распространение и была внедрена в производство, в социуме уже должны наличествовать для этого все необходимые условия и запросы. Иначе технологии рискуют долго оставаться незамеченными и невостребованными, и история знает немало подобных примеров. То есть, получается, информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) могут эффективно развиваться в том обществе, которое, по сути, уже является информационным.

Достаточно многообещающей представляется попытка определить информационное общество с экономической точки зрения – в частности, подсчитав тот вклад, который способны внести в ВВП информационные технологии, использованные в сферах производства или услуг. Одними из первых здесь были работы Ф. Махлупа²⁶⁴ и М. Пората²⁶⁵. На данный момент подобная статистическая информация является доступной и активно используется исследователями как отправная точка для дальнейших выводов и прогнозов.

---

²⁶² Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. (ред.) *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего*. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 56–59.

²⁶³ Webster F. *Theories of the Information Society*. Abingdon, Oxon: Routledge, Taylor & Francis, 2006. P. 11.

²⁶⁴ Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press, 1962. 416 p.

²⁶⁵ Porat M. *The Information Economy: Definition and Measurement*. Washington: National Science Foundation, 1977. 319 p.

Тем не менее, подобный «экономический» подход все же рассматривает только часть того, что можно было бы понимать под информационным обществом, и данные об использовании ИКТ в различных секторах экономики и в повседневной жизни населения сами по себе еще не отвечают на вопросы о том, как, с одной стороны, идет производство и внедрение новых технологий, и с другой стороны, какое влияние они оказывают на социальные институты и культурные комплексы современного общества.

Этим проблемам посвящен ряд других теорий, созданных философами, социологами и культурологами. Некоторые из таких концепций вызвали неоднозначную реакцию и зачастую даже серьезную критику вскоре после своего появления, однако, по прошествии некоторого времени, оказывались иногда глубокими инсайтами в наступившее информационное будущее.

Не имея возможности рассматривать здесь все вышеназванные теории, мы сосредоточимся на тех, что принадлежат Д. Беллу²⁶⁶ и М. Кастельсу²⁶⁷. Труды Кастельса, значительная часть из которых была написана еще в 90-е гг. XX в., оказали огромное влияние на осознание того, что же представляет собой формирующееся информационное общество. Примечательно, что сам исследователь предпочитает говорить не столько об информационном обществе (полагая этот термин малосодержательным), сколько о сетевом. Глубокое и разностороннее понимание сетей как неотъемлемой части современного информационного и, конечно, социально-экономического пространства – это огромный вклад Кастельса. Такая постановка вопроса помогает лучше проникнуть в саму систему взаимодействий, формирующих современный социум.

Кастельсу нередко приписывают взгляды, сходные с марксистскими, так как он стремится показать, каким образом оказываются связанными между собой следующие факторы: внедрение новых технологических решений, постепенная глобализация экономических процессов, трансформация сферы занятости,

---

²⁶⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.

²⁶⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

происходящие вслед за всем этим видоизменения социальных отношений и культуры обществ. Мы склонны во многом согласиться с подобным подходом, хотя, как и многие его критики, понимаем неизбежное тяготение к некоторой схематизации, которое несут в себе подобные «всеобъемлющие» теории.

Кастельс указывает на экономический кризис 1970-х годов²⁶⁸ как на начало структурных изменений в экономике, а также в организационной культуре и менеджменте, что как раз и было обусловлено внедрением сетей в деятельность компаний. Крупные корпорации вынуждены были приспосабливаться к внедрению ИКТ в повседневную практику и возросшие вслед за этим скорости всех транзакций, что делало прежние управленческие структуры не всегда способными реагировать на мгновенные изменения. По мысли Кастельса, такое положение вещей неминуемо должно было привести к определенной децентрализации и деbüroкратизации в работе корпораций.

Менеджмент и организационная культура являются преломлением наличествующих технологических особенностей производства и логистики через призму социокультурных паттернов, присущих работникам и руководству организации. Если крупное индустриальное производство в идеале можно представить как работу сложного, хорошо отлаженного механизма, то в информационную эпоху, по мнению Кастельса, начинают преобладать сетевые взаимодействия связанных между собой относительно небольших автономных организационных единиц, будь то подразделения компании, исследовательские группы, коллективы небольших организаций или даже отдельные специалисты.

Такие изменения менеджмента и организационной культуры стали реакцией на возрастание не только скорости взаимодействий, но и неопределенности, вызванной стремительными технологическими и экономическими изменениями. Стремясь приспособиться, корпорации наращивают гибкость реагирования за счет децентрализации, уменьшения или «уплощения» вертикалей власти.

---

²⁶⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 68.

Интересные возражения приводит Кастельс и в ответ на вполне оправданные заявления о том, что внедрение высоких технологий, несмотря ни на что, не вызвало таких высоких темпов экономического роста, как например, использование конвейерного производства. Все дело в том, говорит он с опорой на ряд источников, что ИКТ способствовали автоматизации уже существующих производственных, а особенно, управленческих процессов, даже тех, которые не были особенно эффективными изначально, а к изменившимся реалиям могли и вовсе не подходить²⁶⁹. В то же время для наиболее эффективного использования новой технологии зачастую требуется полная модернизация производства и управленческих технологий, что, разумеется, не могло произойти в одночасье.

Еще одним из наиболее значимых авторов является Д. Белл, благодаря которому прочно вошло в научный дискурс понятие постиндустриального общества; при этом практически сразу оно оказалось тесно связано с концепцией информационного общества.

По мнению Белла, «постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми. Главное значение имеют уже не мускульная сила и не энергия, а информация»²⁷⁰. И это – основное отличие от обществ аграрных и индустриальных.

С точки зрения Белла, на каждом новом этапе технологического развития человечества происходит, помимо всего прочего, изменение уровня производительности труда. Если представить данный процесс в виде несколько упрощенной схемы, то получаем следующее. Повышение производительности сельского хозяйства позволило освободить достаточно рабочих рук для индустриального производства, а постепенная механизация, а затем и автоматизация последнего – для сферы услуг.

Примечательно, что еще в начале 2000-х гг. многие исследователи, в том числе те, кто активно критиковал Белла, полагали, что сфера услуг является

---

²⁶⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 196–197.

²⁷⁰ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 171.

конечной областью приложения человеческих усилий, которая недоступна дальнейшей автоматизации²⁷¹. Согласно самому Беллу, эта сфера включает в себя постоянную работу с информацией, передаваемой именно от человека к человеку.

Однако и тут время внесло некоторые коррективы, еще раз напоминая о том, насколько интересно и, одновременно, поучительно бывает изучение прошлых прогнозов будущего, которое уже стало нашим настоящим.

На данный момент не только производство, но и такие сферы, как юридическое и финансовое консультирование, работа сиделок, помощников по хозяйству и даже исполнение роли приятного собеседника – все это постепенно становится доступным более и более совершенным роботам.

Более того, робототехника стремительно развивается²⁷², и то, что еще относительно недавно можно было увидеть разве что в фантастических фильмах, постепенно начинает воплощаться в реальность²⁷³. Так, на интернет-сайте университета Вермонта²⁷⁴ был размещен материал о группе ученых, создавших первых «живых роботов» – управляемых созданий человека, которых сложно назвать и механизмами, и организмами. Материалом для них послужили живые клетки, из которых были сформированы маленькие «ксеноботы» (так назвали их сами ученые) – невиданные прежде конструкторы, несмотря на кажущуюся простоту формы способные перемещаться и вообще действовать независимо от своих создателей. Им предрекают большое будущее, в частности, в сфере медицины, и, кто знает, возможно, робототехника стоит на пороге нового технологического прорыва.

---

²⁷¹ Webster F. *Theories of the Information Society*. Abingdon, Oxon: Routledge, Taylor & Francis, 2006. P. 40–41.

²⁷² Smakman M., Vogt P., Konijn E.A. Moral considerations on social robots in education: A multi-stakeholder perspective // *Computers & Education*. 2021. No. 174. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131521001949?via%3Dihub> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁷³ Karnouskos S. Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society // *Artificial Intelligence and Law*. 2022. No. 30. P. 93–115.

²⁷⁴ Brown J.E. *Team Builds the First Living Robots*. Vermont: The University of Vermont, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.uvm.edu/uvmnews/news/team-builds-first-living-robots> (дата обращения: 21.11.2021).

Таким образом, мы еще раз можем спросить себя: какая же область является конечной для приложения человеческих усилий, если сферы производства и услуг оказались все же промежуточными?

Ответов пока что достаточно: такие области, как управление и творчество (ученого и художника в равной степени) до сих пор остаются по преимуществу человеческими – несмотря на все уже существующие и постоянно появляющиеся разработки приложений на основе искусственного интеллекта, которые могут автоматизировать некоторые процессы. Да, звучит весьма оптимистично, особенно в свете разработки нейросетей, которые уже способны очень на многое – например, генерировать неплохие иллюстрации²⁷⁵.

Однако если говорить о создании чего-либо качественно нового в любой доступной нам сфере – здесь мы сами пока еще далеки от понимания механизмов, запускающих наши инсайты, а, следовательно, и от механизации (или роботизации) последних²⁷⁶.

Кроме того, здесь невольно вспоминаются философские концепции прошлого с их разделением типов человеческих занятий в зависимости от присущего им уровня значимости. Древние, вероятно, очень удивились бы самой постановке вопроса о том, чем же заняться людям, имеющим почти неограниченный доступ к информации и все меньше вынужденным обременять себя тяжелым трудом (из-за возросшей производительности последнего). Особенно показательны здесь бессмертные идеи Аристотеля: о том, что есть занятия уважаемые, но полезные ради достижения какой-то внешней по отношению к ним цели; и есть наилучшие занятия, в обычном смысле бесполезные, так как избираются ради них самих. Другое дело, что среди последних занятий Аристотель выделял философию, которая, как известно, требует соответствующего уровня подготовки. Если же этот уровень невысок, то человек, не занятый трудом

---

²⁷⁵ Арбузова А. Сюрреализм и режим фэнтези: как создать свою картинку с помощью нейросети // РБК Тренды. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/630f473b9a7947526a49af2e> (дата обращения: 12.04.2023).

²⁷⁶ Kochupillai M., Lütge C., Poszler F. Programming Away Human Rights and Responsibilities? “The Moral Machine Experiment” and the Need for a More “Humane” AV Future // Nanoethics. 2020. No. 14. P. 285–299.

в достаточной мере, рискует обратиться не к возвышающим его творческим занятиям, а к тем, которые способны привести к деградации. И сам по себе доступ к информации здесь мало поможет, так как с ней еще надо научиться работать. Однако мы оптимистично предполагаем, что такой тренд последнего столетия, как неуклонное (хоть и не совсем равномерное) повышение уровня всеобщего образования сохранится и дальше, и данная проблема не станет критической.

Таким образом, затронутыми информатизацией оказались и экономическая сфера, и управленческая, и область социально-культурных взаимодействий (в частности, общения, обмена информацией, производства контента пользователями в огромных масштабах), и – что самое, может быть, неожиданное – даже понимание человеческого как деятельности, способностей, восприятия, мышления, наконец. Все это заставляет нас считать, что, несмотря на необходимость дальнейших уточнений, мы можем с достаточной долей уверенности говорить о том, что все-таки живем в том обществе, которое стоит называть действительно информационным. О том, как к этому факту стихийно и иногда довольно затейливо приспособляется массовый дискурс – в следующем параграфе данной главы.

§ 4. Массовый дискурс в техногенной цивилизации – рождение новых социальных мифов как ценностно-мировоззренческая проблема ²⁷⁷

В данном параграфе основное внимание будет уделено тому, каким образом социальный дискурс²⁷⁸, под которым здесь понимается массовая, стихийно формирующаяся совокупность интерпретаций ситуаций динамики социума, реагирует на ранее упомянутые феномены современной технологической

---

²⁷⁷ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96. № 1. С. 33-41; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

²⁷⁸ Ананьева Е.В. Культурная динамика в массовом обществе потребления // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 234–237.

модернизации, проявляющейся, преимущественно, как цифровизация²⁷⁹. Мы рассмотрим на примере формирования отношения к такой основополагающей для происходящей цифровизации технологии, как искусственный интеллект (далее – ИИ), каковы механизмы подобных интерпретаций в условиях, когда количество поступающей информации о новых технологиях огромно, а возможности ее понимания на профессиональном уровне доступны меньшинству.

Причины нашего интереса к этим аспектам восприятия новых технологий в данном диссертационном исследовании заключаются в том, что такие попытки интерпретации задействуют представления (часто, отдельные их рудименты), сформировавшиеся задолго до информационной эпохи – и это очередное системное несоответствие также способно усилить мировоззренческий кризис техногенной цивилизации. Эти эффекты, связанные с рудиментами мифологического сознания в повседневных практиках, с успехом используются в так называемой социальной инженерии. Под последней мы понимаем не только злонамеренные действия с целью обмана, чему противостоят специалисты в сфере информационной безопасности. В широком смысле можно сказать, что многие вполне легальные технологии, например, в сфере рекламы и маркетинга также используют те необоснованные убеждения, надежды, принятые на веру идеи, что открывают пути для манипуляции, делают социальных субъектов управляемыми.

В данном параграфе мы рассматриваем ИИ как технологию, порождающую множество смысловых конструкций – знаков и нарративов – которые могут быть причислены к так называемым социальным мифам. Социальный миф в работе понимается двояко: во-первых, как нарратив, подчиненный основным принципам построения сюжета, свойственным как классическому мифу о культурных героях, так и несколько более поздней волшебной сказке; во-вторых, мы также рассматриваем миф как специфический знак языка второго порядка, используемого в современной культуре для создания разного рода медийных сообщений, в том

---

²⁷⁹ Cox M.A. Exploring the impact of Artificial Intelligence and robots on higher education through literature-based design fictions // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. Vol. 18. [Электронный ресурс] URL: <https://educationaltechnologyjournal.springeropen.com/counter/pdf/10.1186/s41239-020-00237-8.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

числе маркетинговых и рекламных. В первом случае используется методологический подход с опорой на труды В. Проппа и К. Леви-Строса, во втором – Р. Барта, У. Эко.

Также в работе рассматриваются функции современного социального мифа в сравнении с архаической мифологией. В качестве основной причины возникновения социальных мифов об ИИ обозначены такие факторы, как необходимость адаптации массового сознания к новым технологиям без специализированного знания о них, что порождает попытки включить данные технологии в уже готовые, предоставляемые культурой лингвистические конструкты, что, с одной стороны, позволят наделить такие технологии смыслом и ценностью, с другой стороны, мифологизируя их, не способствует рациональному осмыслению.

ИИ – одна из современных технологий, которые, с одной стороны, все более масштабно входит в повседневную жизнь социума, с другой стороны, порождает огромное количество разнообразных спекуляций в массовом дискурсе, существенная часть из которых представлена таким неоднозначным явлением, как социальные мифы.

Технологические инновации в целом и ИИ в частности, когда заходит речь об их внедрении в социальную практику, рассматриваются, чаще всего, с точки зрения их полезности, окупаемости, а в последнее время – часто еще и с позиции доверия к ним пользователей, что может быть выяснено, например, при проведении социологических опросов²⁸⁰. Однако проблема доверия население к ИИ достаточно многогранна, и далеко не исчерпывается рациональным осознанием пользы или вреда от ИИ, в особенности в такой достаточно распространенной ситуации, когда конкретный пользователь достаточно слабо знаком с принципами работы той или

---

²⁸⁰ Полякова В.В. Восприятие населением взаимодействия с роботами. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru/news/302682265.html> (дата обращения: 10.10.2021).; Абрамов Р., Катечкина В. Люди не желают видеть рядом антропоморфных роботов–помощников // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно–образовательный портал IQ. [Электронный ресурс] URL: <https://iq.hse.ru/news/731770407.html> (дата обращения: 30.08.2022); Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.

иной разработки на основе ИИ, а также не обладает достаточным уровнем информированности и квалификации, чтобы иметь возможность самостоятельно оценить последствия внедрения этой технологии. В большинстве случаев таким пользователям, которых, вероятно, большинство, приходится довольствоваться собственными эмпирическими наблюдениями, а заявления разработчиков и маркетологов, внедряющих те или иные технологические решения, просто принимать на веру. В такой ситуации массовое сознание стремится хоть как-то адаптироваться к новым технологиям, и при неизбежно недостаточном доступе к рациональным инструментам такой адаптации в силу вступают иррациональные: надежды, страхи, предубеждения и даже суеверия. Все это создает питательный субстрат для возникновения социальной мифологии об ИИ, которая, в свою очередь, способна оказать влияние на формирование доверия или недоверия к последнему в массовом социальном дискурсе.

Во второй половине XX в. концепции социального мифа занимали все более значимое место в гуманитарном дискурсе. Многие авторы, определяя социальную мифологию, обозначают такие ее черты, как принципиальная непроверяемость, стремление воздействовать на массовое сознание, мощные аксиологические и телеологические компоненты.

Именно этому феномену современной социальной мифологии мы собираемся посвятить данную часть работы.

Итак, основными вопросами этого параграфа станут следующие.

- 1) Действительно ли некая заметная часть массовых воззрений на ИИ может быть отнесена к социальной мифологии?
- 2) Что, в таком случае, представляет собой, как возникает и функционирует современный социальный миф?
- 3) Какие функции в современном социуме могут выполнять социальные мифы?

Для поиска ответов на эти вопросы мы обратимся к тем трактовкам социальной мифологии, которые были предложены в рамках структурализма и

постструктурализма, по сей день оставаясь актуальными в сфере антропологических, культурологических и социально-философских исследований.

Прежде чем говорить предметно о социальной мифологии и об одном из ее современных предметов – ИИ, необходимо дать определение социального мифа, выделить его сходные черты и отличия по отношению к классическому мифу, а также указать, на каких методологических принципах будет основано наше исследование. Начнем с того, что может включать в себя такое достаточно многогранное понятие как современный социальный миф.

Современные социальные мифы чаще всего относятся к представлениям, часто иллюзорным или, по крайней мере, необоснованным, которые возникают спонтанно или формируются под влиянием средств массовой информации, рекламы и т.п., но если речь идет о мифах, то стоит обратить внимание на особенности, связывающие их с традиционной и классической мифологией. Понятие «миф» само по себе отражает глубокую, иррациональную архетипическую сущность, неизменную или медленно изменяющуюся, чаще приспособляющую существующий общий архетип к обновляющимся внешним формам.

Любой миф основан на иррациональных представлениях, однако современная социальная мифология существует в секулярной демифологизированной реальности, при этом являясь нагромождением фрагментарных символов и нарративов, не способных, в отличие от классической мифологии, создать целостную картину мира.

Если говорить о происхождении термина «социальный миф», то его, вероятно, можно отнести к трудам Жоржа Сореля, который одним из первых произвел сравнительный анализ таких феноменов, как идеология и социальная мифология²⁸¹.

Сорель отождествлял социальный миф с довольно расплывчатым социальным идеалом, который, подобно далекой мечте, тем не менее может стать

---

²⁸¹ Климов И.А. Теория социальных мифов Жоржа Сореля // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 129–151.

побуждением к практическим действиям. Роль социального мифа в данном случае состоит в том, чтобы сформулировать некое понятие одновременно как цель и ценность, тем самым формируя мотивацию у отдельных личностей и социальных групп.

Миф у Сореля – это некий обобщенный образ, воспринимаемый эмоциональной и эстетически, при этом лишенный чрезмерной детализации, что позволяет использовать его в бесчисленном множестве возможных ситуаций.

Миф всегда целостен и не является метафорой или аллегорией, скрывающей за собой что-то другое. Это символ, в свернутом виде заключающий в себя буквально все свои возможные трактовки – которые можно разворачивать в каждом отдельно взятом случае в зависимости от сложности ассоциативных связей конкретных реципиентов. Это причина, почему мифология дает возможность оказывать такое сильное влияние, часто вне зависимости от возраста, социального положения, уровня образования и других характеристик адресатов.

Конструированием мифов занимаются современные специалисты по рекламе, маркетингу и политтехнологиям, и некоторые из них достигают вполне практически успешных результатов. Однако в данном случае чаще всего речь идет не о создании новых мифов, а об использовании уже готовых сюжетных ходов и персонажей с переменной имён, топонимов и прочими внешними атрибутами, за которыми в дальнейшем угадывается привычная канва повествования.

Многие современные «мифологи-практики» сознательно или бессознательно действуют в соответствии с идеями «Структурной антропологии» Леви-Строса²⁸², предполагающей наличие подобных структур во всех мифах, независимо от места и времени возникновения.

Итак, если обратиться к методам исследования мифа, то особенного внимания заслуживает научная традиция, сформировавшаяся в рамках структурализма и постструктурализма, а также иногда довольно тесно смыкавшихся с последними социологических, антропологических и этнографических исследований. Вообще, в самом общем смысле можно

---

²⁸² Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

констатировать, что если антропология и этнография давали богатый фактический материал для исследования мифологии, то социология и структурная лингвистика предложили объяснительные принципы, соответственно, влияния мифа на общественные отношения и на формирование смыслов и мировоззренческих оснований культуры.

Все упомянутые нами дисциплины начинают активно развиваться в XIX столетии, и можно возразить, что осмысление мифа началось значительно ранее, как делают те авторы, что возводят историю рассмотрения мифологии к Платону, если не ранее. Однако здесь мы настаиваем, что осмысление мифа и его научное изучение – это вещи совершенно различные, так как первое действительно прослеживается с глубокой древности и может быть отнесено или к философии, или к теологии, в то время как во втором случае необходима специальная методология научного исследования социальных и культурных феноменов, которая и начинает оформляться лишь в XIX в.

В данном исследовании мы по преимуществу будем опираться на работы структуралистов и постструктуралистов (Проппа, Леви-Строса, Барта, Эко), а также на ряд современных исследований касательно социальной мифологии.

Мы рассматриваем миф с двух основных ракурсов – 1) как нарратив, имеющий определенную структуру и законы, и 2) как символ, опять же с определенной структурой, формирующей его как особого рода знак. И первое, и второе на деле неразрывно связаны и присутствуют, как мы полагаем, и в классических мифах, и в современной социальной мифологии – что, собственно, и дает возможность причислять последнюю также к мифам.

Нередко мифы определяют по принципу иррациональности содержания, однако здесь мы планируем пойти по несколько иному пути, показав, что содержание такого рода, с одной стороны, может быть вписано лишь в определенную форму, с другой стороны, что для нас даже более важно, вполне рациональные концепции, попав в эту форму, приобретают иррациональный характер мифов.

Социальный миф может также быть как символом, так и нарративом, однако он, как мы полагаем, вырастает именно из знака, который, в свою очередь, уже может быть встроен в один из нескольких упомянутых возможных нарративов.

Здесь мы опираемся на работы Ролана Барта²⁸³, много и подробно писавшего именно о современной социальной мифологии. Барт рассматривал современный миф именно как знак, имеющий свои означающие и означаемые.

Миф по Барту – это знак, созданный массовым дискурсом и массовой культурой для того, чтобы заключенное в нем послание воспринималось некритически и считывалось не совсем осознанно, будучи, таким образом, практически полностью защищено от критического осмысления.

В подобного рода мифе-знаке означающее почти целиком скрывает означаемое. Достигается это очень любопытным способом – а именно, созданием языка второго порядка, в котором и становится возможным бытование мифов такого типа. Язык первого порядка используется здесь как своего рода субстрат для знаковой системы второго порядка, откуда она берет для себя и означающие, и означаемые. Несмотря на то, что мы можем констатировать²⁸⁴, что язык первого порядка также представляет собой самозамкнутую систему, где знаки могут обмениваться только на знаки, а также на то, что внешний мир как таковой для нас может быть принципиально недостижим и неизвестен, тем не менее, для выявления отличий между языками первого и второго порядка все же хотя бы предположим, что денотаты языка первого порядка лежат во внелингвистической реальности, в то время как язык второго порядка – это всегда язык о языке.

Язык второго порядка может существовать только тогда, когда язык первого порядка давно сложился, и его культурно-обусловленные коннотации стали восприниматься как некая реальность, совершенно естественная в своем неотрефлексированном бытии. Поскольку системы языка и культуры могут быть разделены лишь достаточно условно и не представимы одна без другой, и то, и

---

²⁸³ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

²⁸⁴ Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011. 640 с.

другое воспринимается как «вторая природа», о которой уже может повествовать система более высокого порядка.

В естественных языках первого порядка можно найти все те скрытые под пластами культурных наслоений архетипы, о которых говорили ранее, рассматривая классические сказочные и мифологические нарративы, Пропп и Леви-Строс.

Эти архетипы, а также более конкретные идеи (если социальный миф создается целенаправленно) Барт называет концептами, лежащими как означаемые в основе мифов как знаков языка второго порядка. Эти концепты достаточно трудно увидеть там непосредственно, так как специфические означающие могут мешать этому. Такие означающие представлены, в свою очередь, также знаками языка первого порядка – будь то слово, изображение или что-то более сложное и составное, включая даже не очень объемные нарративы. Суть в том, что обычно мы наделяем такие знаки собственным смыслом и воспринимаем их «как есть», полагая, что они сообщают что-то о «внеязыковой» (насколько это возможно) реальности. Но не в случае знаков-мифов. Там означающие пусты – они значат не то, что все привыкли в них видеть, а несут в себе концепт, который и становится настоящим означаемым, что считывается нами произвольно и неосознанно, проникая в массовое сознание через привычные означающие.

Забегая немного вперед, скажем, что все это происходит и с современными высокими технологиями, когда они делаются достоянием массового сознания, желающего вписать их в уже готовые нарративы. Плоды этих технологий тоже становятся означаемыми для глубоко лежащих архетипов культуры, бытующих в языке первого порядка. Это может быть сделано осознанно, например, при создании произведений искусства для массового реципиента, а может происходить стихийно, воплощаясь в анонимных формах массовой культуры.

Миф как нарратив может быть классифицирован по целому ряду признаков, значительную часть из которых можно встретить в мифологическом словаре, выпущенном под редакцией Е.М. Мелетинского²⁸⁵.

Там выделены следующие категории мифов: мифы этиологические, космогонические, антропогонические, астральные (солярные и лунарные), близнечные, тотемические, календарные, героические, эсхатологические. Конечно, далеко не все из них в равной мере представлены в современной социальной мифологии. Мы можем предположить, что наибольшее распространение получили именно те, которые имеют своей целью не объяснение возникновения мира и человека (в конце концов, с этим справляется наука), а те, что задевают вопросы смыслов и целей, с чем наука по понятным причинам не работает. Поэтому в современной социальной мифологии именно как нарративы могут быть (и наблюдения это подтверждают) представлены, в первую очередь, героические и эсхатологические, несколько реже близнечные сюжеты.

Соответственно, можно говорить об определенных, наиболее распространенных типах героев и героических сюжетов. За первым вновь обратимся к упомянутой выше работе²⁸⁶, где указаны следующие типы мифологических героев: первопредки, культурные герои, Боги и духи. Очевидно, что в нарративах современной социальной мифологии ключевое место будут занимать культурные герои-люди, хотя в разнообразных фантастических сюжетах могут фигурировать различные потусторонние существа. Интересно, кстати, что, как мы далее увидим, включение персонажей, существующих на основе искусственного интеллекта (роботов, программ) в современные нарративы происходит по принципу замены на них так называемых «волшебных помощников» (как сказочных персонажей) или же духов-антагонистов, вредящих главному герою, причем и та, и другая категория, также по аналогии со сказочными

---

²⁸⁵ Категории мифов // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 635–637.

²⁸⁶ Категории мифических героев // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 638–639.

персонажами, часто обладает способностями, во многом превосходящими человеческие.

Кроме того, в подобных нарративах, как правило, в полной мере используются все те роли и функции персонажей, которые В. Пропп выделил для волшебной сказки. Это, соответственно, тридцать одна функция героев, которые образуют определенным образом регламентированные и потому предсказуемые и понятные публике повороты сюжета, а также семь основных ролей, которые выполняют персонажи²⁸⁷.

Нарративы подобного рода используются, в основном, в популярной литературе, кино и мультипликации в жанрах научной фантастики, киберпанка и других, где могут принимать участие персонажи, представленные искусственным интеллектом. И, как в более ранних сказочных сюжетах, на них проецируются те же ожидания или страхи, что до того – на волшебных помощников, дарителей или антагонистов. В дальнейшем все это, безусловно, способствует закреплению этих персонажей в культуре как героев своеобразного фольклора, но при этом неизбежно их мифологизирует, затрудняя подход к ним как к рационально объяснимой технологии. Даже разработчикам бывает трудно избежать подобного антропоморфизирующего технологии ИИ подхода²⁸⁸.

Мы не имеем здесь возможности приводить здесь все бесчисленные художественные фильмы и книги по упомянутой тематике, поэтому ограничимся лишь несколькими известными примерами. Здесь можно вспомнить и произведения Айзека Азимова, оказавшие огромное влияние на массовое восприятие самого смысла понятия «робот», и несколько менее известный сейчас советский фильм «Отроки во Вселенной», и такие блокбастеры, как «Матрица» и «Звездные войны», и многочисленные современные сериалы, где фигурируют андройды, и ряд японских аниме в жанре киберпанка.

---

²⁸⁷ Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. С. 134–166.

²⁸⁸ Tiku N. Google fired engineer who said its AI was sentient // The Washington Post. 2022. July 22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/07/22/google-ai-lamda-blake-lemoine-fired/> (дата обращения: 12.12.2022).

Персонажи всех этих нарративов, в свою очередь, могут дать множество ярких и запоминающихся образов-означающих для мифов-знаков второго порядка, описанных ранее, наряду с вполне реальными роботами – для того, чтобы, скрывая, эффективнее подавать публике те или иные концепты, как правило, связанные с коммерческими интересами: продажей товаров тех или иных брендов.

Современный социальный миф – это не всегда нарратив. Гораздо чаще – это один из тех знаков языка второго порядка (по Барту), которые как бы «прячут» за ярким и привлекательным означающим все те архетипы, концепты и вообще любые сообщения, которые желают незаметно презентовать публике мифодизайнеры. Наиболее часто мы встречаем подобное в маркетинге и рекламе.

На фоне растущей конкуренции за внимание целевой аудитории сообщение будет эффективным, если оно построено с использованием специальных приемов и технологий. К таким технологиям относится мифодизайн – особенность бренд-коммуникаций, обладающая мифологическими чертами.

Одна из областей применения технологии мифологического дизайна – реклама. Этим объясняется высокая эффективность рекламных сообщений, их «гипнотическое» воздействие на потребителей разного возраста, пола, социального и экономического положения. Бренды представляют собой миры мифологических символов, которые поддерживают и укрепляют идентичность бренда, индивидуальность и эмоциональную связь с потребителем. Благодаря использованию технологии мифотворчества рекламные образы сливаются в единое целое в сознании людей и воспринимаются как единственно возможный образ мира.

Апелляция к бессознательным структурам индивидуальной и коллективной психики, выражение массового вкуса и массового подсознательного желания придает авторитет мифам-знакам подобного рода.

Особенности мифологического мышления позволяют понять некоторые формы восприятия и воздействия рекламы. В рекламе, как и в мифе, чрезвычайно важна интерпретационная функция познавательного процесса, приводящего к субъективному переживанию и подражанию.

Синтез бессознательного и сознания в познавательном акте, позволяющий избежать их враждебного противостояния, является еще одной чертой мифа, а также раскрывает еще одну грань воздействия рекламы. Мы можем согласиться с Роланом Бартом в том, что цель мифа – очистить опыт от всего случайного. Архаический миф повествователен и описателен, тогда как миф современности часто визуален, прежде всего, благодаря кинематографу, телевидению и рекламе он приобретает достоверность воспринимаемого образа.

Принципы построения мифа образуют систему, включающую принцип формирования коммуникативного предметного поля, в котором происходит синтез, объединяющий сообщение, познавательно-понятийные процессы потребителей, принцип единства маркетинговой стратегии и творчества дизайнера.

Однако такая система, намеренно созданная для того, чтобы быть принятой определенным обществом, должна отражать важную часть уже сложившихся там архетипических представлений и имплицитно присутствующих в «повседневной» картине мира.

Мифологии, даже в современном их крайне редуцированном виде, способны, тем не менее, формировать мировоззрение, влияя на его аксиологическую составляющую и узаконивая телеологию и иерархию нравственных норм и ценностей личности. В культуре все то, что имеет для общества как коллективного субъекта мировоззренческое значение, имеет свойство мифологизироваться – чтобы посредством обращения к архетипическим мотивам и праструктурам встроиться во «вневременный» контекст, т.е. связать современные пласты с древними (которые изначально были сакральными) и таким образом одновременно легитимизировать и сохранить надолго те или иные образцы поведения и сделать их ревизию максимально затрудненной. В современной культуре все эти процессы присутствуют, но приобретают квазимифологический характер, превращаясь в создание социальной мифологии. Возникает любопытное противоречие – миф должен сохранять смыслы надолго, а современное общество должно постоянно порождать и осмысливать новые.

Смысл и назначение социального мифа – попытаться связать некое действие/предмет с социальной ценностью (по критерию блага или добродетели) и вписать в легитимные социальные практики или исключить из них. При этом сделать такое отнесение общезначимым и неоспоримым, а следовательно, и неизменным. Таким образом культура как система обеспечивает собственную стабильность. Социальный миф-знак с формальной точки зрения (по Ролану Барту) – это концепт, скрытый за картинкой или сюжетом, которые и находятся на поверхности и используются как пустые формы (означающие) для концепта (означаемого).

Примеры социальных мифов по поводу ИИ: восстание машин; роботы, замещающие людей; роботы, недовольные условиями своего труда; роботы, способные чувствовать – все это, как правило, строится на глубинном страхе потери контроля творца над творением, с одной стороны, и жадной, сродни стремлению Пигмалиона, сотворить для себя некий субститут полностью известного, безопасного и принимающего Другого, с иной стороны.

Специфика техногенной цивилизации как создающей социальные мифы, помимо прочего, еще и по поводу техники – это попытка социального осмысления последней и выработки стереотипных реакций на нее, как что-то ясное, привычное и др. Социальные мифы появляются при секуляризации массового сознания как попытка заместить классические мифы – но без стройной мировоззренческой структуры последних вырождаются в что-то близкое одновременно суевериям и стереотипам. Культура как аутопойетическая система воспроизводит свои структуры с древности, поэтому мифология для нее является частью этих постоянно воспроизводимых структур – на системном уровне, и необходимой мировоззренческой составляющей – на содержательной уровне²⁸⁹.

Сказанное выше дает нам возможность вернуться к сформулированному вначале предположению о том, что фундаментальные внутренние структуры, которые обязаны воспроизводиться, чтобы можно было говорить о сохранении

---

²⁸⁹ Chettiparamb A. Autopoietic interaction systems: microdynamics of participation and its limits // International Planning Studies. 2020. Vol. 25. No. 4. P. 427–440.

определенного цивилизационного типа, должны быть наиболее общими из возможных, чтобы наличествовать во всех социальных институтах независимо от их специализации. Все это позволяет предположить, что природу данных структур составляют ценностные системы, согласно которым формируются представления о «должном», по отношению к чему оценивается «сущее» и задаются основные ориентиры для целеполагания. При этом очевидно, конечно, что видоизменение ценностных систем и техническое развитие – это в любом случае диалектически взаимосвязанные процессы.

Ценностные и мировоззренческие принципы формируются достаточно медленно и видоизменяются примерно с той же скоростью, что и естественные языки, в рамках которых во многом и воспроизводятся. Причем многие подобные принципы, сложившись еще в древности, пронизывают множество культурных пластов, довольно причудливо сочетаясь и иногда противостоя более поздним идеям. В результате получившиеся мировоззренческие комплексы могут быть и иррациональны, и внутренне противоречивы. Однако несмотря ни на что, они должны выполнять свою основную функцию – делать мир вообще «миром-для-человека» – таким, в котором можно жить, не испытывая постоянно потерянности, ужаса и прочих неприятных экзистенциальных переживаний. При всей постоянной изменчивости социальных институтов, структуры, ответственные за смыслы, цели и вообще, за фундаментальные выборы, то есть системы ценностей, лежащие в основе мировоззрения и целеполагания, стремятся воспроизводиться, в основном, как инвариантные. Эти структуры должны обладать свойством рекурсивности для всех уровней социальной системы – от индивида до крупнейших социальных институтов и общества в целом, чтобы самоповторяться на постоянной основе в процессе социализации. Именно этим фундаментальным системам ценностей, разделяемым большинством, общество обязано своей целостностью и тем, что Э. Дюркгейм называл социальной солидарностью.

Техногенная цивилизация сложна и неоднородна, в ней присутствует, помимо сложившегося научного мировоззрения, также много социокультурных наслоений из прошлого, из-за чего периодически возникает эффект культурного

лага. Это тоже способствует повышению сложности техногенной цивилизации, что вроде бы и неплохо с точки зрения ее адаптивного потенциала, но может приводить к столкновению различных мировоззренческих и даже идеологических позиций и в конце концов, к кризису, когда адаптироваться придется в ускоренном темпе уже к этим внутренним противоречиям.

§ 5. Выводы из Главы 3²⁹⁰

1. Данная глава исследует факторы развития, характерные именно для техногенного цивилизационного типа и послужившие как основанием ее возникновения, так и причиной текущего кризиса.

2. Подробно описаны отличия восходящей к Степину трактовки цивилизации как типа социокультурного развития от более привычного понимания цивилизации или как формы, или же как этапа развития культуры. Показано, что изначально использование понятия цивилизации основывалось на целостном стадийном понимании исторического процесса, но уже в конце XIX в. – начале XX в. появляется множество вариаций цивилизационного подхода, практически полностью порывающих со стадийностью. Среди них можно упомянуть принадлежащие Данилевскому, Тойнби, Шпенглеру, Бердяеву.

3. Если техногенная цивилизация опирается на научное мировоззрение, то традиционная в силу древности своего происхождения изначально основывалась на мифологическом. В рамках техногенной цивилизации субъекты обретают свою идентичность преимущественно через деятельность, в то время как в традиционной цивилизации происходит скорее наоборот, когда деятельность субъектов детерминируется их идентичностью, часто врожденной и связанной с их культурной принадлежностью, местом проживания, положением в социальной иерархии.

---

²⁹⁰ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

3. Если рассматривать цивилизацию как социальную суперсистему, то она должна обладать как минимум двумя взаимно обусловленными свойствами – а именно, быть аутопойетической и рекурсивной. То есть должны постоянно самовоспроизводиться ее структуры, с одной стороны, и каждая часть системы должна воспроизводить те же основные структуры, что и вся система в целом. Однако мы видели, что техногенная цивилизация на самом деле неоднородна и даже если доминирует, то неизбежно включает в себя элементы предыдущего цивилизационного типа, и в ней существует более одного варианта воспроизводства и самовоспроизводства структур. Когда же разрыв между быстрым научно-техническим прогрессом и гораздо более медленным изменением остальных социальных подсистем становится критическим, то в обществе из-за возросших несоответствий возникают кризисные состояния.

4. Техногенная цивилизация экспансивна, она стремится распространиться на все регионы, стать по-настоящему планетарной – из-за чего для нее вообще постепенно исчезает понятие внешнего воздействия. Все конфликты техногенной цивилизации становятся внутренними, равно как и большая часть причин ее кризисов. И вот здесь мы видим еще одно разительное ее отличие – при всех своих достижениях она гораздо менее стабильна, чем цивилизации прошлого, и, к сожалению, имеет гораздо больше возможностей разрушить самое себя изнутри.

5. Изменение доминирующих социальных габитусов происходит под воздействием активного технологического прогресса второй половины XX в. – начала XXI в. и, в особенности, массового внедрения цифровых технологий в повседневную практику. Затронутыми информатизацией оказались и экономическая сфера, и управленческая, и область социально-культурных взаимодействий (в частности, общения, обмена информацией, производства ее в огромных масштабах), и – что самое, может быть, неожиданное – даже понимание человеческого как деятельности, способностей, восприятия, мышления.

6. Информационное общество должно было бы характеризоваться переходом к постнеклассической научной рациональности, способной работать со сложными, саморазвивающимися полисубъектными средами, формирующими метасубъект,

взаимодействие с которым может быть описано кибернетикой третьего порядка. Однако современная техногенная цивилизация с этим переходом, очевидно, не справляется, а для возникновения нового цивилизационного типа (гуманитарной, посттехногенной цивилизации) в дополнение к технологическому развитию необходимо также появление комплементарных ему форм ценностной регуляции.

7. Попытки современных социумов стихийно приспособиться к технологическим инновациям без новых ценностных ориентиров вызывают к жизни стремление использовать рудименты представлений, восходящих к мифологическому сознанию. Рождаемые в результате этого социальные мифы увеличивают нестабильность техногенной цивилизации, так как содержащиеся в них ценностные отношения подразумевают нерелексивные способы принятия решений.

8. Смысл и назначение социального мифа – попытаться связать некое действие или предмет с ценностью социальной группы и вписать в легитимные социальные практики или исключить из них. Таким образом культура как система стремится обеспечить собственную стабильность, хотя именно в условиях техногенной цивилизации, как мы видели, этот механизм способен давать сбой.

Глава 4. Кризис техногенной цивилизации

§ 1. Возникновение и эволюция понятия кризиса²⁹¹

Если мы говорим о возможности некоего цивилизационного кризиса, то необходимо прояснить, на каких основаниях, кроме чисто оценочных суждений, может базироваться данное утверждение. Определение кризиса, опять же, будет напрямую вытекать из того, на какие теоретико-методологические основания мы будем опираться. Эту зависимость несложно проследить, рассматривая историческую эволюцию понятия «кризис», которое употреблялось еще со времен Античности в политическом и медицинском значениях, затем упоминается в эпоху Средневековья и в Новое время, каждый раз приобретая различные значения в зависимости от позиции конкретных авторов.

Трудно найти термин, который, с одной стороны, употреблялся бы столь же часто, а с другой стороны, имел бы такое же размытое значение, как понятие «кризис». Оно используется в целом ряде научных дисциплин (и в каждой имеет свои особенности)²⁹²: в экономике, психологии, культурологии, политологии, достаточно молодой и во многом междисциплинарной конфликтологии и др. И далеко не всегда исследователи, применяя данный термин, внимательно рассматривают методологические основания и общую правомерность его использования.

Но гораздо чаще всплывает это понятие в быту, в околонучном или даже псевдонаучном дискурсе, в статьях журналистов и интернет-блоггеров, в дискуссиях на телевидении, а также онлайн и оффлайн – то есть во всем том слабо отрефлексированном конгломерате представлений, не имеющих никакого или

---

²⁹¹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Концептуализация и становление системного рассмотрения феномена кризисов // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1138-1142; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

²⁹² Глущенко В.В. Развитие методологии кризисологических исследований и антикризисного управления (к 10-летию начала глобального системного кризиса 2008 года) // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 9. С. 333–354.

почти никакого теоретического базиса и основанных на таком смешении личных и коллективных страхов, надежд и архетипических представлений, что их вполне можно охарактеризовать как социальные мифы нашего времени.

Чтобы не повторять всех означенных недочетов, необходимо все же прояснить, что представляет собой кризис, где и как это понятие вообще можно и целесообразно использовать, и в каких условиях (контексте/системе) кризис в какой бы то ни было форме в принципе возможен.

Несмотря на обширную литературу, посвященную проявлениям кризиса (или даже «кризисного сознания») в самых разных сферах, истории, значению и границам употребления данного термина, как правило, отводится на удивление мало места и внимания даже в серьезных научных исследованиях.

В качестве немногочисленных счастливых исключений можно привести работы Рейнхарта Козеллека, на которые мы здесь также будем не раз ссылаться²⁹³. Козеллек предлагает достаточно интересную классификацию концепций кризиса, которые он называет семантическими моделями и основывает на различиях в восприятии темпорального аспекта кризисных ситуаций во всем их потенциальном многообразии.

Как показывает Козеллек, «кризис» в современном смысле, как тяжелое переходное состояние, поворотный пункт, переломная ситуация, за которой может последовать улучшение или ухудшение – все это происходит от одного из изначальных, медицинских значений термина, которое в Новое время стало применяться метафорически к политическим и многим другим ситуациям.

Однако в то же время, все данные «метафорические» оценки опирались на некое имплицитное представление о том, «как должно быть», то есть, что не является кризисом, а предшествовало ему или должно за ним последовать. Можно сказать, что представления о кризисе (если имеется в виду некая нежелательная

---

²⁹³ Koselleck R. Some Questions Concerning the Conceptual History of “Crisis” // Witoszek N., Tragardh L. (eds.) Culture and Crisis. The Case of Germany and Sweden. Oxford: Berghahn Books, 2003. P. 12–23.

ситуация) обусловлены представлениями и о его противоположности, идея которой и будет определять, что в тот или иной момент назовут кризисом.

Также Козеллек (и не он один) иронически замечает, что почему-то, начиная с Нового времени, когда постепенно утвердилось наиболее распространенное значение кризиса, почти все, кто употреблял этот термин, во-первых, судили с позиций своей эпохи, так, как будто она последняя; а во-вторых, называли свое время кризисным – и у стороннего наблюдателя могло бы сложиться впечатление, что кризис вообще перманентен.

Это, в общем-то, очень верное наблюдение еще раз косвенно подтверждает наше предположение о том, что кризис в его отрицательном значении всегда осознается по контрасту с представлением о положительном, желаемом состоянии общества, государства, экономики и других сфер, которые некто может счесть в какой-то момент находящимися в кризисных ситуациях.

Так можно ли рассматривать кризис как некое (возможно, постоянное) противоречие между «сущим и должным», где «сущее» всегда оценивается в сравнении с «должным» и поэтому всегда проигрывает? На этот вопрос мы постараемся в меру своих сил ответить далее в работе.

А пока стоит обратиться к типологии кризисов Козеллека, где он также со своих позиций рассматривает различные точки зрения: кризис как нечто перманентное; кризис как что-то периодически случающееся и, возможно, циклическое; и кризис как событие, которое может произойти лишь единожды.

Этот исследователь рассматривает историю и этимологию понятия «кризис», его употребление в европейской философской мысли и ряд основополагающих коннотаций, связанных с этим термином в различных типах научного, бытового и даже теологического дискурса.

Для начала этот автор, в отличие от множества прочих, проясняет вопросы самого происхождения столь широко употребляемого термина, указывая, что слово «кризис», как и первые концепции, с ним связанные, имеют античное, а точнее,

греческое происхождение²⁹⁴. Термин «кризис» восходит к греческому «krino», что означало одновременно: разделять, выбирать, решать, судить. «Кризис», таким образом, тоже относился к решению и суждению, причем в значении последнего, финального выбора или результата, за которым последует победа или поражение, успех или провал.

Термин «krino» и происходящий от него «кризис», по утверждению Козеллека, использовались в Греции одновременно в политическом и в медицинском значениях. Кроме того, «кризис» применялся также в значении «решения» (основанного на суждении). Термин «кризис» в политическом и отчасти юридическом смысле подразумевал взвешенное суждение гражданина полиса, оценившего все «за и против» и голосующего сообразно закону и справедливости. Козеллек указывает, что именно в таком значении термин встречается уже у Аристотеля. Таким образом, для греков «кризис» — это был термин, связывавший воедино представления о законе и справедливом суждении, которое выносили граждане полиса, взвесив все аргументы и голосуя за некое окончательное решение.

Кроме того, необходимо упомянуть и о медицинском значении термина, которое существует и сейчас. Как ни странно, здесь тоже изначально «кризис» означал суждение, но это уже специфическое суждение особого рода — а именно, о течении болезни и самочувствии заболевшего. Козеллек указывает, что в подобном значении интересующий нас термин употребляется уже в *Corpus Hippocraticum*, а затем у Галена.

В обоих значениях — медицинском и политико-правовом — кризис обнаруживает схожие черты: некое обоснованное суждение о непростой поворотной ситуации, исход которой до конца неясен и может быть как положительным, так и отрицательным.

Чрезвычайно интересно дальнейшее употребление термина, прослеженное Козеллеком сквозь Средние века и Новое время вплоть до XX столетия, так как

---

²⁹⁴ Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 236–247.

именно оно во многом определило как современные значения «кризиса» (в том числе их размытость), так и его сильнейшую психологическую нагруженность.

Исследователь отмечает, что юридическое значение кризиса перешло и в Септуагинту, приняв, конечно же, новые и крайне важные для дальнейшей европейской мысли оттенки значения. Суд человеческий, о котором говорит Древняя Греция, здесь сменяется представлением о Божественном суде. «Кризис» оказывается напрямую связан со Страшным судом как последним и окончательным актом справедливости. В дальнейшем, в эпоху Средневековья, термин, заимствованный из греческого, употреблялся уже преимущественно на латыни.

Козеллек, рассматривая все три исторически возникших значения кризиса: политико-правовое, медицинское, а позднее, теологическое – делает вывод, что во всех этих случаях кризис оказывается напрямую связан с категорией времени, сам представляя собой определенный процесс и одновременно показывая отношение ко времени в ту или иную определенную эпоху.

Возвращаясь к истории употребления термина «кризис», Козеллек прослеживает, как уже на излете Средневековья и в начале Нового времени, когда это слово перешло из латыни в другие европейские языки, его значение еще более расширилось, постепенно приближаясь к современному.

К XVIII столетию «кризис» становится самостоятельным понятием, «медицинское» значение которого теперь метафорически переносится на самые различные предметы рассуждения, в особенности, на политические процессы, происходившие в европейских государствах этого периода. В пример можно привести работы Лейбница²⁹⁵, где философ употребляет понятие «кризис» применительно к политической ситуации в Европе своего времени, сравнивая современное ему состояние с прошлым, и тем самым открывая новое, «темпоральное» значение кризиса как периода в истории, который может случаться неоднократно.

---

²⁹⁵ Там же. С. 239.

Если говорить об исторической науке по преимуществу, то в ней понятие «кризиса» тоже заняло достаточно важное место²⁹⁶, хотя и не сразу. В качестве автора, активно применявшего это понятие в XIX столетии, можно назвать Якоба Буркхардта²⁹⁷.

Подобный подход, начиная с XVIII в., сделал понятие «кризиса» одним из фундаментальных для философии истории, а затем и для экономики и ряда других общественных дисциплин.

Теперь более подробно остановимся на различиях темпоральных трактовок кризиса у Козеллека. Во-первых, указывает этот автор, если вспомнить об одном из изначальных значений кризиса как связанного с судом и вынесением справедливого решения, то можно говорить о кризисе как о чем-то, постоянно имеющем место в связи с неизбежными последствиями, сопутствующими каждому поступку и событию.

Здесь имеется в виду, в первую очередь, не человеческий суд или приговор, а неизбежные и неумолимые силы необходимости или судьбы, в том смысле, который могли вкладывать сюда стоики, или, позднее, Бенедикт Спиноза. Также можно указать на всеобъемлющую систему Гегеля, где даже свобода есть «осознанная необходимость», продиктованная самоосмыслением и возвращением к себе Абсолютного духа.

Козеллек указывает, что, с одной стороны, именно такая трактовка кризиса как постоянно выносимого «приговора» любому событию в качестве его закономерных последствий может нести следы эсхатологического видения, идущего еще из средневековой теологии; с другой стороны, подобные идеи, как мы видим, могли носить и чисто философский характер, возникая как до, так и после Средневековья. И если говорить об этических импликациях этих довольно многочисленных философских воззрений, то первые также будут весьма

---

²⁹⁶ Graf R., Jarausch K.H. «Crisis» in Contemporary History and Historiography, Version: 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte. 2017. [Электронный ресурс] URL: http://docupedia.de/zg/graf_jarausch_crisis_v1_en_2017 (дата обращения: 01.02.2021).

²⁹⁷ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.

разнообразны: от ответственности мыслящего субъекта за каждый свой поступок, или же, наоборот, склонности к фатализму вследствие того, что любое действие или решение уже предопределено всеми предшествующими – и до социал-дарвинистских представлений о том, что каждый достоин своей судьбы, а победить должен сильнейший.

Что касается еще одного варианта осмысления понятия «кризис», то его можно, по крайней мере на первый взгляд, представить полной противоположностью предыдущему. Это представление о кризисе как о чем-то единовременном и финальном, что может произойти только один раз и навсегда разрешить ситуацию.

Козеллек усматривает в такой трактовке влияние теологии, так как данное понимание кризиса возможно лишь исходя из линейного подхода к историческому процессу. Этот подход мы впервые можем видеть в патристике, у Аврелия Августина, во многом определившего мировоззренческие основания европейской культуры на века вперед. Культурное сознание Античности, также, как Египта, Междуречья, Индии, Китая – были чужды линейного подхода, тяготая, хотя и в различной мере, к подходу цикличному.

Тем не менее, можно вспомнить также ряд мыслителей светских (и даже подчеркнуто тяготевших к атеизму и критиковавших религию), которые использовали именно линейные подходы к истории. Примеров можно назвать множество: от Робеспьера и Сен-Симона до Шлегеля, Фихте, Конта и Маркса.

И наконец, третья трактовка термина «кризис» может считаться некой «серединой» между предыдущими, будучи при этом гораздо менее эсхатологически нагруженной. Она включает в себя весь чрезвычайно широкий на данный момент спектр концепций, рассматривающих кризисы как некие фазы различных циклов – будь то «исторические водоразделы» (у Козеллека), динамика подъемов и спадов в экономике или даже смена культурных типов (например, у П. Сорокина).

Если говорить о происхождении этого взгляда на кризисы, то возникает соблазн отнести данную точку зрения вглубь тысячелетий, когда формировалось

мифологическое сознание с его циклическим восприятием истории не только человечества, но и всего Универсума в целом. Однако большая часть древних цивилизаций вообще не знала самого понятия «кризис», а изобретшая его Античность хоть и употребляла, но, как мы видели, в несколько иных значениях.

Поэтому кризис как нечто циклически повторяющееся – это гораздо более молодой концепт, сформировавшийся уже в эпоху Нового времени, начиная с Лейбница и его младших современников. В основу этого, уже по преимуществу светского понимания кризиса, по мнению Козеллека, легло бытовавшее в XVIII в. понятие равновесия сил – как политического и военного, так и экономического, посредством которого описывалось тогда положение дел, прежде всего, в Европе. Таким образом, данное понимание кризиса изначально носило прикладной характер, открывая возможности для исследования (одновременно теоретического и эмпирического) тех факторов, которые могут сберечь или нарушить равновесие. Подобный подход естественным образом открывал концепции кризиса дорогу в целый ряд научных областей – последствия чего мы как раз и можем наблюдать сегодня. Кроме того, именно этот подход оказался по своему существу очень диалектически нагруженным, напрямую увязав кризис и развитие, кризис и прогресс (или же, наоборот, регресс), найдя кризису определенное «место» в развивающихся системах, и сделав его, в свою очередь, структурным и системным понятием.

§ 2. Системная природа культурных и цивилизационных кризисов²⁹⁸

Происходящее еще из эпохи Нового времени понимание кризиса как чего-то, что может повторяться исторически или даже быть в какой-то мере циклическим,

---

²⁹⁸ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Концептуализация и становление системного рассмотрения феномена кризисов // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1138-1142; Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. №6 (86). С. 17-23; Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // Философская мысль. 2023. № 1. С. 26-41; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

открыло путь для социально-философских, а затем и научных объяснений предпосылок, причин и последствий кризисов в самых различных сферах. И эти объяснения, так или иначе, рассматривали кризис как некое состояние или процесс, переживаемые рассматриваемым объектом. Изучение кризисов оказалось связано с некой структурой, системой, контекстом, где какой бы то ни было кризис вообще смог бы произойти.

Рассмотрение кризисов как явления непредставимо вне какой бы то ни было системы, которая переживает этот самый кризис. Именно поэтому изучение кризисов как явления стало активно производиться с развитием системного подхода, формированием общей теории систем и ее многочисленных производных.

Системная природа кризиса, как ни странно, не является самоочевидным фактом и потребовала длительного периода концептуализации, который во многом продолжается и до сих пор²⁹⁹. Многочисленные словарные определения кризиса чаще всего предлагают его понимание, мало чем отличающееся от простого перевода. Например: «...резкое изменение, происходящее помимо нашей воли. Кризис может быть благотворным или неблаготворным, но он почти всегда сопряжен с трудностями и протекает болезненно. <...> Это действительно решающий момент, но не потому, что от нашего решения зависит, быть кризису или не быть, а потому, что кризис вынуждает нас принимать решение или решает за нас»³⁰⁰. Или: «резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние (напр., духовный кризис)... Острое затруднение с чем-либо (напр., с производством или сбытом товаров); тяжелое положение»³⁰¹.

Иногда, правда, можно встретить намеки на системное понимание сущности кризисов в таких определениях: «перерыв в функционировании какой-либо системы с позитивным для нее или негативным исходом. Общественные системы переживают много кризисов разных видов, в том числе и политические, которые

²⁹⁹ Черепанов А.А. Проблема социального кризиса: философско-синергетический подход: философско-синергетический подход: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 187 с.

³⁰⁰ Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Палимпсест: Этерна, 2012. С. 266–267.

³⁰¹ Большой энциклопедический словарь (2000) // Словари онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/32961-%D0%9A%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%98%D0%A1>. (дата обращения: 12.01.2023).

включают К. конкретной политики, власти, правительства, парламентский, отношений законодательной и исполнительной власти, кризис доверия»³⁰².

Сначала попробуем идти от противного: обрисуем то понимание кризисов, по преимуществу социальных, которое или почти, или совсем не оперирует понятием системности, так подобные трактовки до сих пор можно встретить не только в бытовом, но и в научном и околонучном дискурсе. Такие трактовки при всем их многообразии отличает общая черта понимания кризиса (как правило, именно кризиса современности) как противоречия между «сущим и должным» – то есть, между неудовлетворительным и желаемым состояниями какой-либо сферы общественной жизни. Однако при подобном понимании кризиса он либо должен мыслиться как нечто перманентное, постоянно и неотъемлемо присущее любой эпохе. Либо, как чаще всего бывает, кризис в таких случаях предстает как нечто ситуативное, каждый раз вызванное каким-то уникальным сочетанием факторов. Подобные трактовки имплицитно содержат в себе предположение, что если попытаться учесть все негативные факторы, все прошлые «ошибки», то будущих кризисов можно избежать. То есть полностью блокируется любая возможность прогнозирования кризисов, выявления тех общих закономерностей, которые приводят и в будущем могут привести к возникновению данного явления при внешне отличающейся сумме условий.

Проблематизация кризисов, освобожденная от личных оценок, страхов, надежд, разочарований, морализаторства и прочих внешних и во многом излишних наслоений стала возможна, когда мысль о нравственной ответственности человека за наличное состояние общества стала покидать если не социальный, то по крайней мере научный дискурс. То есть относительно недавно – во второй половине XIX в. в исторической науке (у Буркхардта) и в начале XX в. с зарождением системных подходов (у Богданова). Вот на трудах последнего мы остановимся подробнее.

---

³⁰² Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. Тамбов: Электронная хрестоматия, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://glos.virmk.ru/anons.htm> (дата обращения: 02.02.2021).

Богданов по праву считается одним из основоположников системного подхода в целом. Более того, в своей «Тектологии» он подробно рассматривает именно понятие кризиса, его системное происхождение и значение для существования систем. Богданов, настаивая на создании «всеобщей организационной науки»³⁰³, вероятно, одним из первых в принципе напрямую связывает кризисы с совершающимся на постоянной основе функционированием систем, не придавая первым эсхатологического, этического или какого-то еще внесистемного статуса³⁰⁴.

Далее мы подробнее рассмотрим ход рассуждений Богданова, так как именно к его выкладкам будут в дальнейшем добавляться все новые дополнения и уточнения теоретиков системного движения. Что интересно, Богданов, будто предвосхищая те критические замечания, с которыми позднее встретилась теория систем (и которых мы в данной работе также коснулись), многократно сравнивает свою «тектологию» именно с логикой и математикой. Он называет тектологию новой наукой, но при этом подчеркивает формальный характер ее принципов и механизмов, что могло бы сблизжать ее скорее с методологией³⁰⁵, чем с содержательной теорией.

На многих десятках страниц «Тектологии» Богданов выделяет целый ряд свойств и особенностей, присущих, как он полагает, всем без исключения системам. Нас будут особенно интересовать следующие обозначенные им организационные механизмы: конъюгация, ингрессия, дезингрессия, эгрессия и депрессия. Именно они, как показывает Богданов, определяют саму суть системных кризисов, условия и результаты прохождения их системой.

Основой и первым механизмом, без которого, по Богданову, невозможно все остальное, является «соединение комплексов» или конъюгация³⁰⁶. При

³⁰³ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 57.

³⁰⁴ Gorelik G. Bogdanov's Tektologia, General Systems Theory, and Cybernetics. // *Cybernetics and Systems: An International Journal*. 1987. Vol. 18. Issue 2. P. 157–175.

³⁰⁵ Blachowicz J. How Science Textbooks Treat Scientific Method: A Philosopher's Perspective // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2009. Vol. 60. No 2. P. 303–344.

³⁰⁶ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 144.

рассмотрении своих «тектологических механизмов» Богданов, что также стоит отметить, не делит их на созидательные и разрушительные, что также предполагало бы некие содержательные характеристики. Так, рассматривая конъюгацию, он выделяет три возможных сценария, которые, в свою очередь, будут уже зависеть именно от содержания соединившихся комплексов. Они могут, например, взаимно усилить друг друга, частично усилить или ослабить или вовсе уничтожить вследствие противоположно направленной активности. Все эти особенности Богданов, следуя декларируемому им духу всеобщности тектологии, стремится распространить на абсолютно все известные ему примеры из естественных и гуманитарных наук и даже житейской практики.

Затем рассматривается ряд других методов, в числе которых «ингрессия» или «вхождение», путем которой связываются, как при помощи «посредника», системы, которые не могли бы соединиться сами по себе или даже взаимно разрушили бы друг друга. Именно посредством ингрессии, согласно Богданову, возможно устанавливать, в том числе, и связи между социальными комплексами, в том числе личностями и группами, формируя сколь угодно сложные формы организации их деятельности. В то же время Богданов видит ингрессию как гораздо более широкое понятие, применимое, как он полагает, для обозначения находимой (и вероятно, неочевидной изначально) связи между любыми элементами, в том числе, в построении научных теорий, логических и математических доказательств³⁰⁷.

Явление, противоположное ингрессии, Богданов называет, соответственно, дезингрессией. Однако он отмечает, что это не просто разрушение и разрыв организационных взаимосвязей. Стремясь обнаружить механизм такого разрушения, он, возможно, вплотную подходит к тем открытиям, которые позднее будут сделаны уже в рамках синергетики. Так, он пишет, что «полная дезингрессия» — это полная взаимная нейтрализация активностей сил, действующих внутри системы, однако при этом остаются также воздействия

---

³⁰⁷ Там же. С. 158–160.

внешней среды, которые способны сместить неустойчивое равновесие в ту или другую сторону³⁰⁸.

Еще два чрезвычайно важных типа организационной активности, которые выделяет Богданов, он называет эгрессией и депрессией. Их действием определяется формирование и сохранение любой, согласно Богданову, системы. Богданов здесь, опять же, не столько стремится выяснить причины возникновения систем для каждого отдельного случая, сколько выявить общесистемные принципы.

Автор «Тектологии» полагает, что в любой системе должны действовать как минимум две силы – одна из них будет направлена на формирование некоего системного центра, а другая – на сохранение периферических границ системы, не дающих ей распасться.

Эгрессия по Богданову – это воздействие некоей центрирующей, собирающей систему воедино силы. Элемент, обладающий этой способностью к эгрессии, способен таким образом воздействовать на окружающие его другие элементы, что они как бы стягиваются вокруг него – то есть именно он способен задавать структурообразующие принципы – в каждом частном случае разные, в зависимости от того, о какой конкретной системе идет речь.

Рассматривая эгрессию, в особенности в социумах, Богданов делает интересный и далеко идущий вывод о том, что при равных условиях для центра и периферии системы различия в их «эгрессивных потенциалах» будут постепенно лишь нарастать, что в человеческих коллективах ведет сначала к централизации власти, а потом к ее все большей дифференциации. Здесь же Богданов видит и естественные пределы эгрессии, приводя опять же уже не столько физические и биологические, но, в основном, социальные примеры. Увеличение количества звеньев в централизованной управленческой пирамиде приводит, по мысли Богданова, рано или поздно к накоплению ошибок, ослаблению связей между высшими и низшими звеньями, и в конце концов, к уменьшению эффективности. Иллюстрирует все это автор, в основном, примерами из истории феодальных

---

³⁰⁸ Там же. С. 161–164.

обществ, хотя более поздние исследования в рамках теории менеджмента подтвердили применимость всех этих положений и для современных сообществ и организаций.

Обращает Богданов внимание и на то, что при таком чрезмерном переусложнении системы каждое ее звено, став максимально специализированным и усилив свою основную функцию в системе, может ослабить или даже утратить остальные функции, которые изначально были ему присущи и могли обеспечить его сколько-нибудь автономное существование. Таким образом каждый такой элемент сложной системы оказывается предельно зависим от остальных элементов, что хорошо только в условиях стабильного существования, но при каких-либо резких и значительных изменениях (например, кризисах), чрезмерно дифференцированные элементы не смогут изменить свои функции и положение в системе, которая вся целиком из-за этого лишится пластичности и приспособляемости. Многие описанные Богдановым принципы функционирования систем, особенно, социальных, по сути, сильно опередили свое время, так как весь XX век на практике показывал процесс и последствия совершения тех ошибок, от которых Богданов вполне явно предостерегал.

Еще одним фактором дезорганизации системы, который в перспективе способен привести к ее кризису, Богданов полагает наличие в ней не одного, а двух или нескольких эгрессивных центров, функции которых могут пересекаться или совпадать, тем самым вызывая соперничество и конфликты.

В то же время Богданов настаивает на том, что центрирующий системообразующий принцип эгрессии сам по себе недостаточен для долговечного существования системы. Нужны также силы, которые предохраняли бы систему как от агрессивных воздействий внешней среды, так и от разрыва ее собственных внутренних взаимосвязей. Эти «сохраняющие» процессы Богданов называет депрессией. Депрессия, с его точки зрения, с одной стороны, сохраняет систему целостной, не давая ей рассыпаться и расплзаться. С другой стороны, эти же процессы и ограничивают систему в ее росте и развитии. Причины этого Богданов видит в том, что, если эгрессивный центр системы обладает наибольшей

пластичностью как способностью к росту и развитию, то ее периферические дегрессивные части не так высоко организованы, менее пластичны и за счет этого начинают «отставать» в развитии, а вместе с ними постепенно прекращает развиваться вся ограничиваемая ими система.

Очень интересными, и опять же отчасти опередившими свое время стали рассуждения Богданова о дегрессивных процессах торможения в культуре социума, высказанные им незадолго до появления известной концепции культурного лага Огборна, а также концепции «вызова и ответа» А. Тойнби. Богданов выступает с критикой идеологического догматизма во всех возможных областях, как тормозящего их развитие за счет использования идей, уже потерявших связь с практикой, но (что особенно интересно) укоренившихся в структурах языка, а через него – культуры в целом.

Дегрессивный потенциал любой системы, по Богданову, обеспечивает сначала ее укрепление и выживание, но затем – инерционность и сопротивление изменениям, даже когда те необходимы. Подобные свойства ряда социальных систем, таких, например, как организации, многократно описывались в более поздних работах XX века в самых разных формах, начиная от Паркинсона и заканчивая Адизесом³⁰⁹. Равно как были показаны и сложности, с которыми в таких случаях сталкиваются все те, кто находится внутри данной системы и надеется что-то в ней изменить.

Именно из сковывающей роли дегрессивных процессов по отношению к неизбежному развитию систем (в том числе социальных) во многом выводит Богданов неизбежность, повторяемость и даже необходимость периодически случающихся кризисов. В этом он обращается даже к гегелевской диалектике, о чем мы позднее также упомянем несколько более подробно.

Богданов, как мы уже писали выше, рассматривает кризис именно с системной точки зрения, как одно из возможных, а иногда даже необходимых состояний существующих, приспособляющихся и развивающихся систем.

---

³⁰⁹ Adizes I. Organizational Passages: Diagnosing and Treating Life Cycle Problems in Organizations // Organizational Dynamics. 1990. Vol. 8. P. 3–24.

В первом приближении он называет организационными кризисами «разрыв тектологической границы между двумя комплексами... с которого они перестают быть тем, чем они были... и образуют какую-то новую систему»³¹⁰. Также кризисом становится и образование границы, создающее «из данной системы новые отдельности»³¹¹.

В самом общем виде кризис для Богданова – это «...смена организационной формы комплекса»³¹². При этом Богданов сразу постулирует относительность любого кризиса – как зависимость от того, какие организационные комплексы выступают предметом исследования. Здесь он частично повторяет тот путь, который позже будет прослежен Козеллеком в развитии представлений о кризисах. Так, Богданов указывает, что в зависимости от того, насколько всеобъемлющие или, наоборот, частные представления о системах как организационных структурах мы используем, настолько же будет меняться представление о кризисах. То, что будет кризисом в частной системе или подсистеме, в системе высшего порядка станет всего лишь одним из этапов ее существования, возможно, даже незначительным. То есть, рассматриваем ли мы кризисы как постоянную цепочку событий или как что-то, происходящее с некой периодичностью, зависит от масштаба выбранной нами системы – и не в последнюю очередь, от ее масштаба именно относительно нас, как наблюдателей.

Богданов в своей рассмотрении природы кризисов исходит именно из их системных характеристик, которые могли бы быть общими для явлений природы и общества – поэтому для него кризис изначально теряет всякую аксиологическую и телеологическую нагруженность сам по себе и не может ее иметь, как явление, рассматриваемое именно с точки зрения идеалов научного знания.

Богданов, стремясь выяснить организационную природу кризисов, пишет, что смена организационной формы (то есть кризис) есть разрыв связей между

---

³¹⁰ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 176.

³¹¹ Там же.

³¹² Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. С. 209.

элементами, которые образуют систему. Причем этот разрыв способен как окончательно разрушить исходную систему, так и создать новую. Разрыв границ между двумя или несколькими системами с их слиянием приводит к кризису ничуть не в меньшей степени, чем распад исходной системы на подсистемы или отдельные элементы.

Таким образом, Богданов выделяет кризисы соединения или «конъюгации» и кризисы разделения, «дизъюнкции», правда, сразу же оговаривая, что в реальности каждому кризису чаще всего сопутствуют оба данных процесса в той или иной степени.

Кризис для Богданова – одновременно нарушение равновесного состояния системы и ее стремление к равновесию на новом уровне. На основании своего системного представления о кризисах Богданов предполагает, в частности, возможность анализа кризисов социальных, к которым относит и революции. Здесь его работа удивительным образом предвосхищает исследования политических трансформаций, проводившиеся в 1960-х – 1970-х гг. под руководством Г. Алмонда в рамках «Стэнфордского проекта»³¹³.

В последнем томе своей «Тектологии» Богданов пишет, что для того, чтобы предвидеть последствия социальной революции, наблюдателю нужно мысленно разложить социальную систему на элементы, учитывая их функции, структурные взаимосвязи, историческую преемственность – все то, из чего, согласно Богданову, будет состоять «жизнеспособность» их перед лицом того, что он и сам называет катастрофой. Распад системы (результат ее кризиса) неизбежно должен будет завершиться воссозданием ее равновесия на новом уровне – исходя из предыдущих постулатов Богданова, в частности, о том, что структуры (эгрессивные центры), стремящиеся выполнять одни и те же властные полномочия в любой сфере, с неизбежностью будут конкурировать, а победят в итоге те, которые продемонстрируют больше гибкости и пластичности в ответ на наличные требования среды.

---

³¹³ Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. (ed.) *Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development*. Boston: Little, Brown, and Company, 1973. 736 p.

В конце концов Богданов постулирует универсальность кризисов для любой системы, которая видоизменяется во времени, то есть изменяет свою организационную структуру, проходя через череду мелких и крупных кризисов. Равновесие, таким образом, становится для Богданова частным случаем кризисов, а не наоборот. Однако лишь исходя из подобного видения кризисов их оказывается возможным не только описать и оценить постфактум, но также объяснить и предвидеть, а в каких-то случаях и использовать их потенциал для направления изменений системы в нужную сторону.

Завершает Богданов свой обширный труд неизбежным, вероятно, обращением к философской диалектике, что, однако, может показаться несколько неожиданным в свете его попыток всячески откеститься от философии в первом томе «Тектологии». Однако подход Богданова сам по себе диалектичен в настолько значительной степени, что ученый вынужден это признать, полагая диалектику исторически предшествующей его тектологии. Последнюю, действительно, можно считать развитием принципов первой и, в какой-то степени, их более детальным пояснением.

В самом деле, там, где сам Богданов полагает, что критикует диалектику, современному читателю может показаться, что он ее скорее дополняет и разъясняет. Например, он пишет, что в марксистской (и гегелевской) диалектике принцип возникновения антитезиса в его отношении к тезису постулируется без разъяснения механизма и причин их взаимных соотношений.

Восполняя этот «пробел», Богданов акцентирует внимание на взаимодействии системы с внешней средой, что определяет комплекс «ответных реакций» системы, вызывающих в ней процессы дезорганизации как кризисы ее видоизменения, и затем достижение ею равновесия уже на новом уровне. Таким образом, диалектические изменения, по Богданову, детерминированы двумя факторами – внешним воздействием среды, которое заставляет систему реагировать и меняться; и внутренними свойствами самой системы, определяющими, в каком направлении и насколько она вообще способна

измениться. То есть ее «антитезис» всегда комплементарен именно ее «тезису» и равно способен демонстрировать ее свойства и отношения со средой.

Богданов по праву считается одним из основоположников теории систем и системного подхода в целом³¹⁴. В своей «Тектологии» он подробно рассматривает ряд этапов возникновения, функционирования и разрушения систем, а также понятие и различные типы системных кризисов. Богданов, настаивающий на создании тектологии как «универсальной организационной науки»³¹⁵, вероятно, является одним из первых мыслителей, который напрямую связал функционирование систем с кризисами, происходящими на постоянной основе, – и это был один из важнейших вкладов данного автора в исследование развития систем.

Сразу после выхода полного текста «Тектологии» в Берлине в 1922 г. поднялась волна критики Богданова. Тектология долгое время оставалась непонятой и непризнанной его современниками, что отчасти объясняет, почему произведения этого автора долгое время были малоизвестны. Можно было бы предположить, как это делает Тахтаджян³¹⁶, что универсалистский образ мышления Богданова был чужд его современникам, но появление общей теории систем в 1930-х гг. опровергает это³¹⁷. Работы Богданова оказались несвоевременными для одних, неудобными для других – и тем не менее они предвосхитили многие положения, которые позднее разрабатывались в рамках системного подхода.

Можно констатировать, что системные исследования начала XX в., у истоков которых стоял Богданов, заложили основу для дальнейшего развития наук об организации сложных социальных систем, которые уже во многом относятся к нашему времени.

---

³¹⁴ Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.

³¹⁵ Богданов А.А. Тектология. (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. С. 57.

³¹⁶ Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1971. С. 200–277.

³¹⁷ Bertalanffy L. General System Theory – A Critical Review // General Systems. 1962. Vol. VII. P. 1–20.

§ 3. Ценностное отношение к технике в диахронном измерении³¹⁸

Диахронное рассмотрение культурных и цивилизационных процессов, стремление подчинить их неким универсальным закономерностям имеет длинную историю ряда философских концепций, наиболее известной из которых была, вероятно, система Гегеля. Однако мы в данной работе, рассматривая диахронные стадийные подходы к рассмотрению социокультурной динамики, упомянем лишь те из них, что ставили во главу угла научно-техническое или хотя бы напрямую связанное с ним экономическое развитие. И даже эти концепции мы рассмотрим весьма кратко, так как они интересны нам, в основном, самой постановкой в них вопросов о воздействии изменений в технологиях или в связанных с последними способах производства на масштабные культурные, социальные или даже цивилизационные процессы.

Одним из первых авторов, кто не только постулировал стадийность исторического процесса, но и напрямую связал ее с представлениями о прогрессе как о поступательном развитии человеческого постижения реальности и ее законов, был О. Конт с его хорошо известным законом трех стадий, который сам его автор назвал также законом интеллектуальной эволюции человечества³¹⁹. С точки зрения Конта человечество как бы движется от младенческого состояния к зрелому, и показателем последнего выступает стремление к поиску объективных, рационально доказанных закономерностей в явлениях действительности, будь то природа или общество – т.е. развитие науки.

Еще одним, возможно, наиболее известным апологетом линейно-стадийного подхода к истории выступил К. Маркс, а также его последователи.

---

³¹⁸ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109). С. 70-77; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

³¹⁹ Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении.) Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.

Несмотря на то, что Маркс и Энгельс не были первыми³²⁰, кто отметил влияние на исторический процесс смены способов производства, тем не менее именно в марксизме эта концепция получила наибольшее развитие, так как была четко обозначена связь между изменением способа производства (то есть, по сути, технической его части), производственных отношений (экономики) и всех остальных социальных сфер, именовавшихся надстройкой, которая обязана была подстраиваться под происходящие технологические и экономические изменения.

Стадиальные трактовки истории как поступательного развития социума предпринимались неоднократно и в XX веке, преимущественно в рамках социологии и социальной философии, как например, у Д. Белла, представившего свою концепцию постиндустриального общества на основании также такого параметра, как изменение общественного производства³²¹. Интересно, что все указанные концепции, рассматривавшие или научно-техническое развитие, или напрямую связанные с ним экономические изменения как двигатель исторического процесса, в основном представляли этот процесс как прогрессивный, с одной стороны, и линейный, с другой.

Особняком здесь стоит концепция П. Сорокина, который также постулировал определенную стадиальность исторического процесса, где сменяют друг друга типы, которые он назвал сверхсистемами культуры: идеациональный, идеалистический и чувственный. Но по Сорокину, во-первых, такая смена типов не линейна, а циклична, во-вторых, происходит не из-за изменения экономики и технологий, а из-за некой, не до конца ясной по своим причинам смены мировоззрения, когда предпочтительна может быть истина веры, истина разума или истина чувств. С точки зрения Сорокина, XX век был веком торжества чувственной культуры, которую этот автор неоднократно прямо или косвенно обвиняет в бездуховности – и это несмотря на то, что он сам не может не указать на явный научно-технический прогресс, который в его представлении о духовных

---

³²⁰ Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества: история и проблемы. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 406 с.

³²¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.

ценностях почему-то не вписываются. О причинах такой странной (особенно для ученого-социолога) на первый взгляд оценки, которую мы могли видеть и у ряда других авторов, в основном, в рамках цивилизационных подходов, стоит говорить отдельно, как и положительных оценках, превалирующих во многих стадийных подходах.

Противопоставление так называемых цивилизационных подходов стадийным, по нашему мнению, имеет смысл не в привычном виде: как противоположность рассмотрения индивидуальных особенностей каждой цивилизации или культуры поиску всеобщих закономерностей их развития на мировом уровне. Как мы видели, те подходы, которые относят к цивилизационным, вовсе не исключают поиска такого рода закономерностей – и ярчайший пример здесь дает концепция «вызова и ответа» у Тойнби.

Тем не менее, различие между стадийными и «партикуляристскими» цивилизационными подходами все же просматривается – но, как нам представляется, оно может быть основано на выделяемых доминантах культурной динамики, на которых, по мнению того или иного автора, могут быть основаны существенные видоизменения, и в соответствии с которыми, что особенно важно, они оцениваются как созидательные или разрушительные. К технике как одной из таких детерминант все это относится по преимуществу.

Эта демаркация между подходами к тому, что часто именуется также философией истории, как мы можем предположить, лежит не столько в «генерализирующем» или «индивидуализирующем» рассмотрении историко-культурных закономерностей, сколько, возможно, в отношении тех или иных авторов к идее и двигателям прогресса.

Такие стадийные подходы, как развиваемые в классическом позитивизме (О. Контом), в марксизме, позднее у Д. Белла – оценивали прогресс как, во-первых, существующий, во-вторых, преимущественно позитивный феномен. Также, несмотря на все различия, общим у этих подходов была четко прослеживаемая зависимость культурных изменений от развития экономики, спровоцированного, в свою очередь, совершенствованием научно-технической сферы. Из последнего с

необходимостью вытекает, что несмотря на личные убеждения авторов, их представление об исторической динамике должно было оказаться материалистическим, если уж не технократическим, по преимуществу.

И если в ранних позитивистских трудах мы, возможно, пока не увидим связи между социальными кризисами и динамикой экономического и технического прогресса, то в марксизме этим вопросам будет уделяться чрезвычайно важная роль. У Белла и других теоретиков информационного общества речь может идти, в частности, о видоизменении социально-классовой структуры общества, что в перспективе, однако, с очень большой вероятностью также способно привести к социальным кризисам. И, несмотря на ясное понимание «цены» прогресса, все эти авторы, в основном, оценивают этот прогресс положительно, так как, если исходить в рассмотрении социокультурной динамики из детерминант экономики и технологий, то наихудшим вариантом будет, скорее, отсутствие прогресса, а не те неизбежно кризисные явления, которые его сопровождают.

При этом многие (хоть и не все) из тех авторов, которые мыслили в русле цивилизационных подходов, «партикуляристски» рассматривавших отдельные крупные культурные образования, нередко именовавшиеся цивилизациями, весьма негативно относились к развитию техники. Несмотря на то, что значение последнего было очевидно, когда речь шла о повышении уровня и качества жизни (в аспекте материальной культуры), мы ясно видим, что эти авторы со значительной долей скепсиса или даже прямых опасений относятся к таким достижениям. И чаще всего звучит лейтмотив обвинения экономически и технически развитых обществ настоящего и даже прошлого в «бездушности», «бездуховности», а также, что особенно удивительно, «стагнации» и «упадке» – и все это на фоне, казалось бы, очевидного прогресса. Возникает закономерный вопрос: на каких основаниях, с какой позиции можно делать подобные заявления, и об «упадке» чего вообще может здесь идти речь?

Стадиальные концепции, причем не только ранние, как в позитивизме и марксизме, но и более поздние, например, у Белла или даже у Степина, как правило, отражают линейный принцип понимания истории, когда в силу научно-

технических и экономических изменений один этап развития сменяется другим, и все это обычно не предполагает возврата назад, а тем более к самому началу такого пути. При этом очевидно, что, например, существование постиндустриального общества ни в коей мере не элиминирует ни индустриальный, ни аграрный сектора экономики – но накладывает на них мощнейший отпечаток, автоматизируя все большую часть процессов и таким образом неизбежно создавая уже новые социальные вызовы. Но откат от постиндустриального общества к тому варианту аграрного уклада, который господствовал в доиндустриальную эпоху, можно представить только в результате какой-то ужасной глобальной катастрофы.

Что же касается тех концепций, которые чаще всего называют цивилизационными, например, у Шпенглера, Тойнби, Сорокина – то там мы видим более или менее выраженную цикличность в понимании культурных процессов, причем цикл может занимать более тысячелетия. Также все эти авторы как минимум без оптимизма относились к техницизму XX века, и именно от них слышались те обвинения в потере духовности и творческого потенциала, о которых мы ранее упоминали.

Так, Шпенглер предрекал закат и едва ли не исчезновение той современной цивилизации, которую позднее назовут техногенной, заброшенность ее зданий и дорог, разрушение городов и забвение достижений. Для него наблюдаемый им этап – это уже почти агония умирающей культуры, которая перед своим концом перерождается в конструкт, который он называл цивилизацией. Цивилизация в такой трактовке – это нечто урбанистическое, механическое и технократическое, стремящееся к уравниванию и комфорту. Цивилизация для Шпенглера – неминуемая судьба и смерть всякой культуры. Но если немного отвлечься от поэтических метафор, то здесь, как и у других упомянутых нами авторов, угадывается странная и, на наш взгляд, категорически неправомерная оппозиция материальной и духовной культуры, когда развитие любой из них мыслится не вместе, а за счет другой.

А. Тойнби, чуждый эсхатологическому детерминизму Шпенглера, тем не менее, также неоднократно обращает внимание на вызовы и проблемы,

создаваемые развитием техники в XX в. Его заботила угроза ядерного конфликта, неконтролируемое использование ресурсов и в целом все те экологические и социально-политические риски, с которыми человечество столкнулось благодаря техническому прогрессу³²².

Однако ничуть не меньшее беспокойство у Тойнби вызывало то, что он полагал падением религиозных (в первую очередь, христианских) ценностей под влиянием научно-технического прогресса. Его отношение к прогрессу не было целиком негативным, однако в каждом достижении этого прогресса Тойнби видел двойственность – одновременно улучшение жизни людей, повышение уровня благосостояния и комфорта, но вместе с тем также и повышение рисков на уровне безопасности и социальных взаимосвязей³²³. Все указанное виделось этому мыслителю симптомом опасного духовного регресса. Здесь опять мы видим ту же тенденцию, что у Шпенглера³²⁴.

П. Сорокин также пишет о глубоком кризисе «чувственной культуры»³²⁵. Однако последняя часть его масштабной работы «Социальная и культурная динамика» производит крайне тягостное впечатление – и не столько обрисованными там «ужасами», ожидающими с точки зрения автора современную культуру, сколько его собственным пессимизмом. И опять же, представленным уже в максимально черных красках мы видим здесь противопоставление материального и духовного, причем таким образом, что духовное обязано как-то восторжествовать именно за счет победы над материальным, хотя очевидно (особенно, социологу), что разрушение материального базиса способно ввергнуть любое общество в анархию и разрушить социальные взаимосвязи и их нормативную регуляцию вернее, чем что-либо другое.

---

³²² Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 239; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель, 2011. 318 с.

³²³ Toynbee A. Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World. New York: Oxford University Press, 1976. 684 p.

³²⁴ Куликов А.Ю. Общественно-политические взгляды Арнольда Тойнби. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2016. 245 с.

³²⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 880–888.

В пассажах, предрекающих скорый и бесславный конец чувственной культуре, мыслитель-идеалист в Сорокине явно побеждает ученого-социолога, как, вероятно, идеализм и телеологизм одерживал верх над научным историческим подходом у Шпенглера и временами даже у Тойнби.

То же самое противопоставление материальной и духовной культуры, уже совершенно ничем не скрытое, можно было наблюдать и у Бердяева, констатировавшего это уже не с обличительным пафосом, а с грустью и едва ли не смирением перед неизбежным.

Таким образом, можно констатировать, что среди мыслителей, создававших различные варианты цивилизационного подхода, часто негативное отношение к технике могло быть продиктовано опасениями, что ее развитие обернется разрушением других, не менее важных культурных феноменов – преимущественно, духовной культуры. И хотя мы не можем согласиться с представлениями именно о разрушении, однако предполагаем, что о видоизменении, и иногда существенном, говорить стоит.

Как мы упоминали ранее, для рассмотрения диахронного измерения ценностного аспекта восприятия технологий стоит обратиться к периоду, когда данные технологии действительно стали оказывать очень заметное влияние на цивилизационное развитие – что началось в некоторых частях света в XIX веке, но в основном пришлось уже на XX столетие.

И если как минимум до середины XX в. технологии воспринимались в сугубо утилитарном, объектном измерении, то во второй его половине начинают появляться подходы, рассматривающие технологию как опосредующую и даже направляющую векторы субъект-субъектных взаимодействий, а начало XXI в. знаменуется представлениями о технологии как одном из возможных, в перспективе даже практически равноправных субъектов коммуникации.

Все это заставляет обратиться к той методологии рассмотрения интересующего нас диахронного измерения, которое представлено в рамках различных уровней или порядков кибернетики. В отношении кибернетики нас

будет прежде всего интересоваться ее применение в социальных исследованиях, где она достаточно тесно переплетается с системным подходом.

Однако прежде, чем переходить к этим, достаточно недавним исследованиям с применением кибернетики, необходимо, во-первых, пояснить, что они относятся, в основном, к кибернетике второго и третьего порядков, а во-вторых, дать хотя бы краткое пояснение о том, какой путь привел кибернетику к данному этапу ее развития. Для нас это не просто историческая справка, а как и в случае с системным подходом, возможность проследить путь возникновения определенных методологических парадигм, их эвристический потенциал и границы применения.

Сам термин «кибернетика» восходит к греческому «κυβερνητική» – управление. Одним из первых, кто ввел в употребление этот термин, был А. Ампер еще в 1834 г., трактуя указанное понятие в значении науки об управлении государством³²⁶. Однако в более привычном нам смысле термин «кибернетика» стал использоваться лишь в XX в., начиная с работ Норберта Винера. «Классическая» кибернетика, или кибернетика первого порядка, как наука об управлении и коммуникации (как передаче информации) в машинах, живых организмах и сообществах (животных и человека), разрабатывалась уже в 40-е и 50-е гг. XX столетия³²⁷.

С самого начала ее основатели, в частности, Винер, разрабатывали ее как своего рода метатеорию, способную объединить различные области знания и перебросить мосты между сильно дифференцированными частнонаучными сферами. Однако сам Винер уже видел часть тех сложностей, которые могут возникнуть при попытках применить кибернетический подход именно к общественным наукам. Так, в своей «Кибернетике»³²⁸ он пишет, что проблема может заключаться в том, что при рассмотрении социума мы имеем наивысшую степень вовлеченности наблюдателя-ученого и его связи с наблюдаемым

³²⁶ Мурзинцев С.В. Феномен информации в кибернетической системе знаний // Философские дескрипты. 2016. № 15. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophdescript.ru/?q=node/72> (дата обращения: 10.10.2022).

³²⁷ Clarke B. Finding Cybernetics // World Futures. 2019. Vol. 75, Issue 1–2. P. 17–28.

³²⁸ Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. New York: M.I.T. Press and John Wiley & Sons, Inc., 1961. 212 p.

предметом. Подобного нет и не может быть ни в одной из естественнонаучных дисциплин.

Здесь можно было бы вспомнить Макса Вебера и его тезис о свободе от оценок, но Винер переносит рассуждение и несколько иную плоскость. Он, с одной стороны, указывает на то, что в данном случае исследователь и предмет (социум) неминуемо взаимно влияют друг на друга; а с другой стороны, делает предположение о том, что на неточность данных влияет и краткость рассматриваемых обычно учеными периодов жизни общества, сравнимых, в лучшем случае, с продолжительностью одной человеческой жизни. Однако здесь можно было бы добавить, что если на кратковременных изучаемых периодах на исследование может повлиять деятельность ученого непосредственно, то при рассмотрении долгосрочных периодов становится все сложнее работать только с эмпирическими данными и их количественным анализом, а методы экономики и социологии уступают место философским и историческим подходам. Это можно сказать, в том числе, и о нашем исследовании, оперирующем такими понятиями, как «цивилизация».

Тем не менее, несмотря на все сложности, Винер, как и теоретики системного движения, стремился найти основополагающее сходство в процессах управления и коммуникации между различными системами – будь то машины, живые организмы или сообщества. Такими механизмами, по мнению ученого, стали процессы передачи, хранения и обработки информации. Чем больше «количество информации» как совершаемых выборов, тем ниже энтропия и выше степень организованности.

Подобный общеметодологический подход заставляет вспомнить еще одного значимого для кибернетики автора – Грегори Бейтсона, подход которого к трактовке такого чрезвычайно многозначного понятия, как «информация», представляется нам предельно обобщенным и поэтому по преимуществу философским. В своей работе «Разум и природа»³²⁹ Бейтсон пишет, что получение информации в самом общем виде – это обнаружение различия, каковое возможно

---

³²⁹ Бейтсон Г. Разум и природа. Необходимое единство. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. 214 с.

только при существовании как минимум двух нетождественных (по любым признакам) объектов.

Можно было бы добавить, что Бейтсон вновь «переоткрывает» разницу между аналитическими и синтетическими суждениями, показанную еще Кантом. Однако без наличия хоть каких-то первичных различий, видимо, были бы невозможны любые суждения в принципе, даже аналитические.

Винер, как основоположник кибернетики, сформулировал в ней ряд основополагающих понятий, которые по-своему дополняют все то, что развивалось в рамках системного движения и общей теории систем. Особенно стоит отметить фундаментальное понятие обратной связи, которое важно не только для управления системами со стороны внешнего оператора, но и для их собственной адаптивности к меняющимся условиям.

Классическая кибернетика первого порядка соответствует основным положениям классической научной рациональности. Здесь доминирует парадигма «субъект-объект» и деятельностный подход. Попытки использования моделей кибернетики первого порядка в исследовании возможностей управления социальными системами показали фундаментальные ограничения, которые не получалось преодолеть в рамках этого подхода, так как управления по типу «субъект-объект» возможно только в отношении таких систем, которые существенно уступают управляющей системе (субъекту) по сложности и либо вообще не обладают свободой воли, либо она может быть легко редуцирована.

Кибернетика второго порядка соответствует основным положениям неклассической научной рациональности. В этом случае используется парадигма «субъект-субъектного» типа взаимодействия, когда управляемая система, нередко социальная, наконец получает признание в качестве равной или сходной по уровню сложности с управляющей системой, что уже, в свою очередь, требует качественно иных подходов к регулированию любого рода взаимодействий.

Для ценностного измерения влияния на культуру технологических инноваций наиболее полезна в методологическом плане может быть именно кибернетика третьего порядка. Она связана с развитием постнеклассической

научной рациональности с доминирующим подходом типа «субъект-метасубъект», где последний представляет собой саморазвивающуюся полисубъектную среду, в которой изменчивое множество потенциально равных по сложности субъектов формирует представление об управляемом как потенциально даже превосходящим управляющего субъекта по сложности.

На первый взгляд в подобном случае управление представляется вообще невозможным – но мы рискнем предположить, что это своеобразная иллюзия, возникающая из-за имплицитно до сих пор присутствующего представления об управляемом как об известном и подчиненном полностью, во всех своих состояниях и операциях, что отчасти было возможно только при управлении не самыми сложными механизмами. Управление сверхсложными системами возможно не только при помощи принудительной редукции их сложности, что повлечет за собой, как мы тоже далее увидим, их стагнацию или кризис. В данном случае такое управление может быть похоже на то, как при изучении явления для понимания его сути стремятся выявить фундаментальные законы его организации без обращения к каждому микропроцессу. Именно поэтому для кибернетики третьего порядка настолько важны ценностно-мировоззренческие характеристики управляющих и управляемых субъектов (принадлежащих к единой социальной системе) – так как именно эти характеристики и способны выполнять роль подобных наиболее общих законов организации социальных систем и на макроуровне, и на микроуровнях – из-за такого явления, как рекурсия, что вовсе не исключает варибельности как сохранения сложности систем и их адаптивного потенциала.

В рамках кибернетики третьего порядка могут быть сделаны попытки рассмотреть, каким образом возможно сформулировать единые ценностно-нормативные системы для всех сфер социальной жизни, включая научно-техническое развитие, которое не должно противопоставляться развитию остальных общественных институтов или выступать в отрыве от них.

Рассмотрев синхронные и диахронные цивилизационные подходы, мы можем увидеть следующие закономерности. У тех авторов, что негативно

оценивали цивилизацию как торжество материального (часто индустриального) прогресса в противовес культуре, оценки техники, скорее, также негативные. В случае позитивной оценки прогресса и науки техника также оценивается позитивно. В качестве причин негативизма можно предположить такой фактор, как то, что для ряда философов и историков духовная и ценностная составляющая ассоциируются с религией и философией, а наука и техника оказываются вне всего этого – то есть они не противостоят традиционной культуре, а просто не могут в нее включиться. В рамках диахронного подхода, с применением кибернетики второго и третьего порядков как методологии, сделаны попытки снять подобные противоречия – в особенности, в кибернетике третьего порядка. Сама эволюция кибернетики показывает видоизменение подходов к оценке технических инноваций – от чисто объектного до субъектного и даже полисубъектного, где через включение технологии в поле субъектов она наконец может быть вписана и в пространство ценностного измерения культуры и цивилизации.

Как мы уже увидели, техногенная цивилизация сталкивается с рядом трудностей и проблем с собственным рекурсивным воспроизведением, в том числе и потому, что ускоренное развитие ее технического потенциала создает внутри обществ этого цивилизационного типа новые условия – те, к которым необходимо так же ускоренно адаптироваться, иногда гораздо быстрее, чем способны меняться регулирующие социальное поведение нормативные комплексы культуры.

Вообще, если мы обратимся к проблеме изменчивости социальных систем, то первое, что приходит на ум – это необходимость их адаптации к внешним или внутренним вызовам. Если внешние вызовы могут вообще не зависеть от активности системы, которая просто вынуждена приспособливаться к ним в меру своих возможностей, то внутренние проблемы показывают, что рекурсивность систем далека от всеобъемлющей.

Появление внутренних проблем системы, которые могут стать предвестниками ее кризиса, возможно по целому ряду причин, многие из которых были упомянуты уже Богдановым – например, чрезмерная специализация и переусложнение системы, которые снижают ее адаптивный потенциал.

Или причины, на которые обращали внимание другие, более поздние авторы, в частности А. Назаретян. В своих работах он подчеркивал необходимость адаптации социальных систем к новым технологическим решениям, созданным ими же самими. Различие социальных и цивилизационных кризисов, имеющих внешнюю или внутреннюю для системы природу, более подробно будет разбираться в следующем параграфе данной главы.

§ 4. Проблема соотношения динамики развития технологий и нормативных изменений социумов³³⁰

В предыдущих разделах мы рассмотрели подходы к цивилизационной проблематике, которые назвали условно «синхронными» и «диахронными». Несмотря на то, что последние являются преимущественно стадийными, тем не менее они не в меньшей степени, как мы полагаем, могут быть отнесены к вопросам развития локальных культур – но не в статике, а в динамике. Теперь мы можем перейти к вопросу о природе тех кризисных явлений современной техногенной цивилизации, которые находятся в тесной взаимосвязи с ее возможностями самовоспроизводства.

Далее мы рассмотрим, действительно ли развитие техники может вызвать какие-либо варианты эндогенных социальных кризисов в локальных социокультурных образованиях, и каковы могут быть (или даже уже имели место исторически) пути выхода из таких состояний с системной точки зрения³³¹. Для этого в качестве объяснительного принципа мы используем так называемую гипотезу техно-гуманитарного баланса, в частности, отраженную в работах А.П. Назаретяна.

---

³³⁰ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109). С. 70-77; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

³³¹ Фесенкова Л.В. (ред.) Глобальный эволюционизм (Философский анализ). М.: ИФ РАН, 1994. 150 с.

Во-первых, Назаретян указывает на совершенно различную природу и влияние на культуры и социумы кризисов экзогенных и эндогенных. Под первыми он понимает внешние влияния, которым может подвергаться то или иное общество и которые оно не всегда способно заранее предугадать, чтобы подготовиться к ним. Это могут быть воздействия природных катаклизмов (землетрясений, извержений и др.), изменений климата, агрессивное влияние других социумов. В этом случае техническое развитие конкретной социокультурной общности, безусловно, повышает ее шансы «пережить» такой кризис, и если это получится, научиться подобные явления если не предугадывать, то хотя бы более эффективно на них реагировать. При этом как бы подразумевается, что технически развитый социум должен иметь также достаточно развитые формы нормативной (как законодательной, так и этической) социальной регуляции, чтобы достаточно быстро и с нужными результатами направлять свою техническую мощь на устранение или хотя бы минимизацию последствий экзогенных кризисов.

Это замечание о необходимости достаточного «регуляторного» потенциала подводит нас к рассмотрению сущности кризисов второго типа – эндогенных, при условии и в результате успешного преодоления которых такие механизмы только и могут появиться.

Назаретян не раз в своих работах обращается к проблематике, разработанной в рамках кибернетики и синергетики и в сущности, во многом изначально восходящей к уже подробно разбиравшимся ранее трудам Богданова. По Назаретяну, социум – это всегда неравновесная система, которая способна поддерживать свою целостность и упорядоченность, а также и развиваться, только при условии успешной адаптации как к внешним, так и к внутренним воздействиям. Чем сложнее становятся человеческие общества, чем быстрее происходит их технологический прогресс, тем больше становится эндогенных факторов, которые воздействуют на систему изнутри и, накапливаясь, приводят ее к кризису. Возникает закономерный вопрос: какова же причина того, что толчком для кризиса становится не только регресс системы, но и ее, казалось бы, однозначный прогресс?

С точки зрения Назаретяна, как и многих других авторов, работавших в рамках системного подхода, основная проблема здесь заключается не столько в прогрессе как таковом, сколько в его неравномерности, когда изменения происходят в одной или нескольких смежных областях, в то время как остальные сферы жизни социума изменяются существенно медленнее или вообще не обладают такой способностью, и поэтому вынуждены или начать видоизменяться существенно быстрее, или вообще разрушиться и быть замененными чем-то иным. В трактовке Назаретяна, основные «революционные» изменения в человеческих сообществах в исторической перспективе от палеолита до наших дней проходили примерно по одной и той же схеме. Сначала происходил какой-то технологический прорыв – для каждого исторического периода свой, будь то строительство ирригационных сооружений, выплавление железа или использование атомной энергии. Затем новая технология начинала использоваться для развития экономики и, прямо или косвенно, также для наращивания военной мощи. Все это рано или поздно приводило к нарастанию конфликтов, в которых использовалось новое вооружение, в то время как сами они велись еще по «старым» правилам, выработанным для менее разрушительного оружия. Это, в свою очередь, делало такие конфликты неминуемо более кровопролитными и разрушительными. Кроме того, более технически совершенные средства воздействия на окружающую среду, применявшиеся для охоты, земледелия, получения энергии, сами по себе были способны привести к антропогенным и техногенным катастрофам, и также вызвать кризисы, которые уже были смешанными – и экзогенными, и эндогенными одновременно. Если социум мог приспособиться к изменившимся условиям, меняясь при этом сам, то продолжал существовать. Если же нет, то пополнял длинный список «исчезнувших цивилизаций».

И все же, почему меняться должна именно техника, а все остальное не просто «следует» за ней, но делает это с таким сопротивлением, что в системе накапливаются перекосы и возникают кризисы? Назаретян напрямую не отвечает на эти вопросы. Мы же попробуем, в свою очередь, выдвинуть собственное предположение.

Технические открытия и прорывы, прежде всего, всегда были следствием очень понятных, конкретных практических запросов; и даже в глубокой древности, задолго до появления понятия научного эксперимента, при внедрении тестировались на практике, вполне себе экспериментально. Остановить такие процессы могли только прямые недвусмысленные запреты, и то далеко не всегда. В этой сфере человеческое сознание и, что не менее важно, человеческая культура, как правило, не противится самому процессу постоянных изменений практической адаптивной деятельности, что неминуемо рано или поздно приводит не только к мелким, но и крупным и значимым техническим нововведениям в различных областях.

В то же время те символические системы культуры, которые связаны с вопросами более высоких мировоззренческих уровней, очень медленно и неохотно поддаются изменениям и нередко обладают поистине огромным инерционным потенциалом. Эта своеобразная культурная, социальная и одновременно мировоззренческая инерционность не раз становилась предметом исследований, причем преимущественно среди социологов, начиная с Огборна³³² и его концепции культурного лага, а также некоторой части философов, например, в прагматизме. Однако не так много было попыток объяснить это явление с системных позиций и таким образом оценить не только его роль в социокультурной динамике, но и рассмотреть сам механизм его появления³³³.

Если рассмотреть, какая часть культуры меняется медленнее прочих, то чаще всего это будут те представления о конкретном содержании этических и эстетических категорий, особенностях социальных статусов, форм социализации и коммуникации, которые принадлежат к традициям как ядру той или иной конкретной культуры. Эти символические системы нередко, как артефакты, проносятся через века и крайне медленно видоизменяются. Они обеспечивают культуре и всем связанным с ней и ею опосредованным социальным отношениям

---

³³² Ogburn W.F. Social change. With respect to culture and original nature, New York: B.W. Huebsch, 1923. 365 p.

³³³ Сарабьев А.В. Теоретические наработки и перспективы изучения социальной инерции // Новое прошлое / The new past. 2019. № 3. С. 128–144.

достаточно высокий уровень стабильности, который только и может быть достигнут через значительную инерционность и резистентность. При этом вполне возможны случаи, когда для той или иной инновации, в том числе технической, или просто не существует закреплённой традицией нормативной регуляции, или же применение этой инновации напрямую нарушает традиционнo устоявшийся в конкретном социуме порядок. Тем не менее, социумов, которые по этим причинам отвергали бы подобные инновации полностью (если они экономически полезны), очень немного. Чаще мы можем наблюдать иногда постепенный, иногда быстрый и потому болезненный путь принятия нового и адаптации, а в некоторых случаях и исчезновения тех или иных элементов традиционных укладов.

С системной точки зрения представления и, в особенности, нормативные комплексы, освященные традицией, являются своего рода «управляющим контуром» культуры, обеспечивая ее сохранность и аутопойетическое воспроизведение. Если эти части культуры резко меняются или разрушаются, с ними может разрушиться и вся социокультурная система, так как она потеряет как минимум две ключевые характеристики, необходимые для эффективного управления ею (или ее самоуправления) и для ее воспроизводства. Это ее идентичность и способность выстраивать стратегию собственного развития. Эти особенности, в свою очередь, связаны с понятием субъектности социальных систем, о которой подробно говорилось в предыдущих разделах работы.

Здесь же мы остановимся на том, почему указанные свойства систем так важны, и почему эти свойства связаны с долгоживущим ценностно-нормативным ядром культуры³³⁴. Идентичность как формирование представлений о себе у индивида и социальной общности закрепляется в культурных кодах через отнесение к себе определенных понятий, часто положительной «части» дуальных оппозиций и др. – но все это манифестируется через определенные наборы культурно-обусловленных, закреплённых в традиции практик. Условно можно сказать, что если некто определяет себя через какие-то категории, то как носитель таковых он должен совершать (или не совершать) определенные поступки, и

---

³³⁴ Харчева А.Г. Проблема ценности в философии. Ленинград: Наука, 1966. 260 с.

изменения в поведении лишат этого индивидуального или коллективного субъекта «права» идентифицировать себя как носителя нужного свойства. Чем больше таких изменений произойдет за короткий промежуток времени, тем большего количества подобных «частей» идентичности субъект может лишиться, вплоть до полной утраты исходной идентичности. Для подавляющего числа существующих социальных субъектов подобный процесс их автоматически маргинализирует, и сохранить свою целостность они смогут, только восстановив утраченную идентичность или обретя новую. Маргинализация в данном случае произойдет хотя бы по причине того, что, утратив четкое представление о себе, субъект может потерять способность к стратегическому планированию и целеполаганию, которая позволяла ему находить свой путь в системе социальных связей, и просто выпадет из нее сам, даже если не будет отторгнут специально.

Социокультурные системы, таким образом, совершенно естественно могут противиться резким изменениям. Однако как быть в ситуациях, когда внешняя или внутренняя среда таких систем меняется настолько заметно, что адаптация ценностно-нормативных комплексов все же необходима? И что может случиться, если эта адаптация не произойдет вовремя и успешно?

А.П. Назаретян, неоднократно упоминавший в своих работах понятие техно-гуманитарного баланса, как раз и связывал возникновение эндогенных и смешанных (эндогенных и экзогенных одновременно) кризисов с нарушением этого баланса, происходящим вследствие различной скорости технического и культурно-нормативного развития.

Если внимательнее рассмотреть, что представляет собой упомянутый техно-гуманитарный баланс, то он предстанет своего рода стабильным состоянием социокультурной системы, когда ее технические (или, в современном мире, научно-технические) достижения регулируются максимально соответствующими им нормативными комплексами культуры. При этом такая культура в случае отсутствия, ко всему прочему, заметных экзогенных кризисов, может существовать в относительной неизменности достаточно долгое время, не испытывая никаких особенных системных проблем и дисбалансов.

С другой стороны, как мы уже указали, ценностно-нормативные комплексы, составляющие ядро культуры как коммуникативной системы, стремятся к постоянному аутопойетическому воспроизведению, а поскольку именно они отвечают за идентичность социальной системы и ее способность к стратегическому планированию, то такая система, очевидно, всеми силами будет стараться сохранить их в неизменном виде на максимально долгий срок. В конце концов, именно эти принципы функционирования системы, воспринимаемые как ее нормы и ценности, формируют, по Луману, те коммуникативные каналы, которые дают системе возможность взаимодействовать с реальностью и воспринимать эту реальность, вернее, ее часть, исходя из структурно-функциональных особенностей самой системы. То есть для системы, изнутри нее, такие формы детерминированных ее же особенностями операций будут выглядеть как мировоззрение в его классическом понимании: представление о мире и месте в нем данной системы как коллективного субъекта.

Все это дает ценностно-нормативным комплексам дополнительный «уровень защиты» от изменений, так как любая, в особенности, массовая картина мира без специальных эвристических процедур воспринимается как мир сам по себе, а не как мир-для-субъекта, а потому изменение картины мира может всерьез восприниматься как апокалиптическая катастрофа.

Из сказанного уже становится ясно, где могут лежать причины кризисов таких систем. В уже не раз упомянутых работах Назаретяна разбираются два основных аспекта возникновения таких кризисных процессов: содержательная сторона кризисов, которую заметно изнутри систем, и формальная, собственно системная сторона, рассмотреть которую можно, только выйдя за рамки системы.

Если обратиться сначала к содержательной стороне эндогенных кризисов, спровоцированных нарушением техно-гуманитарного баланса, то мы увидим уже ранее упомянутое развитие технического потенциала, не полностью подчиняющееся существующим на тот момент в данном социуме ценностно-нормативным регуляторам. Такой дисбаланс иногда становится заметен не сразу, а лишь тогда, когда использование новых технологий приобретает массовый

характер и начинает существенно влиять на экономические условия в конкретном социуме, что, в свою очередь, рано или поздно провоцирует социальные конфликты, в том числе, военные, связанные или с переделом вновь возникших ресурсов внутри этого социума, или с его стремлением расширить свое влияние на другие, менее технически развитые общества. В конце концов, даже ныне почти хрестоматийные марксистские концепции экономических причин социальных конфликтов³³⁵ неизбежно останавливаются также на том, что экономическим изменениям должны предшествовать технологические, касающиеся совершенствования средств производства. Именно последний фактор способен как ни что другое в корне изменить так называемые производственные отношения и, вслед за ними, не только экономику общества, но и, естественно, его социальную стратификацию.

Интересно, кстати, что в ранее рассмотренных цивилизационных концепциях, в частности, у Шпенглера, Бердяева, Сорокина, отчасти даже у Тойнби можно наблюдать критику наивысших уровней технического развития отдельных локальных культур (или цивилизаций) именно за «механистичность», «бездуховность» и тому подобные «пороки» - то есть, по сути, за несоответствие ценностно-нормативной, в том числе, этической регуляции, которая в эти периоды заметно отставала от развития техники и не имела необходимых «инструментов» для регулирования массового внедрения технологических нововведений, менявших структуру социума.

С системной точки зрения, еще Богдановым был начат поиск причин тех процессов, которые в столь художественной форме были описаны его современниками – теоретиками цивилизационного подхода. Во втором томе его «Тектологии»³³⁶ рассматривается процесс, названный им депрессией, или закреплением достигнутых системой результатов развития. Без этого закрепления

---

³³⁵ Coser L.A. The Functions of Social Conflict. London: Routledge and Kegan Paul, 1956. 188 p.; Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959. 336 p.

³³⁶ Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. С. 144.

система, согласно Богданову, просто распадалась бы вскоре после своего появления из-за недостаточно прочных связей между элементами. При этом Богданов прозорливо замечает, что для социальных систем такими дегрессивными, закрепляющими структуру, «скелетными», как он сам пишет, принципами являются нормы, как этические, так и законодательные, постепенно закрепляемые в традициях группы или сообщества.

Также Богданов, в очередной раз предвосхищая многие теории менеджмента XX века, делает акцент на тех ошибках в нормативной регуляции и основанном на ней управлении, которые, к сожалению, при всей своей очевидности нередки во все эпохи, включая наше время. А именно, на том, что для нормативной регуляции деятельности социальных систем часто изначально выбираются достаточно ригидные регуляторные комплексы, способные относительно эффективно решать те задачи, которые перед ними ставились исходя из конкретной ситуации, но теряющие свою эффективность при переходе к другим ситуациям, с которыми неизбежно будет сталкиваться видоизменяющаяся система. При том, что такие формы нормативной регуляции со временем получают освященный традицией авторитет, управляемая ими система, как полагает Богданов, неизбежно станет заложницей своих основополагающих принципов, которые когда-то помогли, но затем станут мешать ей развиваться и адаптироваться. В качестве возможного решения этой проблемы Богданов видит создание более гибких форм нормативной регуляции, но не уточняет, как именно они могли бы выглядеть.

Кроме этого, как уже упоминалось, по Богданову, чрезмерное усложнение системы и специализация ее отдельных частей также будут повышать ее ригидность и снижать адаптивность к резким изменениям. Здесь, опять же во втором томе «Тектологии», он рассматривает понятие эгрессии как пластичности и потенциала роста, присущих системе, и пишет о том, что разные части системы, обычно управляющий центр и управляемая периферия, могут иметь различные эгрессивные потенциалы. С его точки зрения, если центр и периферия начинают развиваться, во-первых, неравномерно, во-вторых, все более независимо друг от

друга, это постепенно приводит к потере управляемости, разрыву связей, нарастанию ошибок и противоречий, и как следствие, к системным кризисам³³⁷.

Таким образом, можно сказать, что Богданов достаточно близко подходит к осмыслению того, что несколько позднее было названо в кибернетике законом необходимого разнообразия. Но все же ясной формулировки этого закона мы у Богданова еще не находим, поэтому здесь обратимся к более поздним работам в рамках кибернетики второго порядка, в частности, к трудам У.Р. Эшби³³⁸.

Если согласиться с тем, что ценностно-нормативные комплексы представляют собой системы регуляции поведения индивидуальных и коллективных социальных субъектов, то эти комплексы с полным правом могут быть названы системами управления. И как к таковым, к ним также оказывается применим закон необходимого разнообразия, согласно которому управляющая система для эффективного выполнения своих функций должна иметь возможность понизить энтропию, то есть упорядочить поведение управляемой системы. Сделать это управляющая система может лишь постольку, поскольку, во-первых, обладает максимально полной информацией об управляемой, во-вторых, действует таким образом, что сохраняется однозначность управляющего воздействия.

Что мы увидим, если применим сказанное к ценностно-нормативным комплексам? Очевидно, что для эффективной регуляции поведения в социуме культурные нормы должны охватывать все значимые области социальной жизни. То есть сложность ценностно-нормативной системы должна соответствовать объективной сложности наличествующего социума и его практик, и при этом нормы и социальные практики не должны быть оторваны друг от друга, то есть вышеупомянутая однозначность также должна сохраняться. Исходя из сказанного, очевидно, что при видоизменении социальных систем, появлении или утрате тех или иных социальных практик или даже социальных групп ценностно-нормативные системы регуляции поведения также должны меняться.

---

³³⁷ Там же. С. 115–116.

³³⁸ Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. London: Chapman & Hall Ltd., 1957. 295 p.

При этом, как мы уже увидели ранее, ценностно-нормативных комплексам быстрая изменчивость в принципе не свойственна, так как они закрепляют в максимальной неизменности когда-то освоенные и зарекомендовавшие себя эффективными формы взаимодействия с реальностью, возводя их в ранг устойчивого мировоззрения. Изменение последнего, в свою очередь, видится настолько ресурсозатратным для социальной системы, что она будет тормозить этот процесс до последнего даже при его объективной необходимости.

Рассмотрим теперь уже с системных кибернетических позиций, когда именно такая объективная необходимость изменений возникает. Как уже было сказано, даже в древности, задолго до появления науки, необходимость решения сугубо практических задач вызывала к жизни необходимость новых изобретений и внедрения в практику получившихся технологических инноваций, будь то новые способы обработки земли, строительства сооружений или чего угодно еще. При возникновении эмпирической науки и все большем ее влиянии на создание новых технологий эти процессы только ускорялись. То, что в традиционных обществах прошлого с доаграрными и аграрными экономиками занимало тысячелетия или века, в новых условиях техногенной цивилизации и индустриальной экономики стало происходить за десятилетия. При переходе к постиндустриальному обществу счет пошел уже на годы. Поэтому те изменения, которым подвергаются сейчас и подвергались уже начиная с XIX в. нормативные комплексы, стали наконец очевидны, так как одной человеческой жизни уже вполне достаточно, чтобы воочию наблюдать все упомянутое.

В этих условиях системы нормативной регуляции, сформированные для условий жизни аграрных обществ, уже не могли в полной мере применяться для управления новыми социальными практиками, что порождало ту волну пессимизма и тревоги, которая прекрасно ощущается у Шпенглера, Сорокина, Бердяева, у многих философов-экзистенциалистов. С системной точки зрения здесь были нарушены оба вышеупомянутых постулата: необходимого разнообразия управляющих систем и однозначности управления. Все это и послужило

возникновению до сих пор дрящегося и приобретшего уже почти всемирный характер эндогенного ценностного кризиса.

Особенно сильно от таких резких системных сдвигов могут страдать глубоко традиционные общества с доскональной регламентацией всех наличествующих у них социальных практик – от решения мировоззренческих вопросов до приготовления пищи и гигиенических процедур. Подобные системы достаточно ригидны, они обладают большим запасом прочности в условиях отсутствия резких изменений, ведущих к экзогенным или эндогенным кризисам, однако при необходимости быстрой адаптации оказываются на нее не способны, о чем писал еще Богданов. Интересно, кстати, что похожие свойства могут демонстрировать некоторые системы даже в индустриальных обществах в условиях стабильности и малой или отсутствующей конкуренции – а именно, вертикально управляемые бюрократические организации.

Нормативная регуляция, присутствующая в описанных случаях, нередко чрезмерная, может быть выражена в форме традиции, закона или инструкции, но в конечном счете всегда используется для повышения управляемости социума или группы через снижение разнообразия их реакций (по Эшби) настолько, насколько позволяет разнообразие самого регулирующего комплекса как наполненность информацией об управляемом. При этом в таких случаях тотальной регламентации управляемость достигается за счет экономии ресурсов отдельных звеньев системы на реакцию – но только не в условиях неопределенности, связанной с кризисными состояниями. Ресурсы, которые система экономит, действуя строго заданным образом, в ином случае тратились бы на рефлексию, анализ, целеполагание и принятие решения – то есть на то, что в Главе 2 рассматривалось как проявления субъектности. Последняя в своем наиболее полном выражении дает способность к высшей степени разнообразия реакций и решений. То есть полноценный и полноправный субъект – это всегда управляющая система высшего уровня разнообразия и адаптивности по своим свойствам, чья сложность может быть редуцирована только принудительно и едва ли на длительный срок. Платой же за экономию ресурсов системы на управление является потеря субъектности и

адаптивности, что выражается нередко в утрате пластичности реакций и чрезмерной дифференциации и специализации отдельных звеньев. Эту закономерность констатировал Богданов, а выкладки Эшби, Бира и других авторов только подтверждали.

Стоит отдельно обратиться к вопросу о том, как именно могут быть с системной точки зрения решены проблемы диалектического взаимодействия таких аспектов, как сохранение целостности, идентичности и управляемости системы, с одной стороны, и требование к ее пластичности и приспособляемости, с другой стороны. На первый взгляд, эти аспекты взаимно противоречивы, и усиление одного неизбежно должно будет вести к ослаблению другого.

Одним из первых рассматривая эту проблему, Богданов предположил, что наиболее гибкая система также должна быть и наиболее простой, а более сложная и дифференцированная система неминуемо становится ригидной. В дальнейшем, хотя по большей части и без опоры на Богданова, эти вопросы рассматривались преимущественно в прикладных теориях менеджмента³³⁹, в особенности, при исследовании особенностей сильных и слабых сторон вертикальных и горизонтальных организационных структур. Очевидно, что лучше управляемыми являются первые из них, а более гибкими – вторые.

В вертикальных структурах с четкой регламентацией поведения участников управляемость, если она есть, достигается, что любопытно, не только за счет наличия четкого и детального свода норм как таковых, но и за счет однозначности управления, когда на каждом уровне такой системы норма действительно выполняется и соответствует необходимым и возможным действиям в управляемой ситуации.

При всем этом уровень субъектности, в том числе, как сложности, на каждом уровне такой системы должен неминуемо понижаться. Подобное возможно только в отдельно взятых организациях, а не во всем социуме в целом, и только в ситуациях наивысшей готовности таких организаций к реагированию на чрезвычайные происшествия, к которым можно причислить и необходимость в

---

³³⁹ Друкер П.Ф., Макьярелло Дж.А. Менеджмент. М.: И.Д. Вильямс, 2010. 704 с.

кратчайшие сроки в условиях давления достичь наивысшего возможного результата в каком-либо конкретном проекте.

Такая кратковременная, достигаемая в кризисных условиях успешность подобных организационных структур вызывает почти непреодолимое стремление закрепить именно их как единственно возможные формы управления для отдельной взятых социальных систем. Это, в свою очередь, ведет к уже упомянутой проблеме ригидности из-за чрезмерной дифференциации, а также к еще одной, которая чаще оказывается в фокусе рассмотрения культурологов, чем теоретиков менеджмента и управления в целом. Эта проблема связана именно с управлением группами, организациями и вообще человеческими сообществами, где каждый их участник – полноценный субъект, чья сложность не может быть искусственно редуцирована на длительный срок без причинения серьезного вреда его физическому или душевному здоровью.

Если поведение человеческих индивидов или коллективов регулируется таким образом, что управляющая система способна учитывать только часть этого поведения, то неминуемо станут возникать и множиться ситуации, когда для всего остального массива нерегулируемой, не замечаемой или даже отрицаемой социальной активности начнут формироваться параллельные, «неформальные» или даже откровенно «теневые» формы регуляции со своими специфическими нормами, которые могут быть как просто отличны от основной ценностно-нормативной системы, так и прямо противопоставлены ей. Это и является основным механизмом возникновения субкультур и контркультур, которыми чаще занимаются именно культурологи и отчасти этнографы и антропологи.

Для четко структурированных систем с жесткой регуляцией подобные процессы, с одной стороны, скорее всего, неизбежны, с другой стороны достаточно вредны, так как постепенно параллельно с «официальной» системой управления появляется еще одна или несколько «неофициальных», нередко или частично, или полностью нерегулируемых управляющим центром. Если такие процессы заходят достаточно далеко, то постепенно теряется стратегическое преимущество, которое изначально было у такой системы – возможность оперативной консолидации

ресурсов и усилий в чрезвычайных ситуациях. Вместо одного управляющего центра в них постепенно может оказаться несколько, что опять же, само по себе способно привести к эндогенному кризису или усилить влияние экзогенного кризиса и превратить его в смешанный и разрушительный для подобной системы.

Что касается не столь четко организованных и структурированных систем, где управление осуществляется, скорее, «горизонтально», то у них также есть ряд как сильных, так и слабых сторон. Поскольку подобные проблемы разбираются, скорее, в литературе, посвященной менеджменту³⁴⁰, в трактовке понятий горизонтального управления и горизонтальной коммуникации наблюдаются значительные различия в зависимости от позиции разных авторов. Мы в данном случае имеем в виду такие системы, где отсутствует четкая вертикальная форма управления из единого неизменного центра. Это не означает, что никакой управленческой структуры там нет вообще – но количество звеньев в такой структуре будет сведено к минимуму, то есть их может быть всего два. Кроме того, такое управление может быть своего рода переходящим, выборным или даже ситуативным, в зависимости от стоящих перед системой задач.

Субъекты, индивидуальные или коллективные, в такой системе способны решать большую часть своих задач в автономном режиме, сохраняя при этом все или большую часть характеристик своей субъектности, которые им в этом случае нет необходимости «делегировать» управляющему центру. Среди сильных сторон таких систем можно отметить очевидную гибкость. Такие системы гораздо более продуктивны в создании инновационных решений, чем вертикальные, и поэтому чаще применяются при организации работы коллективов ученых или разработчиков новых высокотехнологичных продуктов, где директивное управление способно принести вреда больше, чем пользы.

Однако стоит упомянуть и о слабых сторонах таких систем. Во-первых, здесь также можно увидеть возможность для нарушения закона необходимого разнообразия. Подобное возможно, так как при отсутствии четко очерченного

---

³⁴⁰ Буцык С.В. Горизонтальное управление в российском вузе: дань современности или насущная необходимость? // Высшее образование в России. 2018. № 10. С. 20–29.

управляющего центра системы, куда на постоянной основе поступала бы исчерпывающая информация обо всех составляющих ее субъектах в их динамике, рано или поздно сложность управляемых субъектов (которым ничто не мешает активно развиваться и меняться) превысит сложность любого возможного в этой ситуации управляющего субъекта. Во-вторых, несмотря на, вероятно, высокую устойчивость к эндогенным кризисам, такие системы могут быть весьма слабы перед лицом внешних вызовов и, соответственно, экзогенных кризисов, так как не обладают необходимой способностью к консолидации.

Со стороны эти системы выглядят своего рода «заповедниками», где всем субъектам даны условия для максимального развития и усложнения, что при этом не вызывает эндогенного кризиса, так как из-за гибкости системы нет заметной рассогласованности между ее «частями». Но этот «заповедник» нуждается или в некой идеальной для него внешней среде, которая не порождает бы экзогенных кризисов, или в какой-то другой, дополнительной системе, возможно, вертикально организованной, которая как раз и обеспечивала бы защиту от внешних вызовов. Сама по себе горизонтально организованная система весьма уязвима и при возникновении экзогенного кризиса способна просто распасться на части, состоящие, как правило, из отдельных, ранее включенных в нее субъектов.

Здесь стоит отметить очевидный факт, что на уровне существования любой социальной системы как коллективного субъекта, где индивидуальных субъектов как минимум двое, определенное, хотя бы временное ограничение субъектности индивидов должно происходить для того, чтобы снизить вариабельность их общего поведения до приемлемого уровня с точки зрения сохранения системой целостности. Групповое мышление индивидов³⁴¹ – это потеря (пусть и отчасти добровольная) ими свободы ради сохранения группы как системы в целостном состоянии. Но отказ видеть или принимать возможные альтернативные решения, как мы видели, — это отказ от самой фундаментальной части свободы субъекта, причем не только индивидуального, но уже и коллективного. Подобное, как мы

---

³⁴¹ Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 75–80.

прояснили ранее, в свою очередь, ведет к недостатку того разнообразия возможных способов реагирования, которые способны обеспечить группе как коллективному субъекту возможности развития как более эффективной адаптации к среде через решение встающих перед этой группой новых задач³⁴².

Возникает вопрос – почему в таком случае групповое мышление возникло и продолжает существовать³⁴³? Можно предположить, что оно обладает значительным адаптивным потенциалом. Во-первых, стоит рассмотреть, какие преимущества оно способно дать самой группе, если рассматривать ситуацию «изнутри» этой общности. И ответ очевиден – групповое мышление является как следствием групповой сплоченности, так и весьма эффективным инструментом ее поддержания³⁴⁴. Оно выгодно группе как системе, так как поддерживает ее целостность и укрепляет внутренние связи. Особенно это важно для группы в ситуации какого-то серьезного внешнего давления. Однако здесь закономерно возникает следующий вопрос: если мы видели, что этот эффект групповой сплоченности способен помешать эффективному решению новых задач, то почему он может иметь положительное воздействие именно в ситуациях внешнего давления, где как раз и надо решать некие задачи для сохранения группы? Не приводит ли это к обратному эффекту?

Здесь мы выскажем предположение, касающееся той адаптивной роли, которую подобный эффект мог в принципе выполнять, и которая могла измениться со временем. Не секрет, что многие адаптивные механизмы, как биологические, так и социальные, сложились у человеческих индивидов и сообществ задолго до возникновения современных реалий. Подобный способ поведения может срабатывать, если группа, с одной стороны, достаточно часто сталкивается с внешним давлением, грозящим ее целостности, с другой стороны, решение возникающих задач не требует каждый раз поиска новых способов для этого. Где

---

³⁴² Collins H., Evans R. Populism and science // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 200–218.

³⁴³ Janis I.L. Victims of Groupthink. Boston: Houghton Mifflin Company, 1972. 273 p.

³⁴⁴ Hart P. Irving L. Janis' Victims of Groupthink // Political Psychology. 1991. Vol. 12. No. 2. P. 247–278.

подобное можно было бы наблюдать? В первую очередь, в традиционных обществах, где воздействия как внешней среды, так и других групп были, с одной стороны, частыми и нередко разрушительными, с другой стороны, могли не требовать каждый раз каких-то качественно новых решений. Зато уж точно каждый раз требовали усиления групповой сплоченности и конформизма внутри группы.

Неудивительно, что мифология этих традиционных обществ, где новые решения были редкостью, сохранила образы их носителей как культурных героев, и опять-таки становится понятно, почему даже в мифе такой культурный герой должен стать на время изгоем, выйти в некое лиминальное пространство, отделиться от своей группы, чтобы вернуться к ней или создать новую, где он будет воплощать найденное решение, причем чаще всего уже с позиции лидера-правителя, так как иные позиции подобного, в основном, не подразумевали³⁴⁵.

Исторически групповая сплоченность и верность группе давно стали нормой и воспроизводимой на ее основе ценностью, а нормы, как мы уже констатировали, чаще всего формулируются и осознаются как нечто универсальное, надситуативное и надвременное. Можно сказать, что изменение отношения к групповой сплоченности, выявленное в эффектах группового мышления уже в современности, показывает очень интересные с точки зрения исследователя будущие возможные эффекты для осмысления норм³⁴⁶.

С одной стороны, релятивизм норм и ценностей – это прямой путь к их разрушению с последующим распадением основанных на всем этом социальных связей. С другой стороны, признание норм и ценностей неизменными – путь к стагнации. В этой работе нам предстоит дать хотя бы один из возможных вариантов решения этого фундаментального противоречия – через попытку найти те нормы и ценности, которые могли бы выдержать атаку релятивизма – сначала у индивидуального субъекта, а затем и у коллективного.

---

³⁴⁵ Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

³⁴⁶ Packer D.J. Avoiding Groupthink: Whereas Weakly Identified Members Remain Silent, Strongly Identified Members Dissent About Collective Problems // Psychological Science. 2009. Vol. 20. Issue 5. P. 546–548.

§ 5. Выводы из Главы 4³⁴⁷

1. Данная глава посвящена системным особенностям кризисного состояния техногенной цивилизации и роли прогресса технологий как фактора, порождающего кризис. Кризис в диссертации, таким образом, понимается как состояние нестабильности системы, возникающее в результате внешних или внутренних воздействий на нее и затрагивающее ее основные системообразующие характеристики. Кризис оказывается напрямую связан с адаптивными возможностями системы, которые могут оказаться недостаточными при возникновении новых вызовов.

2. Для техногенной цивилизации это преимущественно внутренние вызовы, связанные с ее неспособностью сформировать ценностные регуляторы, которые могли бы снять накопившиеся противоречия между ее собственными ценностями и теми, которые достались в наследство от цивилизации традиционного типа.

3. Техногенная цивилизация, ставящая во главу угла преобразовательную активность человека или группы, наделяет их идентичностью именно через целенаправленную деятельность (то есть, проявление субъектности). В то же время традиционная цивилизация сначала определяет рамки идентичности через присущие ей механизмы социализации, а затем в этих рамках позволяет достичь строго ограниченной ими субъектности. Когда две указанные картины, пусть и не в виде крайностей, оказываются сосуществующими в мировоззрении одного и того же субъекта, ценностный кризис, очевидно, неизбежен.

4. Системная природа кризиса потребовала длительного периода концептуализации, который во многом продолжается и до сих пор. Проблематизация кризисов, освобожденная от личных оценок и прочих внешних и во многом излишних наслоений стала возможна относительно недавно – в начале

---

³⁴⁷ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

XX века с зарождением системных подходов. Богданов, настаивая на создании «всеобщей организационной науки», вероятно, одним из первых напрямую связывает кризисы с совершающимся на постоянной основе функционированием систем.

5. При рассмотрении особенностей техногенной цивилизации мы видели, как подобного рода ценностные противоречия способны создавать конфликтующие представления и цели. Однако при достаточно хорошей изученности, например, экономических и политических кризисов те кризисные явления в социуме, которые имеют ценностные основания, гораздо сложнее поддаются исследованию в силу как трудности работы с эмпирическим материалом, так и построения теоретических обоснований, которые могут подменяться, к примеру, попытками нравственного осуждения общества потребления или страхами по поводу возможной деградации человечества в результате постоянной опоры на технологии. Поэтому в работе постулируется относительность любого кризиса – как зависимость от того, какие организационные комплексы выступают предметом исследования, а также универсальность кризисов для любой системы, которая видоизменяется во времени.

6. Что касается роли технологического прогресса в цивилизационной динамике, то можно констатировать, что несмотря на то, что его влияние присутствовало, безусловно, во все исторические периоды, специального рассмотрения оно удостоилось только в XX в. И если как минимум до середины XX в. технологии воспринимались в сугубо утилитарном, объектном измерении, то во второй его половине начинают появляться подходы, исследующие технологию как опосредующую и даже направляющую векторы субъект-субъектных взаимодействий, а начало XXI в. знаменуется представлениями о технологии как одном из возможных, в перспективе даже практически равноправных субъектов коммуникации. В последнем случае для исследования таких процессов мы обращаемся к методам кибернетики третьего порядка, где через включение технологии в поле субъектов она наконец может быть вписана и в пространство ценностного измерения культуры и цивилизации.

7. Можно констатировать различную природу и влияние на культуры и социумы экзогенных и эндогенных кризисов. Под первыми понимаются внешние влияния, которым может подвергаться то или иное общество, не всегда способное их заранее предугадать. В этом случае техническое развитие конкретной социокультурной общности, безусловно, повышает ее шансы «пережить» такой кризис, и научиться более эффективно реагировать на подобные явления. При этом такой социум должен иметь также достаточно развитые формы нормативной (как законодательной, так и этической) социальной регуляции, чтобы достаточно быстро и с нужными результатами направлять свою техническую мощь на борьбу с экзогенными кризисами.

8. Но чем сложнее становятся человеческие общества, чем быстрее происходит их технологический прогресс, тем больше становится эндогенных факторов, которые воздействуют на систему изнутри и, накапливаясь, приводят ее к кризису. Основная проблема здесь заключается не столько в прогрессе как таковом, сколько в его неравномерности, когда изменения происходят в одной или нескольких смежных областях, в то время как остальные сферы жизни социума изменяются существенно медленнее или вообще не обладают такой способностью. Эти процессы хорошо иллюстрируются концепцией культурного лага, а также нарушения техно-гуманитарного баланса.

9. С системной точки зрения ценностно-нормативные комплексы являются своего рода «управляющим контуром» и одновременно системообразующим фактором культуры, обеспечивая ее сохранность и аутопойетическое воспроизведение. Если эти части культуры резко меняются или разрушаются, с ними может разрушиться и вся социокультурная система, так как она, таким образом, способна утратить свою субъектность.

Глава 5. Новые ценностные перспективы как основание для выхода из мировоззренческого кризиса техногенной цивилизации

§ 1. Полицентричная конвергентная субъектность³⁴⁸

Итак, в данном диссертационном исследовании мы увидели, что любые культурные и цивилизационные кризисы – это периодически повторяющиеся и даже в некотором смысле закономерные явления, имеющие системную природу. Если символические системы культуры определяют модусы функционирования общества и его подсистем через регулирование деятельности социальных институтов, включая экономические, политические, а также образовательные, научные и все остальные – то культурные и, тем более, цивилизационные кризисы будут затрагивать все эти системы вместе и, по большей части, одновременно. Тот факт, что технологические и экономические изменения, как правило, идут первыми, вовсе не противоречит сказанному, так как подобный кризис, наступив, начинает в любом случае осознаваться как таковой только тогда, когда затронет функционирование всех символических систем.

Концепция техногенной цивилизации – это теоретический конструкт, созданный для осмысления тех социокультурных изменений, которые стали следствием массового внедрения научно-технических инноваций в жизнь социумов индустриальной и постиндустриальной эпох. Зарождение и развитие указанного техногенного цивилизационного типа в Западной Европе и, позднее, в США, детерминировало определенную «прозападную» направленность связанных с ним культурных практик, что постепенно преодолевается другими локальными культурами.

Техногенный тип цивилизационного развития может быть представлен как нечто относительно однородное, так как благодаря опоре на научно-технический

---

³⁴⁸ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

прогресс стремится к унификации, побочным и, вероятно, временным сопутствующим эффектом которой стала вестернизация. При этом традиционный тип цивилизационного развития может рассматриваться как нечто единое очень условно, только в противовес техногенному типу, так как множество традиционных локальных культур никогда не представляли собой целостного образования.

Любой кризис, включая рассматриваемый нами, представляет собой состояние неопределенности, в которое входит система под влиянием внешних или внутренних вызовов, достаточно мощных для того, чтобы воздействовать на ее основные системообразующие факторы. Соответственно, выход из кризиса представляет собой качественное и более адаптивное видоизменение системы посредством модификации ее системообразующих факторов.

Применительно к современной цивилизации из сказанного следует, что для того, чтобы говорить о возможности выхода из ее кризиса, необходимо сначала выявить ее системообразующие факторы, а затем идентифицировать вызовы, способные на эти факторы воздействовать, что и было сделано в предыдущих главах данной работы.

Мы увидели, что через череду мелких и крупных кризисов в принципе проходит любая система, которая развивается, меняет, причем обычно неравномерно, свое внутреннее состояние, или же встречается с новыми воздействиями внешней среды. Таким образом, очевидно, что не могут быть состоятельны до сих пор иногда встречающиеся трактовки кризиса как следствия некой нравственной проблемы (например, стремления к престижному потреблению) или как чего-то уникального, едва ли не эсхатологического и никогда не встречавшегося ранее. Наоборот, кризис, во-первых, повторяющееся, циклическое событие, во-вторых, в современных условиях, вероятно, чаще вызывается развитием творческих сил, нежели их упадком.

Также в нашем исследовании было показано, что ценности могут рассматриваться одновременно с формальной и с содержательной стороны. В первом случае они представляют собой отношение субъекта оценки к ее объекту и, закрепляясь в культуре, становятся основой для норм. Во втором случае имеются в

виду содержательные максимы, которые могут быть как основанием, так и результатом оценки и формируют так называемые иерархии ценностей. С формальной позиции способность субъектов к формированию наиболее универсальных ценностных отношений служит показателем высокого уровня субъектности. С содержательной позиции использование той или иной шкалы и иерархии ценностных максим помогает поддержанию высокого уровня субъектности как адаптивной реакции на наиболее значимые вызовы, что обуславливает разнообразие существующих ценностных систем в отдельно взятых локальных культурах.

Что касается этих культур, то их ценностным системам будет специально посвящен третий параграф данной главы. В нашей работе не стояла цель детального их описания, что потребовало бы труда, сравнимого по объему с «Исследованием истории» А. Тойнби. Поэтому была предпринята попытка использовать существующие социологические и культурологические исследования, носящие компаративистский по преимуществу характер, с тем чтобы на основании собранных их авторами данных сделать выводы о том, что именно быть основанием для ценностных отношений в ряде ныне существующих стран и регионов. Опять же, не имея целью приводить очень обширные материалы, собранные на данный момент по десяткам стран и регионов, мы ограничились небольшим количеством примеров, в которые, безусловно, включили и представления, сформированные в указанных исследованиях о нашей стране.

Все это отвечает целям данной работы в том смысле, что дает возможность рассмотреть особенности формирования ценностных перспектив не только с методологической, в некотором роде формальной (системной, структурной), но и с содержательной позиции.

Здесь нужно еще раз обратить внимание на то, что все те понятия, которые авторы упомянутых исследований называют ценностями, строго говоря, в рамках используемого нами подхода стоило бы именовать скорее благами и добродетелями, которые позволяют сформировать ценностные отношения, статистически преобладающие в тех или иных регионах. Таких благ и

добродетелей может насчитываться несколько десятков, как у Рокича, а может всего четыре, как у Инглхарта. Но для того, чтобы эти понятия превратились в ценности, они должны включиться в ценностные отношения, где будет наличествовать субъект, индивидуальный или коллективный, объект и сама оценка, при которой отдельное понятие (благо или добродетель) должно будет сначала наделяться конкретным измеримым содержанием, большее или меньшее соответствие которому и будет в конечном итоге оцениваться. К примеру, если взять какую-нибудь из добродетелей как «инструментальных ценностей» по Рокичу, то, во-первых, в отдельно взятой культуре или даже социальной группе должны быть конкретные примеры ее проявления, будь то честность, мужество или что-то еще. И эти примеры избираются и накапливаются исторически, как правило в течение весьма длительных периодов, исходя из того, с какими вызовами сталкивалась данная общность и каким образом с последними справлялась. Более того, если речь идет о большой и давно существующей социальной общности, то именно из огромного количества таких накопившихся примеров за века ее существования и может быть посредством обобщения сформировано представление о некоем благе или добродетели как о коллективно разделяемой ценности – то есть о детерминанте будущих выборов, оцениваемых сами по себе положительно в соответствии с уже задолго до того возникшей шкалой соответствия содержательным примерам.

Предположим, что в некоей культуре определенные потенциально рискованные для самого актора поступки начинают оцениваться положительно исходя из полученного для сообщества желаемого им результата. Таким образом, путем накопления и закрепления в традиции подобных способов поведения вместе с их положительной оценкой постепенно путем обобщения возникнет представление о мужестве как о добродетели с ясным именно для этой культуры фактическим содержанием, исходящим из тех типов опасностей и предпочитаемых реакций на них, которые исторически преобладали. Путем постоянного коллективного использования в оценках совершаемых поступков такая добродетель, как мужество (обычно очень конкретно понятое) станет для этой

культуры и сообщества ценностью. Также исходя из того, что исторически для сообщества (его благоденствия или даже просто выживания) было наиболее полезно и предпочтительно, будет сформирована та или иная шкала ценностей: то есть когда определенные блага и добродетели уже сами выступают объектами оценки исходя, вероятно, из наиболее универсальных для сообщества представлений или о выживании, или о благоденствии, или о консолидации (последнее можно отнести к вопросу о том, почему нередко духовные блага оказывались выше материальных, притом что отсутствие последних должно ощущаться острее).

Можно констатировать, что большая часть представлений о благах и добродетелях (как основаниях для ценностей) в тех или иных локальных культурах, включая современные, сложилась исторически в течение веков и нередко даже тысячелетий и относится, таким образом, к наследию традиционного цивилизационного типа. Все это вполне закономерно и не вызывало бы никаких вопросов, если бы не замеченный около ста лет тому назад Огборном эффект культурного лага. Как мы уже писали ранее, этот эффект стал заметен только с течением индустриализации и вызвал закономерный вопрос: что мешает всем социальным институтам меняться и подстраиваться под внешние и внутренние вызовы с одинаковой скоростью? Вернее даже так: почему все социальные институты, кроме науки и, отчасти, образования и экономики (в основном, промышленности) настолько сильно запаздывают?

Одно из возможных объяснений здесь заключается в том, что наименее изменчивые социальные институты и структуры как раз в наибольшей степени регулируются теми ценностно-нормативными комплексами, которые берут свое начало иногда в средневековых, а иногда и в более древних пластах культур, принадлежавших в то время, конечно, к традиционному цивилизационному типу. Последний же, в свою очередь, формировался тысячи лет назад, когда единственным господствующим мировоззрением было мифологическое. Оно вообще, как таковое, свойственно традиционному типу цивилизации независимо от конкретных верований в том смысле, что оно, во-первых, не разделяет мир и

картину мира, во-вторых, мыслит это единство мира и представлений о нем вечным и неизменным, а любые перемены воспринимает как потенциальную эсхатологическую катастрофу.

Всему указанному противоположно привнесенное техногенной цивилизацией научное мировоззрение, где мир или принципиально до конца не познаваем, или, по крайней мере, пока не познан, а его картина постоянно меняется. При том, только такое мировоззрение может способствовать развитию науки, техники, становлению информационного общества как общества знаний – и в конечном итоге, экономическому развитию, технологическому и даже военному преимуществам.

Соответственно, указав на характеристики и причины цивилизационных кризисов вообще и в техногенной цивилизации в частности, а также рассмотрев особенности формирования ценностного отношения на основании субъектно-ориентированного подхода, теперь мы вновь зададимся вопросами: 1) разрешим ли такой кризис в принципе? и 2) можно ли хотя бы в формате гипотезы сформулировать не только методологические, формальные, но и содержательные представления о ценностных перспективах, которые смогут возникнуть в результате разрешения указанного кризиса, возможно, в начале следующего этапа цивилизационного развития? Признавая всю сложность и неоднозначность поставленных проблем, все же возьмем на себя смелость в данной работе хотя бы попытаться ответить на данные вопросы положительно.

Как мы видели ранее, конфликтующие или не связанные между собой ценностные системы, порожденные традиционной и техногенной цивилизацией, не дают социальным субъектам (как индивидуальным, так и коллективным) ставить непротиворечивые цели. Ценностные противоречия приводят к тому, что субъект как бы распадается, свойства его субъектности исчезают, в особенности это касается целеполагания и целенаправленного осознанного развития. Кризис целеполагания, свойственный техногенной цивилизации, знаменует собой недостаток тех факторов, которые эту способность определяют – то есть, преимущественно, субъектности. Таким образом, можно сделать вывод, что кризис

техногенной цивилизации – это, в первую очередь, именно кризис субъектности. Затронутыми им, как было указано ранее, оказались и индивиды, и группы вплоть до уровня социумов.

Выход из кризиса может быть осуществлен в результате формирования нового типа мировоззрения, в большей мере адаптивного по отношению к текущим вызовам, с которыми сталкивается современное человечество, и при этом не вступающего в противоречие с уникальными особенностями существующих локальных культур.

Предполагается, что адаптивность систем напрямую связана с высоким уровнем их субъектности, в то время как кризисное состояние – с нарушением субъектности, так как адаптивная система – это, в первую очередь, такая, что способна самостоятельно ставить стратегические для себя цели, развиваться, рефлексивно отслеживать свое состояние и объективно оценивать результаты своих реакций на влияние среды – то есть, демонстрирующая максимально развитие свойств субъектности. Таким образом для того, чтобы сформулировать искомые ценностно-мировоззренческие основания для выхода из кризиса, необходимо установить, в каких аспектах субъектность систем нарушается, и как возможно ее восстановить.

Техногенный тип цивилизационного развития как коммуникативная система не обладает полноценной субъектностью, так как благодаря наличию ценностных максим, связанных с научно-техническим прогрессом, регулирует только часть социальных практик и может существовать лишь при наличии дополнительных (традиционных) культурных систем коммуникации, ценности которых регулируют все остальные необходимые обществу практики. Техногенный тип цивилизации изначально содержит в себе факторы возникновения кризисных состояний из-за того, что его ценности как системообразующие факторы не связаны напрямую с остальными социальными ценностями, сформировавшимися в течение длительного исторического развития и коренящимися в донаучном, отчасти даже мифологическом мировоззрении. В результате возникают и одновременно существуют две или несколько не связанных между собой ценностных систем.

Последние, в свою очередь, сами являются системообразующими центрами, организующими вокруг себя культурные практики, что в результате способно дестабилизировать локальные культуры и всю техногенную цивилизация в целом как коммуникативные системы и вызвать кризис.

Кризис техногенной цивилизации, таким образом, способен повлечь за собой также кризис локальных культур (и социумов) в связи с упомянутыми ценностными несоответствиями, которые при некоторых схожих чертах все же будут в каждой отдельно взятой культуре иметь также и значительные отличия. Кроме того, если кризис, как было указано ранее, связан с утратой субъектности, то таковой обладают также и локальные культуры, которые из-за нескольких конфликтующих системообразующих принципов тоже могут иметь сложности с демонстрацией ряда свойств субъектности, в частности, стратегического целеполагания.

Также в техногенной цивилизации продолжается и даже усиливается имевшее место и ранее противопоставление индивидуальной и коллективной субъектности (в форме принципиально неразрешимого конфликта индивидуализма и коллективизма). При этом среда, в которой действуют данные субъекты и которую они по мере возможностей стремятся контролировать, представляет собой изменчивое, постоянно усложняющееся и все менее предсказуемое множество других субъектов (как метасубъект), среди которых все больше искусственных акторов с не до конца понятными даже их создателям свойствами. Таким образом, при все более затрудненном контроле своей внешней среды субъекты оказываются перед необходимостью для повышения своего адаптивного потенциала совершенствовать себя, развивая свойства собственной субъектности, позволяющей им строить ценностные системы и ставить цели, снимающие указанные ранее противоречия.

При этом также очевидно, что развитие только индивидуальной или коллективной субъектности в ущерб другой невозможно в сколько-нибудь длительной перспективе, особенно при сохранении темпов научно-технического прогресса и требующегося для него высокого уровня массового образования.

Таким образом, отправной точкой для наиболее обобщенных представлений о ценностях не только с формальной, но и с содержательной точки зрения должно стать именно понятие субъектности. Попытаемся дедуцировать эти возможные представления из упомянутых нами ранее ее свойств.

Для выхода из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией, необходимо восстановление субъектности на цивилизационном уровне, который даже уже на данном этапе исторического развития становится планетарным. Однако если это и сможет когда-нибудь произойти, то станет доступным через повышение субъектности, в первую очередь, локальных культур и социумов.

Это возможно через формирование ценностно-мировоззренческих оснований, на метауровне снимающих упомянутые ценностные противоречия. Разрешение кризиса также должно способствовать более продуктивным ответам на вызовы, порожденные техногенной цивилизацией в результате таких эффектов, как культурных лаг и нарушение техно-гуманитарного баланса. Первый эффект приводит к разрыву существующих социальных связей внутри локальных сообществ, а второй – к разрушительным последствиям использования новых технологий в социальных практиках и при воздействии на окружающую среду.

Свойства субъектности должны стать содержательной основой для тех ценностных отношений, которые сформируют метасистему ценностей, способную включить в себя ценностные системы традиционного и техногенного цивилизационных типов – так как каждая из этих ценностных систем изначально нацелена на благо субъекта, однако в традиционной цивилизации акцент делается на усвоение, сохранение и даже консервацию ряда культурно-обусловленных черт субъектности через социальную идентичность; в то время как техногенная цивилизация способна фокусироваться на тех свойствах субъектности, которые связаны с характеристиками деятельности.

При этом субъектность, обретаемая в традиционной цивилизации через предзаданную идентичность, как правило, имеет развитую социальность и целеполагание, но может быть ограничена в рефлексивности и свободном развитии. Субъектность в техногенной цивилизации, наоборот, развивает две последние

черты, но при этом ослабляет социальность за счет разрыва устоявшихся социальных связей, а также может иметь проблемы с целеполаганием, постоянно ощущая противоречие личного и общественного.

Субъектность напрямую связана со способностью систем к управлению и самоуправлению. Повышение субъектности локальных культур возможно через увеличение эффективности их возможностей по управлению их максимально сложными подсистемами – отдельными индивидами. Управление как редуцирование сложности необходимо требует, чтобы сложность управляющей системы была такой же, как у управляемой или выше. Также управление по сложности должно соответствовать запросам среды – в том числе, внутренней для локальных культур. Именно индивидуальные субъекты формируют эту внутреннюю среду, и их сложность как управляемых подсистем не может быть принудительно редуцирована. Следовательно, для более эффективного управления их поведением локальные культуры с необходимостью должны не принудительно упрощать управляемую внутреннюю среду через ригидные комплексы, а усложнять себя как управляющие системы, повышая таким образом собственную субъектность. Попытки управляющей системы на длительный срок принудительно редуцировать сложность управляемой неминуемо способны привести к деградации самой управляющей системы, которая постепенно утратит возможность руководства своими усложняющимися подсистемами, станет не способна развиваться и реагировать на новые вызовы – то есть постепенно потеряет субъектность.

Таким образом, получается, что если выход из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией, связан с необходимостью повышения субъектности локальных культур, то она, в свою очередь, также требует сохранения высокого уровня субъектности индивидов. В результате должно происходить взаимно зависимое повышение субъектности управляющей системы (коллективного субъекта, представленного локальной культурой и существующим в ней социумом) и управляемой системы (индивидуального субъекта).

При этом, в случае высокого уровня субъектности обеих указанных систем каждая из них в силу своих возросших возможностей способна стать не только управляемой, но и управляющей, что в перспективе способно или породить конкуренцию за возможность управления и усилить кризис, или же, при действительно высоком уровне субъектности всех участников, привести к взаимному выгодному для них компромиссу и сотрудничеству.

Современная ситуация такова, что коллективные субъекты представляют собой по преимуществу управляющие системы, а индивидуальные субъекты – управляемые. При этом управляющие системы не справляются с возрастающей сложностью управляемых (что приводит, в частности, к эффекту культурного лага), так как ценностные системы как формы регуляции поведения не соответствуют возникающим вызовам и не дают возможности непротиворечиво формулировать цели.

Устранение ценностных противоречий, обозначенных ранее, необходимо для повышения субъектности локальных культур. Оно, в свою очередь, невозможно без высокой субъектности индивидов. При этом в случае положительного сценария сотрудничества коллективных субъектов как управляющих и индивидуальных как управляемых систем постепенно возникнет ситуация, когда управление станет не однонаправленным, а взаимным именно из-за одинаково высокой субъектности всех акторов.

Следовательно, обеспечивающие все это новые ценностные перспективы должны быть такими, чтобы субъектность коллективного и индивидуального субъектов с необходимостью была взаимно зависимой.

То есть новые ценностные перспективы должны строиться на основе *полицентричной конвергентной субъектности*, посредством которой будут поддерживаться такие свойства субъектов, как целеустремленность и способность к свободному развитию. При этом рефлексивность субъектов, без которой невозможно поддержание остальных их свойств, включает в себя ценностные максимы, характерные преимущественно для техногенной цивилизации, а социальность требует сохранения тех существующих ценностей, которые были

сформированы отдельными локальными культурами в рамках традиционного цивилизационного типа.

Выход из кризиса техногенной цивилизации, способствующий ответам на вызовы, возникшие из-за эффектов культурного лага и нарушения техно-гуманитарного баланса, возможен, если взаимное сотрудничество и одновременно взаимный контроль индивидуальными и коллективными субъектами активности друг друга (поддержание конвергентной субъектности) будут признаны ими более выгодным, чем конкуренция.

Если этого не произойдет, то попытка какой-либо системы подавить субъектность другой и получить возможность преимущественного управления ею неминуемо выльется в максимально разрушительный кризис, угрожающий как отдельным культурам, так и человечеству в целом, так как подавляя сложность управляемого субъекта, любая управляющая система редуцирует и свою собственную сложность.

§ 2. Основания для новых ценностных отношений и основополагающие свойства субъектности³⁴⁹

Основные ценностные максимы, связанные именно с техногенным типом цивилизационного развития, рассматривались подробно в Главе 3. Если принять, что это стремление к объективной истине, насколько подобное вообще возможно, а также к созданию нового (особенно в науке и технике), причем это новое должно по каким-то значимым параметрам превосходить предшествующее – то мы получим, что техногенная цивилизация – это цивилизационный тип, нацеленный на постоянное изменение и постоянный прогресс. И этот прогресс начинается в областях науки и техники, затем отражается на экономике и наконец начинает

---

³⁴⁹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Аксиология техники – на пути к человекоразмерности сложных технических систем // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 218-222; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

оказывать влияние на все остальные социальные институты. Техногенная цивилизация, основания которой были заложены еще в Новое время, постепенно породила феномены информационного общества, экономики знаний³⁵⁰ – именно поэтому образование в этом цивилизационном типе приобретает основополагающее значение. Мы, конечно, можем констатировать, что в ситуациях различных локальных кризисов, как правило, экономических или политических, образование может на какое-то время оторваться от экономической и технологической сферы, а также перестать влиять на личный и групповой социальный статус – но очевидно, что при достижении экономикой стабильных показателей развития подобная ситуация не может продолжаться долго, так как напрямую способна привести к стагнации и социальной нестабильности.

В современных социумах образование подстраивается не только под запросы участников образовательного процесса и возможности новых технологий³⁵¹. Оно также, возможно, впервые в истории становится непрерывным не у малого числа интеллектуалов, а у действительно больших масс заинтересованных учащихся. И вместе с этой тенденцией неминуемо происходит переосмысление уровня ответственности, в особенности, в постнеклассической парадигме, где каждый участник образовательного процесса – это полноправный субъект по отношению ко всем остальным³⁵², представляющим более или менее близким и известным метасубъектом. И эти субъекты в силу своего уже личного стремления к постоянному развитию, расширению и совершенствованию своей базы знаний и навыков также оказываются, осознанно или нет, носителями ценностей именно техногенной цивилизации – конкретно, ценности постоянного развития и прогресса. Эти блага становятся ценностями ровно по тому же сценарию, который был описан ранее для традиционного типа цивилизаций. При этом явные различия

---

³⁵⁰ Аршинов В.И., Буданов В.Г. Сетевая цивилизация и природа большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 1. С. 220–231.

³⁵¹ Бондаренко Н.В. и др. Индикаторы образования: 2022. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 532 с.

³⁵² Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования (статьи и лекции). М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. 154 с.

на мировоззренческом уровне (научного и мифологического мировоззрений) неизбежно приводят не только к различной скорости изменений возникающих ценностных систем, но и к настороженному, как минимум, отношению к изменениям в первом случае и буквальной необходимости принятия изменчивости во втором случае.

Опираясь на работы Лумана, Бира и ряда других авторов, в предыдущих главах мы могли констатировать, что не только организации, но и крупные социальные группы, включая весь социум в целом с его наличной культурой для того, чтобы не оказаться в кризисной ситуации, должны функционировать как одновременно аутопойетические и рекурсивные системы. Также было показано, что упомянутые ценностно-мировоззренческие несоответствия с системной точки зрения создают в одной культурной системе ряд не связанных между собой или даже конкурирующих эгрессивных центров (в терминологии Богданова), что неминуемо обеспечит такой системе масштабный кризис. С опорой на работы Назаретяна были выявлены изначальные факторы, приводящие к такой рассогласованности в культурной системе, связанные с особенностями все ускоряющегося развития науки и техники.

Ценностно-мировоззренческий кризис современности имеет два уровня: во-первых, уровень всего цивилизационного типа в целом, во-вторых, уровень отдельно взятых локальных культур. В нашем исследовании в соответствии с его темой мы сосредоточили внимание именно на первом уровне. Второй уровень рассматривается нами в данной главе для того, чтобы показать неоднородность проблем, с которым сталкиваются локальные культуры при вхождении в техногенный тип цивилизационного развития в соответствии со своими уникальными внутренними характеристиками. Также очевидно, что все существующие локальные культуры отдельных стран и народов сформировались во многом как раз в рамках традиционного цивилизационного типа, каждый в своих неповторимых условиях, определивших их специфику и различия³⁵³. Техногенный

---

³⁵³ Щербина А.В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // Дискурс. 2022. Т. 8. № 3. С. 56–69.

же тип, основанный на максимах, по сути, научного мировоззрения, тяготеет к унификации, ставя перед локальными культурами одни и те же проблемы, которые они решают по-разному исходя именно из собственных различий.

Что же касается еще одной универсальной особенности, унаследованной локальными культурами из их прошлого – а именно, остатков мифологического мировоззрения, то его консервация, как мы знаем из истории мировой философии, вовсе не принципиальна для сохранения этических и ценностно-мировоззренческих особенностей каждой отдельной культуры. С последним соответствующие философские концепции справляются ничуть не хуже, хотя и требуют несколько более углубленной подготовки для своего восприятия. На этом вопросе мы остановимся несколько ниже, когда речь пойдет об особенностях и различиях в этических подходах на разных уровнях субъектности существующих агентов, способных к принятию решений, в которых только и могут быть реализованы не только этические, но и связанные и ними ценностные отношения.

Снятие противоречий между рациональными и иррациональными представлениями всегда происходит за счет рационализации последних. В случае культурных максимум с этим успешно справляется философский подход, при котором ценностные и этические представления осмысливаются, при этом развиваются и наполняются более богатым и универсальным содержанием. Нередко таким образом локальные представления могут распространиться и получить даже статус общечеловеческих.

Снятие противоречий между ценностно-мировоззренческими представлениями техногенного и традиционного цивилизационных типов возможны, в общем виде, при включении того и другого в систему более высокого порядка. Какой она может быть, вернее, исходя из каких соображений можно попытаться ее хотя бы представить?

Ценности, как мы уже выяснили, не могут существовать отдельно от субъектов, совершающих оценку как специфическое ценностное отношение. Для разных уровней субъектности эти формы отнесения даже к одной и той же ценности будут отличаться. Тем не менее, мы придерживаемся мнения, что любые

ценности любых цивилизационных типов служат, в конечном счете, сохранению социумов и отдельно взятых индивидов как коллективных и индивидуальных субъектов, соответственно, в их существовании и самоидентификации, а также достижению их материального и духовного благополучия. То есть, говоря более коротко, ценности и вообще ценностно-мировоззренческие системы служат цели достижения и сохранения максимального уровня субъектности их носителей.

При этом нужно сделать важную ремарку: сами свойства, определяющие субъектность, в данном случае рассматриваются как своего рода факты, наличие или отсутствие которых можно констатировать, в том числе, и безоценочно. Это вовсе не значит, что они в ином случае не способны рассматриваться как блага или добродетели, способные стать основаниями для ценностных отношений – это нередко и происходит, особенно с такими понятиями, как свобода, например. Но здесь мы рискуем оказаться во власти некой «дурной бесконечности», когда одно понятие, способное стать основанием для оценок, выводится из другого, другое из третьего и так далее. При этом совершенно очевидно, что понятия, содержащие в себе оценку, не могут напрямую следовать из представлений о фактах реальности, даже если речь идет о витальных потребностях. Как справедливо указывает Ивин, оценки и нормы не могут находиться в каких-либо логических отношениях с описаниями эмпирических данных³⁵⁴. Здесь можно было бы добавить, что такое противопоставление свойственно научному мировоззрению и вообще любому рациональному дискурсу, в то время как для мифологического мировоззрения оно как раз совершенно не свойственно.

Таким образом, свойства субъектности, с одной стороны, могут восприниматься просто как факты, по аналогии, например, со способностью к речи или прямохождению. Но если мы хотим как-то дедуцировать из них основания для ценностей, то сами эти свойства субъектности должны оцениваться положительно, как важные и даже необходимые для благоденствия всех субъектов: индивидуальных и коллективных. То есть эти свойства способны предстать

---

³⁵⁴ Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. М.: Проспект, 2016. С. 253.

терминальными ценностями, ради приближения к которым необходимо указать на некие иные, о которых и пойдет речь. Но здесь возникает еще один дополнительный вопрос: а почему не ограничиться свойствами субъектности как основаниями для искомых ценностных перспектив? Мы полагаем, что проблема здесь в том, то эти свойства слишком обобщены – и именно поэтому могут восприниматься как факты, описывающие состояние субъекта, при этом выступать как цели (некие желаемые состояния, к которым стоит стремиться). Но при этом нужны представления о тех благах или добродетелях, которые позволят ко всему этому приблизиться. Ясно, что недостаточно заявить субъекту-человеку, что он должен быть, например, целеустремленным, то есть способным самостоятельно ставить цели и достигать их – необходимо, в первую очередь, показать ему, каким образом он может ставить эти цели так, чтобы они были во благо, а не во вред ему и другим субъектам. Вот эта максима, позволяющая ставить условно «благие» цели, и будет основанием для искомого ценностного отношения. Свойства субъектности можно представить по аналогии с потребностями, удовлетворение которых необходимо для жизни и благоденствия, но при этом прямо и однозначно отождествлять их с ценностями было бы опрометчиво.

Итак, поскольку индивидуальные и коллективные субъекты наличествуют во всех культурах независимо от различий последних, то попытка выведения оснований для будущих ценностных отношений именно из свойств субъектности представляется оправданной.

Если субъектность индивидов и отдельных групп будет на низком уровне (в жестко централизованной вертикальной системе), то возникнут внутренние контркультурные тенденции и приведут к кризису на всех уровнях: экономическом, социальном, ценностно-нормативном; если субъектность всей социальной системы будет слабой (в децентрализованных горизонтальных структурах), то система может не пережить внешнего давления и экзогенных кризисов.

Для реализации субъектности необходимы такие свойства, как целеустремленность, рефлексивность, свобода, способность к развитию и

социальность. Достижение и сохранение этих свойств возможно через посредством доминирования в ценностных отношениях следующих благ и добродетелей.

1) Для реализации целеустремленности как свойства субъекта, полезного для него и других субъектов, они сами – как *человек и общество в равной степени – должны быть терминальными ценностями*, так как конечная цель – сам «идеальный», то есть максимально развитый субъект. Должен ли такой субъект при этом быть счастливым – отдельный непростой вопрос. Существует множество определений счастья³⁵⁵, и не все из них подразумевают стремление к дальнейшему развитию. Часто даже наоборот, так как если это некое высшее состояние, то далее стремиться уже некуда и незачем. Возможно даже, что осуществление счастья означает неминуемую потерю субъектности, поэтому другие свойства субъектности не дают ему стать постоянной реальностью и видоизменяют представления о желаемом состоянии (если нет, то субъект разрушается как таковой).

При этом, если человек и общество как индивидуальные и коллективные субъекты признаются терминальными ценностями, то они являются одновременно субъектами и объектами оценки, а также основанием для нее как своего рода блага сами в себе. Также они оказываются *равнозначными и взаимозависимыми ценностями*. Во-первых, объективно они отдельно не представимы и не могут развиваться. Во-вторых, любой перекося в пользу одних типов субъектов перед другими неминуемо ведет к неблагополучию их всех и, в конце концов, к социальным кризисам.

2) Рефлексивность по поводу образа себя, своих целей, ценностей для своей реализации должна с необходимостью подразумевать *ценности критического мышления, истины и новизны*, в том числе научной – когда эти максимы, воспринимаемые как блага, способны стать основаниями для ценностных отношений, что и происходило в техногенной цивилизации по преимуществу. Без

---

³⁵⁵ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 367 с.; Гусейнов А.А. Счастье // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH985c292099c0486b945098> (дата обращения: 01.02.2021).

всего перечисленного в нынешних условиях не только индивидуальный субъект не сможет реализовать себя, но и коллективный (весь социум) с неизбежностью будет стагнировать.

3) Свобода системы как ее способность к самостоятельности и самоуправлению – то есть способность ограничивать собственную энтропию в зависимости от целей самой системы и особенностей взаимодействия с другими системами – предполагает как ценность *высокий уровень ответственности* абсолютно любого субъекта (искусственное ограничение субъектности и в частности, самостоятельности, когда требования ко всему этому повышаются из-за необходимости все большей гибкости системы при повышенной скорости изменений, ведет к неминуемому кризису). Ответственность в данном случае понимается как универсальное представление о последствиях любого осознанного действия субъекта, которые с необходимостью наступят и повлияют на него и на других субъектов, поэтому эти последствия должны быть учтены заранее настолько полно, насколько вообще позволяет информированность субъекта. Так понятая ответственность может быть добродетелью как основанием ценностного отношения только с учетом первой указанной максимы, во многом кантовской. Кроме того, такого рода ответственность возникает «автоматически» у всех способных к осознанной деятельности субъектов и не может быть произвольно принята или снята.

4) Способность к развитию предполагает ранее указанные качества субъекта, позволяющие ему самостоятельно и свободно определять критерии такого развития, которое может быть выражено в совершенствовании его самого как сложной системы на всех уровнях – как приближение его к желаемому образу и состоянию себя-в-мире. Можно предположить, что и для индивида, и для социальной системы это постоянное повышение возможности удовлетворения потребностей более высоких уровней пирамиды Маслоу за счет снятия дефицитов на низших уровнях. То есть это *ценность самореализации в целом, творческого созидания*. Последнее, опять же, недостижимо без учета всех предыдущих целей и ценностей.

5) Социальность – позволяет воплощать в жизнь все предыдущие максимы и подразумевает необходимость сохранения целостности и самотождественности систем через непрерывные процессы социализации индивидов посредством сохранения и развития необходимых для этого институтов – то есть здесь необходима *ценность сохранения социальных институтов как одновременно самотождественных и высоко адаптивных систем*, способных отвечать на изменения и вызовы среды. Кроме того, необходимо учитывать также ценность социальной *кооперации*, без которой невозможно поддержание существования и развития как индивидов, так и социальных систем – в частности, такой необходимой для них всех в современных условиях деятельности, как создание новых источников ресурсов для уменьшения конкуренции и борьбы за них.

Таким образом, полицентричная конвергентная субъектность подразумевает по крайней мере наличие таких максим как *ценностных перспектив: равноценности индивида и социума, ценности критического мышления и рационального познания, ответственности, творческого созидания, сохранения социальных связей и институтов.*

По отношению к техногенной цивилизации все указанные ценности потенциально способны осуществляться через деятельность индивидуальных и коллективных субъектов. Вероятно, некоторая часть (в краткосрочной перспективе принятия решений) может также оказаться доступна так называемым псевдосубъектам как искусственно созданным агентам. Так что далее мы рассмотрим, каким образом все это может воплощаться на разных уровнях субъектности, которые вместе порождают сложные человекообразные системы, изначально возникшие в рамках техногенной цивилизации, но, возможно, знаменующие постепенный переход к некому новому типу, который условно может быть назван посттехногенным.

Рассмотрение этих систем было начато в работах В.С. Степина и продолжено В.Е. Лепским и В.И. Аршиновым, связавшими эту проблематику с понятием субъектности. Человекообразность технических систем понимается как сообразность их ценностям человека и общества как индивидуальных и

коллективных субъектов. Мы выдвигаем здесь предположение, что подобного рода сообразность возможна только при достижении техническими системами уровня сложности, который позволит включить их в онтологии бытия субъектов. Современные технические системы на основе искусственного интеллекта способны демонстрировать подобие части свойств субъектности, что дает возможность расценивать их как псевдосубъекты и включать в субъектные отношения. Мы рассматриваем трехчастную схему следующих видов субъектов ценностного отношения: человек как индивидуальный субъект, социум как коллективный субъект, сложные технические системы, функционирующие на основе искусственного интеллекта, как псевдосубъект. Каждому виду субъектов соответствует свой уровень ценностного отношения, состоящий в прямой зависимости от того, предстает ли субъект предельной реальностью или зависит в своем существовании от другого субъекта. Наличием прямой взаимосвязи этих уровней обеспечивается человекоразмерность сложных технических систем путем включения их в целостную схему ценностно окрашенного взаимодействия субъектов.

Ценностно-мировоззренческие измерения техники рассматривались неоднократно³⁵⁶, в частности, такими крупнейшими мыслителями XX в., как М. Хайдеггер³⁵⁷ и Ж. Симондон³⁵⁸. Тем не менее специальный термин «аксиология техники» употребляется в современной научной литературе, как правило, в несколько более узком значении поиска неких перечней ценностей технического прогресса и отдельных видов практик в его рамках, например, инженерной деятельности, когда исследователи говорят об аксиологическом повороте в этой области³⁵⁹.

---

³⁵⁶ Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. М.: Логос, 2009. 376 с.

³⁵⁷ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

³⁵⁸ Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и Идеалы. 2017. № 3 (33). Т. 1. С. 111–125.

³⁵⁹ Kroes P., Meijers A.W.M. Toward an Axiological Turn in the Philosophy of Technology // Franssen, M., Vermaas, P., Kroes, P., Meijers, A. (eds.) Philosophy of Technology after the Empirical Turn. Philosophy of Engineering and Technology. Vol. 23. Cham: Springer, 2016. P. 11–30; Gonzalez W.J.

Рассмотрение ценностей с точки зрения различных типов акторов, наделенных всеми или хотя бы частью базовых характеристик субъектности, позволит внести вклад в разработку фундаментального вопроса, который был поставлен в работах В.С. Степина³⁶⁰, в дальнейшем разрабатывался В.Е. Лепским, В.И. Аршиновым и другими авторами³⁶¹ – необходимости создания сложных саморазвивающихся систем, которые при этом обладали бы важнейшим свойством – человекообразностью. Такого рода системы должны обладать способностью к объединению каузальной и телеологической составляющих своего существования³⁶², что напрямую апеллирует к ценностным характеристикам.

Здесь мы выдвинем следующее предположение: для того, чтобы иметь возможность говорить о человекообразности сложных технических систем, они должны быть не просто сообразны ценностям человека и общества как субъектов, но и достичь такого уровня сложности, который позволил бы включить их как акторов (а не только как объекты) в систему взаимоотношений субъектов.

Постнеклассическая научная рациональность предполагает возможность не только субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, но и гораздо более сложной системы взаимоотношений – субъект-метасубъект, где вторая часть может быть вариабельна и представлена акторами с различным набором свойств субъектности.

Индивидуальный субъект-человек, в отличие от остальных, представляет собой предельную форму бытия в том смысле, что существует ради самого себя – и таковы же его ценности, которые ощущаются им как атомарные явления и ядро мировоззрения. Индивидуальный субъект посредством ценностного отношения формирует мир-для-себя, где он сам как субъект таких отношений, эти отношения и их объекты оказываются неразрывно слиты – и таким образом он может

(ed.) *New Perspectives on Technology, Values, and Ethics. Theoretical and Practical*. Cham: Springer International Publishing, 2015. 219 p.

³⁶⁰ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. *Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации*. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.

³⁶¹ Аршинов В.И., Лепский В.Е. (ред.) *Проблемы субъектов в постнеклассической науке*. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.

³⁶² Лепский В.Е. *Методологический и философский анализ развития проблематики управления*. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.

выступать на равных с бытием самим по себе, что совершенно недоступно никаким другим субъектам. Очевидно, что индивидуальный субъект обладает всей полнотой возможных характеристик субъектности.

Коллективный субъект (группы, коллективы и общество в целом) составляется из индивидуальных субъектов, поэтому предельной формой бытия он уже не является и способен взаимодействовать не со всей реальностью целиком, а только с отдельными ее сегментами, от которых отделяет себя. Поэтому его ценностное отношение усложняется и включает в себя взятых отдельно субъекта, объект оценки и операцию оценивания, которая проводится согласно некой норме. Ценности коллективного субъекта также приобретают более утилитарный характер – существуют для поддержания его упорядоченной деятельности через применение относительно устойчивых нормативных комплексов. Среди коллективных субъектов общество, а также первичные группы (такие, как семья) обладают всеми характеристиками субъектности, в то время как вторичные группы (например, подразделения организаций) могут быть лишены части этих характеристик.

Наконец, явления, названные псевдосубъектами, способны демонстрировать подобие некоторых характеристик субъектности, хотя, вероятно, никогда не смогут обладать этими характеристиками в полном объеме. К таким псевдосубъектам могут быть отнесены, к примеру, сложные технические системы на основе искусственного интеллекта. Псевдосубъект существует для блага индивидуального и коллективного субъекта, с которыми он может взаимодействовать через адаптацию нормативных комплексов коллективного субъекта. Могут ли у псевдосубъекта быть ценности? Это звучит абсурдно, если под ценностями понимать то, чем обладает индивидуальный субъект. Однако псевдосубъект, будучи снабжен неким набором норм, способен осуществлять операцию оценивания объектов реальности, выступая, в некотором роде, субъектом оценки, что позволяет ему выполнять заданные функции.

В коротко обрисованной здесь схеме показано, каким образом через ценностные отношения может быть выстроена связь между субъектами-людьми, субъектами-группами и псевдосубъектами – сложными техническими системами,

что, как мы надеемся, поможет сделать еще один шаг в сторону приближения к человекообразности последних.

В заключение отметим, что антропоморфизация псевдосубъектов способна привести к наделению их самооценностью, что крайне нежелательно, так как, с одной стороны, заставляет забыть о первоочередной необходимости для псевдосубъектов служить благу индивидуальных и коллективных субъектов, а с другой стороны, способствует попыткам этих субъектов уменьшить собственную ответственность во взаимодействии с псевдосубъектом.

Теперь по возможности коротко поясним, каким образом соотносятся упомянутые аксиологические характеристики с этическими принципами оценки поступков.

С точки зрения этики мы можем оценить поступок как положительный (добрый, справедливый и др. – т.е. соответствующий культурно-обусловленному наполнению представления о благе или добродетели), если он будет приводить не только к своей изначальной практической цели, но и к осуществлению этической максимы, лежащей в основе той или иной концепции нормативной этики. Этические концепции стремятся объяснить, почему нам стоит наделить тот или иной поступок положительной оценкой, помимо интуиции или сложившихся традиций³⁶³.

Например: с точки зрения этики добродетели – поступок хорош, если он заставляет его автора развить в себе некую добродетель; в перспективе деонтологии – если этот поступок заставляет человека применить общезначимые нормы и не использовать других индивидов как средства; с точки зрения консеквенциализма – если поступок привел к благополучному исходу для всех или большинства.

Любая концепция в рамках философской этики стремится рационализировать и привести в некую систему стихийно возникшие критерии отнесения поступка к добродетели или благу через соответствие его максимам этой

---

³⁶³ Burr C., Floridi L. The Ethics of Digital Well-Being: A Multidisciplinary Approach. Cham: Springer, 2020. 265 p.

концепции. Т.е. нормативная этика стремится регулировать и рационализировать оценку как отнесение к ценности. Представления о благах и добродетелях в таком случае можно представить как исторически сформировавшиеся идеи, возникшие вследствие постоянного многовекового социального воспроизводства ценностных отношений.

При субъектно-ориентированном подходе к ценностям как осуществлению субъектом ценностного отношения этические концепции могут объяснить, каким образом это отношение может осуществляться в зависимости от возможностей и запросов конкретного типа субъектов, а не только от культурно обусловленного содержания представлений о благах и добродетелях и о вариантах их иерархии.

Индивидуальный субъект, как мы констатировали выше, способен выстраивать все возможные варианты ценностных отношений. То же самое доступно ему и в отношении этики. На уровне субъект-объектного взаимодействия он может руководствоваться консеквенциалистскими или утилитаристскими подходами, оценивая поступок с точки зрения его соответствия желаемой цели достижения максимального уровня благополучия. На уровне субъект-субъектного взаимодействия субъект способен использовать деонтологические максимы, сознательно и свободно выбирать следование наиболее общезначимым из доступных ему принципов и избегать инструментальной объективации других индивидов. Наконец, на уровне взаимодействия вида субъект-метасубъект он может исходить из оценки своих поступков и интенций как имеющих значение не только для других субъектов (которых он может и не знать), но и, в первую очередь, для него самого как для индивида, способного к рефлексии и стремящегося к развитию и совершенствованию исходя как из социально обусловленных, так и, возможно, сугубо личностных критериев. Понятое через такой подход, как этика добродетели, стремление к постоянному самотрансцендированию свойственно только индивидуальному субъекту в качестве конечной цели ради нее самой, как и стремление к счастью.

Что касается коллективных субъектов, они способны к этическим оценкам через такие подходы, как деонтология или консеквенциализм, так как их действия

совершаются исходя из необходимости сохранения их существования, целостности и самоидентичности. Поэтому им необходимо сохранять баланс между стремлением к благополучию и средствами достижения последнего, которые бы не вносили рассогласованность в работу социальной системы (что возможно при использовании не общезначимых норм) и не ущемляли бы достоинства каких-либо индивидов или групп.

Для таких недавно появившихся акторов, как псевдосубъекты, которые на деле все же являются, скорее, объектами, доступен лишь уровень субъект-объектных отношений, где выполняется ограниченный диапазон функций, внешним образом определенный для псевдосубъекта. Можно задаться вопросом, способны эти акторы вообще к какому-то этическому отношению? С точки зрения, ведущей начало от Аристотеля, когда для бытия морального субъекта необходима свобода последнего, можно было бы вообще ответить отрицательно. Но поскольку некой ограниченной степенью свободы такие псевдосубъекты все же обладают, то вполне возможно, чтобы они владели хотя бы способностью консеквенциалистской оценки своих действий, что необходимо как минимум для возможности корректировать и направлять активность.

Итак, подводя некий итог, можно сказать, что содержательная, культурно обусловленная характеристика благ и добродетелей как основания для цивилизационных ценностных перспектив способна реализоваться только посредством субъектно-обусловленного поведения и как таковая раскрывается по преимуществу через особенности типов субъектности.

§ 3. Иерархии благ и добродетелей: содержательные основания культурно-обусловленных ценностных отношений³⁶⁴

В предыдущих разделах было указано, что ценности не могут существовать без и вне субъекта и представляют собой отношение, а не нечто субстанциальное. Поэтому специального рассмотрения требует вопрос о том, каким образом в эту схему могут встраиваться те конкретные понятия (например, мужество или ответственность, скромность или щедрость, или даже богатство, здоровье и др.), которые в нефилософском дискурсе и называются, как правило, ценностями.

Можно было бы предположить, что они являются критериями оценки, которые субъект способен применять для формирования ценностного отношения. Но это, опять же, не совсем так, потому что очевидно, что в различных локальных культурах под мужеством или скромностью, например, могут пониматься вещи достаточно различные, и ровно то же можно сказать о любой другой подобной «ценности». Эти понятия оказываются не только серединой между крайностями, как в свое время постулировал Аристотель; они также в своем роде становятся такими же атомарными понятиями, как добро или зло вообще. Таким образом, они представляют собой не критерии оценки, а скорее основания для создания некой шкалы, по которой, например, некий поступок будет оцениваться как более или менее мужественный, благоразумный и др. – и в конце концов, как более или менее добродетельный сам по себе, а также часто еще и как в большей или меньшей степени приближающий к тому или иному благу, например, сохранению чьей-то жизни, здоровья, приумножению богатства и т.д. При этом также очевидно, что помимо вариативности конкретно-практического наполнения представлений обо всех этих благах и добродетелях также существуют различия в их ранжировании – т.е. выстраивании их иерархий, которые не раз становились предметом рассмотрения в классической аксиологии.

---

³⁶⁴ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

Метафизические обоснования объективистских подходов к подобному ранжированию возможны только в ситуации, когда их автор придерживается каких-либо объективно-идеалистических взглядов, вне которых подобная аргументация не может рассматриваться. Это последнее соображение заставляет нас обратиться к иным системам аргументации, основания которых находятся в претендующих на научность (а значит, материалистических) подходах в рамках социологии и культурологии. Среди такого рода исследований нами были выбраны те, что рассматривают сравнительные особенности ранжирования благ и добродетелей в существующих локальных культурах. Такие работы основаны, как правило, на количественных (в форме опросов и анкетирования) и, реже, качественных социологических исследованиях, часто с привлечением культурологических и этнографических подходов.

В предыдущих главах мы рассмотрели возникновение и основные особенности существующих подходов к трактовке понятия ценности: как тех, которые мы разделяем (формальных, субъективистски-персоналистских), так и более распространенных, но, по нашему мнению, гораздо более подверженных методологическим погрешностям (содержательных, универалистских, объективистских).

Тем не менее, в нефилософском дискурсе, причем не только бытовом, но и научном, под ценностями чаще всего понимаются не формальные субъект-объектные отношения, а некие содержательные параметры, самые разнообразные: потребности, интересы, более или менее редкие блага (как духовные, так и материальные), личностные качества, межличностные социальные взаимоотношения, культурные достижения – то есть, практически все, что тем или иным автором или социальной группой может признаваться желательным, важным или необходимым, причем, как правило, конкретным частным условиям выбора приписывается универсальная, нередко даже внеисторическая значимость.

Принимая во внимание все вышеуказанные факторы, мы осознаем необходимость в данной работе отдельно и более подробно остановиться на вопросах причин выбора тех или иных перечней основополагающих понятий,

которые часто и называются ценностями – мы будем именовать их основаниями оценки как формирования ценностного отношения. Сами по себе они не являются критериями оценки, а лишь дают возможность сформулировать эти критерии – т.к. если последние должны представлять собой нечто субстанциальное, служащее основанием для сколько-нибудь объективного измерения, то первые сами по себе часто являются «пустыми» атомарными понятиями, наполняемыми конкретным содержанием в зависимости от социокультурного контекста и ситуации употребления.

Итак, классическая и даже отчасти постклассическая аксиология, рассматривая субстанциальные трактовки ценностей, могла основываться или на идеалистических подходах, когда иерархии таким образом понятых ценностей выстраивались исходя из принятой конкретным автором онтологии, или (реже) основания могли быть найдены в материалистических трактовках личных или общественных интересов. При этом практически весь обширный корпус существующей философской аксиологической литературы оказался невостребован, когда, преимущественно с 1960-х гг., начинают появляться все более многочисленные исследования на стыке социологии и культурологии, также претендующие на рассмотрение ценностей. В них вопросы аксиологической методологии, как правило, не затрагиваются вовсе, а под ценностями сразу (и некритически) понимается тот или иной набор содержательных понятий. Эти понятия, по нашему мнению, чаще всего можно разделить на наборы предпочитаемых благ (материальных или духовных) и добродетелей (личностных качеств, демонстрируемых в социально-значимых ситуациях).

Рассматривая исследования такого рода, необходимо прежде всего определить их роль для данной работы и раскрытия ее проблематики. Если техногенная и традиционная цивилизации – это, строго говоря, типы цивилизационного развития, к которым может принадлежать множество локальных культур, то очевидно, что специфика последних, во-первых, сформировалась именно в длительный традиционный период их развития, во-вторых, она, конечно, определила особенности их вхождения в техногенный этап и

содержание вызовов и проблем, с которыми в каждом конкретном случае пришлось столкнуться.

Также очевидно, что при, возможно, схожих формальных подвижках в ценностных перспективах будущего посттехногенного типа цивилизационного развития, содержательные отличия будут сохраняться. Именно поэтому, не имея возможности в рамках этой работы рассматривать углубленно существующие локальные культуры (на это потребовалось бы не одно масштабное исследование), мы сосредоточиваем здесь внимание на методологиях таких исследований, поскольку последние могут затем при необходимости осуществляться таким образом, что их результаты можно будет использовать для анализа конкретных культурных последствий преодоления кризиса техногенного типа цивилизационного развития в отдельно взятых регионах.

В то время, как философская аксиология переживала если не упадок, то явно была не самой активно развивавшейся из дисциплин, исследования ценностей приняли новое направление благодаря активному развитию эмпирической социологии, ее взаимосвязи с культурологией и социальной психологией и сугубо практическим вопросам, связанным с необходимостью повышения эффективности межкультурных коммуникаций, в частности в работе транснациональных корпораций.

В случае каждой отдельно взятой культуры причины, приведшие к тому или иному фиксируемому ранжированию, и тем более, наполнению в реальной практике значением понятий благ и добродетелей, нуждаются в специальном историко-культурной изучении, которое, опять же, для каждой культуры может и должно стать предметом специального исследования. Несмотря на это, в рамках данной работы представляется полезным рассмотреть обобщенные картины подобных различий исходя из существующих методологических подходов, чтобы на уровне вхождения локальных культур в техногенную фазу и тип цивилизационного развития можно было проследить, каковы в их случае могут быть локальные причины ценностных кризисов.

Такие исследования изначально были основаны на макро- и микросоциологических подходах – в частности в классической социологии М. Вебера, П. Сорокина, в некоторой степени Э. Дюркгейма, поставивших еще в начале-первой половине XX в. вопрос о влиянии ценностной составляющей на социокультурную динамику. Хотя с точки зрения методологии эти авторы были далеки от сугубо философских построений классической и постклассической аксиологии, но в их подходах наличествовала столь желаемая «конкретика», когда специфическое для той или иной личности или группы восприятие и ранжирование благ и добродетелей рассматривалось как напрямую определяющее поведение в ряде наблюдаемых ситуаций. Затем последовали хорошо известные работы Парсонса, Мертона, Рокича, Клакхона, Мердока, Инглхарта, Шварца, Холла, Хофстеде, Тромпенаарса и многих других авторов, рассматривавших упомянутую проблематику сначала в русле ее влияния на отдельные социальные институты, а затем и на межкультурные коммуникации – как в целом, так и в отдельных сферах, в частности, в бизнесе и политике.

На некоторых из этих работ мы остановимся подробнее: в частности, на тех, что специально рассматривают «ценности» как блага и добродетели в зависимости от их восприятия в социуме и ранжирования по степени значимости в отдельно взятых существующих макрокультурных общностях, каковые ряд авторов склонны называть современными локальными цивилизациями.

М. Рокич в своей книге о ценностях³⁶⁵ начинает с того, что под ценностями понимает стандарты, выученные индивидами под влиянием социума и используемые, чтобы человек мог развиваться как социально и морально компетентная личность. Из такого определения уже ясно, что здесь речь идет о неких социальных нормах, которые в процессе историко-культурного развития того или иного конкретного социума «кристаллизовались» как результат постоянно производимых и при необходимости верифицируемых и корректируемых оценок. Последние, в свою очередь, ставятся в зависимость от того, что для конкретного сообщества (как системы) признается наиболее адаптивным поведением. Однако,

---

³⁶⁵ Rokeach M. Understanding Human Values. New York: The Free Press, 1979. 322 p.

поскольку система не всегда способна адаптироваться максимально быстро, недостаточно адаптивные оценочные реакции способны сохраняться достаточно долго, в перспективе приводя к культурному запаздыванию.

Рокич выделяет 36 участвующих в операциях оценки понятий, которые он именуется ценностями, разделяя их, в свою очередь, на 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей³⁶⁶. Инструментальные ценности в его концепции мыслятся как необходимые для приближения к терминальным. Под последними, например, подразумеваются такие понятия, как «настоящая дружба», «зрелая любовь», «самоуважение», «свобода», «мудрость», «спасение» (в религиозном значении). Сюда же относятся «безопасность семьи», «национальная безопасность», «комфортная жизнь» и «увлекательная жизнь». Уже из приведенных примеров очевидно, что все перечисленное – это, во-первых, блага, и во-вторых, при их бесспорной важности, они являются чрезвычайно разноплановыми в том смысле, что некоторые из них являются материальными, другие – чисто духовными, одни относятся к индивидуальному субъекту, другие могут быть реализованы только коллективным субъектом.

Под инструментальными ценностями понимаются формы поведения – то есть некие добродетели, причем опять же указаны и индивидуальные, и способные реализоваться только в коллективе, а также важные как сами по себе, так и только в ситуации наличия внешних по отношению к ним целей: например, это «амбициозность», «самоконтроль», «мужество», «честность», «вежливость», «интеллект», «независимость», «послушание», «широта взглядов»... Неудивительно, что, с одной стороны, работы Рокича³⁶⁷ и его соавторов оказали значительное влияние на развитие эмпирических, в том числе, кросскультурных исследований ценностей, с другой стороны, эти работы вызвали также вполне ожидаемую, хотя и не всегда хорошо методологически обоснованную критику. В пример последней можно привести аргументы, согласно которым исследование

---

³⁶⁶ Rokeach M. Beliefs, attitudes, and values: A theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass. 1968. 239 p.

³⁶⁷ Hurst C.G. A Meaningful Score: Hartman v. Rokeach // Journal of Formal Axiology: Theory and Practice. 2009. Vol. 2. P. 79–96.

Рокича не может полностью отражать представления даже опрошенных им индивидов хотя бы потому, что они могут по-разному трактовать содержание тех «ценностей», которые им предлагалось ранжировать по степени значимости³⁶⁸.

Вообще, связь между различными попытками практического исследования «ценностей» эмпирическими методами и интересом к вопросам межкультурной коммуникации далеко не случайна, так как существенная часть подобных исследований проводилась в целях изучения причин эффективности или неэффективности международных дипломатических и деловых коммуникаций, иногда при прямой поддержке заинтересованных в этом транснациональных корпораций или же правительственных учреждений отдельных стран.

Одним из первых авторов, которые вообще начали использовать в связке такие понятия, как межкультурные коммуникации, ценности и классификации культур, был американский антрополог Эдвард Холл, предложивший концепцию культур высокого и низкого контекста³⁶⁹.

Холл полагал, что культура – это своего рода коммуникативная среда, в которой сообщения, очевидно, имеют смысл и могут быть интерпретированы не только (а иногда и не столько) как таковые, а гораздо чаще в зависимости от контекста, способного наделять сообщение многими дополнительными значениями, иногда меняя смысл едва ли не на противоположный. Симптоматично, что его подход, до сих пор достаточно часто применяемый при изучении межкультурных коммуникаций, появился лишь ненамного позже, чем труды о значении культурного контекста в рамках постструктурализма (Барт и др.), а также о контексте как необходимой части декодирования любого сообщения (Моль и др.)

Подчеркивая роль контекста в понимании сообщения, Холл акцентирует внимание на различном, как он полагает, уровне значимости этого фактора контекстуальности. По его мнению, в одних культурах без знания контекста сообщение практически невозможно понять правильно – и это культуры высокого

---

³⁶⁸ Gibbins K., Walker I. Multiple Interpretations of the Rokeach Value Survey, Psychology Section Murdoch University // The Journal of Social Psychology. 1993. Vol. 133. Issue 6. P. 797–805.

³⁶⁹ Hall E.T. Beyond culture. New York: Anchor Books Doubleday, 1989. 298 p.

(максимально значимого) контекста. В других культурах сообщение может формулироваться более подробно и детально, с меньшим количеством явных и неявных отсылок к информации, которая должна быть заранее известна собеседнику – это культуры низкого (менее значимого) контекста. Несмотря на то, что Холл лишь вскользь упоминает об исторических предпосылках того, как те или иные культуры стали высоко- или низкоконтекстуальными, некоторую связь с большей или меньшей прочностью социальных связей он все же прослеживает. Культуры с более прочными и устойчивыми социальными связями, более «плотной» сетью коммуникаций, по Холлу, могут быть только высококонтекстуальными – то есть это, очевидно, те культуры, где коллективизм или преобладает, или, по крайней мере, значительно выражен. Более индивидуалистически ориентированные культуры с более «разреженной» сетью коммуникаций в этой схеме должны были стать низкоконтекстуальными – то есть, из-за менее тесных социальных связей в них меньше информации, которая известна всем заранее, и в сообщениях необходимо давать больше вводных данных и более подробно аргументировать свою точку зрения.

Довольно интересны те проблемы, которые Холл связывает с особенностями культурного контекста. Так, для низкоконтекстуальных культур, с его точки зрения, характерны поверхностные социальные взаимосвязи, разобщенность, потенциальная склонность к социальным конфликтам – но при этом также способность к постоянной изменчивости, которая может затрагивать отдельные части социокультурной системы, не меняя (и не подвергая опасности разрушения) ее как целое именно из-за не особенно тесной связи между собой этих частей.

Что касается культур высокого контекста, то Холл (изнутри культуры низкого контекста) по-своему восхищается присущим им высоким уровнем социальной солидарности, крепкими и устойчивыми социальными взаимосвязями, вниманием к причинам и последствиям социальных коллизий. При этом он полагает, что вышеупомянутые стремления к сохранению существующих социальных связей, социального согласия и солидарности приводят к тому, что такая система до последнего противится даже необходимым для нее изменениям.

При этом в ситуации наличия социального недовольства оно также может накапливаться подспудно, почти не проявляясь очень долго, и тем более неожиданным и потенциально разрушительным может быть острый кризис или конфликт, который затронет всю систему, меняя ее целиком, а не только в отдельных параметрах и деталях.

Очевидно, что выделенные Холлом особенности культур должны были сформироваться исторически под влиянием целого ряда факторов, влиявших на жизнь одного или нескольких народов, и процесс этот занимал века. В этом смысле можно сказать, что все эти черты сложились в рамках традиционного типа цивилизационного развития, и с ними локальные культуры подошли или подходят к техногенному типу.

Если в рамках концепции Холла те культурные особенности, которые приводят к появлению контекстуальных различий, были лишь намечены, то у ряда других авторов (Хофстеде, Шварца, Инглхарта и др.) именно перечням значимых в локальных культурах благ и добродетелей (называемых этими авторами ценностями) отводится ведущая роль.

Так, Г. Хофстеде³⁷⁰, собиравший эмпирический материал в 1960–70-е гг., изначально выделил четыре измерения, по которым, как он считал, культуры различаются между собой: дистанция власти (большая или меньшая), уровень избегания неопределенности, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность. Последнее относится только к социально значимым качествам поведения, которые с точки зрения исследователя могут считаться «мужскими» (например, решительность) или «женскими» (например, склонность к поиску компромиссов). Позднее к этому перечню были добавлены такие измерения, как долгосрочная/краткосрочная ориентация (мера стратегического планирования) и допущение свободного удовлетворения потребностей/сдержанность.

Исследование Хофстеде, несмотря на критику методологии, остается одним из авторитетных и по сей день, во многом из-за весьма значительного охвата – на

---

³⁷⁰ Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: SAGE Publications Inc., 1980. 328 p.

начальном этапе было опрошено около 116000 респондентов в 40 странах. Также оно оказало заметное влияние на исследования в рамках Всемирного обзора ценностей, о котором будет сказано немного ниже.

С одной стороны, массовые социологические опросы подобного рода могут дать более-менее репрезентативный срез общественного мнения по поводу значимости отдельных общественных благ или личностных качеств, однако вопросы и почва для возможной критики здесь также присутствует, причем не только в части выделения понятий и ситуаций, о которых спрашивают, но также и в оценке результатов как более или менее ситуативных, и вообще в их интерпретации. На интернет-сайте Хофстеде³⁷¹, например, указано, что пересчет показателей по странам происходит редко, т.к. такие показатели меняются медленно, и в этом нет необходимости. Однако этот тезис можно поставить под сомнение, т.к. конкретные экономические и политические события в отдельно взятых странах и в мире в целом способны ощутимо изменить соотношение этих показателей, причем, возможно, не в течение жизни нескольких поколений, а намного быстрее.

Если рассмотреть показатели по странам, выделяемые Хофстеде, то, согласно его исследованиям, Россия имеет, например, показатели индивидуализма ниже среднего, то есть тяготеет к коллективизму, что близко по уровню к Турции, Ирану, некоторым балканским странам, но все же значительно выше, чем, например, в Китае. Тем не менее, по показателям долгосрочной ориентации (стратегического планирования) Хофстеде указывает на весьма высокие показатели и у России, и у Китая, а также у Японии и Германии – в отличие от почти всех стран Нового света.

По параметру допущения (индальгирования) показатели России, Китая и Индии достаточно близки между собой и не высоки в целом, как и у стран

---

³⁷¹ Hofstede G. Values Survey Module. [Электронный ресурс] URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 01.02.2023).

Восточной Европы, в отличие также от стран Северной, а особенно Южной Америки³⁷².

Сравнительное исследование локальных культур по тому или иному, часто похожему ряду параметров можно встретить также еще в нескольких концепциях, в частности, у Шварца, Тромпенаарса, Льюиса. Мы относительно коротко остановимся на них, так как между ними всеми также достаточно общих черт. При рассмотрении таких концепций необходимо также помнить о них несколько важных фактов. Во-первых, существенная, если не большая их часть создавалась не только и не столько в рамках фундаментальной культурологии и этнографии, сколько для целей повышения успешности деятельности международных корпораций, в основном, западных, их большей эффективности в деловых переговорах и найме сотрудников для многонациональных команд. То есть, с одной стороны, все указанные факторы неминуемо влияют на принятую этими учеными перспективу. С другой стороны, обращение к таким исследованиям дает возможность работать с их зачастую очень обширным фактическим материалом, который был собран в течение многих лет – собрать все эти данные с нуля отдельно взятым исследователям или даже коллективам зачастую практически невозможно.

Ш. Шварц, отталкиваясь от концепции Рокича, также называет ценностями некие концепты или общие понятия, представляющие собой сплав верований и мотивирующих целей – но уменьшает их количество до десяти. Шварц полагает, что эти представления могут быть по-разному ранжированы в зависимости не только от особенностей локальных культур, но и от таких параметров внутри большой социальной общности, как пол, возраст, уровень образования и многое другое, основываясь на данных социологических опросов в нескольких десятках стран³⁷³.

---

³⁷² Спиридонова В.И. Россия как государство–цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.; Шевченко В.Н. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества. М.: ИФ РАН, 2013. 233 с.

³⁷³ Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 10–20.

С точки зрения Шварца (с которой мы не можем полностью согласиться), важно не различие «терминальных ценностей» и «инструментальных ценностей» по Рокичу, а только содержание этих понятий, причем он полагает, что среди них есть взаимно противоположные в том смысле, что усиление одних неизбежно ослабляет другие. Примерно сходная точка зрения, с которой Шварц был знаком, представлена (хотя и в еще более редуцированном виде) в работах Инглхарта и Вельцеля, а также в основанном на этих трудах масштабном Всемирном исследовании ценностей.

Десять понятий, которые Шварц называет базовыми ценностями, присутствующими в разных пропорциях во всех культурах и едва ли не у всех людей – это конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция (поиск новых впечатлений), гедонизм, стремление к достижениям, власть, безопасность. При этом стремление к власти и достижениям формирует тягу к самоутверждению, что противоположно самопреодолению (или же самотрансценденции), формируемому добротой и универсализмом. В свою очередь, из самостоятельности, поиска новых впечатлений и гедонизма складывается открытость изменениям, противоположная консерватизму, сформированному приверженностью к конформности, традициям и безопасности. Именно четыре более универсальных качества (по сути, социальных добродетели), которые Шварц противопоставляет друг другу, в очень схожем виде легли в основу исследовательской методологии Инглхарта и его представления о мировой «карте ценностей».

Еще более ориентирована на цели бизнеса методология Тромпенаарса и Хампден-Тернера³⁷⁴. Тромпенаарс опирается на гораздо более фундаментальные разработки Т. Парсонса³⁷⁵, касающиеся функциональной и мотивационной составляющих социального действия, применяя эту концепцию с некоторыми дополнениями преимущественно к вопросам межкультурных коммуникаций в

---

³⁷⁴ Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. *Riding the Waves of Culture. Understanding Cultural Diversity in Business*. London: Nicholas Brealey Publishing, 2000. 275 p.

³⁷⁵ Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

деловых контекстах. Так, выделяются такие измерения (как некая смесь предпочитаемых благ и добродетелей), как универсализм/партикуляризм, достижения/происхождение, индивидуализм/коллективизм, аффективность/нейтральность, специфичность/диффузность. Также ко всему этому добавляются представление о времени (воспринимается как последовательное/синхронное) и окружающей среде (ориентированность на внешнее/внутреннее), присущие различным культурам.

В русле подобных подходов написаны также работы Р. Льюиса³⁷⁶. Этот автор пишет также преимущественно о деловой культуре, через призму которой рассматривает особенности национальных культур, при этом, конечно, создавая крайне упрощенные схемы. Так, он выделяет так называемые моноактивные, полиактивные и реактивные культуры. Это деление отчасти напоминает высоко- и низкоконтекстуальные культуры Э. Холла – с моноактивными коррелируют низкоконтекстуальные, а с полиактивными и реактивными – высококонтекстуальные культуры. К полиактивным, например, он относит Россию, к реактивным – Японию, моноактивным – Швецию.

Вероятно, наиболее масштабной как по территориальному, так и по временному охвату версией лонгитюдного исследования стал Всемирный обзор ценностей, основанный на методологии, разработанной Инглхартом совместно с Вельцелем и другими исследователями. Сбор данных продолжается уже более сорока лет. Периодически публикуется так называемая карта мировых культур Инглхарта-Вельцеля, где на данный момент представлено 97 государств. На этой карте локальные культуры объединены в своего рода кластеры и расположены по двум осям координат. Кластеры представлены протестантской Европой, отдельно англоговорящими странами, католической Европой, конфуцианскими странами, ортодоксальной (православной) Европой, западной и южной Азией, Латинской Америкой, совместно африканскими и исламскими странами. Разумеется, само это разделение уже показывает чрезвычайную европоцентричность данного подхода, в

---

³⁷⁶ Lewis R.D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. 591 p.

чем признаются даже его авторы, указывая, что изначально это лонгитюдное исследование «выросло» из преимущественного изучения именно европейских стран в 1980-е гг. Так, можно видеть, что Европа на этой «карте» представлена целыми тремя кластерами, ряд азиатских стран довольно некритически и поверхностно назван «конфуцианскими» при явно очень различном влиянии на них этого учения. В некоторых случаях и сами результаты вызывают некоторые сомнения: к примеру, среди тех же «конфуцианских» стран относительно близко стоят Китай и Монголия.

В то же время в один кластер объединены все страны Африки, вне зависимости от распространения в них христианства, ислама и иных религий, а также сюда же отнесены страны, где наиболее распространен ислам – например, рядом оказываются Марокко и Азербайджан, а Таджикистан и Пакистан соседствуют с Мальдивами.

При этом само создание и распределение таких кластеров, вероятно, говорит не только (а возможно, и не столько) о национальных культурах как таковых, сколько о перспективе преимущественно европейских и отчасти американских ученых, проводящих данные исследования. Указанные восемь кластеров являют собой воплощение представлений этих авторов о «больших» локальных культурах, которые, возможно, даже могли бы быть названы локальными цивилизациями, если бы этот термин среди социологов был более популярен.

Что касается осей координат, на которых расположены эти кластеры, то первые представлены такими параметрами, как 1) традиционные/секулярные ценности и 2) ценности выживания/самовыражения.

В своих работах Инглхарт и Вельцель³⁷⁷ высказывают следующую точку зрения на динамику выделенных ими показателей, которые легли в основу упомянутой «системы координат»: они полагают, что при переходе от традиционных аграрных обществ к индустриальным происходит более или менее выраженная секуляризация, а при переходе к постиндустриальным обществам –

---

³⁷⁷ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

движение в сторону «ценностей» (благ) самовыражения. Эту мысль можно рассматривать как своего рода гипотезу, которая, хотя и получила большую известность, но все же пока остается, скорее, предположением, так как для его проверки понадобится лонгитюдное исследование даже не в сорок, а, возможно, в сто или более лет длиной.

При этом сами авторы отмечают, что пути того процесса, что они обобщенно называют модернизацией, не могут быть заранее предсказаны со стопроцентной вероятностью, на модернизацию способно повлиять огромное множество факторов. Также они отмечают, казалось бы, очевидное свойство национальных культур, которое, однако, далеко не всегда не принимается во внимание: их устойчивость и крайне медленную (особенно в сравнении с развитием науки и техники) изменчивость. Можно предположить, что скорость изменений культуры, равно как и глубина затронутых этими изменениями пластов сравнима с переменами, происходящими с естественными языками как одновременно коммуникативными и понятийными системами культуры.

Ингхарт и Вельцель также попытались связать культурную динамику с экономической, однако эта бесспорно важная сверхзадача ими все же была лишь намечена.

Тем не менее, несмотря на такие недостатки всех указанных исследований, как явная поверхностность в отношении как рассмотрения специфики отдельных локальных культур, так и причин их динамики, все же в этих разработках затронуты чрезвычайно важные для нас проблемы – а именно, системные вопросы модернизации и межкультурного взаимодействия, в том числе, происходящего под влиянием увеличения количества международных деловых взаимосвязей, что неизбежно происходит в результате развития техногенного цивилизационного типа.

Несмотря на то, что понятия модернизации и техногенной цивилизации не тождественны друг другу, но стоящие за ними явления трудно представить происходящими порознь. Научно-технический прогресс, напрямую связанный с

модернизацией, обусловил само возникновение техногенной цивилизации³⁷⁸. Соответственно, те особенности, которые характеризуют достаточно хорошо изученный процесс модернизации и, в частности, те трудности, с которыми столкнулась вторичная, или догоняющая, модернизация, могут послужить хорошей иллюстрацией и для динамических особенностей, свойственных техногенной цивилизации.

Культура, как мы показали ранее, представляет собой аутопойетическую рекурсивную систему. То есть она, во-первых, постоянно воспроизводит собственные коммуникативные паттерны, хотя и способна постепенно (но достаточно медленно) видоизменяться, приспосабливаясь к появлению внешних или внутренних для системы новых факторов, воспринимаемых как вызовы. Во-вторых, раз такая система еще и рекурсивна, то свои основные особенности она будет повторять также на всех уровнях своего функционирования.

Таким образом, если речь идет о ценностях, то они, являясь ядром и системообразующим принципом подобных систем, могут существовать, только постоянно воспроизводясь индивидуальными и коллективными субъектами на всех уровнях. При этом ценностно-нормативные комплексы культуры, чтобы иметь возможность воспроизводиться в течение длительного времени, должны сохраняться в культурной памяти через наличие норм: представлений, фиксирующих большее или меньшее соответствие конкретных поступков благу или добродетели³⁷⁹. Мера и критерии подобного соответствия (например, по которым один поступок будет считаться более мужественным или мудрым, чем другой) для каждой отдельной культуры формируются и изменяются исторически в условиях необходимости приспособления подобных оценок к специфическим условиям, в которых существует эта конкретная культурная система. Это могут быть географические условия, формы взаимодействия с представителями других

---

³⁷⁸ Eisenstadt Sh.N. The Civilizational Dimension of Modernity // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 320–340.

³⁷⁹ Беспалова Т.В. Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры // *Вопросы социальной теории*. 2020. Т. XII. С. 131–142.

культур и многое другое – все то, что и является в итоге историческим путем социокультурной общности.

Каждая культура движется собственным самобытным путем, и как мы уже говорили, для того чтобы проследить, как появились ее ценности и закрепились в форме культурных норм, в каждом случае необходимо отдельное подробное и обширное исследование. Тем не менее, можно отдельно рассмотреть, к чему же они пришли исходя из критериев, выявляемых рядом авторов, чаще всего в работах по межкультурным коммуникациям. Нам эти исследования полезны в связи с тем, что позволяют провести некий сравнительный анализ различий культурных ценностно-нормативных комплексов, с которыми конкретные социумы подошли к техногенному типу развития. Эти комплексы, в свою очередь, могут показать, что именно вообще будет приспосабливаться и, возможно, изменяться под влиянием научно-технического прогресса, где будет в каждом случае лежать «Иное» этих комплексов, их противоположность, и как будет строиться в них взаимодействие индивидуальных и коллективных субъектов, определяющих и постоянно осуществляющих ценностное отношение к реальности.

В данной работе мы не планируем проводить подробный сравнительный анализ локальных культур по признакам предпочитаемых ими перечней и иерархий благ и добродетелей. Эта задача отчасти уже осуществляется в выкладках, основанных на исследованиях Хофстеде и Инглхарта, хотя, как мы уже говорили, только в первом приближении, достаточно схематично и зачастую поверхностно. Также существенно более углубленный, хотя и также отчасти тенденциозный анализ был предпринят Тойнби. Тем не менее, возможно, даже на основе существующих российских и мировых статистических данных возможны и даже необходимы в будущем исследования, которые не только констатировали бы то или иное положение дел, но и обладали бы большим объяснительным потенциалом, чем разработки Инглхарта, Хофстеде и даже их последователей.

Нас же в этом исследовании интересуют, в первую очередь, ценностные ориентиры, которые могли бы на более высоком уровне снять противоречия между ценностями традиционного и техногенного цивилизационных типов. При этом, как

мы уже указали, те блага и добродетели, которые чаще всего попадают в разнообразные иерархически выстроенные перечни – это, в основном, максимы, рожденные еще в рамках традиционного цивилизационного типа. В то же время немногочисленные созданные в рамках техногенного типа подобные представления – это представления о ценности истины и научной новизны, а также связанного с ними прогресса – все это в данной работе мы склонны считать именно благами; также это ценность критического мышления, которое в данном случае является едва ли не главной (а возможно, и единственной) добродетелью.

Противоречие между ценностями традиционного и техногенного типа не только в том, что техногенный тип рассматривает все ценности предыдущих эпох как внешние и относительно релятивные (даже ситуативные) по отношению к научно-технической сфере. Еще одна проблема состоит в том, что ценностные основания доиндустриальных эпох были изначально созданы в рамках мифологического мировоззрения и воспринимались некритически. Любой критический разбор лежащих в их основании благ и добродетелей обнаруживает неразрешимые рациональным образом проблемы, что в перспективе может привести к ценностному и этическому релятивизму или даже нигилизму³⁸⁰. Фактическое содержание этих благ и добродетелей, служащее мерилom и эталоном, может быть принято или на веру, или в результате соглашения. С точки зрения возможностей рационального осмысления второй случай, конечно, предпочтительнее. В конце концов, тот рационально-критический инструментарий мышления и познания, которые с приходом техногенной цивилизации медленно и тяжело, но неостановимо все же входит в массовую практику, будучи фундаментально антидогматичным, способен не только отрицать предыдущие ценностные ориентиры, но и, осмыслив их, сознательно принимать в той части, которая окажется наиболее полезной и приемлемой для индивида и социума в конкретный исторический период. В этой связи для того, чтобы обозначить те возможные основания для ценностных ориентиров, которые способны возобладать

---

³⁸⁰ Вегас Х.М. Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 2007. 225 с.

в будущем в случае преодоления мировоззренческого кризиса, нужно было последовательно указать на уже существующие такие максимы в наличествующих цивилизационных типах.

Итак, в этом параграфе мы рассмотрели существующие подходы к изучению содержательных оснований, формирующих культурные ценности. Однако можно сказать, что все указанное относится к так называемой «статике» культуры. Поэтому в конце параграфа мы обратимся к ее «динамике» – то есть к вопросам изменчивости, присущей как иерархиям благ и добродетелей, так и их предметному содержанию (когда, например, добродетель мужества продолжает цениться, но представление о том, какие именно поступки являются более или менее мужественными, может измениться).

Ценность, как мы уже неоднократно показывали, не может существовать вне ценностного отношения, а в отрыве от него становится нормой, обычаем, культурным габитусом, иногда даже догмой – то есть каким-либо относительно устойчивым культурным конструктом, который, в свою очередь, обретает иногда многолетнее, иногда многовековое бытование в культуре социума и может служить основой для формирования новых индивидуальных и коллективных ценностных отношений.

Все то, что называли ценностями все упомянутые в данной главе авторы, как раз и представляет более или менее структурированные перечни подобных конструктов. Именно последние чаще всего называются ценностями в нефилософском дискурсе, как научном, так и публицистическом и бытовом. И именно о них писал Парсонс³⁸¹, когда указывал на то, что ценности (в его трактовке термина) одновременно структурируют и ограничивают социокультурные практики. На этой особенности данных культурных конструктов мы хотим остановиться подробнее, так как в ней скрыт внутренний потенциал для их дальнейшей динамики. На него обращают гораздо меньше внимания, чем на внешние факторы, под влиянием которых могут происходить изменения норм и габитусов культуры.

---

³⁸¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

Что мы подразумеваем здесь под этим внутренним потенциалом изменчивости? В первую очередь, ту фундаментальную особенность диалектики культуры, на которую исследователи начали обращать внимание с начала XX в., но наибольший интерес она вызвала только во второй половине этого столетия. Это диалектика магистральной (основной, базовой) культуры любого общества и его же контркультуры³⁸², которая всегда формируется как противопоставление именно какой-то конкретной культуре локальной общности или даже социального слоя, поскольку и та, и другая формы культуры сосуществуют в рамках одного социума и отражают друг друга. Насчет последнего замечания могут возникнуть вопросы: если контркультура вторична по отношению к основной культуре, то почему они обе отражают друг друга, а не только первая вторую? Здесь можно указать на то, что при сосуществовании двух противоположностей они вынуждены взаимно определять себя через Другого, и этот процесс просто не может быть односторонним. В особенности это верно, когда речь идет о нормах как устоявшейся основе для воспроизведения когда-то сформированных ценностных отношений. Каждое указание на то, что некое действие или явление оценивается положительно, в принципе предполагает и подразумевает, что существует нечто противоположное, оцененное как отрицательное – и что обе противоположности существуют или актуально, или хотя бы гипотетически. Очевидно также, что при изменении любой части этой диалектической пары другая часть должна также меняться.

Если попытаться не только обозначить динамику культуры и контркультуры, но и рассмотреть все это с системной точки зрения, то можно констатировать следующее. Система норм и габитусов культуры может быть сколь угодно «хорошей» в том смысле, что она приспособлена к налично имеющейся совокупности внешних и внутренних условий среды. Хотя на деле, конечно, ни одна такая система в этом смысле не может быть безупречной. Но при постепенных изменениях этих условий система вынуждена будет адаптироваться, а резкие

---

³⁸² Гуревич П.С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 322–323.

изменения могут не дать ей времени это сделать. Все это неминуемо вызовет накопление системных ошибок, которые для своего устранения вызовут необходимость обращения к иным адаптивным механизмам взамен несработавших. Откуда эти новые механизмы возьмутся? В рамках каждой конкретной культуры – из тех ее маргинальных (контркультурных) течений, которые в принципе могли в ее рамках возникнуть и были бы хотя бы понятны ее носителям. Поскольку культура – аутопойетическая система, она не может в готовом виде воспринять ни «чужих» достижений основных культур, ни «чужой» контркультуры. Даже заимствования, чтобы быть понятыми и принятыми, должны быть должным образом ассимилированы и «переведены» на язык понятий принимающей культуры, для чего в ней уже должны наличествовать и механизмы, и предпосылки.

Не случайно одним из первых рассматривать контркультуру стал Зигмунд Фрейд³⁸³. В духе своего психоанализа он предположил, что ее корни находятся в бессознательном, которое способно отрицать всякую культуру вообще и стремиться к докультурному состоянию. Однако в дальнейшем стало очевидно, что любое отрицание подобного рода – это не отрицание культуры вообще, а только некоторой, относительно небольшой части ее локализованных во времени и пространстве особенностей.

Мы можем предположить, тем не менее, что психоаналитическая терминология может применяться к контркультуре метафорически, и в этом смысле ее можно сравнить с юнгианской «Тенью», которая всегда комплементарна «Персоне» как видимой части системы.

Интерес к контркультуре закономерно возрос в 60-е гг. XX в., когда в полной мере проявила себя так называемая молодежная субкультура³⁸⁴. Тем не менее, последняя способная являться лишь одним из многочисленных ликов контркультуры (далеко не вся и не всегда), но и только. На данном этапе своего

---

³⁸³ Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.

³⁸⁴ Roszak Th. The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition. New York: Anchor Books, Doubleday & Company Inc., 1969. 304 p.

существования, например, молодежная субкультура стала настолько размытым явлением, что большая ее часть давно перестала ассоциироваться с контркультурными проявлениями. При этом гораздо более приближены к контркультуре такие явления, как радикальный экоактивизм или очень далеко от него отстоящая, но также очевидно контркультурная криминальная субкультура.

Что отличает контркультуру от всего, что ею не является: например, от многочисленных субкультур, которые часто похожи на кружки по интересам, а также от разнообразных коммерческих продуктов и «вбросов извне»? Во-первых, это прямая зависимость контркультуры от основной культуры конкретного общества. Во-вторых, это, конечно повышенное внимание к тем особенностям целостной и разноплановой культуры общества или его значительной части, которые по каким-то причинам или остаются незамеченными, или активно отторгаются, но при этом являются не чуждыми, а такими, через которые основная культура способна себя определять как таковая (даже если это определение через отрицание). В-третьих, это активное стремление быть «замеченными» и «принятыми» именно тем большинством или социальным слоем, которые данную контркультуру как раз и отвергают. И наконец, это своеобразная и очень характерная искренность, с которой представители контркультуры выражают и, что называется, «проживают» свои взгляды – и эта черта, вероятно, относится ко всем без исключения контркультурам, отличая их от коммерческих и иных продуктов. Причем черта эта присуща разным проявлениям контркультуры вне зависимости от их направленности. Это могут быть объективно деструктивные, пронизанные безысходностью и цинизмом криминальные контркультуры. Но эта черта ровно также присуща и молодежным, и многим другим суб- или контркультурам.

Так же, как ошибочно считать контркультуру явлением, привнесенным откуда-то извне, поскольку она комплементарна именно своей основной культуре, в той же мере неверно полагать, что контркультура – это исключительно современное (начиная с середины XX века) порождение. Последнее верно относительно молодежных субкультур, которые могли возникнуть только в

специфических социально-экономических условиях второй половины прошлого столетия: роста благосостояния, увеличение возраста «социального детства» и периода обучения, развития индустрии досуга³⁸⁵. Что касается контркультуры, то этот феномен может быть прослежен гораздо далее в истории. Ее описания очень интересны и ясно высвечивают тенденции и противоречия своего времени.

В этом смысле описанный Федотовым³⁸⁶ тип русского интеллигента, непринятого и неприкаянного, выросшего из странничества и одинокого духовного поиска, заводившего иногда в очень неожиданные дали – это, вероятно, тип представителя контркультуры того периода, который этот автор застал и своими глазами мог видеть. При этом Федотов полагал, что этот тип безвозвратно исчез³⁸⁷, что, с нашей точки зрения, можно объяснить мощнейшими процессами социального и культурного переустройства абсолютно на всех уровнях. Контркультура в некоторых случаях может знаменовать собой наличие объективных предпосылок для социокультурных изменений, может даже их существенно приблизить, но, когда они происходят, она на некоторое время практически исчезает.

Контркультура – это несколько парадоксальный показатель зрелой и относительно устойчивой социальной и культурной системы, которая уже научилась относительно непротиворечиво определять сама себя, что-то принимать, а что-то отбрасывать. И при этом такая система, возможно, уже не так давно прошла свой расцвет, так что в ней намечилось обострение внутренних противоречий из-за того, что какие-то значимые для всей системы вопросы или проблемы оказались за пределами магистрального дискурса.

Так, описанный Федотовым тип дореволюционного интеллигента исчез, но через несколько десятилетий он возродился в ином качестве: в виде советских диссидентов и, как ни странно, сугубо советского же варианта субкультуры хиппи.

---

³⁸⁵ Левикова С.И. Молодёжная субкультура. М.: ФАИР ПРЕСС, 2004. 608 с.

³⁸⁶ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 188–205.

³⁸⁷ Волкогонова О.Д. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 4. С. 247–257.

И точно так же эти культурные типажи исчезли после перестройки, так как исчезла та система, которой они противостояли как представители контркультуры. В современной России мы не находим почти ничего на них похожего, хотя молодежные субкультуры в несколько размытом виде продолжают существовать. Контркультурные тенденции в нашей стране на данный момент представлены, в основном, деструктивными криминальными или околокриминальными объединениями, большая часть из которых вполне заслуженно оказывается вне закона. При этом, исходя из представлений о культурной динамике, можно предположить, что такое положение вещей – тоже не навсегда, и некие новые, в том числе гораздо более конструктивные тенденции могут рано или поздно появиться. Тем не менее, однозначно спрогнозировать время их появления, а тем более конкретную содержательную направленность сейчас едва ли возможно.

§ 4. Изменение образовательных парадигм как адаптивный механизм техногенной цивилизации³⁸⁸

Можно констатировать, что формирование и распространение тех ценностных перспектив, которые могли бы «примирить» локальные культуры с инновациями техногенной цивилизации, можно было бы существенно ускорить через органичное включение этих инноваций в массовые образовательные процессы.

Адаптация культуры и социума к новому происходит тем лучше, чем более блага и добродетели, связанные с техногенным типом цивилизационного развития, интегрированы в конкретную культуру в том смысле, что у нее есть собственные

---

³⁸⁸ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующих работах автора диссертации: Малахова Е.В. Смена парадигмальных подходов к образованию как необходимое следствие его массовой цифровизации // Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 30-42; Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

механизмы их воспроизводства через развитие своих технологий и связанного с ними образования³⁸⁹.

Можно было бы сказать, что образование и так усиленно интегрирует все инновации, однако массовая и часто вынужденная его цифровизация в результате масштабных локдаунов во многих странах мира выявила не только ситуативные технологические, но и методологические, а в некоторых случаях даже мировоззренческие проблемы этой сферы³⁹⁰. Оказалось, что существенная часть современного образования до сих пор на деле функционирует в классической парадигме, берущей начало в XVII столетии, незначительная часть опирается на неклассическую парадигму, а постнеклассическая парадигма применительно к этому общественному институту еще только начала формироваться.

Здесь мы обратим внимание на феномен цифровизации образования³⁹¹ как на пример ускоренного внедрения паттернов социального поведения, характерных для зрелой техногенной цивилизации, породившей информационное общество как общество знаний. Также, вполне вероятно, что эти же или схожие социальные паттерны могут быть характерны и для будущего цивилизационного типа, который некоторые авторы именуют посттехногенным³⁹².

Сейчас, когда цифровизация образования набирает обороты³⁹³, как никогда остро встает вопрос о том, как именно необходимо производить внедрение цифровых технологий в образование с тем, чтобы их использование позволило

---

³⁸⁹ Брызгалина Е.В., Миронов В.В. Управление образованием как ответ на вызовы системе образования современной России: социально-философские основания // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2. [Электронный ресурс] URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.54.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

³⁹⁰ Fataar A. Towards an e-learning ecologies approach to pedagogy in a post-COVID world // Journal of Education. 2021. No. 84. P. 155–168.

³⁹¹ Abduvakhidov A.M., Mannapova E.T., Akhmetshin E.M. Digital Development of Education and Universities: Global Challenges of the Digital Economy // International Journal of Instruction. 2021. No. 14 (1). P. 743–760.

³⁹² Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 3–19; Маслов В.М. Посттехногенная цивилизация: от теории к практике // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 145–147.

³⁹³ Ahmad I., Sharma S., Singh R., Gehlot A., Priyadarshi N., Twala B. MOOC 5.0: A Roadmap to the Future of Learning // Sustainability. 2022. No. 14 (18). [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/18/11199> (дата обращения: 10.02.2023).

повысить качество обучения. Дебаты касательно последнего связаны, в основном, с данными, полученными в ходе того, что некоторые исследователи назвали шоковой цифровизацией³⁹⁴, когда школы и вузы спешно были вынуждены переходить на онлайн-формат³⁹⁵. Многие из них ожидаемо оказались к подобному не готовы ни методически, ни технологически³⁹⁶. Все это заставляет ставить довольно непростые задачи поиска таких путей цифровизации образования, которые позволили бы решить обнаруженные проблемы. Мы полагаем, что решение их может лежать гораздо глубже уровня только конкретных методик и технологий – а именно, на методологическом и, возможно, парадигмальном уровне, где и проявляются несоответствия между теми основаниями, на которых строится современное образование, и теми, на которых развиваются цифровые технологии³⁹⁷.

В данном разделе перед нами, таким образом, стоят следующие задачи: прояснить, на основании каких образовательных методов и парадигмальных подходов неизбежная, вероятно, в современных условиях цифровизация образования может проходить с наибольшей эффективностью, и как вообще можно говорить о наличии тех парадигм, на которые этот процесс мог бы опираться в его теоретической части?

Мы предполагаем, что методологические проблемы онлайн-образования³⁹⁸ – это проблемы, происходящие во многом из-за столкновения методов обучения,

³⁹⁴ Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 1. С. 156–201.

³⁹⁵ Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100.

³⁹⁶ Анисимов Н.Ю. Уроки «Стресс–теста». ВУЗы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад. [Электронный ресурс] URL: https://news.tsu.ru/upload/medialibrary/add/uroki-stress_testa-vuzy-v-usloviyakh-pandemii-i-posle-nee.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

³⁹⁷ Kornilov I.B., Danilov D.A., Kornilova A.G., Golikov A.I., Gosudarev I.B. Different Approaches to the Development of Online Learning in Higher Education // Propósitos y Representaciones, 2020. Vol. 8. [Электронный ресурс] URL: <https://revistas.usil.edu.pe/index.php/pyr/article/view/706/1053> (дата обращения: 10.01.2022).

³⁹⁸ Семенова Т.В., Вилкова К.А. Типы интеграции массовых открытых онлайн–курсов в учебный процесс университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 6. С. 114–126.

органически связанных с классическими педагогическими подходами³⁹⁹, и новых цифровых средств, использование которых подразумевает совсем другие подходы и технологии обучения.

Вначале мы проанализируем, могут ли существующие подходы к образованию претендовать на парадигмальный статус – в том числе для того, чтобы прояснить, может ли в их рамках быть адекватно сформулирован запрос, которому должна отвечать цифровизация данной сферы. Дело в том, что, как это нередко бывает с новыми технологиями, когда заходит речь об их использовании (в том числе, в образовании), то говорят, в первую очередь, об их собственных возможностях. Однако мы полагаем, что для начала надо поставить вопрос не о том, что может новая технология, а о том, какая технология вообще может подойти к той или иной модели обучения, реализованной социальным институтом современного образования в рамках определенной парадигмы. Если же окажется, что новую технологию во что бы то ни стало необходимо осваивать и внедрять, то нужно прояснить, каким изменениям необходимо будет подвергнуть институт образования, чтобы эта технология могла там использоваться и действовать таким образом, чтобы этот институт как минимум не утратил своих основных функций в социуме⁴⁰⁰.

На втором этапе мы рассмотрим, к какому именно типу научной рациональности относятся основные существующие образовательные подходы, даже не обладающие парадигмальным статусом, и в зависимости от полученных результатов сможем выявить сущность и происхождение методологических проблем, связанных с процессами цифровизации.

Поскольку речь идет об исследовании направлений в образовании⁴⁰¹, которые претендуют на статус парадигм, то для их рассмотрения необходимо использовать

---

³⁹⁹ Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.

⁴⁰⁰ Лепский В.Е. На пути к управлению сферой образования как саморазвивающейся средой // Социология образования. 2014. № 10. С. 4–24.

⁴⁰¹ Alenezi M. Deep Dive into Digital Transformation in Higher Education Institutions // Education Sciences. 2021. No. 11 (12). [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/11/12/770> (дата обращения: 01.02.2023); Artificial Intelligence in Education: Challenges and

подход, который по отношению к ним будет выступать как метатеория, и, с другой стороны, сам по себе будет обладать парадигмальным статусом и, таким образом, предоставлять методологию исследования, подходящую для решения поставленных задач.

Если взять классическое определение парадигмы, которое дает Т. Кун, то под парадигмами будут подразумеваться «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»⁴⁰². Такие парадигмы наиболее общего порядка рассматриваются В.С. Степиным⁴⁰³ как классическая, неклассическая и постнеклассическая, связанные с развитием соответствующих им типов научной рациональности. Предложенная Степиным идея смены типов научной рациональности напрямую связана с достижениями как индустриальной, так и постиндустриальной эпохи и развитием науки и образования как основополагающих социальных институтов.

Использование подобного «внешнего» для образования парадигмального подхода и связанной с ним методологии позволит ввести основания для систематизации существующих многочисленных разнородных подходов с точки зрения роли образования в социуме и видоизменения этой роли в соответствии с фундаментальными цивилизационными сдвигами. Содержание и функции образования как социального института видоизменяются в прямом соответствии с масштабными социальными процессами, приводящими к смене сначала традиционных цивилизационных типов на техногенную цивилизацию, а затем подготовившими почву и для дальнейшего движения уже к будущей возможной посттехногенной цивилизации.

Именно с этой, в некоторой степени, метатеоретической позиции мы в дальнейшем будем рассматривать существующие в сфере образования подходы,

---

Opportunities for Sustainable Development // Working Papers on Education Policy 07. France: UNESCO, 2019. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения:)10.10.2021.

⁴⁰² Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. С. 17.

⁴⁰³ Степин В.С., Киященко Л.П. (отв. ред.) Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2009. С. 249–295.

которые претендуют на статус парадигм, а также возможности их влияния на процесс цифровизации образовательной сферы. Мы проанализируем эти подходы к образованию как к области обучения и воспитания⁴⁰⁴ и проясним, как они соотносятся с тем или иным типом научной рациональности.

Образование является одним из важнейших социальных институтов среди существующих на данный момент. Однако если мы зададимся вопросом, что должен представлять собой этот институт, то спектр возможных ответов окажется настолько широк, а содержание их зачастую так противоречиво, что даже классификация существующих установок в этой области окажется делом весьма непростым и трудоемким.

Сама задача оценки существующих и построения новых парадигм в образовании всегда с очевидностью выходила за рамки чисто теоретической, так как даже те подходы, которые не находили применения сразу, прямо или опосредованно оказывали влияние на видоизменение институциональных особенностей образования, иногда в достаточно длительной перспективе.

Так каким образом образовательные парадигмы вообще возникают, и что под ними следует понимать? Если начать говорить о них, то здесь мы сталкиваемся с довольно неожиданной ситуацией. Начнем с того, что ряд авторов⁴⁰⁵ вообще называют современный этап развития педагогики как науки об образовании допарадигмальным. Эта, на первый взгляд, парадоксальная точка зрения обусловлена тем, что в научных трудах, рассматривающих образовательные парадигмы, можно встретить самое разное количество последних, а также различную трактовку их содержания даже в тех случаях, когда речь, казалось бы, идет об одной и той же парадигме. Кроме того, нередко в число парадигм попадают достаточно разрозненные комплексы воззрений на образование, вообще не имеющие отношения к науке.

---

⁴⁰⁴ Галухин А.В. Опыт классификации моделей обучения в современной зарубежной педагогике // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 33–51.

⁴⁰⁵ Яцык В.З., Чернышенко Ю.К., Пискарева О.В. Парадигмы современного образования // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2008. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-sovremennogo-obrazovaniya-1> (дата обращения: 01.02.2021).

Широта и неопределенность трактовки самого понятия «парадигма» в науках об образовании порождает множество вариантов того, как выделяются и классифицируются те или иные концепции, которые конкретные авторы относят к парадигмам.

Если рассматривать образование с точки зрения его значения в целом – для личности, социума, а также в исторической и культурной перспективе, то выделяют и называют парадигмами⁴⁰⁶, например, подходы, связанные с природосообразностью образования (природоориентированные), с его культурным значением (культуроориентированные); также подходы, рассматривающие значение образования для блага, в первую очередь, общества (социоцентристские) или индивида (персоноцентристские). Однако подобные подходы скорее делают предметом рассмотрения именно само образование в целом как объект изучения, чем формируют его собственные теоретические основания.

Если говорить о подходах к образованию с точки зрения взаимодействия педагогов и учащихся, то выделяют, в частности, следующие⁴⁰⁷. Во-первых, это так называемый «ЗУНовский» подход (от слов «знания», «умения», «навыки») – в нем, согласно названию, приоритетными считаются обучение и научение как трансляция и усвоение знаний, то есть значительного объема информации. Умения и навыки тоже нередко тесно связаны с работой с информацией. Сложность оценки эффективности использования полученных знаний (умений, навыков) вне системы образования служит причиной частой критики данного подхода. Однако несмотря ни на что, именно он до сих пор нередко доминирует в существенной части учебных заведений. Вокруг этого подхода давно наличествует довольно развернутая дискуссия, оживившаяся во время внедрения компетентностной модели. Так, отдельные авторы стремятся подчеркнуть новизну последней, жестко

---

⁴⁰⁶ Агапова Н.Г. Парадигмальные ориентации и модели современного образования (системный анализ в контексте философии культуры): монография. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2008. 364 с.

⁴⁰⁷ Герасимов Г.И. Парадигмальный плюрализм как проявление кризиса образования // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 7–21.

противопоставляя ее «ЗУНам»⁴⁰⁸, в то время как другие не видят принципиальных различий⁴⁰⁹. Дискуссия эта, однако, по-видимому, носит преимущественно теоретический характер и на практическую работу педагогов, по нашим наблюдениям, особенного влияния не оказывает.

Иногда отдельно выделяют также когнитивный подход (который могут именовать парадигмой), имеющий довольно много общего с предыдущим, но со значительно большим акцентом именно на развивающие методики обучения.

Если две вышеуказанные концепции рассматривают роль педагога как преподавателя, дающего информацию, то другие большее внимание уделяют аспекту воспитания и необходимости учитывать не только когнитивную, но также эмоциональную и другие составляющие⁴¹⁰.

Это, во-первых, довольно часто упоминаемый гуманистический подход, направленный на развитие личности учащегося, исходя из его собственных возможностей, интересов и потребностей. Можно ли назвать этот подход парадигмой – вопрос довольно неоднозначный, так как при том, что он может выглядеть как некий идеал, к которому образование должно было бы стремиться, на деле он зачастую скорее декларируется, чем воплощается, особенно если речь идет о массовом образовании, так как по своей сути предполагает индивидуализированный подход. Кроме того, даже назвать это единым подходом можно с очень большой натяжкой, т.к. на деле он включает в себя достаточно большое количество различных направлений.

Помимо указанного иногда выделяют еще несколько подходов, которые мы здесь лишь упомянем, так как они, хотя и применяются на практике, все же лишены признаков как парадигмальности, так и научности. Это подход, оценивающий

---

⁴⁰⁸ Плахова Л., Овчинникова Н. Управление образовательными организациями в условиях введения ФГОС: конфликт между мотивами и ресурсами // Образовательная политика. 2015. № 3 (69). С. 113–117.

⁴⁰⁹ Антипин Н.А. Компетентностный подход в образовании: некоторые современные проблемы // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 8–2 (13). С. 156–160.

⁴¹⁰ Lohr A. et al. On powerpointers, clickerers, and digital pros: investigating the initiation of digital learning activities by teachers in higher education // Computers in Human Behavior. 2021. No. 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563221000376?via%3Dihub> (дата обращения: 10.01.2022).

образование с точки зрения практической полезности полученных знаний и навыков, а также народная педагогика, которая сформировалась и существует до и вне научных подходов.

Кроме указанных, для классификации подходов к образованию, которые также могут быть названы в литературе парадигмами, могут использоваться критерии доминирующих форм обучения как познания реальности. Так, например, выделяют⁴¹¹ научно-технологическую, гуманитарную и эзотерическую парадигмы.

В принципе, некоторые исследователи⁴¹² вполне справедливо сводят значительную часть подходов к образованию, включая все вышеперечисленные, к двум основным, которые также именуют парадигмами: традиционную и гуманистическую, которые рассматриваются как противостоящие одна другой в том, что касается взаимодействия педагогов и учащихся.

Из рассмотренных нами подходов, имеющих место на данный момент в педагогике, можно сделать важный как для данной работы, так и для последующих исследований в этой области вывод. А именно – во-первых, в современном образовании на данный момент присутствует множество направлений, существенная часть которых с большим или меньшим правом претендует на статус парадигм. Во-вторых, при этом какой-либо единой, целостной, всеми принимаемой парадигмы (в классическом понимании этого термина) в данной сфере, видимо, в принципе сейчас не существует, и возникают сомнения в возможности ее возникновения в обозримом будущем. Однако это не отменяет наличия множества взаимно дополняющих друг друга подходов, методов и педагогических технологий, многие из которых вполне эффективны⁴¹³.

Некоторые авторы используют понятие «педагогической технологии», причем при наличии множества подобных технологий обучения и научения, как правило, традиционная (классическая) технология может противопоставляться

---

⁴¹¹ Колесникова И.А. Педагогические цивилизации и их парадигмы // Педагогика. 1995. № 6. С. 84–89.

⁴¹² Володина О.В. Полипарадигмальные обоснования современного образования // Известия волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (111). С. 4–11.

⁴¹³ Bryan A., Volchenkova K.N. Blended learning: definition, models, implications for higher education // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2016. Т. 8. № 2. Р. 24–30.

широкому спектру гуманистических технологий, возникших нередко как попытка исправить ее недостатки, жертвуя при этом одним ключевым достоинством – массовостью образования. Что интересно, эта классическая педагогическая технология во многих своих чертах сохраняется и по сей день, не особенно меняясь под воздействием дебатов о содержании образовательных программ – так как касается не столько содержания, сколько форм и методов педагогической деятельности. И именно эту педагогическую технологию, долго составлявшую основу всего массового среднего и высшего образования, сейчас затрагивают изменения, происходящие в результате цифровизации.

Итак, что представляет собой с организационной и методологической точки зрения эта всем известная классическая, традиционная классно-урочная форма и технология обучения, частным случаем которой стала и лекционно-семинарская форма? Из истории образования как института мы знаем, что эта форма сложилась далеко не сразу. Ее возникновение связывают с классиками педагогики, в частности, с Я.А. Коменским и его «Великой дидактикой»⁴¹⁴. Это произведение стало, безусловно, одним из величайших памятников мировой педагогической мысли. Оно позволило сделать образование, во-первых, систематическим по форме, во-вторых, энциклопедическим по содержанию. В-третьих, именно такой подход заложил основы всеобщего массового образования, позволив стандартизировать его, создать стройные последовательные учебные программы с четкой привязкой к классу или курсу учащихся. Предполагалось, что такая система может работать почти у всех педагогов нужной квалификации и для подавляющего большинства учащихся, последовательно и планомерно осваивающих учебные программы. Собственно, очень долгое время так и было, несмотря на некоторые недостатки.

Но не стоит также забывать, что эта система была нацелена, во-первых, на учащихся, изначально ограниченных в доступе к информации. Информация была сама по себе ценностью, и именно ее преподаватель в первую очередь стремился передать и пояснить учащимся. Также как данность рассматривался очный формат

---

⁴¹⁴ Коменский Я.А. Великая дидактика. М.: Книга по Требованию, 2012. 321 с.

обучения, с учетом которого и создавались все формы контроля успеваемости, а также формировались возможности педагога следить за реакцией учащихся, поддерживать их интерес и мотивацию.

К достоинствам такой формы обучения небезосновательно относят систематический характер учебы и упорядоченную подачу учебного материала. К недостаткам же – усредненный подход, передачу информации от педагога к учащимся со слабой обратной связью от них, недостаток самостоятельности учащихся. Эта система также, по мнению ряда авторов⁴¹⁵, подразумевала высокую степень эмоционального воздействия личности педагога, который является здесь и источником информации, и выдает задания, и мотивирует на их исполнение, и оценивает результат. Неудивительно, что в число недостатков такой системы нередко включают ее авторитарный характер.

Тем не менее эта система позволяет, по сути, обучать большое количество людей при не самых высоких затратах в процессе, поэтому до сих пор превалирует. Именно благодаря такому подходу развилось массовое образование индустриальных обществ, и были созданы предпосылки для формирования информационного постиндустриального общества, в свою очередь, предъявившего новые требования к образовательным технологиям.

Данная педагогическая технология сама не является парадигмой, однако может рассматриваться как вполне соответствующая классической парадигме научной рациональности, в рамках которой и была создана. В полном соответствии с классической парадигмой здесь мы видим скорее одностороннее воздействие субъекта (педагога) на ученика с целью обучения последнего, четкую иерархию этих ролей, преимущественно одностороннюю коммуникацию.

Классической педагогической технологии часто противопоставляется гуманистическая, однако мы полагаем, что вторая скорее дополняет первую – в том смысле, что к достижениям традиционных подходов добавляется возросшее внимание к развитию индивидуальных способностей учащегося, поощряется обратная связь от него. Гуманистический подход, опять же сам по себе не составляя

---

⁴¹⁵ Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности. СПб., 2004. 316 с.

целостной парадигмы и будучи представлен множеством направлений, тем не менее вполне укладывается в рамки парадигмы неклассической научной рациональности. Это уже взаимодействие практически равноправных субъектов, при котором учитывается не только их индивидуальность, но и взаимное влияние на достигнутые результаты. Здесь также в соответствии с неклассической парадигмой принимается во внимание зависимость полученных результатов от применяемых методов работы.

Классические и гуманистические подходы в образовании, таким образом, должны не противопоставляться, а рассматриваться как связанные таким образом, что гуманистический подход включает в себя достижения классического, добавляя к ним качественную новизну. Тем не менее, и классический, и гуманистический подходы, возникшие в рамках классической и неклассической парадигм соответственно, подразумевали, что основным источником информации в рамках учебного процесса является именно педагог. С появлением цифровых технологий эта ситуация кардинальным образом изменилась, хотя значительная часть образовательных учреждений до сих пор работает в рамках скорее классической парадигмы, когда на соответствующие формы обучения механически накладываются цифровые средства, предсказуемо создавая те методологические несоответствия, о которых упоминалось в начале работы.

Как же, в таком случае, быть с цифровизацией образования? Полученные результаты показывают, что существующие (и преобладающие) на данный момент подходы к образованию изначально создавались исходя из условий и запросов, сформировавшихся задолго до цифровизации, и конечно, ее не предполагавших. Тем не менее, именно эти подходы легли в основу всех тех институциональных взаимосвязей и ролей, из которых институт образования состоит. И измениться в одночасье, как и любой другой социальный институт, он не способен. С другой стороны, как и все социальные институты, образование выполняет тот или иной наличный социальный запрос – и речь здесь не только о таких ситуативных моментах, как популярность тех или иных профессий. Этот запрос является практически всеобъемлющим, так как исходит одновременно и от государственных

структур, и от всего социума в целом, и охватывает как стремление к подготовке специалистов необходимой квалификации, так и эффективно социализованных личностей.

Цифровизация предполагает наличие еще пока до конца не сформированной педагогической технологии в рамках постнеклассической парадигмы, и только с такой технологией может быть по-настоящему успешной и продуктивной. Такая технология должна включать в себя достижения предыдущих, при этом дополняя их. И здесь важнейший вопрос – чем их необходимо дополнить? Исходя из той же постнеклассической парадигмы, мы имеем дело с системой взаимодействия субъект-метасубъект, где вторая часть этой системы постоянно изменчива, а ее размеры и состав не всегда предсказуемы. В подобной ситуации к уже имеющим место технологиям обучения знаниям и навыкам, а также к тем, что обращают внимание на развитие индивидуальных способностей, должно добавиться нечто, позволяющее субъекту (ученику) ориентироваться в этой меняющейся среде. Такая технология с неизбежностью будет подразумевать еще большую степень ответственности и автономии субъекта, обучения его способности принимать решения в заранее не предсказуемых условиях. Для этого необходимо будет уже не просто давать ему информацию, которой и так избыток, а научить его ранжировать и структурировать эту информацию для принятия наиболее оптимальных ответственных решений. Если раньше стояла задача обучить специалиста, то теперь – скорее эксперта, как бы утопически это ни звучало. Теперь необходимо дать учащемуся методы работы с информацией, а также универсальные критерии, позволяющие ее структурировать. Такие критерии с необходимостью должны происходить как из методологии науки и формальной логики, так и из гуманитарного знания, в том числе, философского: в том, что касается критериев этических и телеологических.

Подходы к образованию, осуществляемые с точки зрения постнеклассической научной парадигмы, должны включать в себя достижения двух предыдущих уровней, при этом добавляя к ним качественную новизну. Если в классической парадигме субъект должен владеть суммой знаний, в

неклассической парадигме он, кроме этого, также должен быть разносторонне развит, то в постнеклассической парадигме на основе всего вышеуказанного он должен уметь выбирать наиболее оптимальные цели, как с точки зрения операциональной эффективности, так и этической релевантности.

В наиболее общем виде цели института образования можно определить как 1) профессиональную подготовку специалистов, 2) социализацию личности для успешного функционирования в обществе. Указанные цели относительно успешно достигались как традиционными, так и гуманистическими педагогическими технологиями, которые использовались в индустриальную доцифровую эпоху и были адекватны условиям своего времени – ограниченному доступу к информации и малому количеству ее источников, важнейшим из которых был сам педагог. Наконец, изменившиеся условия требуют создания новой образовательной технологии, которая позволила бы достигать обеих указанных целей при наличии переизбытка доступной информации и множества новых (цифровых) каналов ее передачи.

Стремясь к этим целям, необходимо помнить, что образование как институт – это «социум в миниатюре», воспроизводящий общественные взаимосвязи и тенденции в сконденсированном виде. Поэтому вопрос о том, как может и должна проходить цифровизация этой сферы, затрагивает целый ряд проблем и запросов. С одной стороны, экономических – как минимум, с точки зрения подготовки и переподготовки специалистов. С другой стороны, с точки зрения социализации здесь можно также видеть вопрос и о том, каким должно стать цифровое общество в ближайшие десятилетия – в смысле формирования представлений о роли и возможностях субъекта-человека в системе его взаимодействия с цифровыми технологиями, а также о возможных ограничениях и рисках. Выбор той или иной доминирующей в массовом образовании педагогической технологии поэтому чрезвычайно важен, так как будет представлять собой новую форму структурирования, подачи и восприятия информации, неизбежно расставляющую

определенные смысловые акценты и производящую валидацию, принятие или отсев определенных данных⁴¹⁶.

Та зарождающаяся постнеклассическая парадигма образования, о которой говорилось выше, построенная на взаимодействии типа «субъект-метасубъект», с неизбежностью должна будет иметь в своем фундаменте представления о субъекте, существенно отличные от предыдущих парадигм – причем как об учителе/преподавателе, так и учащемся. На первый план неминуемо выйдут те максимы, которые смогут обеспечить достаточный (а на деле, максимально высокий) уровень субъектности, необходимый для функционирования педагогических технологий, которые будут появляться в рамках этой парадигмы. Эти максимы мы не называем ценностями в соответствии с уже рассмотренными подходами к ценностной сфере, но полагаем, что они могут лечь в основу тех ценностных отношений, которые имеют шанс оказаться превалирующими, если ценностно-мировоззренческий кризис техногенной цивилизации все же будет разрешен. Во-первых, это необходимость повышения уровня осознанности, мотивации и ответственности всех субъектов, так или иначе участвующих в образовательном процессе – иначе часть из них останется неспособна к эффективному взаимодействию с изменчивым и часто малопредсказуемым метасубъектом. Во-вторых, это неуклонный рост требований к творческому потенциалу субъектов, так как вполне вероятно, что в не столь отдаленном будущем менее творческие составляющие человеческой деятельности будут постепенно автоматизироваться, чего уже опасаются многие специалисты⁴¹⁷. Наконец, нужно указать на важность критического мышления и стремления к

---

⁴¹⁶ Chassignol M. et al. Artificial Intelligence trends in education: a narrative overview // *Procedia Computer Science*. 2018. No 136. P. 16–24.

⁴¹⁷ В том, что их работу в ближайшие 10 лет отберут роботы, чаще всего уверены переводчики, менеджеры по туризму и официанты, реже всего – врачи, строители и учителя // Исследовательский центр портала Superjob.ru. Социологические опросы. 23.03.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113971/v-tom/> (дата обращения: 12.04.2023); Гаврилин Н.П. Арт-нейросеть для повышения качества мазков при рисовании с помощью работа-художника // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 1. С. 136–141; Арбузова А. Сюрреализм и режим фэнтези: как создать свою картинку с помощью нейросети // РБК Тренды. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/630f473b9a7947526a49af2e> (дата обращения: 12.04.2023).

самостоятельному поиску истины как одновременно связанным с рефлексивностью субъектов и с необходимостью ориентироваться в саморазвивающихся полисубъектных средах, которые не дают использовать устойчивые ригидные паттерны поведения и исключают возможность постоянного руководства извне – опять же, по причине сложности и непредсказуемости таких сред.

Эти основания для новых ценностных ориентиров могли бы лечь в основу как самой постнеклассической образовательной парадигмы, так и связанных с ней педагогических технологий. Как уже не раз было указано в рамках этого исследования, только ценности, лежащие в основе той или иной системы, а не привнесенные в нее внешним порядком, могут ею постоянно и непротиворечиво транслироваться. Именно поэтому институт образования как основа обучения и социализации также оказался в фокусе нашего внимания⁴¹⁸ – так как именно он мог бы стать в зарождающейся посттехногенной цивилизации одним из важнейших проводников для ее ценностных ориентиров, способных снять противоречия, вызванные столкновением ценностных оснований традиционного и техногенного типов цивилизационного развития.

§ 5. Выводы из Главы 5⁴¹⁹

1. Данная глава связывает возможность возникновения метасистемы ценностей, способной снять ценностно-мировоззренческие противоречия техногенной цивилизации, с необходимостью повышения субъектности всех ее акторов.

2. Конфликтующие или не связанные между собой ценностные системы, порожденные традиционной и техногенной цивилизацией, не дают социальным

---

⁴¹⁸ Степанов П.В. Понятие «воспитание» в современных педагогических исследованиях // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 121–129.

⁴¹⁹ Материалы, вошедшие в данный параграф, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

субъектам (как индивидуальным, так и коллективным) ставить непротиворечивые цели. Ценностные противоречия приводят к тому, что субъект как бы распадается, свойства его субъектности исчезают, в особенности это касается целеполагания и целенаправленного осознанного развития.

3. Кризис техногенной цивилизации с содержательной позиции – это кризис, по преимуществу, целеполагания. Затронутыми им, как было указано ранее, оказались и индивиды, и группы вплоть до уровня социумов. Также в техногенной цивилизации продолжается и даже усиливается имевшее место и ранее противопоставление индивидуальной и коллективной субъектности (в форме принципиально неразрешимого конфликта индивидуализма и коллективизма). При этом среда, в которой действуют данные субъекты и которую они по мере возможностей стремятся контролировать, представляет собой изменчивое, постоянно усложняющееся и все менее предсказуемое множество других субъектов (как метасубъект), среди которых все больше искусственных акторов с не до конца понятными даже их создателям свойствами.

4. При все более затрудненном контроле своей внешней среды субъекты оказываются перед необходимостью для повышения своего адаптивного потенциала совершенствовать себя, развивая свойства собственной субъектности, позволяющей им строить ценностные системы и ставить цели, снимающие указанные ранее противоречия. При этом также очевидно, что развитие только индивидуальной или коллективной субъектности в ущерб другой невозможно в сколько-нибудь длительной перспективе.

5. Следовательно, для разрешения этого кризиса необходимо одновременное и взаимозависимое повышение субъектности индивидов и социумов, что в работе обозначено термином «полицентричная конвергентная субъектность». Свойства субъектности должны стать содержательной основой для тех ценностных отношений, которые сформируют метасистему ценностей, способную включить в себя ценностные системы традиционного и техногенного цивилизационных типов.

6. Для реализации целеустремленности как свойства субъектов они сами – как человек и общество в равной степени – должны быть терминальными

ценностями, равнозначными и взаимозависимыми. Рефлексивность должна с необходимостью подразумевать ценности критического мышления, истины и новизны, в том числе научной – что и происходило в техногенной цивилизации по преимуществу. Свобода как способность к самостоятельности и самоуправлению предполагает, как ценность, высокий уровень ответственности абсолютно любого субъекта. Способность к развитию подразумевает ранее указанные качества субъекта, позволяющие ему самостоятельно и свободно определять критерии такого развития, которое может быть выражено в совершенствовании его самого как сложной системы на всех уровнях – как приближение его к желаемому образу и состоянию себя-в-мире. Социальность субъектов позволяет воплощать в жизнь все предыдущие максимы и подразумевает ценность сохранения социальных институтов как одновременно самотождественных и высоко адаптивных систем, способных отвечать на изменения и вызовы среды.

7. Работы, исследующие сравнительные особенности ранжирования оснований для ценностных суждений и создания ценностных систем в существующих культурах, основаны, как правило, на количественных (в форме опросов и анкетирования) и, реже, качественных социологических исследованиях, иногда с привлечением культурологических или этнографических подходов. Ряд таких исследований был нами рассмотрен, в частности, работы М. Рокича, Э. Холла, Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Ф. Тромпенаарса, Р. Льюиса, Р. Инглхарта. В таких работах описываются несколько пар (минимум две) противоположных друг другу представлений, на которых могут быть основаны ценностные суждения, доминирующие в различных странах и локальных культурах.

8. Эти комплексы ценностных суждений, в свою очередь, могут показать, как именно будут приспосабливаться и, возможно, изменяться под влиянием научно-технического прогресса отдельно взятые культуры, где будет в каждом случае лежать «иное» этих культурных комплексов, их противоположность, и как будет строиться в них взаимодействие индивидуальных и коллективных субъектов, определяющих и постоянно осуществляющих ценностное отношение к реальности.

9. Формирование и распространение тех ценностных перспектив, которые могли бы «примирить» локальные культуры с инновациями техногенной цивилизации, можно было бы существенно ускорить через органичное включение этих инноваций в образовательные процессы. Если в классической парадигме образования субъект должен владеть суммой знаний, в неклассической парадигме он, кроме этого, также должен быть разносторонне развит, то в постнеклассической парадигме на основе всего вышеуказанного он должен уметь выбирать наиболее оптимальные цели, как с точки зрения операциональной эффективности, так и этической релевантности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ⁴²⁰

Поставленная цель диссертационного исследования была успешно достигнута, так как были сформулированы ценностно-мировоззренческие основания для выхода из кризиса, порожденного техногенной цивилизацией.

Для достижения этой цели были решены обозначенные во Введении задачи.

Цивилизация была рассмотрена как аутопойетическая рекурсивная система, кризисы которой могут быть вызваны экзогенными или эндогенными воздействиями, нарушающими механизмы воспроизводства ее структур или же вызывающими разбалансированность системы из-за нарушения рекурсии ее системообразующих оснований на всех уровнях.

Была исследована роль ценностно-нормативных комплексов и показано, что ценности формируют отношения между субъектами и к объектам в социуме как системе и таким образом являются ее системообразующим фактором. Именно ценности в первую очередь должны аутопойетически и рекурсивно воспроизводиться, чтобы избежать кризисов.

Была раскрыта специфика техногенной цивилизации, которая как тип цивилизационного развития объединяет множество культур и характеризуется доминированием ценностей прогресса, научной истины и новизны. При этом данные ценности не регулируют существенную часть общественных отношений, которые продолжают использовать ценности традиционного типа цивилизации. Все это ведет к потере целостного мировоззрения и единства целеполагания.

Были выяснены причины и особенности кризиса техногенной цивилизации с его связи с динамикой технологического развития социумов. Кризис как нарушение слаженного и эффективного функционирования системы в случае техногенной цивилизации вызван разбалансировкой ценностей, когда часть социальных подсистем использует ценностные системы, принадлежащие самой

---

⁴²⁰ Материалы, вошедшие в данный раздел, были опубликованы в следующей работе автора диссертации: Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.

техногенной цивилизации, а часть – пришедшие из традиционной цивилизации. Также при ускорении научно-технического прогресса кризисные явления только усугубляются, так как нет ценностных механизмов для включения инноваций во все сферы общественной жизни (а не только в научную и производственную). В результате возникает эффект культурного лага.

Наконец, были выявлены ценностные перспективы, которые могли бы разрешить противоречия, возникшие в рамках техногенной цивилизации и вызвавшие ее кризис. Для разрешения указанных противоречий и выхода из кризиса необходимо создание метасистемы ценностей, которая сняла бы противоречия между ценностями различных субъектов, а также цивилизационных типов. Эта метасистема должна быть основана на самых общих из возможных оснований; и для человека и общества — это основания их субъектности. Но на желаемом максимально высоком уровне речь идет уже не только об отдельных субъектах, но и о человечестве как о всеобъемлющем метасубъекте. Чтобы повысить его адаптивность к кризисам, необходимо развитие полицентричной конвергентной субъектности, рассмотренной в Главе 5.

Необходимо также обозначить будущие возможные направления исследований, где могут быть более углубленно изучены те вопросы, которые в данной работе были затронуты относительно кратко. Механизмы, которые могли бы способствовать выходу из ценностного кризиса за счет повышения уровня субъектности всех действующих акторов, за исключением искусственных, в дальнейшем стоит рассмотреть в применении не только к техногенной цивилизации в целом, но также к отдельным локальным культурам с их уникальными нормами и традициями. Кроме того, полезным будет исследование влияния убеждений и ценностных отношений, обусловленных этими максимами, на развитие отдельно взятых социальных институтов, в особенности тех, что обеспечивают научно-техническое развитие. С точки зрения этики и аксиологии науки было бы чрезвычайно полезно выяснить, могут ли подобные убеждения изменить текущую ситуацию, в которой до сих пор дебатировались вопросы ценностной нейтральности научно-технической сферы. Еще одним перспективным

направлением может стать разработка новых образовательных парадигм и связанных с ними технологий обучения для возможности трансляции указанных оснований для ценностей, способных повысить уровень субъектности и, как следствие, личностного и социального развития. Наконец, необходимо также помнить и о том, что любые максимы, лежащие в основе ценностных отношений, всегда подразумевают наличие и относительную проявленность и осознанность собственной противоположности. Так что еще одним из возможных направлений будущих исследований может стать рассмотрение тех субкультурных и контркультурных тенденций, которые способны возникнуть в ответ на распространение указанных максим как социально значимых представлений.

Поставленные в диссертации цели были достигнуты, а намеченные дополнительные направления исследований смогут в дальнейшем стать предметом следующих отдельных работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.
2. Абрамов Р., Катечкина В. Люди не желают видеть рядом антропоморфных роботов–помощников // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно–образовательный портал IQ. [Электронный ресурс] URL: <https://iq.hse.ru/news/731770407.html> (дата обращения: 30.08.2022).
3. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
4. Агапова Н.Г. Парадигмальные ориентации и модели современного образования (системный анализ в контексте философии культуры). Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2008. 364 с.
5. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–178.
6. Акофф Р.И., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Сов. радио, 1974. 272 с.
7. Александров В.А., Балута В.И., Варыханов С.С., Карандеев А.А., Роднин Я.В. Моделирование антагонистических конфликтов в парадигме кибернетики третьего порядка // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2018. № 86. [Электронный ресурс] URL: https://keldysh.ru/papers/2018/rep2018_86.pdf (дата обращения: 10.10.2021).
8. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100.
9. Алхасов А.А. Макс Шелер об иерархии ценностей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5. Ч. 2. С. 13-15.

10. Ананьева Е.В. Культурная динамика в массовом обществе потребления // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 234–237.
11. Андреев А.Л., Селиванова З.К., Герасимов В.И. (общ. ред.) Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи: сборник докладов международной научной конференции. Москва, Национальный исследовательский университет «МЭИ», 17–18 декабря 2020 г. М.: Изд. дом МЭИ, 2020. 282 с.
12. Анисимов Н.Ю. Уроки «Стресс–теста». ВУЗы в условиях пандемии и после нее. Аналитический доклад. [Электронный ресурс] URL: https://news.tsu.ru/upload/medialibrary/add/uroki-stress_testa-vuzy-v-usloviyakh-randemii-i-posle-nee.pdf (дата обращения: 10.01.2021).
13. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 448 с.
14. Антипин Н.А. Компетентностный подход в образовании: некоторые современные проблемы // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 8–2 (13). С. 156–160.
15. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.
16. Арбузова А. Сюрреализм и режим фэнтези: как создать свою картинку с помощью нейросети // РБК Тренды. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/630f473b9a7947526a49af2e> (дата обращения: 12.04.2023).
17. Аргамакова А.А. и др. Социальные и цифровые исследования науки. Изд-е 2-е, испр. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. 282 с.
18. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 832 с.
19. Артемьева О.В. Интуитивизм в этике (из истории английского этического интеллектуализма Нового времени) // Этическая мысль. 2010. Вып. 10. С. 90–113.
20. Артюхов В.В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: Либроком, 2009. 224 с.

21. Аршинов В.И. Луман и Латур: возможности конвергенции системного и сетевого подходов // *Философские науки*. 2016. № 10. С. 130–139.
22. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Сетевая цивилизация и природа большого антропологического перехода // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 1. С. 220–231.
23. Аршинов В.И., Гримов О.А., Чеклецов В.В. Киберанимизм: искусство быть живым в гибридном обществе // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2021. № 2 (20). С. 39–60.
24. Аршинов В.И., Лепский В.Е. (ред.) *Проблемы субъектов в постнеклассической науке*. М.: Когито-Центр, 2007. 176 с.
25. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Этос становящегося наблюдателя // *Философия науки*. 2005. Т. 11. № 1. С. 182–195.
26. Ассман Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. М.: Присцельс, 1999. 368 с.
27. Асханова Л.Р. Модернизация классического образа морального долженствования в этике добродетели А. Макинтайра // *Дискурс*. 2017. № 4. С. 3–13.
28. Баева Л.В. *Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории*. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного университета, 2004. 279 с.
29. Бажов С.И. *Философия истории Н.Я. Данилевского*. М.: ИФ РАН, 1997. 215 с.
30. Барбур И. *Этика в век технологии*. М.: Библейско-Богословский Институт св. Апостола Андрея, 2001. 380 с.
31. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
32. Барышков В.П. *Аксиология личностного бытия*. М.: Логос, 2005. 192 с.
33. Бегтин И.В. и др. *Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий*. М.: РАНХиГС, 2020. 503 с.
34. Бейтсон Г. *Разум и природа. Необходимое единство*. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. 214 с.

35. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
36. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-PRESS, 1969. 269 с.
37. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
38. Беспалова Т.В. Будущее российской цивилизации: некоторые идеологические контуры // Вопросы социальной теории. 2020. Т. XII. С. 131–142.
39. Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Наука, 1965. 392 с.
40. Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь, 1993. 416 с.
41. Блауберг И.В. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1972. 277 с.
42. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 271 с.
43. Бобков А.Н. Общая теория систем и диалектика // Философия и общество. 2005. № 4. С. 56–72.
44. Богатов В.В. Этика в научной деятельности // Вестник ДВО РАН. 2008. № 1 С. 144–157.
45. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
46. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. 351 с.
47. Большая российская энциклопедия. Научно-образовательный портал [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).
48. Большой Энциклопедический словарь (2000) // Словари онлайн. [Электронный ресурс] URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/32961-%D0%9A%D0%A0%D0%98%D0%97%D0%98%D0%A1> (дата обращения: 12.01.2023).
49. Бондаревский А.С., Лебедев А.В. О «кибернетике второго порядка»: научные основания и критерий применимости координатно–параметрического управления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 5. С. 30–34.

50. Бондаренко Н.В. и др. Индикаторы образования: 2022. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 532 с.
51. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М.: ИН РАН, 1995. 297 с.
52. Брызгалина Е.В. Ценностная проблематика в современной философии, науке и социальной практике (предисловие к публикации статьи профессора Ян Сяохуэй (КНР)) // Вестник Московского университета. 2019. Сер. 7. № 2. С. 70–75.
53. Брызгалина Е.В., Миронов В.В. Управление образованием как ответ на вызовы системе образования современной России: социально-философские основания // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. Вып. 2. [Электронный ресурс] URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/t9v2_PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast9-2.2015.54.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
54. Буданов В.Г. К вопросу о генезисе Большого антропологического перехода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 40–43.
55. Буданов В.Г., Лекторский В.А. (отв. ред.) Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации: Материалы конференции с международным участием. Москва, 5–6 ноября 2019 г. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. 327 с.
56. Булычёв И.И. Искусственный интеллект в зеркале настороженного философского дискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 98–108.
57. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
58. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
59. Буцык С.В. Горизонтальное управление в российском вузе: дань современности или насущная необходимость? // Высшее образование в России. 2018. № 10. С. 20–29.

60. Бычков В.В. ИмPLICITная эстетика. Патристика // Вестник культурологии. 2018. № 2 (85). С. 138–148.
61. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
62. Вапнэ Г. «Критерий оценки» в системном анализе // Системный анализ в проектировании и управлении. 2019. Т. XXIII. № 1. С. 154–165.
63. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
64. Вегас Х.М. Ценности и воспитание. Критика нравственного релятивизма. СПб.: Изд-во С.-Петербур. университета, 2007. 225 с.
65. Ведяхин А. Сильный искусственный интеллект: на подступах к сверхразуму. М.: Интеллектуальная Литература, 2021. 232 с.
66. Волкогонова О.Д. Г.П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 4. С. 247-257.
67. Володина О.В. Полипарадигмальные обоснования современного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (111). С. 4-11.
68. Выжлецов Г.П. Онтологическая аксиология: истоки и современность // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 3. С. 275–281.
69. Гаврилин Н.П. Арт-нейросеть для повышения качества мазков при рисовании с помощью робота-художника // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 136–141.
70. Гагинский А.М. Философия беспредпосылочных начал. М.: ИФ РАН, 2018. 193 с.
71. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 566 с.
72. Галухин А.В. Опыт классификации моделей обучения в современной зарубежной педагогике // Социально-гуманитарных знания. 2019. № 9. С. 33–51.
73. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.

74. Герасимов Г.И. Парадигмальный плюрализм как проявление кризиса образования // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3-4. С. 7–21.
75. Герасимова И.А., Бургете Аяла М.Р., Киященко Л.П., Розин В.М. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2: Множественность реальностей в сложном мире. М.: ИФ РАН, 2019. 252 с.
76. Глинчикова А.Г. Индивидуализация личности в преддверии современности. М.: ИФ РАН, 2012. 163 с.
77. Глущенко В.В. Развитие методологии кризисологических исследований и антикризисного управления (к 10-тилетию начала глобального системного кризиса 2008 года) // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. №. 9. С. 333–354.
78. Голик Н.В. Этическое в культуре. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 256 с.
79. Головин Н.А. Социология Лумана в эмпирическом и теоретическом аспекте: итоги верификации сложной социологической теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 3. С. 174–182.
80. Горелов А.А. Истина и смысл. М.: ИФ РАН, 2010. 147 с.
81. Горохов В.Г., Розин В.М. Научно-техническое развитие и прикладная этика. М.: ИФ РАН, 2014. 303 с.
82. Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. М.: Логос, 2009. 376 с.
83. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М.: ИФ РАН, 2007. 167 с.
84. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.
85. Гусейнов А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 840 с.
86. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

87. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
88. Джаббеждари М. Определение в логических учениях Аристотеля и Ибн-Сины // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 2. С. 74–79.
89. Дзялошинский И.М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. 583 с.
90. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
91. Дождиков А.В. Онлайн-обучение как e-learning: качество и результаты (критический анализ) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 12. С. 21–32.
92. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
93. Дробижева Л.М. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 236 с.
94. Друкер П.Ф., Макьярелло Дж.А. Менеджмент. М.: И.Д. Вильямс, 2010. 704 с.
95. Егорова И.В. Философская антропология Эриха Фромма. М.: ИФ РАН, 2002. 164 с.
96. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
97. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
98. Загидуллин Д.Р., Пулявина Н.С. Методика симуляционного обучения как основа стартапа на рынке образовательных технологий (EdTech) // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 477–488.

99. Зайцева Н.В. Традиционалистская культура и техногенная цивилизация: проблема «единства и борьбы» в религиозно-антропологическом аспекте // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 21–26.
100. Злонамеренное использование искусственного интеллекта как угроза информационно-психологической безопасности: Северо-Восточная Азия и остальной мир. Материалы научных семинаров молодых исследователей в Санкт-Петербургском государственном университете и Дипломатической академии МИД России, 27 октября и 25 ноября 2021 г. М.: Сам Полиграфист, 2021. 52 с.
101. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. (ред.) Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М.: ЛЕНАНД, 2018. 344 с.
102. Ивин А.А. Аксиология. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
103. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М.: Проспект, 2016. 320 с.
104. Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М.: ИФ РАН, 2010. 122 с.
105. Игнатъев В.Н. Этика науки. М.: ИФ РАН, 2007. 143 с.
106. Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
107. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества: история и проблемы. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. 406 с.
108. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
109. Исследовательский центр портала Superjob.ru. Социологические опросы, 23.03.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113971/v-tom/> (дата обращения: 12.04.2023).
110. Йоас Х. Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013. 312 с.
111. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

112. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
113. Кан К.А. Нейронные сети. Эволюция. М.: SelfPub, 2018. 288 с.
114. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000. 320 с.
115. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
116. Кант И. Сочинения: в 6-ти т. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. 544 с.
117. Карицкий И.Н. История «Субъекта» в ее некоторых ключевых моментах // Электронный научный журнал «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2015. № 3–4. С. 89–116.
118. Карпова Л.И. Становление теоретических и методологических основ концепции локальных цивилизаций // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. 2005. № 95 (13). С.74–78.
119. Касавин И.Т. Ценностный дискурс в науках и теологии. М.: ИФ РАН, 2009. 352 с.
120. Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.
121. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
122. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374.
123. Кессиди Ф.Х. Идеи и люди: историко-философские и социально–политические этюды. М.: ИФ РАН, 2003. 228 с.
124. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М.: ИФ РАН, 2000. 199 с.
125. Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.
126. Климов А.А., Куприяновский В.П., Гринько О.В., Покусаев О.Н. К вопросу обратного инжиниринга – путь от бумаги до цифровых онтологических правил для образовательных технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Vol. 7. No. 9. С. 82–91.

127. Климов И.А. Теория социальных мифов Жоржа Сореля // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 129–151.
128. Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М.: ИФ РАН, 1996. 252 с.
129. Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
130. Ковтунова Д.В. Особенности социального субъекта в контексте теории самоорганизации общественных систем: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. Таганрог, 2013. 31 с.
131. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М.: Альянс в сфере искусственного интеллекта, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
132. Козер Л.А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
133. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов ВШЭ, 1999. 335 с.
134. Колесникова И.А. Педагогические цивилизации и их парадигмы // Педагогика. 1995. № 6. С. 84–89.
135. Коменский Я.А. Великая дидактика. М.: Книга по Требованию, 2012. 321 с.
136. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
137. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Палимпсест: Этерна, 2012. 750 с.
138. Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997. 234 с.
139. Крайнова И.А. Человек и «человеческое» в системной теории Никласа Лумана // Вестник РГГУ. Научный журнал. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 4 (6). С. 9–19.

140. Кристалёва Л.Г. Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах – опыт реконструкции). М.: ИФ РАН, 2010. 123 с.
141. Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. М.: ИФ РАН, 2011. 143 с.
142. Куликов А.Ю. Общественно-политические взгляды Арнольда Тойнби. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2016. 245 с.
143. Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.
144. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
145. Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. 2017. № 11. С. 54–68.
146. Лапин Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация // Официальный сайт Института философии РАН. [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
147. Лапин Н.И., Чуаньци Хэ и др. Цивилизация и модернизация: Российско-китайская конф. Москва, 2012. М.: ИФ РАН, 2013. 197 с.
148. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
149. Левикова С.И. Молодёжная субкультура. М.: ФАИР ПРЕСС, 2004. 608 с.
150. Антология исследований культуры: в 3 т. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
151. Лексин В.Н. Цивилизационный кризис: мир и Россия // Проблемный анализ и государственно–управленческое проектирование. 2009. Т. 2. Вып. 6. С. 24–42.
152. Лекторский В.А. Конструктивизм в теории познания. М.: ИФ РАН, 2008. 171 с.
153. Лекторский В.А. Ответ на дискуссию // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1 (43). С. 47–53.

154. Лекторский В.А. Субъект, Объект, Познание. М.: Наука, 1980. 356 с.
155. Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем. В связи с «общей теорией систем» Л. Берталани // Вопросы философии. 1960. № 8. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=38&Itemid=66 (дата обращения: 10.01.2023).
156. Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. М.: Когито-Центр, 2016. 130 с.
157. Лепский В.Е. Вызовы будущего и кибернетика третьего порядка / Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 2-й Международной конференции (7–8 февраля 2019 г., Москва). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2019. С. 64–70.
158. Лепский В.Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: Когито-Центр, 2019. 340 с.
159. Лепский В.Е. На пути к управлению сферой образования как саморазвивающейся средой // Социология образования. 2014. № 10. С. 4–24.
160. Лепский В.Е. Организации стратегического целеполагания в саморазвивающихся полисубъектных средах // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1. С. 140–144.
161. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка. Новый технологический уклад: социокультурные основания // Философские науки. 2018. № 10. С. 7–36.
162. Лепский В.Е., Райков А.Н. и др. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта. М.: Когито-Центр, 2022. 308 с.
163. Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.
164. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973. 158 с.
165. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009. 218 с.
166. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
167. Локк Д. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 667 с.

168. Локтионов М.В. А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 2. С. 80–96.
169. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Ранняя классика*. М.: АСТ, 2000. 621 с.
170. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.: АСТ, 2000. 846 с.
171. Лосев А.Ф. *История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика*. М.: АСТ, 2000. 880 с.
172. Лосев А.Ф. *Миф–Число–Сущность*. М.: Мысль, 1994. 919 с.
173. Лосский Н.О. *Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей*. Париж: YMCA PRESS, 1931. 135 с.
174. Луман Н. *Введение в системную теорию*. М.: Логос, 2007. 360 с.
175. Луман Н. *Власть*. М.: Праксис, 2001. 256 с.
176. Луман Н. *Общество общества*. М.: Логос, 2011. 640 с.
177. Луман Н. *Самоописания*. М.: Логос, 2009. 320 с.
178. Макинтайр А. *После добродетели: Исследования теории морали*. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.
179. Маклюэн М. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М.: КАНОН–пресс–Ц, 2003. 464 с.
180. Максимов Л.В. *Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты*. М.: Философское общество СССР, 1991. 136 с.
181. Малахова Е.В. *Аксиология техники – на пути к человекоразмерности сложных технических систем // Вопросы философии*. 2022. № 10. С. 218-222.
182. Малахова Е.В. *Информационное общество – мираж футурологов или наступившее будущее? // Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 1. С. 9-18.
183. Малахова Е.В. *Искусственный интеллект как предмет социальной мифологии // Гуманитарные и социальные науки*. 2023. Т. 96. № 1. С. 33-41.
184. Малахова Е.В. *Концептуализация и становление системного рассмотрения феномена кризисов // Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1138-1142.

185. Малахова Е.В. Понятие системы и основные парадигмальные основания системного подхода // Общество: философия, история, культура. 2021. №6 (86). С. 17-23.
186. Малахова Е.В. Смена парадигмальных подходов к образованию как необходимое следствие его массовой цифровизации // Социальное время. 2022. № 2 (30). С. 30-42.
187. Малахова Е.В. Субъектность как основание формирующихся ценностей цифрового общества // Социальное время. 2022. № 3 (31). С. 25-36.
188. Малахова Е.В. Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр, 2023. 282 с.
189. Малахова Е.В. Технологический прогресс как культурный феномен в зеркале конкурирующих мировоззренческих детерминант // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5 (109). С. 70-77.
190. Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // Философская мысль. 2023. № 1. С. 26-41.
191. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 444–460.
192. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 408 с.
193. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
194. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
195. Маркова Л.А. Границы науки. М.: ИФ РАН, 2000. 276 с.
196. Маслов В.М. Посттехногенная цивилизация: от теории к практике // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 145–147.

197. Матвеев П.Е. Ценностный подход в этике. Владимир: ВФ РУК, Собор, 2009. 312 с.
198. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
199. Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с.
200. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.
201. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
202. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М.: Мир, 1996. 352 с.
203. Мордок Д.П. Социальная структура. Будапешт: Объединённое гуманитарное издательство, 2003. 608 с.
204. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.
205. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход) // Власть. 2009. № 10. С. 79–82.
206. Мурзинцев С.В. Феномен информации в кибернетической системе знаний // Философские дескрипты. 2016. № 15. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophdescript.ru/?q=node/72> (дата обращения: 10.10.2022).
207. Надточий И.О. Этика и наука: современный контекст взаимодействия // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. № 2. С. 128–136.
208. Назаретян А.П. Антропогенные кризисы: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 4. С. 319–330.
209. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
210. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: Аргатак-Медиа, 2015. 437 с.
211. Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.
212. Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 1. С. 156–201.

213. Никольский С.А. Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ). М.: ИФ РАН, 2009. 159 с.
214. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 01.02.2021).
215. Общая теория систем: Сборник статей. М.: Мир, 1966. 188 с.
216. Огурцов А.П. Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М.: ИФ РАН, 1998. 265 с.
217. Огурцов А.П., Розин В.М. (отв. ред.) Методология науки: статус и программы. М.: ИФ РАН, 2005. 295 с.
218. Онианс Р. На коленях богов. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 592 с.
219. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995. 262 с.
220. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
221. Парцвания В.Р., Хупения Н.Р. Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 273–283.
222. Пекинский Консенсус по искусственному интеллекту и образованию. Итоговый документ Международной конференции по искусственному интеллекту и образованию «Планирование образования в эпоху искусственного интеллекта: задать направление технологическому прорыву» 16–18 мая 2019 г. Пекин: ЮНЕСКО, 2019. С. 40–53.
223. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
224. Петров М.К. Философские проблемы «Науки о науке». Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с.
225. Петровский В.А. Индивидуальность, саморегуляция, гармония // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 64–90.

226. Пивоваров И.О. (ред.) Искусственный интеллект. Альманах. Индекс 2020 года. Аналитический сборник № 8. М.: МФТИ Центр компетенций НТИ «Искусственный интеллект», 2021. 80 с.
227. Плахова Л., Овчинникова Н. Управление образовательными организациями в условиях введения ФГОС: конфликт между мотивами и ресурсами // Образовательная политика. 2015. № 3 (69). С. 113–117.
228. Полякова В.В. Восприятие населением взаимодействия с роботами. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru/news/302682265.html> (дата обращения: 10.10.2021).
229. Порозов В.А. Локальная цивилизация как система // Вестник ПГГПУ. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2016. Вып. 1. С. 54–65.
230. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
231. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления и проблемы для развития медицинских наук // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 183–199.
232. Розин В.М. Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. 239 с.
233. Розин В.М. Системный подход и описание социальности современности как условие проектирования посткультуры // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 27–36.
234. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. 292 с.
235. Рябов А.В. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
236. Савельев А.М., Журенков Д.А., Пойкин А.Е. Ценностные ориентации технологий искусственного интеллекта в США и Китае: философский анализ // Философские науки. 2022. № 65 (1). С. 124–143.
237. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.

238. Санжаревский И.И. Политическая наука: словарь-справочник. Тамбов: Электронная хрестоматия, 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://glos.virmk.ru/anons.htm> (дата обращения: 02.02.2021).
239. Сарабьев А.В. Теоретические наработки и перспективы изучения социальной инерции // Новое прошлое / The new past. 2019. № 3. С. 128–144.
240. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111–125.
241. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
242. Семенова Т.В., Вилкова К.А. Типы интеграции массовых открытых онлайн-курсов в учебный процесс университетов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 6. С. 114–126.
243. Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности. СПб., 2004. 316 с.
244. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта, Наука, 2003. 456 с.
245. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. 258 с.
246. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. 232 с.
247. Смирнова И.Н. Категория кризисного сознания: теоретические представления и практики измерения // Филология. История. Философия. 2015. Вып. 3 (8). С. 52–58.
248. Смотрицкий Е.Ю., Шубин В.И. Философия техники Освальда Шпенглера: прогнозы и реальность // RELGA. 2013. № 7 (263). [Электронный ресурс] URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3544&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.10.2022).
249. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
250. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
251. Спиридонова В.И. Россия как государство–цивилизация: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
252. Степанов П.В. Понятие «воспитание» в современных педагогических исследованиях // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 121–129.

253. Степанянц М.Т. Сравнительная философия: Моральная философия в контексте многообразия культур. М.: Восточная литература, 2004. 319 с.
254. Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8–17.
255. Степин В.С. Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 3-19.
256. Степин В.С., Киященко Л.П. (отв. ред.) Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2009. 672 с.
257. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
258. Степин В.С., Лисеев И.К. (отв. ред.) Высокие технологии и современная цивилизация: Материалы научной конференции. М.: ИФ РАН, 1999. 131 с.
259. Степин В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5–18.
260. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
261. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
262. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. 372 с.
263. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.
264. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстет. аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
265. Стремоухов А.В. Цель как философская и правовая категория // XX Юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции: в 3 т. Т. 3. СПб., 2016. С. 106–111.
266. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 367 с.
267. Тахтаджян А.Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1971. С. 200–277.
268. Теоретическая культурология. М.: Академический Проект, 2005. 624 с.

269. Толстых В.И. Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: Горбачев-Фонд, 2005. 145 с.
270. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.
271. Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. 672 с.
272. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель, 2011. 318 с.
273. Трубников Н.Н. О категориях «Цель», «Средство», «Результат». М.: Высшая школа, 1968. 146 с.
274. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения: 10.10.2022).
275. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. С. 188–205.
276. Федотова В.Г. (отв. ред.) Меняющаяся социальность: контуры будущего. М.: ИФ РАН, 2012. 267 с.
277. Фесенкова Л.В. (ред.) Глобальный эволюционизм (Философский анализ). М.: ИФ РАН, 1994. 150 с.
278. Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественно-научных знаний. Материалы круглого стола памяти Виталия Георгиевича Горохова // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 5–29.
279. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. 392 с.
280. Фрагменты ранних греческих философов: Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.
281. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. 400 с.

282. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
283. Харчева А.Г. Проблема ценности в философии. Ленинград: Наука, 1966. 260 с.
284. Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. 639 с.
285. Хачатурян В.М. Цивилизации в новом социальном пространстве // Вопросы социальной теории. 2009. Т. III. Вып. 1 (3). С. 340–358.
286. Черепанов А.А. Проблема социального кризиса: философско-синергетический подход: философско-синергетический подход: Дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. 187 с.
287. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. 312 с.
288. Шевченко В.Н. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества. М.: ИФ РАН. 2013. 233 с.
289. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
290. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
291. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 640 с.
292. Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 208 с.
293. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
294. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964. 47 с.
295. Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования (статьи и лекции). М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. 154 с.
296. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. 286 с.
297. Щербина А.В. Традиционные ценности в аналитических перспективах социологии // Дискурс. 2022. Т. 8. № 3. С. 56–69.
298. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

299. Яхшиян О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. 2019. № 10. С. 52–58.
300. Яцык В.З., Чернышенко Ю.К., Пискарева О.В. Парадигмы современного образования // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2008. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-sovremennogo-obrazovaniya-1> (дата обращения: 01.02.2021).
301. Abduvakhidov A.M., Mannarova E.T., Akhmetshin E.M. Digital Development of Education and Universities: Global Challenges of the Digital Economy // International Journal of Instruction. 2021. No. 14 (1). P. 743–760.
302. Adizes I. Organizational Passages: Diagnosing and Treating Life Cycle Problems in Organizations // Organizational Dynamics. 1990. Vol. 8. P. 3–24.
303. Ahmad I., Sharma S., Singh R., Gehlot A., Priyadarshi N., Twala B. MOOC 5.0: A Roadmap to the Future of Learning // Sustainability. 2022. No. 14 (18). [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/18/11199> (дата обращения: 10.02.2023).
304. Alenezi M. Deep Dive into Digital Transformation in Higher Education Institutions // Education Sciences. 2021. No. 11 (12). [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/11/12/770> (дата обращения: 01.02.2023).
305. Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. (ed.) Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development. Boston: Little, Brown, and Company, 1973. 736 p.
306. Artificial Intelligence in Education: Challenges and Opportunities for Sustainable Development // Working Papers on Education Policy 07. France: UNESCO, 2019. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения:)10.10.2021.
307. Ashby M. Ethical Regulators and Super-Ethical Systems. Preprints, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.preprints.org/manuscript/201907.0349/v1> (дата обращения: 02.02.2021).
308. Ashby W.R. An Introduction to Cybernetics. London: Chapman & Hall Ltd., 1957. 295 p.

309. Barrón Pastor J.C., Cardiel Herrera J. Critical Sociocybernetics: Developing the Concept of Dispositif for an Analysis of Steering Processes Between Social Systems // *Journal of Sociocybernetics*. 2018. Vol. 15. No. 1. [Электронный ресурс] URL: <https://papiro.unizar.es/ojs/index.php/rc51-jos/article/view/2082> (дата обращения: 10.10.2020).
310. Barrow J.M., Khandhar P.B. Deontology. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK459296/#article-34690.s4> (дата обращения: 01.02.2023).
311. Bertalanffy L. General System Theory – A Critical Review // *General Systems*. 1962. Vol. VII. P. 1–20.
312. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York: George Braziller, 1969. 289 p.
313. Blachowicz J. How Science Textbooks Treat Scientific Method: A Philosopher’s Perspective // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2009. Vol. 60. No. 2. P. 303–344.
314. Brendel A.B., Mirbabaie M., Lembcke T.B., Hofeditz L. Ethical Management of Artificial Intelligence // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Issue 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/4/1974> (дата обращения: 10.10.2022).
315. Brill D. Subversion or Stereotype? The Gothic Subculture as a Case Study of Gendered Identities and Representations. Giessen: Ulme-Mini-Verlag, 2006. 312 p.
316. Brown J.E. Team Builds the First Living Robots. Vermont: The University of Vermont, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.uvm.edu/uvmnews/news/team-builds-first-living-robots> (дата обращения: 21.11.2021)
317. Bryan A., Volchenkova K.N. Blended learning: definition, models, implications for higher education // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2016. Т. 8. № 2. С. 24–30.
318. Burr C., Floridi L. The Ethics of Digital Well-Being: A Multidisciplinary Approach. Cham: Springer, 2020. 265 p.

319. Cervantes J.A. et al. Artificial Moral Agents: A Survey of the Current Status // Science and Engineering Ethics. 2020. No. 26. P. 501–532.
320. Chassignol M. et al. Artificial Intelligence trends in education: a narrative overview // Procedia Computer Science. 2018. No. 136. P. 16–24.
321. Chettiparamb A. Autopoietic interaction systems: microdynamics of participation and its limits // International Planning Studies. 2020. Vol. 25. No. 4. P. 427–440.
322. Clarke B. Finding Cybernetics // World Futures. 2019. Vol. 75. Issue 1-2. P. 17–28.
323. Collins H., Evans R. Populism and science // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 200–218.
324. Coser L.A. The Functions of Social Conflict. London: Routledge and Kegan Paul, 1956. 188 p.
325. Cox M.A. Exploring the impact of Artificial Intelligence and robots on higher education through literature based design fictions // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. Vol. 18. [Электронный ресурс] URL: <https://educationaltechnologyjournal.springeropen.com/counter/pdf/10.1186/s41239-020-00237-8.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
326. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959. 336 p.
327. Dobbe R., Krendl G.T., Mintz Y. Hard choices in artificial intelligence // Artificial Intelligence. 2021. Vol. 300. [Электронный ресурс] URL: https://pure.tudelft.nl/ws/portalfiles/portal/95935725/1_s2.0_S0004370221001065_main.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
328. Doroudi S. The Bias-Variance Tradeoff: How Data Science Can Inform Educational Debates // AERA Open. 2020. Vol. 6. No. 4. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/2332858420977208> (дата обращения: 11.12.2022).
329. Dubber M. D., Pasquale F., Das S. The Oxford Handbook of Ethics of AI. Oxford: Oxford University Press, 2020. 881 p.

330. Edwards M.G., Kirkham N. Situating ‘Giving Voice to Values’: a Metatheoretical Evaluation of a New Approach to Business Ethics // *Journal of Business Ethics*. 2014. Vol. 121. P. 477–495.
331. Eisenstadt Sh.N. The Civilizational Dimension of Modernity // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 320–340.
332. Espejo R., Lepskiy V. An agenda for ontological cybernetics and social responsibility // *Kybernetes*. 2021. Vol. 50. No. 3. P. 694–710.
333. Farisco M., Evers K., Salles A. Towards Establishing Criteria for the Ethical Analysis of Artificial Intelligence // *Science and Engineering Ethics*. 2020. No. 26. P. 2413–2425.
334. Fataar A. Towards an e-learning ecologies approach to pedagogy in a post-COVID world // *Journal of Education*. 2021. No. 84. P. 155–168.
335. Feldman J. et al. Automatic detection of learning styles: state of the art // *Artificial Intelligence Review*. 2015. No. 44. P. 157–186.
336. Foerster H. von. *Understanding understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer-Verlag Inc., 2003. 362 p.
337. Gegenfurtner A., Narciss S., Fryer L.K, Järvelä S., Harackiewicz J.M. Editorial: Affective Learning in Digital Education // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. [Электронный ресурс] URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.630966/full> (дата обращения: 10.10.2022).
338. Gibbins K., Walker I. Multiple Interpretations of the Rokeach Value Survey, Psychology Section Murdoch University // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol. 133. Issue 6. P. 797–805.
339. Gilmanshina S.I. et al. Digital learning technologies in the University education system // *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*. 2019. Vol. 570. [Электронный ресурс] URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/570/1/012027/pdf> (дата обращения: 20.12.2022).
340. Glade W.P. The Theory of Cultural Lag and the Veblenian Contribution // *The American Journal of Economics and Sociology*. 1952. Vol. 11. No. 4. P. 427–437.

341. Goksel N., Bozkurt A. Artificial Intelligence in Education: Current Insights and Future Perspectives // Sisman–Ugur S., Kurubacak G. (Eds.) Handbook of Research on Learning in the Age of Transhumanism. Hershey: IGI Global, 2019. P. 224–236.
342. Gonzalez W.J. (Ed.) New Perspectives on Technology, Values, and Ethics. Theoretical and Practical. Cham: Springer International Publishing, 2015. 219 p.
343. Gorelik G. Bogdanov's Tektologia, General Systems Theory, and Cybernetics // Cybernetics and Systems: An International Journal. 1987. Vol. 18. Issue 2. P. 157–175.
344. Graf R., Jarausch K.H. "Crisis" in Contemporary History and Historiography, Version: 1.0 // Docupedia–Zeitgeschichte. 2017. [Электронный ресурс] URL: http://docupedia.de/zg/graf_jarausch_crisis_v1_en_2017 (дата обращения: 01.02.2021).
345. Hall E.T. Beyond culture. New York: Anchor Books Doubleday, 1989. 298 p.
346. Hart P. Irving L. Janis' Victims of Groupthink // Political Psychology. 1991. Vol. 12. No. 2. P. 247–278.
347. Hart S. L. Theory of Values // Philosophy and Phenomenological Research. 1971. Vol. 32. No. 1. P. 29–41.
348. Hartman J.R. In Defense of Moral Luck. Why Luck Often Affects Praiseworthiness and Blameworthiness. NY: Routledge, 2017. 152 p.
349. Hartman R.S. Axiology as a science // Philosophy of Science. 1962. Vol. 29. No. 4. P. 412–433.
350. Hartman R.S. The definition of good: Moore's axiomatic of the science of ethics. Proceedings of the Aristotelian Society New Series. 1964-1965. Vol. 65. P. 235–256.
351. Hartman R.S. Formal axiology and the measurement of values // The Journal of Value Inquiry. 1967. Vol. 1. P. 38–46.
352. He H., Harrisb L. The impact of Covid-19 pandemic on corporate social responsibility and marketing philosophy // Journal of Business Research. 2020. No. 116. P. 176–182.

353. Hermann E. Leveraging Artificial Intelligence in Marketing for Social Good – An Ethical Perspective // *Journal of Business Ethics*. 2022. No. 179. P. 43–61.
354. Hinojo-Lucena F.-J. et al. Artificial Intelligence in Higher Education: A Bibliometric Study on its Impact in the Scientific Literature // *Education sciences*. 2019. Vol. 9. Issue 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/9/1/51> (дата обращения: 10.10.2021).
355. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills: SAGE Publications Inc., 1980. 328 p.
356. Hofstede G. Values Survey Module. [Электронный ресурс] URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 01.02.2023).
357. Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education Promises and Implications for Teaching and Learning*. Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. 37 p.
358. Hurst C.G. A Meaningful Score: Hartman v. Rokeach // *Journal of Formal Axiology: Theory and Practice*. 2009. Vol. 2. P. 79–96.
359. Jackson B.R. et al. The Ethics of Artificial Intelligence in Pathology and Laboratory Medicine: Principles and Practice // *Academic Pathology*. 2021. Vol. 8. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2374289521000518?via%3Dihub> (дата обращения: 10.01.2022).
360. Jackson M.C. Bogdanov, Pragmatism, and the Future of Systems Thinking and Cybernetics // *Вопросы философии*. 2022. № 10. С. 204–207.
361. Janis I.L. *Victims of Groupthink*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1972. 273 p.
362. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // *Nature Machine Intelligence*. 2019. Vol. 1. P. 389–399.
363. Jovanovic J., Saqr M., Joksimovic S., Gasevic D. Students matter the most in learning analytics: The effects of internal and instructional conditions in predicting academic success // *Computers & Education*. 2021. Vol. 172. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131521001287> (дата обращения: 10.01.2022).

364. Karnouskos S. Symbiosis with artificial intelligence via the prism of law, robots, and society // *Artificial Intelligence and Law*. 2022. No. 30. P. 93–115.
365. Kavilova T., Muratova G. Education in the digital age: realities, contexts, cultures // *Galaxy International Interdisciplinary Research Journal*. 2022. Vol. 10. Issue 2. P. 360–366.
366. Kegley J. The “Ethical Subject/Agent” as “Rational Individual” but also as So Much More! // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 116–129.
367. Kerr A., Barry M., Kelleher D.J. Expectations of artificial intelligence and the performativity of ethics: Implications for communication governance // *Big Data & Society*. 2020. No. 7 (1). [Электронный ресурс] URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2053951720915939> (дата обращения: 10.01.2022).
368. Kloeg J. Insisting on Action in Education: Students are Unique but not Irreplaceable // *Studies in Philosophy and Education*. 2020. No. 39. P. 549–558.
369. Kochenderfer M.J., Wheeler T.A., Wray K.H. *Algorithms for Decision Making*. Cambridge: The MIT Press, 2022. 650 p.
370. Kochupillai M., Lütge C., Poszler F. Programming Away Human Rights and Responsibilities? “The Moral Machine Experiment” and the Need for a More “Humane” AV Future // *Nanoethics*. 2020. No. 14. P. 285–299.
371. Komatsu H., Rappleye J., Silova I. Student–Centered Learning and Sustainability: Solution or Problem? // *Comparative Education Review*, February 2021. Vol. 65. No. 1. P. 6–33.
372. Kornilov I.B., Danilov D.A., Kornilova A.G., Golikov A.I., Gosudarev I.B. Different Approaches to the Development of Online Learning in Higher Education // *Propósitos y Representaciones*, 2020. Vol. 8. [Электронный ресурс] URL: <https://revistas.usil.edu.pe/index.php/pyr/article/view/706/1053> (дата обращения: 10.01.2022).
373. Koselleck R. Some Questions Concerning the Conceptual History of “Crisis” // Witoszek N., Tragardh L. (eds.) *Culture and Crisis. The Case of Germany and Sweden*. Oxford: Berghahn Books, 2003. P. 12–23.

374. Koselleck R. The practice of conceptual history: timing history, spacing concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.
375. Košmerl T., Mikulec B. 'You have to run it like a company': The marketisation of adult learning and education in Germany and Slovenia // *European Journal for Research on the Education and Learning of Adults*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 47–63.
376. Kotlyarova V.V., Roudenko A.M., Shubina M.M. Shestakov Y.A. Explication of the Methodological Difficulties of Modern Axiology // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 3 (S1). P. 477–482.
377. Kroes P., Meijers A.W.M. Toward an Axiological Turn in the Philosophy of Technology // Franssen, M., Vermaas, P., Kroes, P., Meijers, A. (eds.) *Philosophy of Technology after the Empirical Turn*. *Philosophy of Engineering and Technology*. Vol. 23. Cham: Springer, 2016. P. 11–30.
378. Laakso N.L., Korhonen T.S., Hakkarainen K.P.J. Developing students' digital competences through collaborative game design // *Computers & Education*. 2021. No. 174. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131521001858> (дата обращения: 10.01.2022).
379. Larsson S. On the Governance of Artificial Intelligence through Ethics Guidelines // *Asian Journal of Law and Society*. 2020. No. 7. P. 437–451.
380. Leben D. *Ethics for robots: how to design a moral algorithm*. Abingdon: Routledge, 2018. 158 p.
381. Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2018. Vol. 47. Issue 2. P. 249–261.
382. Lepskiy V. Philosophical-Methodological Basis for the Formation of Third-Order Cybernetics. // *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10. P. 7–36.
383. Lepskiy V. Reflexive Self Organizing Decision Support Systems for Development Governance // *International Journal of Engineering & Technology*. 2016. Vol. 7. No. 2.28. P. 255–258.
384. Lewis R.D. *When Cultures Collide: Leading Across Cultures*. London: Nicholas Brealey Publishing, 2006. 591 p.

385. Lijadi A.A. What are universally accepted human values that define ‘a good life’? Historical perspective of value theory. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2019. 30 p.
386. Lohne K. Ethical capacity and its challenges in the academy of science: historical continuities and contemporary violence // *Biologia Futura*. 2021. No. 72 (2). P. 155–160.
387. Lohr A. et al. On powerpointers, clickerers, and digital pros: investigating the initiation of digital learning activities by teachers in higher education // *Computers in Human Behavior*. 2021. No. 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563221000376?via%3Dihub> (дата обращения: 10.01.2022).
388. Ma W. et al. Intelligent tutoring systems and learning outcomes: a meta-analysis // *Journal of Educational Psychology*. 2014. Vol. 106. No. 4. P. 901–918.
389. Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press, 1962. 416 p.
390. Magrani E. New perspectives on ethics and the laws of artificial intelligence, *Internet Policy Review* // *Journal on internet regulation*. 2019. Vol. 8. Issue 3. [Электронный ресурс] URL: <https://policyreview.info/pdf/policyreview-2019-3-1420.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).
391. Mancilla R.G. Introduction to Sociocybernetics (Part 1): Third Order Cybernetics and a Basic Framework for Society // *Journal of Sociocybernetics*. 2011. No. 9. P. 35–56.
392. Mason M. *Complexity Theory and the Philosophy of Education*. Hoboken: A John Wiley & Sons Ltd., 2008. 239 p.
393. Maturana H., Varela F. *Autopoiesis: the organization of the living (1973)* // Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition*. Dordrecht: Springer, 1980. P. 63–134.
394. McGrath J., Gupta A. Writing a Moral Code: Algorithms for Ethical Reasoning by Humans and Machines // *Religions*. 2018. Vol. 9. Issue 8. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/8/240> (дата обращения: 01.02.2021).

395. McGregor S.L.T. Transdisciplinary axiology: To be or not to be? // *Integral Leadership Review*. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://integralleadershipreview.com/3388-transdisciplinary-axiology-to-be-or-not-to-be/> (дата обращения: 02.02.2021).
396. Merriam-Webster.com Dictionary. Merriam-Webster. [Электронный ресурс] URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (дата обращения: 01.12.2021).
397. Meyer S. et al. Responsibility in Hybrid Societies: concepts and terms // *AI and Ethics*. 2023. No. 3. P. 25–48.
398. Molotkienė E. Rethinking Radical Imagination: Ethics of Artificial Intelligence // *Baltic J. Modern Computing*. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 444–453.
399. Moore T.W. An Introduction. *Philosophy of education*. Vol. 14. London: Routledge Taylor & Francis Group, 1982. 63 p.
400. Munoz-Carril P.-C. et al. Factors influencing students' perceived impact of learning and satisfaction in Computer Supported Collaborative Learning // *Computers & Education*. 2021. No. 174. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131521001871?via%3Dihub> (дата обращения: 01.10.2022).
401. Murphy K. et al. Artificial intelligence for good health: a scoping review of the ethics literature // *BMC Med Ethics*. 2021. No. 22. [Электронный ресурс] URL: <https://bmcmmedethics.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12910-021-00577-8> (дата обращения: 02.10.2022).
402. Nicholas G., Foote J., Kainz K., Midgley G., Prager K., Zurbriggen C. Towards a heart and soul for co-creative research practice: a systemic approach // *Evidence & Policy*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 353–370.
403. Nikou S., Aavakare M. An assessment of the interplay between literacy and digital technology in higher education // *Education and Information Technologies*. 2021. No. 26. P. 3893–3915.
404. Novikov D.A. *Cybernetics: from Past to Future*. Heidelberg: Springer, 2016. 107 p.

405. Ogburn W.F. Social change. With respect to culture and original nature. New York: B.W. Huebsch, 1923. 365 p.
406. Packer D.J. Avoiding Groupthink: Whereas Weakly Identified Members Remain Silent, Strongly Identified Members Dissent About Collective Problems // Psychological Science. 2009. Vol. 20. Issue. 5. P. 546–548.
407. Paetau M. Niklas Luhmann and Cybernetics // Journal of Sociocybernetics. 2014. Vol. 11. No. 1/2. P. 75–103.
408. Perko I. Hybrid reality development – can social responsibility concepts provide guidance? // Kybernetes. 2020. Vol. 50. No. 3. P. 676–693.
409. Piano L.S. Ethical principles in machine learning and artificial intelligence: cases from the field and possible ways forward // Humanities and Social Sciences Communications. 2020. No. 7. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-020-0501-9> (дата обращения: 01.10.2022).
410. Porat M. The Information Economy: Definition and Measurement. Washington: National Science Foundation, 1977. 319 p.
411. Pormore W.D. Commonsense Consequentialism. Wherein Morality Meets Rationality. Oxford: Oxford University Press, 2011. 266 p.
412. Pring R. Philosophy of education: Aims, Theory, Common Sense and Research. London: Continuum, 2004. 280 p.
413. Raddall U. Understanding human values – The key to organizational effectiveness // South African Journal of Business Management. 1984. Vol. 15. No. 2. P. 121–127.
414. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris: UNESCO, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 01.02.2023).
415. Roberts H. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // AI & Society. 2021. No. 36. P. 59–77.
416. Røe Y, Wojniusz S, Bjerke A.H. The Digital Transformation of Higher Education Teaching: Four Pedagogical Prescriptions to Move Active Learning Pedagogy

- Forward // *Frontiers in Education*. 2022. Vol. 6. [Электронный ресурс] URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2021.784701/full> (дата обращения: 01.02.2023).
417. Rokeach M. *Beliefs, attitudes, and values: A theory of organization and change*. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 239 p.
418. Rokeach M. *Understanding Human Values*. New York: The Free Press, 1979. 322 p.
419. Roszak Th. *The Making of a Counter Culture: Reflections on the Technocratic Society and Its Youthful Opposition*. New York: Anchor Books, Doubleday & Company Inc., 1969. 304 p.
420. Rozin V. The Pandemic, the Crisis of Modernity, and the Need for a New Semantic Project of Civilization // *Philosophy and Cosmology*. 2020. Vol. 25. P. 32–42.
421. Ryan M. In *AI We Trust: Ethics, Artificial Intelligence, and Reliability // Science and Engineering Ethics*. 2020. No. 26. P. 2749–2767.
422. Ryan M., Stahl C.B. Artificial intelligence ethics guidelines for developers and users: clarifying their content and normative implications // *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 61–86.
423. Sadovsky V.N., Kelle V.V. Foreword / in: Dudley P (ed.) *Bogdanov's tektology*. Hull: Centre for Systems Studies, University of Hull, 1996. 322 p.
424. Sailer M. et al. Contextual facilitators for learning activities involving technology in higher education: The Cb–model // *Computers in Human Behavior*. 2021. No. 121. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563221001175?via%3Dihub> (дата обращения: 01.10.2022).
425. Schonherr J., Westra E. Beyond ‘Interaction’: How to Understand Social Effects on Social Cognition // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2019. Vol. 70. Issue 1. P. 27–52.
426. Schwaninger M. System dynamics and the evolution of the systems movement // *Systems Research and Behavioral Science*. 2006. Vol. 23. Issue 5. P. 583–594.
427. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*. 2012. Vol. 2. Issue 1. P. 10–20.

428. Schwartz S. H. *Basic Human Values: Theory, Methods, and Applications*, Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2007. 19 p.
429. Shanks J.D. *Toward a Contemplative Technopedagogy Framework: A Discourse Analysis* // *Frontiers in Education*. 2020. Vol. 5. [Электронный ресурс] URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2020.553212/full> (дата обращения: 01.02.2021).
430. Siguencia L.O. *Education and quality of life in senior citizens*. Helsinki: University Palmenia Centre for Continuing Education, 2015. 117 p.
431. Sinnott-Armstrong W. *Consequentialism*. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2021 Edition). [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/consequentialism> (дата обращения: 10.10.2022).
432. Sismondo S. *An introduction to science and technology studies*. Hoboken: Blackwell Publishing Ltd, 2010. 244 p.
433. Smakman M., Vogt P., Konijn E.A. *Moral considerations on social robots in education: A multi-stakeholder perspective* // *Computers & Education*. 2021. No. 174. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131521001949?via%3Dihub> (дата обращения: 01.02.2022).
434. Smith P.B., Dugan S., Trompenaars F. *National culture and the values of organizational employees* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1996. Vol. 27. Issue 2. P. 231–264.
435. Stahl B.C. et al. *Artificial intelligence for human flourishing – Beyond principles for machine learning* // *Journal of Business Research*. 2021. No. 124. P. 374–388.
436. Stahl B.C. et al. *Organisational responses to the ethical issues of artificial intelligence* // *AI & Society*. 2022. P. 23–37.
437. Sterelny K. *Cooperation, Culture, and Conflict* // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2016. Vol. 67. Issue 1. P. 31–58.
438. Sterelny K., Fraser B. *Evolution and Moral Realism* // *British Journal for the Philosophy of Science*. 2016. Vol. 68. Issue 4. P. 981–1006.

439. Stewart-Sicking AJ. Virtues, Values, and the Good Life: Alasdair MacIntyre's Virtue Ethics and Its Implications for Counseling // *Counseling and Values*. 2008. Vol. 52. P. 156–171.
440. Stiegler B. The Theater of Individuation: Phase-Shift and Resolution in Simondon and Heidegger // *Parrhesia*. 2009. No. 7. P. 46–57.
441. Stix C. Actionable Principles for Artificial Intelligence Policy: Three Pathways // *Science and Engineering Ethics*, 2021. No. 27. [Электронный ресурс] URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11948-020-00277-3> (дата обращения: 10.12.2022).
442. Šubrt J. Niklas Luhmann's system theory: A critical analysis // *Вопросы истории, теории и методологии* // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2019. № 4. С. 607–616.
443. Tamm M., Simon Z.B. Historical Thinking and the Human: Introduction // *Journal of the Philosophy of History*. 2020. No. 14. P. 285–309.
444. Terzieva V. et al. Towards a Design of an Intelligent Educational System // *IFAC PapersOnLine*. 2021. Vol. 54. Issue 13. P. 363–368.
445. The Ethical Norms for the New Generation Artificial Intelligence, China. Beijing: International Research Center for AI Ethics and Governance. [Электронный ресурс] URL: <https://ai-ethics-and-governance.institute/2021/09/27/the-ethical-norms-for-the-new-generation-artificial-intelligence-china/> (дата обращения: 10.10.2022).
446. Thiebes S., Lins S., Sunyaev A. Trustworthy artificial intelligence // *Electronic Markets*. 2021. No. 31. P. 447–464.
447. Thorndike L. A history of magic and experimental science during the first thirteen centuries of our era. Vol. 1. New York: The Macmillan Company, 1929. 835 p.
448. Tiku N. Google fired engineer who said its AI was sentient // *The Washington Post*. July 22, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/07/22/google-ai-lamda-blake-lemoine-fired> (дата обращения: 12.12.2022).

449. Toynbee A. *Mankind and Mother Earth. A Narrative History of the World*. New York: Oxford University Press, 1976. 684 p.
450. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. *Riding the Waves of Culture. Understanding Cultural Diversity in Business*. London: Nicholas Brealey Publishing, 2000. 275 p.
451. Tsai C.C. et al. Impacts of AIOT Implementation Course on the Learning Outcomes of Senior High School Students // *Education sciences*. 2021. Vol. 11. Issue 2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/11/2/82> (дата обращения: 10.10.2022).
452. Tsamados A., Aggarwal N., Cowls J., Morley J., Roberts H., Taddeo M., Floridi L. The ethics of algorithms: key problems and solutions // *AI & Society*. 2022. No. 37. P. 215–230.
453. Umpleby S.A., Medvedeva T.A., Lepskiy V. Recent Developments in Cybernetics, from Cognition to Social Systems // *Cybernetics and Systems*. 2019. Vol. 50. Issue 4. P. 367–382.
454. Vythilingam R. et al. The Ethical Acceptability of Artificial Social Agents, Extended Abstract // *Proceedings of the 20th International Conference on Autonomous Agents and Multiagent Systems*. 2022. P. 1753–1755.
455. Wang J., Han M., Wang W. Research on the Evolution and Classification of Digital Learning Resources // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 428. International Conference on Education, Economics and Information Management (ICEEIM 2019). 2020. P. 92–100.
456. Webster F. *Theories of the Information Society*. Abingdon, Oxon: Routledge, Taylor & Francis, 2006. 314 p.
457. Wekerle C., Daumiller M., Kollar I. Using digital technology to promote higher education learning: The importance of different learning activities and their relations to learning outcomes // *Journal of Research on Technology in Education*. 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15391523.2020.1799455?scroll=top&needAccess=true&role=tab> (дата обращения: 01.02.2021).

458. Wiener N., *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*. New York: The M.I.T. Press and John Wiley & Sons, Inc., 1961. 212 p.
459. Winch C., Gingell J. *Philosophy of education: The Key Concepts*. New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. 257 p.
460. Xavier M. A Kalieodoscopic View of Cultural Lag and Society // *Paripex – Indian Journal of Research*. 2016. Vol. 5. Issue 3. P. 371–372.
461. Yablonsky S.A. *Multidimensional Data-Driven Artificial Intelligence Innovation*. // *Technology Innovation Management Review*. 2019. No. 9 (12). P. 16–28.
462. Yang C.C.Y., Chen I.Y.L., Ogata H. *Toward Precision Education: Educational Data Mining and Learning. Analytics for Identifying Students' Learning Patterns with Ebook Systems* // *Educational Technology & Society*. 2021. No. 24 (1). P. 152–163.
463. Yara O., Brazheyev A., Golovko L., Bashkatova V. *Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence: Problems and Development Prospects* // *European Journal of Sustainable Development*. 2021. No. 10 (1). P. 281–289.
464. Zhai X. *Practices and Theories: How Can Machine Learning Assist in Innovative Assessment Practices in Science Education* // *Journal of Science Education and Technology*. 2021. Vol. 30. Issue 2. P. 139–149.
465. Zhurenkov D.A., Trushkova Y.A. *Post–non–classical discourse of civilizations as a self-developing poly-subject environment for improving the mechanisms of international stability* // *IFAC-PapersOnLine*. 2019. Vol. 52. Issue 25. P. 349–354.
466. Zi-Yu Liu, Chubarkova E., Kharakhordina M. *Online Technologies in STEM Education* // *iJET*. 2020. Vol. 15. No. 15. P. 20–32.